

# **ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА**

**Великий Октябрь и революционный процесс  
в странах Азии и Африки**

**БАМ: путь в будущее**

**Исторический съезд вьетнамских коммунистов**

**Морские транспортные связи советского  
Дальнего Востока**

**Политический кризис в Японии**

**V съезд КПК и уроки революции**

**2**

**1977**

## СОДЕРЖАНИЕ

- 3 Великий Октябрь и революционный процесс в странах  
Азии и Африки  
*Р. А. Ульяновский*

## ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

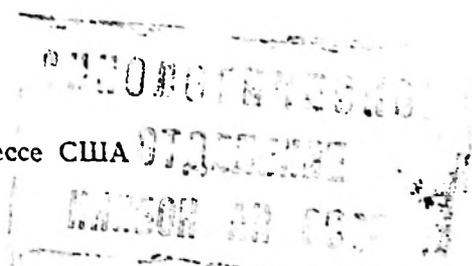
- 22 БАМ: путь в будущее  
*В. А. Александров*
- 35 Морские транспортные связи советского Дальнего  
Востока  
*Т. Б. Гуженко*
- 48 Исторический съезд вьетнамских коммунистов  
*И. А. Осотов,  
С. И. Иваньшин*
- 58 Политический кризис в Японии  
*Д. В. Петров*
- 80 АСЕАН: тенденции политического развития  
*Ю. А. Плеханов*
- 96 Антинародная политика южнокорейского режима  
*В. Д. Тихомиров*
- 109 Научно-техническая революция и усиление эксплуатации  
наемного труда в Японии  
*В. Н. Хлынов*

## ИДЕОЛОГИЯ

- 122 Философская школа «Цзися»  
*Ф. С. Быков*

## КОММЕНТАРИИ

- 134 Сеульское лобби в конгрессе США  
*В. И. Денисов*



5-4-212

## ИСТОРИЯ

- 137 V съезд КПК и уроки революции 1925—1927 гг.  
*В. И. Глушин*  
Ли Да-чжао — первый пропагандист марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма в Китае (к 50-летию со дня гибели)  
*В. А. Кривцов,*  
150 *В. А. Краснова*  
Из истории Коммунистического университета трудящихся Китая  
169 *Г. В. Ефимов*

## КУЛЬТУРА И НАУКА

- 176 Успехи развития науки в МНР  
*Б. Ширендыб (МНР)*

## ПУБЛИКАЦИИ

- 184 Путевые заметки о новой России  
*Цюй Цю-бо*

## ОЧЕРКИ И СООБЩЕНИЯ

- 196 Гуанчжоуская ярмарка  
*Б. К. Отрадных,*  
*Ю. С. Владимов*

## КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- 201 Форпост социализма в Юго-Восточной Азии  
*Д. М. Поспелов*  
204 Глазами очевидца  
*Л. С. Суханов*  
208 КНДР стронг социализм  
*Ю. И. Огнев*  
Механизм коррупции: японский журналист о «деле Локхид»  
211 *А. А. Макаров*  
215 ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

Адрес редакции: Москва, 117218,  
ул. Кржижановского, д. 14, корп. 2,  
тел. 127-08-49

© «Проблемы  
Дальнего Востока»,  
1977

### РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. И. СЛАДКОВСКИЙ (и. о. главного редактора),  
В. А. АРХИПОВ (зам. главного редактора),  
Г. В. АСТАФЬЕВ, Р. С. БЕЛОУСОВ,  
Г. А. БОГДАНОВ, Г. В. ЕФИМОВ, М. С. КАПИЦА,  
В. А. КРИВЦОВ, К. М. ПОПОВ, О. Б. РАХМАНИН,  
Б. В. САГАРЕВ (отв. секретарь), В. М. СОЛНЦЕВ,  
М. Л. ТИТАРЕНКО, С. Л. ТИХВИНСКАЯ,  
Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ, Н. Т. ФЕДОРЕНКО

## **Великий Октябрь и революционный процесс в странах Азии и Африки**

*Р. А. Ульяновский,  
доктор экономических наук, профессор*

**В**еликая Октябрьская социалистическая революция открыла новые возможности и перспективы развития национально-освободительной борьбы в колониальных и полуколониальных странах. Ее прямым результатом явились резкое ослабление империалистического господства, распад колониальной системы, приведшие к возникновению десятков новых независимых государств Азии и Африки. Ни одна другая революция, ни одна другая страна никогда не оказывали столь мощной, систематической и всесторонней поддержки национально-освободительному движению, как это делало на протяжении 60 лет Советское государство, рожденное Октябрьской революцией.

С первых же дней Октябрьской революции между советским народом и угнетенными народами Востока сложились отношения прочной дружбы и глубокого взаимного понимания. Советское государство строит свои отношения с освободившимися народами на принципах мира, свободы, равноправия, дружбы и взаимопомощи. История взаимоотношений Советского государства с народами Азии, Африки и Латинской Америки не знает и, естественно, не могла знать ни одного факта, в котором проявилось бы стремление первого социалистического государства к захвату земель или богатств других народов, столь присущее природе всех капиталистических стран на протяжении четырех веков колониальной экспансии европейских государств, Японии и двухвековой истории США. Цели и намерения Советского государства во взаимоотношениях с освободившимися народами всегда были предельно ясны и чисты. В советской внешней политике никогда не присутствовало и не присутствует «доктрина» закабаления стран Востока. Советский Союз не искал и не ищет на зарубежном Востоке «вакуумов» для организации военно-стратегических плацдармов и сколачивания агрессивных блоков.

Основатель Советского социалистического государства В. И. Ленин, Коммунистическая партия Советского Союза всегда учили советских людей оказывать народам Азии, Африки и Латинской Америки всемерную помощь в их освободительной борьбе, в социальном обновлении их общества, в реконструкции национальной экономики, в занятии достойного места в международной политике.

Большая часть территории Советского Союза расположена в Азии. Десятки народов зарубежного Востока издревле были соседями России, а сейчас являются соседями великой социалистической державы — Советского Союза.

Освободившиеся от колониализма народы и продолжающие бороться против него образовали вместе с Советским Союзом, странами социалистического содружества, с международным рабочим движением самую могучую силу современности, отстаивающую дело независимо-

сти, мира, безопасности народов и их социального прогресса. Они энергично осуществляют ломку колониальных, но подновленных неокOLONИализмом, устаревших мировых хозяйственных связей, основанных на экономическом господстве империалистов и выгодных только им.

XXV съезд КПСС выдвинул в качестве ближайшей исторической задачи полную и окончательную ликвидацию последних очагов колониализма и расизма. КПСС на своем съезде возвестила наступление новой исторической эпохи в международных политических и экономических отношениях — решительную смену старых колониальных принципов в международной политике и соответствующих им хозяйственных связей и установление новых прогрессивных, антиколониалистских принципов, осуществление которых может повести к полному политическому и экономическому равноправию всех народов мира.

За первопроходцем социализма — Советским Союзом, отмечающим свое 60-летие, — вслед за социалистическим содружеством на путь перехода к обществу социалистического прогресса становятся многие арабские, африканские, азиатские страны социалистической ориентации.

Еще раз подтверждается величайшее значение и неослабевающее влияние Великой Октябрьской социалистической революции через 60 лет после ее свершения на десятки и сотни народов и народностей, разорвавших цепи колониального рабства.

\* \* \*

В своей великой деятельности по совершению социалистической интернациональной революции против империализма<sup>1</sup> основатель Коммунистической партии и Советского государства В. И. Ленин постоянно обращался к народам Востока. Там В. И. Ленин предугадывал наступление мощной революционной волны, которой, в конечном счете, суждено было смести систему колониальной эксплуатации. «За период пробуждения Востока в современной революции наступает период участия всех народов Востока в решении судеб всего мира, чтобы не быть только объектом обогащения, — говорил В. И. Ленин. — Народы Востока просыпаются к тому, чтобы практически действовать и чтобы каждый народ решал вопрос о судьбе всего человечества»<sup>2</sup>. Когда на огромных пространствах Азии и Африки еще только вызревали силы протеста, Ленин увидел в антиколониальных движениях угнетенных народов вулкан, который будет извергать лаву ненависти против империализма: на арену мировой политики будут выходить все новые и новые народы, поднимающиеся на борьбу за свободу и независимость. Ленин сумел определить направление и историческую перспективу антиколониальных движений, их место в мировом революционном процессе. Он установил, что, выступая против эксплуатации, подрывая господство империализма, они действуют в том же направлении, что и первая победившая социалистическая революция, гигантски активизировавшая национально-освободительную борьбу и рабочий класс развитых капиталистических стран, и являются их естественными союзниками. В. И. Ленин, высоко оценивая революционно-демократический потенциал национально-освободительных движений и подчеркивая роль трудящихся масс в этих движениях, предсказал возможность их перехода на антикапиталистические позиции. Отсюда — ленинская идея

<sup>1</sup> См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 328.

<sup>2</sup> В. И. Ленин. Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 328.

прочного союза между силами социализма и национально-освободительного движения в их обоюдных интересах. «Теперь нашей Советской республике предстоит сгруппировать вокруг себя все просыпающиеся народы Востока, чтобы вместе с ними вести борьбу против международного империализма»<sup>3</sup>, — говорил Ленин.

В те далекие послеоктябрьские годы национально-освободительное движение народов Азии и Африки только еще вступало в решающую стадию. Но именно тогда Лениным была завершена разработка принципиальных основ политики коммунистов по национально-колониальному вопросу.

В. И. Ленин развил ряд важнейших методологических принципов стратегии и тактики коммунистических партий, принципов, научно доказанных, к настоящему времени проверенных и испытанных на опыте и потому приобретших всеобщее значение, — для всех этапов и зон антиимпериалистического революционного процесса. К числу таких принципов деятельности компартий относятся ленинские установки на неуклонную верность коммунистов знамени пролетарского интернационализма; на работу «там, где есть масса»<sup>4</sup>, на воспитание масс на их собственном политическом опыте; на последовательную борьбу за привлечение массовых союзников из непролетарских эксплуатируемых классов; на создание единого фронта антиимпериалистических сил, возможный состав которого определяется характером данного этапа революционного процесса; на авангардное участие в демократических и антиимпериалистических революциях; на использование политического раскола правящих классов; на учет фактического уровня сознательности масс и специфики местных условий; на решительный отказ от преждевременных, неподготовленных выступлений, которые могут привести к массовому истреблению трудящихся и затормозить революцию; на сохранение и отстаивание политической самостоятельности коммунистов.

Важнейшие методологические выводы В. И. Ленина в области научных основ коммунистической стратегии и тактики были сделаны на базе марксистской теории и анализа всемирных социально-экономических и политических процессов эпохи умирающего капитализма. Применительно к Востоку такие выводы принимали и принимают специфическую форму, но это ни в коей мере не отрицает их широкой применимости. Так, принцип выдвижения основной стратегической задачи, соответствующей развертываемому этапу революционного процесса, на колониальном Востоке реализовался в политике единого национального антиимпериалистического фронта, а принцип учета реального уровня политической сознательности трудящихся находил, в частности, выражение в максимальной осторожности при подходе к глубоко укоренившимся религиозным и националистическим позициям. Методологические указания В. И. Ленина о характере и задачах коммунистических партий, принципах их стратегии и тактики, рассчитанные на целую историческую эпоху перехода к социализму, имели и имеют основополагающее значение для борцов за независимый и социальный прогресс, действующих в условиях как развитых капиталистических обществ, так и в угнетенных странах (подчеркнем, что учет специфики местных условий также относится к числу общих методологических указаний).

<sup>3</sup> В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 329.

<sup>4</sup> В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 36.

В. И. Ленин установил, что с того времени, когда капитализм вступил в свою последнюю стадию — эпоху империализма, возникло всемирное разделение наций на угнетающие и угнетенные; при этом население угнетенных империализмом стран составляет гигантское большинство человечества. Эта масса угнетенных представляет собой одну из трех мощных мировых сил, ведущих борьбу против империализма, к числу которых относятся и рабочий класс угнетающих стран и страна — тогда единственная при Ленине — победоносной пролетарской революции. Страна Советов — детище мирового пролетариата — образует авангард наступления на империализм. Обе другие антиимпериалистические силы группируются вокруг нее.

После победы Великого Октября, в результате его воздействия на мировой революционный процесс, в угнетенных странах в двадцатых и начале тридцатых годов возникло организованное коммунистическое движение. В. И. Ленин ориентировал молодых коммунистов Востока на то, чтобы они, руководствуясь научной теорией и общими методологическими установками марксистской стратегии и тактики, учитывая местные условия, формировали передовые отряды пролетариата — коммунистические партии и группы, приступили к решению «первейшей и необходимой задачи» — к созданию массовых непартийных организаций трудового народа, выступали организаторами классовой борьбы рабочих и крестьян, соединяли научный социализм с пролетарским движением и пропагандировали его идеи в широких массах, самым последовательным и решительным образом выступали за развертывание в их странах демократического (антиимпериалистического и антифеодалого) этапа революции. В числе задач, поставленных Лениным перед коммунистами Востока, — установление связи освободительной борьбы миллионов трудящихся колониальных и полуколониальных стран с международным коммунистическим движением, Страной Советов, с рабочим движением метрополий; налаживание правильных политических отношений с крестьянством, составляющим основную массу населения угнетенных стран, борьба за превращение крестьянства в союзника пролетариев; выдвижение на первый план антиимпериалистической стратегической задачи в сочетании с ориентацией на некапиталистический путь развития; заключение политических союзов с национально-революционными и буржуазно-демократическими силами с целью прежде всего «прорыва» к трудящимся массам, идущим за этими силами, и наконец (эту задачу В. И. Ленин выдвигал с особенной четкостью и последовательностью), завоевание, отстаивание, безусловное сохранение политической независимости рабочего и коммунистического движения, его классовой самостоятельности в союзах с непролетарскими антиимпериалистическими силами<sup>5</sup>.

<sup>5</sup> Комплекс задач, вставших перед коммунистами угнетенных стран и перед международным коммунистическим движением в целом, поставлен в ряде ленинских работ и документах Коммунистического Интернационала, разработанных под руководством В. И. Ленина. См. В. И. Ленин. Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 318—331; В. И. Ленин. Первоначальный набросок тезисов по национальному и колониальному вопросам. — Полн. собр. соч., т. 41, стр. 161—168; В. И. Ленин. Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам 26 июля. — Там же, стр. 241—247; В. И. Ленин. Лучше меньше, да лучше. — Полн. собр. соч., т. 45 (о проблемах, непосредственно связанных с теорией национально-колониального вопроса, см. стр. 401—404) и другие ленинские работы. См. также соответствующие документы II Конгресса Коммунистического Интернационала в книге «В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал». М., 1970, стр. 198—204. О «первейшей и необходимой задаче» коммунистов Востока — создании массовых непартийных организаций трудящихся см. В. И. Ленин.

Важное место в общей системе ленинских тактических и стратегических установок, относящихся к политике коммунистов в освободительном движении угнетенных народов, занимают проблемы социалистической перспективы отсталых в экономическом отношении стран, ее связей с перспективой общемирового революционного процесса, ее специфики, отношения коммунистов к другим прогрессивным силам, способным сыграть позитивную роль в преодолении капиталистического развития стран Востока.

Развивая идеи Маркса и Энгельса, В. И. Ленин разработал концепцию о возможности для колониальных, полуколониальных и зависимых стран миновать или существенно сократить капиталистическое развитие. Он показал, что такая возможность возникла лишь с появлением страны победившего пролетариата и что важнейшим внутренним условием ее реализации является политическая активность и самостоятельность трудящихся масс Востока, развитию которой коммунисты должны всемерно содействовать.

Возможность для угнетенных стран миновать капитализм как общественную формацию В. И. Ленин не связывал непосредственно с приходом компартий к власти в этих странах. Он доказал, что при помощи и содействии международного рабочего класса и в первую очередь страны победоносного пролетариата отход от капиталистического пути развития возможен в результате борьбы массовых народных организаций, в создании и деятельности которых активнейшее участие должны принять коммунисты (что являлось в тех условиях их первой и необходимой задачей). При политическом строе, основу которого составят массовые организации трудового народа, отсталые страны смогут прийти к коммунизму «через определенные ступени развития». Такой путь В. И. Ленин непосредственно связывал с необходимостью для коммунистов «образовать самостоятельные кадры борцов, партийные организации»<sup>6</sup>. Создание самостоятельных кадров борцов, партийных организаций, деятельность массовых народных организаций, в том числе крестьянских советов; помощь победоносного пролетариата — таковы были условия некапиталистического развития, намеченные В. И. Лениным<sup>7</sup>.

То обстоятельство, что впоследствии в угнетенных странах капитализм продолжал развиваться, не изменило принципиальную постановку проблемы о возможности некапиталистического развития; ведь нигде (кроме Японии) в Азии и Африке капиталистический уклад не стал повсеместно господствующим, хотя в ряде стран за истекшие полвека занял ведущее место. Говоря о возможности миновать или сократить капиталистическую стадию развития, Ленин не выделял какую-либо группу особенно отсталых стран; он имел в виду страны, в экономике которых доминировали докапиталистические отношения; он намечал идею создания массовых народных организаций «всюду и везде, и в отсталых странах и в колониях» (речь шла отнюдь не только об окраинах бывшей царской империи, но и о колониях западных империалистических держав), у «отсталых народов, которые теперь освобождаются и в среде которых теперь, после войны, замечается движение по пути прогресса»<sup>8</sup>. Не сделал Ленин исключения и для такой сравнительно развитой страны Востока, как Индия (между тем, еще очень

Поли. собр. соч., т. 41, стр. 244—246, а также «В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал», стр. 204.

<sup>6</sup> В. И. Ленин. Поли. собр. соч., т. 41, стр. 246.

<sup>7</sup> Там же, стр. 245—247.

<sup>8</sup> Там же, стр. 245—246.

многие страны Востока и теперь не поднялись на уровень развития Индии 1920 г.), которая по статистике Лиги наций находилась тогда в первой десятке развитых промышленных стран. Объединяющими моментами для тех стран, о которых говорил Ленин, было империалистическое угнетение и господство докапиталистических отношений (хотя и намечалось «движение по пути прогресса»). Стало быть, говоря о «миновании» капитализма, Ленин употреблял этот термин в широком смысле, включающем понятие и «прерыва» развития капитализма, то есть существенного сокращения его стадий.

Жизнь подтвердила предвидение В. И. Ленина. Впоследствии к социалистической ориентации перешли страны с различными уровнями зрелости капиталистических отношений. Общим для всех этих стран в этом смысле было лишь то, что в них проходил процесс первоначального капиталистического накопления, сложения капиталистической мануфактуры, развития торгового и ростовщического капитала, компрадорской буржуазии, первые фазы промышленного развития, что ни в одной из них капиталистический уклад не был господствующим. Пока в той или иной отставшей в экономическом отношении стране такое положение сохраняется, путь к некапиталистическому развитию для нее отнюдь не закрыт. Однако возможность еще не действительность, и тот факт, что Ленин установил возможность для отставших в экономическом отношении стран миновать капитализм, отнюдь не означал, то, по его мнению, этот путь единственный и потому универсальный, то все такие страны пойдут по этому пути. С другой стороны, из того, что стран, развивающихся по некапиталистическому пути, все еще сравнительно немного, само по себе отнюдь не вытекает, что историческое развитие уже закрывает возможность выхода освободившихся стран на этот путь.

Ленинская теория некапиталистического развития явилась дальнейшим развитием учения о всемирно-исторической роли пролетариата в условиях новой расстановки и нового соотношения социально-политических сил в глобальном масштабе, о стратегии международного коммунистического движения по национально-колониальному вопросу. Революционный рабочий класс развитых стран Запада и в первую очередь победоносный пролетариат России, по мнению В. И. Ленина, оказывают помощь трудовому народу угнетенных стран в переходе на новый, некапиталистический путь. Коммунистам в самих этих странах предстоит развернуть работу в народных организациях и оказать на них воздействие, пробуждая и развивая в массах «стремление к самостоятельному политическому мышлению и к самостоятельной политической деятельности»<sup>9</sup>. На определенных ступенях развития, при переходе от режимов, руководимых революционными некоммунистическими организациями, к социализму, рабочий класс будет играть возрастающую роль и социалистическое переустройство общества будет осуществлено на основе научного социализма.

В. И. Ленин вел борьбу против ревизионистского, сектантского извращения коммунистической политики на Востоке. Одно из важнейших указаний В. И. Ленина по этому поводу содержалось в последнем, двенадцатом тезисе его «Первоначальной наброска» тезисов по национально-колониальному вопросу ко II Конгрессу Коминтерна. Ленин обращал внимание на «обязательность для сознательного коммунистического пролетариата всех стран относиться с особенной осторожностью и с особым вниманием к пережиткам национальных чувств в наиболее

<sup>9</sup> В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 244.

долго угнетавшихся странах и народностях, равным образом обязательность идти на известные уступки в целях более быстрого изживания указанного недоверия и указанных предрассудков»<sup>10</sup>. При этом Ленин исходил из того, что вековое угнетение империализмом оставило в трудящихся массах угнетенных стран недоверие не только к угнетающим нациям вообще, но и к пролетариату этих наций, что условия мелкого земледельческого производства, патриархальности и захолустности ведут к особой силе и устойчивости мелкобуржуазных предрассудков и самых глубоких из них — предрассудков национального эгоизма и ограниченности. В несоблюдении осторожности и гибкости при подходе к национальным чувствам и религиозным верованиям трудящихся масс угнетенных народов Ленин видел опасность левацкого искажения политики единого фронта на Востоке.

В. И. Ленин предостерегал также против курса на «экспорт революции» в восточные страны, который пытались навязать Коммунистическому Интернационалу и РКП(б) не только молодые национал-революционеры Востока, но и троцкисты<sup>11</sup>. В. И. Ленин подходил к вопросу об оказании военной помощи зарубежным коммунистам совершенно иначе: он считал ее возможной только при условии, «если речь действительно идет о революции»<sup>12</sup>, иными словами, если речь идет о сложившихся в той или иной стране внутренних условиях, необходимых для победы развернувшейся революции, для отстаивания ее завоеваний.

Как известно, Ленин и Коминтерн считали необходимым оказывать помощь силам, ведущим национально-революционные освободительные войны. Такая помощь оказывалась Советским правительством борьбе турецкого народа против Антанты в 1920—1922 гг., иранским и афганским революционерам, поднявшимся против британского империализма, китайским антиимпериалистам. Это был большой вклад в дело антиимпериалистической борьбы. Помощь народам в их противоборстве с колониализмом партия большевиков и Коминтерн считали интернациональным долгом. Они принципиально отличали ее от «экспорта революции», который они решительно отвергали.

В. И. Ленин видел опасность искажения политики единого фронта и в торопливых, неподготовленных предложениях об организации коммунистических партий в экономически отсталых странах без достаточной пролетарской базы (в том числе и в государствах, начавших в ту пору развитие по некапиталистическому пути)<sup>13</sup>. Он не исключал, что подобные намерения отражают попытки «перекрашивания» национально-революционных освободительных движений в цвет коммунизма, то есть являются вредной и опасной тенденцией к «перемене вывески». Наряду с этим, он видел ясную перспективу возникновения компартий в связи с формированием и развитием рабочего класса, передовым представителям которого предстояло образовать пролетарское марксистское ядро партии.

Существовала и опасность националистического извращения политики единого антиимпериалистического фронта, выражавшаяся в абсо-

<sup>10</sup> В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 168.

<sup>11</sup> Об этих попытках Троцкого, еще в 1919 г. отвергнутых ЦК РКП(б), см. в книге «Второй конгресс Коминтерна. Разработка конгрессом идейных, тактических и организационных основ коммунистических партий». М., 1972, стр. 32. О резкой критике В. И. Лениным взглядов троцкистов (Е. Преображенского и др.) по этому вопросу см. «Коммунист», 1968, № 5, стр. 39—40.

<sup>12</sup> Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине, т. V, М., 1969, стр. 294.

<sup>13</sup> См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, стр. 233.

лютизации значения «восточного маршрута» мирового революционного процесса. На опасность такого рода В. И. Ленин обратил внимание еще в ходе работы II Конгресса Коминтерна, когда идея единства всех антиимпериалистических сил мира была только что выдвинута Коммунистическим Интернационалом. Материалы работы комиссии конгресса 25 июля 1920 г. показывают, что В. И. Ленин решительно и последовательно выступил против этой националистической опасности.

В ходе борьбы за единый фронт на Востоке имели место и неоднократные попытки подвергнуть ревизии и важнейшие выводы В. И. Ленина о необходимости для коммунистов идти на временный союз с буржуазной демократией угнетенных стран при обязательном сохранении политической самостоятельности их движения и о принципиальной возможности перехода буржуазной демократии колоний на революционные, антиимпериалистические позиции. Некоторые из этих попыток явились вполне объяснимой и даже естественной реакцией молодых, не имеющих достаточного опыта коммунистических кадров на своекорыстную, соглашательскую, а иногда и прямо предательскую политику правого крыла буржуазной демократии Востока.

Что касается троцкистов, то они пытались противопоставить ленинскому курсу на единый антиимпериалистический фронт свою схему «перманентной революции» в ее восточном варианте. Троцкистский подход к перспективам революционного движения на Востоке был антиподом ленинского. В самых общих чертах он сводился к следующему. Буржуазно-демократическая революция в странах Востока, где имеется пролетариат, ничем-де не отличается от буржуазно-демократической революции в России; национальная буржуазия Востока не может и не имеет права участвовать в революции и сразу выступит как контрреволюционная сила; тот факт, что империализм угнетает Восток, не вносит-де никакой специфики в позицию буржуазии — противоречия русской буржуазии с самодержавием не помешали ей стать его прислужницей (империализм в этой схеме попросту уподобляется самодержавию), поэтому общенациональный (с участием буржуазии) этап революции, например, в Китае или в Индии, или в любой другой колониальной стране, будто бы невозможен, любая политика блока с национально-буржуазными кругами на Востоке, заявляли троцкисты, есть меньшевистская политика. Из ложных посылок: из отрицания своеобразия восточных революций как революций в первую очередь антиколониальных, антиимпериалистических, из отрицания важнейшего значения аграрного вопроса и необходимости блока с антифеодальным крестьянством, из представления о том, будто социально-экономическая отсталость колониальных стран якобы укрепляет позиции пролетариата, из недооценки антиимпериалистических возможностей национальной буржуазии — делался неправомерный вывод, что страны Востока стоят непосредственно перед социалистической революцией. Международное коммунистическое движение решительно отвергло эту схему. Жизнь показала беспочвенность и вредность троцкистских идей и опровергла их.

Залогом великих побед, одержанных силами мира, демократии и социализма, авангард которых образуют коммунисты, явились верность ленинским заветам, и, в частности, оценкам и установкам В. И. Ленина, связанным с перспективами развития революционного процесса на Востоке и политикой коммунистов в угнетенных районах мира, установкам, выдвинутым в предоктябрьский период и в первые годы после победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Международное коммунистическое движение, Коммунистическая партия Советского Союза, опираясь на ленинские принципы и в полной

мере принимая во внимание изменения обстановки и возникавшие в связи с ними новые задачи, творчески развивали теорию и стратегию научного социализма. Построение социализма в СССР в условиях капиталистического окружения и нарастания революционного подъема в развитых странах капитализма, в колониях и полуколониях; борьба народов в предвоенный период против фашизма; военно-политический разгром блока фашистских государств; возникновение и укрепление мировой социалистической системы, крушение колониальных империй; укрепление позиций социализма и дальнейшее развертывание освободительной борьбы народов в условиях разрядки международной напряженности — все эти всемирно-исторические сдвиги служили и служат подтверждением правильности, научности политического курса КПСС, международного коммунистического движения и вместе с тем всесторонне учитывались и учитываются при его творческой разработке. Об этом свидетельствуют решения и выводы таких имеющих эпохальное значение форумов коммунистов, как VII Конгресс Коммунистического Интернационала, Совещаний коммунистических и рабочих партий, съездов КПСС.

\* \* \*

Мир прожил шестьдесят лет после Великого Октября, явившегося важнейшим рубежом в развитии человечества, его поистине «звездным часом», его величайшим творческим актом. С победой рабочего класса России возник беспримерно могущественный генератор мирового революционного процесса, и этот процесс с тех пор приобрел неудержимый характер. Тогда цепь империализма была прорвана в России и советский народ, победив внутреннюю и внешнюю контрреволюцию, приступил к строительству социалистического общества. Началось мирное наступление на империализм, и с октября 1917 г. он теряет позицию за позицией. Облик мира с тех пор необратимо изменился. Советский народ создал развитое социалистическое общество и успешно продвигается вперед, по пути к коммунизму. Возникла мировая социалистическая система. Нет больше колониальных империй. Международное коммунистическое движение превратилось в самую влиятельную политическую силу современности. Все шире развертывается гигантской исторической важности процесс — соединение марксизма-ленинизма с освободительным движением трудящихся. Крепнет рабочее движение в странах развитого капитализма, ширятся классовые бои трудящихся. Многие освободившиеся страны трех континентов — Азии, Африки и Латинской Америки — избирают социалистическую ориентацию. С неумолимой силой продолжает действовать закон неравномерности развития стран, живущих в орбите империализма, неравномерности, ведущей к обострению противоречий этой обреченной системы; и ее «периферия» — государства, подвергающиеся неокOLONналистическому угнетению, — бросает экономический и политический вызов империалистическому господству. Антиимпериалистическая борьба стала подлинно всемирной. Получая мощную поддержку Советского Союза, социалистического содружества, она развертывается со все большей силой. Все новые страны и регионы «откалываются» от мирового капитализма. Победа сил социализма в Индокитае явилась новой демонстрацией этой всемирно-исторической тенденции.

«Коммунисты далеки от того, чтобы предрекать «автоматический крах» капитализма, — подчеркивает товарищ Л. И. Брежнев в докладе XXV съезду Коммунистической партии Советского Союза. — У него есть

еще немалые резервы. Однако события последних лет с новой силой подтверждают, что капитализм — это общество, лишенное будущего»<sup>14</sup>. Климат разрядки международной напряженности, в огромной степени создаваемый усилиями ленинской партии, благотворен для человечества, но отнюдь не для системы эксплуатации и порабощения народов, какой является капитализм. «Мы не скрываем,— подчеркивает товарищ Л. И. Брежнев,— что видим в разрядке путь к созданию более благоприятных условий мирного социалистического и коммунистического строительства. Это лишь подтверждает, что социализм и мир неразделимы»<sup>15</sup>.

Гигантский прогресс мирового социализма, достигнутый после победы Великой Октябрьской социалистической революции, обусловлен естественно-исторической закономерностью развития человеческого общества, открытой Марксом, Энгельсом и Лениным и ведущей к смене капиталистической формации социалистической. Эта закономерность отнюдь не механистична, она прокладывает себе дорогу через общественно-политическую программу, через столкновения противоположных интересов, через борьбу классов — и такой характер ее действия также есть закономерность. В процессе социалистического преобразования мира колоссальную роль играет целенаправленная и осознанная деятельность передового класса, возглавляемого марксистско-ленинскими партиями, их политика, их стратегия и тактика. Именно научно обоснованная политика авангарда человечества — коммунистических партий — привела в исторически короткие сроки к столь необратимым изменениям в мире в пользу социализма. Рубеж, «точка отсчета», с которой на-  
 | ались все нарастающие изменения такого характера,— победа Великой  
 | октябрьской социалистической революции также стала возможной лишь  
 | результате правильного политического курса, гениально установлен-  
 | ного В. И. Лениным и являющего собой образец творческого применения  
 | теории научного социализма.

Политический курс может быть успешным только в том случае, когда он базируется на понимании закономерностей исторического развития, на точном знании и научном анализе действительности. «Лишь объективный учет всей совокупности взаимоотношений всех без исключения классов данного общества, а следовательно, и учет объективной степени развития этого общества и учет взаимоотношений между ним и другими обществами может служить опорой правильной тактики передового класса», — писал В. И. Ленин<sup>16</sup>. Научное определение целей борьбы, объективное изучение средств и методов, ведущих к выполнению таким образом поставленных задач,— таков принцип коммунистов.

Дальнейшая разработка политической стратегии на основе научного социализма и с учетом коренных изменений, происходящих в мире в эпоху борьбы за его социалистическое преобразование,— колоссальной важности задача, решаемая усилиями всех марксистско-ленинских партий. Крупнейший вклад в это общее дело вносит Коммунистическая партия Советского Союза, ее Центральный Комитет, во всей своей работе неуклонно придерживающиеся ленинских принципов. Марксизм XX в.— непоколебимая основа деятельности КПСС. Опираясь на ленинские выводы в отношении характера, значения и перспектив национально-освободительного движения, КПСС постоянно держит в поле зрения

<sup>14</sup> Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, стр. 29.

<sup>15</sup> Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, стр. 33.

<sup>16</sup> В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 77.

огромное многообразие процессов, происходящих в афро-азиатских странах. «Советский Союз вместе с другими социалистическими странами занимает активные позиции на широком и постоянно бурлящем фронте национально-освободительного движения», — заявил Л. И. Брежнев на Международном Совещании коммунистических и рабочих партий 1969 г.<sup>17</sup>

\* \* \*

Незыблемой основой политики КПСС остается ленинская идея союза СССР и национально-освободительных движений. КПСС неуклонно стремится использовать благоприятные объективные возможности для упрочения связей с государствами и политическими движениями Африки, Азии и Латинской Америки. При этом приходится сталкиваться с противодействием со стороны империализма и сил реакции, с провокационными акциями и антикоммунистической пропагандой. «Империалисты прилагают немало сил, чтобы развести по разным руслам социализм и национально-освободительное движение, сливающиеся в общий революционный поток, — отмечает Л. И. Брежнев. — Но народы молодых национальных государств все лучше разбираются в том, где их действительные, надежные друзья, а где недруги, маскирующие свои колонизаторские цели»<sup>18</sup>. КПСС видит свою цель в том, чтобы на основе общности интересов обеспечить прочное единство действий сил социализма и национального освобождения, чтобы противопоставить его раскольнической политике империалистических и реакционных кругов. Л. И. Брежнев обращает внимание на исключительную важность этой задачи в обращении к участникам XII сессии Совета Организации солидарности народов Азии и Африки. «В этих условиях, — пишет он, — еще большее значение приобретает единство действий стран мирового социализма и национально-освободительного движения, развивающихся стран — естественных союзников как в борьбе за свободу и независимость всех народов, так и в борьбе за равноправное сотрудничество всех государств, за мирное будущее человечества»<sup>19</sup>. Речь идет о том, чтобы превратить потенциальные возможности в реальность, поднять взаимодействие социалистических и развивающихся стран на новый уровень, придав ему невиданные доселе широту, размах и постоянство, создав постоянные средства связи и механизм рабочего сотрудничества.

Вполне закономерно в разносторонней деятельности КПСС видное место занимает теоретическое осмысление экономических, социальных и политических процессов в так называемом «третьем мире». Отчетные доклады ЦК КПСС на съездах партии, выступления Л. И. Брежнева на форумах международного коммунистического движения, его статьи и речи представляют собой творческое развитие марксистско-ленинской теории по вопросу об исторических судьбах и перспективах бывшего колониального мира. В трудах Л. И. Брежнева дан марксистский анализ современного этапа национально-освободительной борьбы, его исторических триумфов — побед народов Вьетнама, Лаоса, Камбоджи, бывших португальских колоний — и его трудностей и нерешенных проблем.

<sup>17</sup> Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. М., 1969, стр. 89.

<sup>18</sup> Л. И. Брежнев. О внешней политике КПСС и Советского государства. М., 1973, стр. 9.

<sup>19</sup> Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи и статьи. М., 1976, т. 5, стр. 348.

Империализм отступает на всех фронтах, это несомненно. Но он отступает с боями, он еще способен к контратакам и даже локальным и временным победам, он приспособляется к новым условиям, видоизменяется и цепко держится за свои привилегии, надеясь разнообразными средствами экономического принуждения наверстать то, что было потеряно. В новых условиях Л. И. Брежнев фиксирует внимание на неокOLONIALИЗМЕ как системе экономических, политических, военных и идеологических средств, с помощью которых империалистические державы пытаются сохранить свои позиции в развивающихся странах. Борьба с неокOLONIALИЗМОМ выдвигается в качестве первостепенной задачи для национально-освободительного движения и его союзника — социалистического содружества наций. «Империализм ведет активную деятельность, чтобы затормозить движение к независимости и социальному прогрессу, сохранить свои бывшие колонии в рамках капиталистической системы, сохранить их как объекты эксплуатации, хотя и в измененных формах... — говорит Л. И. Брежнев.— Все это представляет серьезнейшую угрозу для будущего молодых независимых стран. Народы этих стран постепенно осознают, что неокOLONIALИЗМ не менее опасен, чем колониализм. А это значит, что впереди — острейшие схватки между борцами за подлинную свободу и теми, кто хотел бы опутать молодые национальные государства цепями нового рабства»<sup>20</sup>.

В то же время КПСС предостерегает от недооценки опасности обращения империализма — в момент, который он сочтет подходящим, — прямым методам подавления, расправы, агрессии, интервенции, характерным для эпохи колониализма: «Нет таких преступлений, на которые не шли бы империалисты, пытаясь сохранить или восстановить свое господство над народами бывших колоний или других стран, вырывающихся из тисков капиталистической эксплуатации»<sup>21</sup>. Природа империализма не изменилась. «На успехи национально-освободительного движения империализм отвечает усилением своих происков против народов Азии и Африки, он всячески пытается использовать в своих интересах местную реакцию»<sup>22</sup>. Убийственную характеристику политических методов империализма Л. И. Брежнев дал в докладе на XXV съезде КПСС: «Опыт революционного движения последних лет наглядно показал: если возникает реальная угроза господству монополистического капитала и его политических ставленников, империализм идет на все, отбрасывая всякую видимость какой бы то ни было демократии. Он готов попать и суверенитет государств и любую законность, не говоря уже о гуманности. Клевета, одурманивание общественности, экономическая блокада, саботаж, организация голода и разрухи, подкуп и угрозы, террор, организация убийств политических деятелей, погромы в фашистском стиле — таков арсенал современной контрреволюции, которая всегда действует в союзе с международной империалистической реакцией»<sup>23</sup>. Зверства империалистов во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже, недавняя агрессия против Народной Республики Анголы, поддержка расистов Южной Африки подтверждают правоту этих слов и побуждают борцов за независимость к бдительности и к постоянной готовности к возможной смене форм политики империализма.

Отличительной чертой сегодняшнего положения в Африке и Азии является многообразие путей, которыми пошло развитие стран, добив-

<sup>20</sup> Л. И. Брежнев. О внешней политике..., стр. 163—164.

<sup>21</sup> Там же, стр. 334.

<sup>22</sup> Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. 5, стр. 347—348.

<sup>23</sup> Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. 5, стр. 481—482.

шихся провозглашения политической независимости. Выявление различных тенденций политической эволюции молодых государств, их классовая характеристика — необходимое условие выработки правильного политического курса.

В выступлении Л. И. Брежнева на Международном Совещании коммунистических и рабочих партий 1969 г. выделяются три группы молодых государств Азии и Африки: государства, вступающие на путь социалистической ориентации, государства, в которых преобладают капиталистические тенденции, и государства, в которых продолжается напряженная борьба за курс развития между прогрессивными силами и внутренней реакцией, в связи с чем их дальнейший путь еще не определен достаточно четко. В рамках каждой этой группы также имеются существенные различия. Так, в ряде стран, где временно восторжествовали буржуазные или тяготеющие к капитализму силы, «после провозглашения политической независимости власть захватили реакционные элементы, тесно связанные с империализмом. В некоторых из них хозяйничают военные диктатуры, господствует террор против всех прогрессивных сил»<sup>24</sup>. Анализ, данный в выступлении Л. И. Брежнева и в итоговом документе совещания, четко выявил две перспективы развития по его пути, следование в его фарватере. Между ними возможны колебания, промежуточные стадии, процессы, не обладающие полной качественной определенностью. Но в конечном счете все афро-азиатские страны стоят перед этой дилеммой. Первая перспектива открывает возможность обеспечения социально-экономического прогресса и независимости, преодоления социальных конфликтов в пользу народа и повышения уровня жизни трудящихся. Развитие капитализма в афро-азиатских странах не в состоянии обеспечить высоких темпов роста, обостряет классовые противоречия, обрекает на новые страдания народные массы и предрасполагает к неокOLONIALной зависимости.

КПСС — принципиальный сторонник и пропагандист некапиталистического пути развития или социалистической ориентации. Убежденность, с которой КПСС отстаивает и развивает этот революционный вывод творческого марксизма, и огромная помощь, которую оказывают КПСС и Советское государство передовым общественно-политическим силам, способствуют тому, что на социализм ориентируются в Азии и Африке все новые и новые страны.

«Важным достижением революционных сил, серьезным поражением империализма является социалистическая ориентация ряда молодых государств Африки и Азии. Эти страны добились первых успехов в осуществлении глубоких социально-экономических преобразований, — отмечает Л. И. Брежнев. — Тем самым на практике вновь подтверждается ленинский вывод о том, что в нашу эпоху освобождающиеся от колониального гнета народы могут идти по пути социального прогресса, минуя капитализм»<sup>25</sup>. Социалистическая ориентация афро-азиатских народов явилась результатом сложного переплетения внутренних и внешних факторов в эпоху краха колониальной системы империализма и определяющего влияния социалистического содружества наций на мировой революционный процесс. «Одним из важнейших условий, делающих такое развитие (социалистическую ориентацию — Р. У.) возможным, — подчеркивает Л. И. Брежнев, — является сотрудничество молодых прогрессивных государств с социалистическими странами»<sup>26</sup>.

<sup>24</sup> Л. И. Брежнев. О внешней политике..., стр. 162—163.

<sup>25</sup> Л. И. Брежнев. О внешней политике..., стр. 162.

<sup>26</sup> Там же.

На XXV съезде КПСС, говоря о сложных процессах размежевания классовых сил и нарастания классовой борьбы в освободившихся странах, Л. И. Брежнев обращает внимание на то, что эти процессы протекают по-разному в странах социалистической ориентации, где за последние годы имели место новые прогрессивные сдвиги в экономике и политической жизни, и в тех странах, где развитие пошло дальше по капиталистическому пути<sup>27</sup>.

Вместе с тем в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду Л. И. Брежнев выдвинул принципиально важное положение о главных направлениях прогрессивных изменений, происходящих в последние годы во многих освободившихся странах. «Это,— говорил он,— перенесение центра тяжести в развитии промышленности на государственный сектор, ликвидация феодального землевладения, национализация иностранных предприятий, направленная на установление эффективного суверенитета молодых государств над своими природными ресурсами, формирование собственных кадров»<sup>28</sup>. Здесь речь идет о преобразованиях, которые происходят не только в странах социалистической ориентации, хотя именно в них они осуществляются с наибольшей полнотой. Выдвижение этого тезиса на съезде партии свидетельствует о том, что КПСС, видя в государствах социалистической ориентации авангард национально-освободительного движения, отнюдь не сводит к ним всего антиимпериалистического потенциала бывших колониальных и зависимых стран. КПСС приветствует боевой антиимпериализм, решительное отстаивание экономической и политической независимости, попытки осуществления прогрессивных преобразований с любых классовых позиций и готова поддержать все политические силы, не утратившие способности проявлять эти качества, КПСС убеждена, что социалистическая ориентация в современных условиях наилучшим образом выражает чаяния трудящихся масс стран Азии и Африки, что к ней еще придут многие страны, но КПСС далека от навязывания своих взглядов, от форсирования событий, она полностью уважает политический выбор каждого народа и готова оказать ему поддержку в прогрессивных начинаниях на избранном им пути. «Советский Союз не вмешивается во внутренние дела других стран и народов,— заявляет Л. И. Брежнев.— Уважение священного права каждого народа, каждой страны избирать свой путь развития — незыблемый принцип ленинской внешней политики. Но мы не скрываем своих взглядов. В развивающихся странах, как и повсюду, мы на стороне сил прогресса, демократии и национальной независимости и относимся к ним, как к своим друзьям и товарищам по борьбе»<sup>29</sup>.

В 1919 г., обращаясь к представителям коммунистических организаций народов Востока, В. И. Ленин говорил: «Здесь перед вами стоит задача, которая не стояла раньше перед коммунистами всего мира: опираясь на общекommунистическую теорию и практику, вам нужно, применяясь к своеобразным условиям, которых нет в европейских странах, суметь применить эту теорию и практику к условиям, когда главной массой является крестьянство, когда нужно решать задачу борьбы не против капитала, а против средневековых остатков»<sup>30</sup>. Эта задача чрезвычайно актуальна для революционного движения в Азии и Африке и ныне. Л. И. Брежнев остановился на ней в выступлении на Международном Совещании коммунистических и рабочих партий 1969 г. «От

<sup>27</sup> Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. 5, стр. 460.

<sup>28</sup> Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. 5, стр. 460.

<sup>29</sup> Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. 5, стр. 461.

<sup>30</sup> В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 329.

коммунистического движения,— говорил он,— требуется огромное внимание к крестьянскому союзнику пролетариата, дополнительная разработка некоторых аспектов стратегии и тактики применительно к специфическим условиям бывших колониальных стран»<sup>31</sup>.

Как должно развиваться революционное движение, в особенности с социалистической перспективой, в аграрно-крестьянских странах, какова его классовая база? Это принципиальная теоретическая и практическая проблема, и над искажением марксистского подхода к ней немало потрудились буржуазная пропаганда. Антикоммунистические «интерпретаторы» марксизма на тысячу ладов твердят о мнимой неприменимости научного социализма к колониальным, аграрным обществам. Приведенное выше ленинское обращение к коммунистам Востока свидетельствует, насколько далеки от истины эти измышления, преследующие лишь одну цель — отпугнуть от марксизма незнакомых с ним людей.

«Сегодня центральный вопрос революционного процесса в Азии и Африке,— говорит Л. И. Брежнев,— это вопрос о позиции крестьянства, составляющего там большинство населения»<sup>32</sup>.

Среди революционных демократов «третьего мира», столкнувшихся с очевидной малочисленностью рабочего класса, а порой и с его исторически обусловленной неподготовленностью к осуществлению миссии политического авангарда, родилось отношение к крестьянству как к самому революционному классу и противопоставление его пролетариату, который будто бы в колониальных странах не обладает качествами передового борца, свойственными рабочему классу развитых стран. Эта идея порождена революционной непоследовательностью и недостатком теоретического и практического опыта, а также недоверием к рабочему классу. Ею зачастую пользуются ревизионисты различного толка, попытки которых извратить марксистско-ленинскую теорию встречают решительный отпор со стороны КПСС. Л. И. Брежнев, наметивший в выступлении на Международном Совещании коммунистических и рабочих партий 1969 г. контуры проблемы крестьянства в революционном движении в Африке и Азии, противопоставил ненаучным выводам, понижающим роль рабочего класса, подлинно марксистское решение, продиктованное всем богатством теоретической мысли и революционной практики международного коммунистического и революционного движения, в том числе афро-азиатского. Речь не идет о выборе между пролетариатом и крестьянством. Речь идет об учете возможностей каждого из этих классов, об их сближении, сплочении, а не о противопоставлении.

«Крестьянство этого района мира,— говорил Л. И. Брежнев,— могучая революционная сила. Но это, как правило,— стихийная сила, со всеми вытекающими отсюда колебаниями, со всеми противоречиями в идеологии и политике. Да иначе пока и быть не могло, так как подавляющая часть крестьян до сих пор живет там в условиях чудовищной нищеты и бесправия, непреодоленных феодальных, а подчас и дофеодальных отношений».

Опыт революционного движения в различных районах мира показал, что самый надежный путь эффективного вовлечения крестьянства в борьбу против империализма, за подлинный социальный прогресс — это создание прочного союза между ним и рабочим классом. Такая задача стоит и в зоне национального освобождения»<sup>33</sup>. Л. И. Брежнев отметил интернациональный аспект проблемы союза рабочего класса и

<sup>31</sup> Л. И. Брежнев. О внешней политике..., стр. 164—165.

<sup>32</sup> Л. И. Брежнев. О внешней политике..., стр. 164.

<sup>33</sup> Л. И. Брежнев. О внешней политике..., стр. 164.

крестьянства, указав на большое значение в этом плане укрепления революционного союза между национально-освободительным движением, молодыми национальными государствами, с одной стороны, и странами социалистического содружества и коммунистическими партиями, выступающими как авангард международного рабочего класса,— с другой<sup>34</sup>.

Союз рабочего класса и крестьянства в странах Азии и Африки представляет собой стержень более общей проблемы — сплочения всех антиимпериалистических сил, единого национального фронта. Кому бы ни принадлежала гегемония в борьбе за независимость — коммунистам, революционным демократам, национально-буржуазным элементам — этот вопрос решается доверием народа в ходе политической практики — эта борьба будет обречена на поражение, если она не сплотит под своими флагами все здоровые силы нации. И в своих сочинениях, и в повседневной деятельности Л. И. Брежнев неизменно твердо отстаивает ленинскую идею единого антиимпериалистического фронта, пострадавшую международным рабочим, коммунистическим и национально-освободительным движением. Приветствуя народно-революционную партию Лаоса в связи с провозглашением Лаосской Народно-Демократической Республики, Л. И. Брежнев отметил, что НРПЛ «продемонстрировала пример гибкого, творческого подхода к решению задач революционной, антиимпериалистической борьбы», «сумела сплотить на национально-демократической основе самые широкие слои населения и, выходя в едином строю с братскими народами Индокитая, опираясь на всестороннюю поддержку стран социализма, всех прогрессивных сил мира, обеспечила торжество правого дела лаосского народа»<sup>35</sup>.

\* \* \*

В выступлениях Л. И. Брежнева выдвигается ряд важнейших задач антиимпериалистического движения, вытекающих из научного анализа его современного этапа.

На первый план выдвигается полная ликвидация остатков колониализма и расизма во всем мире. После распада колониальной империи фашистской Португалии речь идет о расистских режимах в Южной Родезии и ЮАР, а также о самоопределении народа Намибии. Ныне уже ни у кого не вызывает сомнений, что скоро пробьет час этих последних очагов прямой колониальной и расистской диктатуры. С обеих сторон идет мобилизация сил. На стороне народов юга Африки — весь пробудившийся континент, силы социализма, мира и демократии во всем мире. На стороне расистов — международный империализм и реакция. Их противоборство уже происходит, и это не могут не сознавать все политические движения и государства, несущие ответственность за развитие событий.

В программе дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов, выдвинутой на XXV съезде КПСС Л. И. Брежневым, сказано: «Считать одной из важнейших международных задач полную ликвидацию всех остатков системы колониального угнетения, ущемления равноправия и независимости народов, всех очагов колониализма и расизма»<sup>36</sup>. Борьба с расизмом и апартеидом находится на подъеме. Все смелее действия борцов вооруженного сопротивления, все более широкие массы народа участвуют в демонстрациях протеста, все активнее и разностороннее помощь свободных на-

<sup>34</sup> См. Л. И. Брежнев. О внешней политике..., стр. 165.

<sup>35</sup> Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. 5, стр. 408.

<sup>36</sup> Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. 5, стр. 477.

родов и государств Африки, стран социалистического содружества, демократических сил. В этих условиях расисты и империалисты проявляют готовность пойти на частичные уступки с тем, чтобы незначительными реформами предотвратить революционное разрушение режимов расовой эксплуатации и подавления, привести к свертыванию демократического и революционного освободительного движения.

Л. И. Брежнев предостерегает от такого «решения» проблемы расизма и апартеида, на которое не пойдут прогрессивные силы. «Сейчас, когда Африка показала, что она сама способна справиться с остатками колониализма и расизма,— говорил Л. И. Брежнев на приеме в честь Президента Народной Республики Ангола А. Нето,— кое-кем под флагом содействия этому процессу стали предприниматься попытки подменить подлинное освобождение юга Африки фиктивным, а по существу — сохранить позиции империализма в этом районе, поддержать зашатавшуюся твердыню расизма — власть Южно-Африканской Республики»<sup>37</sup>. Но африканские народы десятилетиями вели тяжелую борьбу, отстаивая свое достоинство, не для того, чтобы заменить циничную диктатуру расистов ее внешне благопристойной неоколониалистской формой. В своем стремлении довести борьбу до конца, они находят полное понимание и поддержку со стороны первого в мире социалистического государства.

Как отмечалось выше, прямые формы колониального грабежа уступили ныне место неоколониальной эксплуатации. Борьба с неоколониализмом становится одним из решающих направлений антиимпериалистического движения. Национальный герб и флаг не могут удовлетворить демократические силы. Они ставят перед собой цель завоевания подлинной независимости, главным препятствием на пути к которой продолжает оставаться втянутость бывших колониальных стран в мировую капиталистическую систему хозяйства, в мировой капиталистический рынок на условиях неравноправного, неэквивалентного обмена. Молодые государства убедились в невозможности каждому поодиночке бороться за экономически справедливые условия торговли. Возникла идея согласованных действий во имя изменения мировой системы экономического обмена, вызвавшая большой отклик в развивающихся странах и уже воплотившаяся в совместных действиях. Борьба за новый экономический порядок становится стержнем проблемы искоренения неоколониальной эксплуатации.

Она встречает полную поддержку со стороны социалистического содружества. Более того, она возникла и крепнет под непосредственным влиянием опыта экономического сотрудничества социалистических стран между собой и их экономических связей с молодыми государствами.

Когда СССР и международное коммунистическое движение отстаивают принципы равноправия в экономических связях, речь идет, по существу, не о введении новых форм международной кооперации, а о распространении на торговлю развитых капиталистических и бывших колониальных стран тех норм, которыми государства социалистического содружества неуклонно руководствуются в отношениях между собой и всеми другими государствами. Эта мысль прозвучала в речи Л. И. Брежнева на Конференции коммунистических и рабочих партий Европы в Берлине в июне 1976 г. «В согласованном нами документе конференции выражается готовность коммунистов содействовать установлению в мире нового, справедливого экономического порядка,— заявил он.— Борьба за равноправные политические и экономические отношения и

<sup>37</sup> «Правда», 8.X.1976.

сотрудничество развитых государств с бывшими колониальными и зависимыми странами — отношения, какие уже давно установились с ними у социалистических государств, — есть важная часть общего интернационального долга наших партий»<sup>38</sup>.

Внешняя политика КПСС, ее деятельность во имя укрепления мира и международной безопасности, упрочения разрядки напряженности, ее развития, углубления, превращения разрядки в необратимый процесс, в постоянный фактор международной обстановки снискали признание всех людей доброй воли. Обращаясь к участникам международной встречи «Борьба за мир и безопасность в Азии — насущная задача современности», Л. И. Брежнев отметил: «Утверждение принципов мирного сосуществования государств с различным общественным строем, успехи в борьбе против попыток разжигания очагов напряженности в мире, за ликвидацию последних колониальных режимов создают новые благоприятные возможности для торжества дела мира и прогресса, отвечают коренным интересам всех стран, в том числе и на Азиатском континенте»<sup>39</sup>. Ко всему «третьему миру» можно отнести слова Л. И. Брежнева об Азии: «Говоря коротко, это континент, находящийся в движении. В движении, которое не может не быть чрезвычайно трудным, учитывая цепкость и живучесть сил старого мира, противодействующие империализму и реакции. И ясно, что прочный мир, разрядка напряженности, добрососедские отношения создают благоприятные условия для успешного развития этого процесса»<sup>40</sup>.

Разрядка благоприятна не только для хозяйственного и культурного строительства, но и для революционной борьбы за национальное и социальное освобождение, ибо она создает наилучшие условия для проявления солидарности, для оказания интернациональной помощи борющимся народам. Именно в условиях разрядки международной напряженности имели место такие великие победы национально-освободительного движения как разгром марионеточного режима в Южном Вьетнаме и объединение страны, освобождение Лаоса и Камбоджи, завоевание независимости народами бывших португальских колоний, такие крупные исторические сдвиги, как вступление новых стран на путь некапиталистического развития, активизация демократического движения, решительные и согласованные выступления молодых государств на международной арене и т. д. Разрядка напряженности, как она понимается КПСС, вовсе не означает примирения с существующим положением вещей, ослабления борьбы с колониализмом, империализмом и реакцией. Напротив, она предполагает активизацию борьбы в этом направлении, предоставление народам возможности самим решать свою судьбу без вмешательства в их внутренние дела. Борьба с расизмом, колониализмом и империализмом, борьба с внутренней реакцией — не помеха, а содействие разрядке, ибо только справедливое решение международных и внутренних конфликтов создает надежную основу для нерушимого мира.

Концепция нерасторжимой связи разрядки напряженности с активизацией освободительного антиимпериалистического движения получила четкое выражение в провозглашенной Л. И. Брежневым на XXV съезде КПСС Программе дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов. В ней полная ликвидация остатков колониального гнета, расизма, зависимо-

<sup>38</sup> «Правда», 30.VI.1976.

<sup>39</sup> Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. 5, стр. 146—147.

<sup>40</sup> Л. И. Брежнев. О внешней политике..., стр. 571.

сти и неравноправия народов, устранение дискриминации, диктата и неравенства в международных экономических связях и торговле выдвигаются в качестве первоочередных задач в глобальных усилиях по упрочению мира.

Разрядка напряженности открывает простор для деятельности и инициативы всех стран, как больших, так и малых. Выдающийся вклад в это благородное дело призваны внести развивающиеся страны, в частности, через движение неприсоединения. «Советский Союз,— говорит Л. И. Брежнев,— приветствует повышение роли развивающихся стран в мировой политике, неуклонно поддерживает их борьбу за равноправные политические и экономические отношения, за социальный прогресс. Уже сегодня они вносят весомый вклад в оздоровление международного климата. В этой связи мы отдаем должное положительной роли движения неприсоединения. Принципы, на которых основывается это движение,— укрепление мира и мирного сосуществования, самостоятельности государств, борьба против империализма, колониализма и неоколониализма— успешно прошли проверку временем»<sup>41</sup>.

Программа борьбы за дальнейшую разрядку намечает и конкретные цели для стран Азии и Африки. Наряду с полной ликвидацией колониализма и расизма, введением нового экономического порядка — это и осуществление справедливого и прочного урегулирования на Ближнем Востоке, и обеспечение безопасности в Азии на основе совместных усилий государств этого континента.

Советский Союз как социалистическое государство, две трети территории которого расположены в Азии, проявляет большой интерес к политическому положению в этой части света, к распространению на нее духа разрядки напряженности. «Советский Союз твердо убежден, что Азия может и должна жить по законам мира, и реальным путем к этому является коллективная безопасность»<sup>42</sup>,— говорит Л. И. Брежнев.

Революционные сдвиги, имевшие место в странах Азии и Африки за последнее десятилетие, поистине грандиозны. Никогда еще антиимпериалистическое движение не было столь широким и наступательным. Никогда еще позиции социализма в бывших колониальных странах не были столь прочными, а его перспективы столь обнадеживающими. Никогда еще народы, освободившиеся от колониальной зависимости, не играли столь выдающейся роли в международной жизни. Никогда еще не было столь всесторонним, постоянным и прочным сотрудничеством развивающихся стран и социалистического содружества наций.

Трудно переоценить тот вклад, который внесли в прогрессивные перемены в афро-азиатском мире Советский Союз, социалистические страны, международное рабочее и коммунистическое движение. Происходит постоянное революционизирующее воздействие социалистической системы и международного рабочего и коммунистического движения на историческую эволюцию народов бывших колониальных и зависимых стран. Их борьба находится в центре внимания советского народа и КПСС.

Политика КПСС в отношении национально-освободительного движения в Азии и Африке оказалась правильной и принесла свои плоды, ибо она опирается на научный анализ действительности и следует ленинскому принципу союза социализма и угнетенных империализмом народов. Этот союз, перспективу которого начертал В. И. Ленин, превратился ныне в мощный фактор исторического развития, гарантию социализма, мира и прогресса.

---

<sup>41</sup> «Правда», 9.VI.1976.

<sup>42</sup> Л. И. Брежнев. О внешней политике..., стр. 571.

## **БАМ: путь в будущее**

*В. А. Александров*

**Т**ри года назад Центральный Комитет КПСС поставил задачу: провести второй транссибирский железнодорожный путь к Тихому океану.

В речи Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на торжественном заседании, посвященном 20-летию покорения целины, в марте 1974 г. впервые в качестве конкретного проекта была названа Байкало-Амурская магистраль. «Строительство этой железной дороги, — сказал Л. И. Брежнев, — которая прорежет сибирский массив с его неисчерпаемыми природными богатствами, открывает путь к созданию нового крупного промышленного района: вдоль нее вырастут поселки и города, промышленные предприятия и рудники, разумеется, будут вспаханы и пущены в сельскохозяйственный оборот и новые земли»<sup>1</sup>.

Откликнувшись на призыв партии, в тот же год тысячи строителей приступили к сооружению магистрали, которой суждено называться гордостью века. Так началась новая глава в истории развития и освоения богатств Сибири и Дальнего Востока.

Время имеет различный отсчет в различных условиях. Хотя мерилем созданного на БАМ будет жизнь поколений, масштабом времени в настоящем служат сутки и нередко даже часы. Они наполнены таким объемом событий, который при ином развороте строительства имел бы несравненно большую протяженность.

К 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции строители БАМ готовятся прийти с результатами, измеряемыми сотнями километров пути, десятками новых поселков, тысячами заделов и готовых объектов, протянувшихся — где пунктиром, а где и сплошной линией — почти на всем протяжении будущей магистрали.

Досрочно открыто движение по железнодорожным линиям Бам — Тында и Усть-Кут — Звездный. Первый поезд пришел в Якутию. Раньше срока построены уникальные мосты через Амур и Лену, начато строительство крупнейших тоннелей, мостовых переходов, прорублены просеки для рельсового пути, начато движение более чем на тысяче километров автомобильных трасс вдоль будущей железной дороги, возведены благоустроенные дома для десятков тысяч строителей.

Высокие темпы строительства определяют, в частности, необыкновенно широким кругом его участников. Без преувеличения можно сказать: ни один крупный город, ни одно крупное предприятие страны не осталось в стороне от прямого или косвенного участия в сооружении БАМ. Здесь трудятся представители всех союзных республик. Сюда стекаются не только машины и оборудование, но и строительные

<sup>1</sup> Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. М., 1974, т. 4, стр. 457.

материалы, включая цемент и стекло, панели и конструкции для жилых домов, школ, детских садов, больниц и клубов, из Европейской части России, с Украины и Белоруссии, из Молдавии и Казахстана, из республик Прибалтики, из Закавказья, Средней Азии. Вся страна строит БАМ, которая и сама будет служить всей стране.

## Преодоление расстояний

Давно уже стало легучим определение, что освоение богатств Сибири — это прежде всего преодоление ее расстояний. Дорожные проблемы всегда затрудняли здесь решение задач хозяйственного развития. До проведения через Сибирь первой железной дороги только на участке Томск — Иркутск нелегкую службу несли 16 тыс. ямщиков, управлявших гужевым транспортом «мощностью» 80 тыс. «лошадиных сил». Немногим более 80 лет назад началось движение на первой «чугунке» в Западной Сибири, а к 1905 г. железная дорога пролегла сплошной линией до Владивостока.

Гражданская война и иностранная интервенция не только остановили, но и отбросили назад железнодорожное развитие Сибири. Ко времени окончательного установления Советской власти Транссибирская магистраль на всем протяжении была выведена из строя. Колчаковцами и интервентами было разрушено 167 мостов, в том числе через крупнейшие реки — Тобол, Ишим, Иртыш, Обь. Из 2000 оставшихся на путях паровозов 1400 было выведено из строя.

Немало усилий потребовало восстановление этого хозяйства. Работа железнодорожного транспорта была в центре внимания Советского правительства, Сибирской общеплановой комиссии (Сибплана), местных партийных и советских органов.

С началом создания Урало-Кузбасского комплекса началось строительство новых дорог. Важнейшей стройкой стала дорога Ачинск — Абакан. Было мало средств, работа в основном велась вручную, но людьми владел энтузиазм первых строителей социализма. К восьмой годовщине Великого Октября эта железная дорога протяженностью 459 км приняла первые грузы.

Годы первой пятилетки ознаменовались строительством Туркестано-Сибирской железной дороги. Турксиб соединил Среднюю Азию и Сибирь с их разнообразными и взаимодополняющими природными богатствами. Во второй пятилетке линия Новосибирск — Ленинск соединила Кузбасс с основной сибирской магистралью и дала кузнецкому углю кратчайший выход на запад страны. Тогда же началась прокладка первой железной дороги в Арктике. В 1937 г. Норильск получил выход к морскому порту Дудинке.

В те далекие годы одновременно с другими стройками начались и первые подходы к строительству железной дороги севернее Транссибирской магистрали. Сам термин «Байкало-Амурская магистраль» фигурировал в предложениях дальневосточных изыскателей, направленных в ЦК ВКП(б) и Совнарком в 1930 г. Два года спустя начались строительные работы, которые планировалось закончить в ударные сроки — в 1937 г.

Трудности тех лет, да и неучтенные сложности сооружения трассы внесли существенные коррективы в эти проекты, но не изменили замыслов пройти северным путем к Тихому океану. В записке, направленной в ЦК ВКП(б) и Совнарком в сентябре 1940 г. по поводу перспективного планирования за пределами третьей и четвертой пятиле-

ток, председатель Госплана СССР Н. А. Вознесенский называл Байкало-Амурскую железнодорожную магистраль в числе важнейших строек, которые предстоит осуществить во имя решения выдвинутой XVIII съездом партии задачи — перегнать экономически главные капиталистические страны<sup>2</sup>.

Великая Отечественная война, в которой решалось будущее страны, изменила судьбу БАМ. С одной стороны, были разобраны рельсы с соединительных веток Бам—Тында и Известковая—Ургал. Они пошли на создание противотанковых заграждений и сооружение прифронтной дороги под Сталинградом. С другой стороны, потребность в развитии коммуникаций на Дальнем Востоке и увеличении вклада этого района в обороноспособность страны привела к ускоренному строительству участка Комсомольск—Советская Гавань, движение по которому, хоть частично и по временной схеме, было открыто в июле 1945 г.

Параллельно с восстановлением народного хозяйства в послевоенные годы шло упорное продвижение к районам севернее и восточнее Байкала. В 1947 г. Транссибирская дорога от станции Тайшет была соединена с Братском, а четыре года спустя новая линия вышла к Усть-Куту, достигнув бассейна реки Лены.

Такова в общих чертах предыстория Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, ранние этапы ее становления.

Стройка, начатая в 1974 г., опирается на созданные в прошлом рабочие плацдармы, впитывает в себя результаты изысканий, продолжавшихся не один десяток лет. Вместе с тем это не просто продолжение начатого, а качественно новое дело, в котором стали неизмеримо более крупными целевые установки, принципиально новыми подходы к решению технических и трудовых проблем. Несопоставима масштабность работ и их соотношение с критериями времени. На новой стройке все осуществляется с расчетом на максимально длительные сроки использования с минимальным применением «паллиативов» и «временок».

Общая длина трассы БАМ от Тайшета, то есть от Транссибирской магистрали, до Советской Гавани — свыше 4200 км. Существующие западный (Тайшет—Усть-Кут) и восточный (Советская Гавань—Комсомольск) участки были сооружены с расчетом на другую нагрузку и нуждаются в совершенствовании. На западном участке протяженностью 680 км должны быть уложены вторые пути. Остальной путь (Усть-Кут—Комсомольск) протяженностью 3145 км сооружается по таежной целине, как и так называемая Малая БАМ — дорога от станции Бам на существующей Транссибирской магистрали через Тынду до станции Биркакит в Якутии. Это еще 397 км.

На магистрали должно быть построено 3200 искусственных сооружений, включая 142 моста с пролетами не менее 100 м. Общая протяженность мостов составляет 32 км, то есть один процент всей длины магистрали. Недаром у бамовцев ходит такое присловье: строить БАМ — значит строить мосты и соединять их рельсами.

Среди тоннелей будут такие великаны, которые в иных условиях могли бы стать самостоятельной стройкой большого значения. Только четыре тоннеля будут иметь общую протяженность 25 км, из них Северо-Муйский протянется на 15,3 км. Расположенный в районе Северного Забайкалья, этот тоннель будет самым большим в Советском Союзе. При его сооружении предстоит переработать 582 тыс. м<sup>3</sup> грун-

<sup>2</sup> В. В. Колотов. Николай Алексеевич Вознесенский. М., 1974, стр. 249.

та. Всего же на стройке должно быть перемещено не менее 222 млн. м<sup>3</sup> грунта.

В ряде мест природа поставила перед строителями такие задачи, которые не приходилось решать прежде. Например, в районе Удокана наиболее короткий путь через самый высокогорный участок трассы мог бы пройти по руслу реки Хани; но оказалось, что этот горный поток катит свои воды по каньону с отвесными берегами и не имеет никакой долины. Выход был возможен один: проложить железнодорожное полотно по искусственным террасам над рекой. Не случайно на трассе БАМ изыскатели говорят, что за каждым поворотом дороги здесь можно столкнуться с неординарной ситуацией, которая потребует неординарного решения.

Бывая в различных районах будущей дороги, под разными углами пересекая их на самолетах и вертолетах, особенно в Забайкалье, испытываешь ощущение, будто цивилизация теряется в этих хаотических нагромождениях вздыбленной породы. Если не знать карты этих мест, может показаться, что здесь нет ни горных хребтов, ни долин между ними, а есть лишь островерхие кручи, которые не оставили пространства для обитания. При ночном перелете из Братска в Читу, например, за долгие часы полета в иллюминатор можно не увидеть ни огонька.

Чем же диктуется необходимость продираться сквозь нехоженые места, ломать голову над инженерными задачами, затрачивать огромные материальные средства, вовлекать в водоворот перемещений десятки тысяч людей?

Есть немало крупных строек, где ответ на такой вопрос прост и однозначен. Трансаляскинский трубопровод, например, стоимостью 8 млрд. долл., решает одну задачу — перегонки нефти с берегов Ледовитого океана к Тихому. Тоннель между островами Хоккайдо и Хонсю в Японии облегчит транспортировку людей и грузов. Ту же цель преследует и богатая коллекция проектов строительства тоннеля под Ла Маншем. Значение БАМ не укладывается в односложную формулу — транспортная магистраль. Более того, нынешние неоднозначные задачи этой стройки с течением времени будут наполняться новым содержанием — экономического, технического, экологического, социального, политического характера.

## **Великий созидательный смысл**

БАМ — стройка многоцелевая. Вместе с тем для этой дороги, как и для всех других коммуникаций, транспортировка грузов, безусловно, дело первой важности.

С развитием Сибири и Дальнего Востока, укреплением их индустрии и сельского хозяйства растет объем перевозок. В Сибири добывается каждая четвертая тонна нефти страны, растут добыча угля, производство черных и цветных металлов. Возрастают доля восточных районов в общем объеме производства промышленности и сельского хозяйства Советского Союза и сами эти объемы.

Рост производства потребовал такого развития транспортной сети, которая отвечала бы задачам обеспечения внутрорегиональной связи, а также связи сибирских районов с другими хозяйственными зонами страны. Потребности перевозок в меридианальном направлении пока еще могут удовлетворяться за счет речного транспорта, который в ряде мест отличается высокой эффективностью и надежностью.

Сложнее обстоит дело с перевозками в широтном направлении. Именно их объем отличается необыкновенно быстрым ростом. И именно эти перевозки невозможно обеспечить никаким иным видом транспорта, кроме железнодорожного. Использование трубопроводов могло бы стать частичным решением проблемы. Но — при сопоставимых затратах — этот вид транспорта был бы далеко не универсальным. Хотя объемы транспортировки нефти и растут быстрее других, тем не менее значительно увеличиваются и объемы перевозок каменного угля, металлов, леса, зерна и другой продукции. Их по трубам нефтепроводов, сколь бы ни был велик их диаметр, не переправить.

В целях увеличения пропускной способности существующей Транссибирской магистрали эта дорога электрифицирована на всем протяжении. Здесь установлено самое передовое оборудование, используется технически совершенный подвижной состав. Однако возможности дальнейшей интенсификации работы дороги имеют свои пределы.

Большую нагрузку несут и тихоокеанские порты — конечные пункты Транссиба. Новая магистраль позволит переложить существенную часть перевалочных операций на другие океанские ворота страны — ведь БАМ дойдет до порта Советская Гавань.

Таким образом, создание БАМ будет означать, что транспортная система восточных районов СССР обретет вторую, столь же мощную опору, как и первая, которая вошла в строй на рубеже столетий и, безусловно, во многом способствовала «сближению» Забайкалья и Дальнего Востока с Европейской частью России.

Другая задача, решаемая строительством БАМ, определяется самой географией этой трассы. Ведь магистраль почти на всем протяжении пройдет через заповедные места, где до сих пор остаются практически нетронутыми уникальные запасы природных богатств.

О некоторых из них было давно уже известно. Подсчитаны мощности залегающих ископаемых, и определен их качественный состав. Прежде всего нельзя не сказать о каменном угле и, конечно, о самой большой драгоценности в короне богатств этого края — о Южно-Якутском бассейне с его коксующимися углями. Прогнозируемые запасы этой кладовой оцениваются в 40 млрд. т.

Нерюнгринское месторождение, может быть, одно из интереснейших в своем роде. Маслянистый и податливый, как графит, обладающий лучшими коксующимися свойствами уголь лежит здесь практически на верхней части сопки, едва прикрытый слоем земли, которая бережно хранит горючее от разрушительного окисления.

Ныне жизнь в Нерюнгри приобретает убаюточный ритм. Здесь — центр индустриального развития Южной Якутии, сюда подтягивается трасса Малой БАМ, железная дорога Бам — Тында — Биркабит. В соответствии с решениями XXV съезда КПСС в Нерюнгри будет создан угольный разрез мощностью 12 млн. т в год. А за Нерюнгринским начнут выдавать черное золото Чульмаканское, Якокитское, Кабактинское, Муастахское и другие угольные месторождения.

БАМ даст этим богатствам выход в большой мир. Магистраль открывает также возможность использования богатейших залежей другого вида полезных ископаемых — железной руды. Вдоль дороги обнаружены и разведаны крупные магнитные аномалии. Вплотную к Южно-Якутскому каменноугольному бассейну примыкает Алданский железорудный район, руды которого содержат до 40% железа. Эти залежания также чрезвычайно удобны для разработки. Многие из них позволяют вести добычу открытым способом, взрывать руду и грузить ее в составы экскаваторами.

Если к отстоящим подальше к северу от БАМ якутским землям вполне подходят слова легендарного южного гостя: «Не счесть алмазов в каменных пещерах», то в районе магистрали не счесть сокровищ века индустрии. К уже названным — углю и железной руде — можно добавить обнаруженные в районах, тяготеющих к БАМ, месторождения свинца, цинка, молибдена, вольфрама, олова. Достойны особого внимания месторождения меди в Удокане и лучшие по качеству сырья запасы асбеста в районе Молодежного. Барбит и халькозин, составляющие наиболее ценный клад Удоканских гор, содержат самое большое количество меди, они легко обогащаются, их залегаания отличаются однотипностью и равномерностью, столь важными для промышленной разработки.

Близ БАМ находятся и залежи «камня плодородия» — Селегдарское месторождение апатитов на Алдане и Удско-Селемджинский фосфоритоносный район в Хабаровском крае. Будущее производство минеральных удобрений укрепит базу химизации сельского хозяйства Восточной Сибири и Дальнего Востока, а это существенная сторона того процесса, который подчас величается «зеленой революцией».

Естественно, что не прокладка трассы БАМ проектанты предопределила открытие названных месторождений. Они были разведаны трудом многих поколений исследователей. Подвижники геологической, географической, экономической и многих других областей науки десятилетиями собирали сведения об этих труднодоступных краях. Точки удачных проб постепенно сливались в линии контура месторождений. Немало ломалось копий на турнирах научных и ведомственных споров, прежде чем устанавливалась целесообразность разработок богатств глубинных сибирских районов, отстоящих на 300—500 км от существующих путей сообщения.

Подвигу исследователей недр под стать подвиг проектировщиков дороги, которые исходили тысячи верст по тайге, горам, марям и болотам и проверили на местности сотни вариантов, прежде чем сойтись на одном — оптимальном, учитывающем все интересы.

В названиях будущих станций, сопков, перевалов, каньонов, в памяти поколений навсегда останутся имена рыцарей труда, не щадивших сил во имя постижения сибирских тайн, во имя включения этой суровой земли в актив коммунистического строительства.

Стальной жгут Байкало-Амурской магистрали позволяет связать открытые месторождения в прочный узел комплексной промышленной разработки.

## **БАМ — это комплекс**

Ко времени, когда развернулось строительство БАМ, наша страна накопила огромный опыт освоения новых районов, создания на бывших пустырях индустриальных центров. Стройки Кузбасса и Магнитки, а позднее Братска, создание ВАЗа стали этапами внедрения комплексного метода изучения и использования местных возможностей, а также прилагаемых к ним сил и средств.

Открывая доступ к богатейшим ресурсам этого края, его гигантским природным кладовым, говорил Л. И. Брежнев в связи с началом сооружения БАМ, мы приступаем к хозяйственному освоению всей зоны. Размах работ на БАМ, отмечал Генеральный секретарь ЦК КПСС, с особой силой подчеркивает необходимость грамотно подойти ко всем проблемам этой великой стройки, решать текущие вопросы не под

влиянием стихийного наплыва событий, а исходя из точных, научно обоснованных представлений о перспективе комплексного развития этого обширного района<sup>3</sup>.

Понятие «комплекс» сейчас и многогранно и конкретно. Если речь идет только о производственной стороне дела, оно означает совокупность предприятий и производств, объединенных единым технологическим циклом — от добычи сырья до выпуска готовой продукции. Разнородные предприятия, размещенные на одной территории и связанные общими коммуникациями, вспомогательными службами, заботами о районах поселения своих рабочих и служащих, создают территориально-производственные комплексы (кратко — ТПК).

Эти комплексы не имеют административного или юридического оформления. К сожалению, пока еще многие из них не имеют и того, что у экономистов принято называть «отдельной строкой» в плане и бюджете. Их объединяет экономическая целесообразность общего развития предприятий и территории. Их опекает забота государственных плановых организаций и местных органов власти.

Комплекс Байкало-Амурской магистрали во многом опередил своих старших братьев — Западно-Сибирский комплекс, Братско-Усть-Илимский, Саяно-Шушенский и т. д. Его развитие в большей мере определено как организационное целое: главный элемент освоения территории — строительство железной дороги — имеет полное обеспечение единым государственным планом.

Разумеется, осуществить сплошной фронт изыскательских, строительных, эксплуатационных работ на всем четырехтысячекилометровом протяжении БАМ невозможно. Да и нужды в этом нет в силу того, что не каждый километр из этих четырех тысяч в равной степени одарен природой. Поэтому вся трасса БАМ предстает как бы гирляндой территориально-производственных комплексов, каждый из которых группируется вокруг какой-либо отрасли производства.

Сказать, сколько и какие комплексы будут на всем протяжении БАМ, сейчас можно только с определенной долей приближения. Практика новостроек Сибири показывает, что география комплексов может меняться под влиянием внутренней динамики их развития и вновь возникающих задач. Так, еще в восьмой пятилетке устойчиво употреблялось понятие «Братский ТПК», а реальностью наших дней стал Братско-Усть-Илимский комплекс, кладущий начало отсчету с Запада всей системе ТПК, которая вскоре развернется вдоль Байкало-Амурской магистрали.

Далее к Востоку возникнут Верхне-Ленский ТПК с крупным лесопромышленным производством, Северо-Байкальский с залежами цветных руд и хризотил-асбеста. В этой части трассы БАМ возможно интенсивное развитие сельского хозяйства. Муйская долина с ее 30 тыс. га плодородной земли может дать этому комплексу славу главного огорода и молочной фермы БАМ.

Поблизости расположится Удоканский горнорудный комплекс. На его перспективах стоит особо остановиться. Здесь на базе мощного месторождения меди планируется строительство комбината и города на десятки тысяч жителей. Уже сейчас Удокану исследователи, проектировщики и прежде всего энтузиасты развития Сибири сулят судьбу, аналогичную судьбе Норильска или Магадана. Этот прогноз может оказаться вполне реалистичным, если учесть размеры удоканских богатств и в то же время большую благоприятность климата в районе

<sup>3</sup> См. Л. И. Брежнев в Ленинском курсом. М., 1976, т. 5, стр. 311.

БАМ по сравнению с заполярным. Все познается в сравнении: Забайкалье набирает немало очков в сопоставлении с вьюжными широтами Крайнего Севера.

Северный отросток трассы Малой БАМ составной частью входит в Южно-Якутский ТПК с его угольной, железорудной, а возможно, и металлургической промышленностью. Этот комплекс уже определился как самостоятельная экономико-географическая единица. К нему раньше всех подойдет железная дорога, и раньше всех за счет добычи угля он начнет возвращать стране средства, вложенные в БАМ. Это будет значительно раньше, чем рельсы соединят все тоннели и мосты к востоку и западу от станции Тында.

Говоря о двух последних ТПК, хотелось бы сделать небольшое отступление. Дело в том, что история открытия главных их богатств — угля и меди — имеет одну общую черту: честь открывателей того и другого принадлежит женщинам. С. Каримова, главный геолог Южно-Якутской комплексной экспедиции, была в числе тех, кто первым разведдал угольные залежи Алдана. А иркутский геолог Е. Бурова первой обнаружила медную руду Удокана.

На якутской земле с участием женщин были обнаружены алмазы. Руководитель 132-й геологической партии Якутии Н. Кинд составила прогнозную карту, с помощью которой была найдена кимберлитовая трубка «Мир». И одним из трех геологоразведчиков, обнаруживших это залегание также была женщина — Е. Елагина. Нужно иметь недюжинный запас воли и мужества, чтобы разгадать тайны природы этих, пожалуй, наиболее суровых районов Сибири. Подвиги женщин-первопроходцев отмечены высокими правительственными наградами.

Кроме упомянутых выше, на трассе БАМ будут создаваться комплексы: Западно-Амурский с центром в нынешнем поселке Тында, на стыке Большой и Малой БАМ, Зейско-Свободненский с энергетической сердцевиной в виде Зейской ГЭС, Ургало-Селемджинский, Нижне-Амурский с центром в Комсомольске-на-Амуре и Совгаванский на побережье Тихого океана.

В свою очередь, территориально-промышленные комплексы будут состоять как бы из крупных блоков — промышленных узлов. При их создании также будет использован сложившийся опыт сибирского развития. Так, из крупных индустриальных узлов — Минусинского, Шушенского — складывается нынешний Саяно-Шушенский ТПК.

На БАМ, например, Ургало-Селемджинский комплекс может включать: Ургальский узел с добычей угля, переработкой древесины, а также крупной нефтебазой, так как здесь нефть с рельсового будет перегружаться в трубопроводный транспорт, чтобы следовать дальше, к Тихому океану; Селемджинский узел с лесопромышленными и металлургическими предприятиями; Буренский — с мощным энергетическим центром — Буренской ГЭС.

Формирование ТПК и промышленных узлов представляет собой существенную часть современной стратегии развития необжитых районов. И если по трассе БАМ не везде еще четко определились их границы и целевая ориентация, то это лишь подчеркивает живой характер становления комплексов. Незавершенность этого процесса естественна, ибо пока еще есть время взвесить все «за» и «против», чтобы в дальнейшем, при строительстве магистрали на всем протяжении, были приняты наиболее рациональные решения.

Комплексность строительства на БАМ предполагает не только тесную увязку производственных и экономических интересов предприятий. Что весьма существенно, в комплексе должны быть учтены все

социальные, так сказать, житейские аспекты. Пока трудно точно сказать, сколько будет жить людей в прилегающей к БАМ зоне хозяйственного освоения, но уже ясно, что речь идет о сотнях тысяч человек. Ведь только обслуживать магистраль будут 35 тыс. железнодорожников и специалистов других профессий.

Обеспечение потребностей людей здесь — дело сложное и капиталоемкое. Как подсчитали специалисты, на одного работника в районах Крайнего Севера (а вся трасса БАМ по уровню материального обеспечения приравнена к таким районам) приходится затрачивать в производственной сфере до 40 тыс. рублей. Устройство одного вновь прибывшего на БАМ с учетом подъемных, транспортных и прочих необходимых расходов обходится более чем в 10 тыс. рублей.

Опыт многих новостроек Сибири показал, как дорого на практике обходится так называемое временное и удешевленное строительство.

Наше социалистическое общество ставит задачу рационального расходования государственных средств, которые имеют только один источник — труд человека. В то же время это общество выработало и эффективное средство рационализации затрат — плановую систему хозяйствования, опирающуюся на достижения передовой науки и практики.

Во многих поселках БАМ буквально с первых минут стали думать о том, как избежать «временок». Передвижные дома-вагоны в поселках первостроителей служат именно этой цели: с домика на колесах сразу строить фундаментальные здания с современным комплексом удобств.

Среди пионеров в этом деле можно было бы назвать строителей поселка Тынды. Об особом статусе поселка возвещает транспарант на известном аэродроме: «Добро пожаловать в Тынду — столицу БАМ!» 3 1974 г. здесь было 3,5 тыс. жителей, два года спустя — 30 тыс.

Как положено столице, в Тынде (более правильное название — посёлок Тындинский) ведется крупномасштабное строительство, которое, пожалуй, следует считать образцовым.

Центральную часть городка занимает квартал высотных по критериям этой части страны зданий — в 9 этажей. Планируется построить 12 таких комфортабельных домов. Их строят шефы Тынды — строители Москвы. И кажется, будто это часть Чертанова, Давыдкова, Химок-Ховрина или другого московского микрорайона, бережно перенесенная рукой великана на сибирскую новостройку. Те же, знакомые по Москве панели, только утяжеленные с поправками на местность. Та же планировка одно-, двух- и трехкомнатных квартир, ставшая нормативной при заселении бывших московских окраин. 14 тыс. м<sup>2</sup> жилья построят москвичи на станции Тынды.

Конечно, недешево обходится транспортировка сюда из Москвы каждой детали сборного строительства, но зато в центр будущих строек доставлены эталоны, в полном объеме учитывающие возможности и требования нынешнего жизненного стандарта. Такие дома еще долгие годы будут украшать трассу БАМ, и поколения людей с благодарностью вспомнят труд московских строительных бригад, оставивших о себе добрую славу.

Так же обстоят дела и в других районах БАМ, где шефы строек, строительные организации Ленинграда, союзных и автономных республик, краев и областей Российской Федерации, взяли обязательство построить жилье, объекты культуры и быта в 45 городах и поселках.

Конечно, инерция сложившейся практики строительства, стремление вырваться вперед прежде всего на главном направлении, то есть на производственных объектах, и на трассе БАМ нередко отодвигают

из квартала в квартал открытие клубов, магазинов, бань и других объектов культурно-бытового назначения. Даже в Тынде эта часть строительства сильно отстает от производственной, хотя по объему работ она не так-то уж велика. А в результате нарушается социально-экономическая и производственная гармония, заложенная в идее комплексного строительства.

Следует заметить, что дисбаланс такого рода сейчас уже не рассматривается как неизбежная или даже предопределенная черта стройки. Это, скорее, издержки, вызванные какими-либо недостатками местного планирования, снабжения и т. д. О них упоминают с досадой и неизменно с оговоркой: будет поправлено в ближайшее время. Видимо, такие оговорки отражают истинное желание строителей, так как стала всеобщей истина, что ни одно производство в новом районе не сможет функционировать нормально, если оно не обеспечено в должной пропорции жилыми домами, детскими садами, больницами, школами, магазинами и т. д. и т. п., то есть тем, что и составляет в полном объеме понятие «населенный пункт».

Одной из главных сторон комплексного сооружения БАМ стало создание прочной базы строительной индустрии и ремонта техники. Одновременно со строительством путей и мостов на восточном и западном участках началось формирование инфраструктуры всего района трассы. Стройка сама по себе потребовала обеспечения специальным транспортом. Началась прокладка дорог, линий связи. Зейская, Братская и Усть-Илимская ГЭС дали строителям электроэнергию. Часть электроэнергии вырабатывается подвижными железнодорожными энергоустановками.

Озерный флот Байкала пополнился судами морского класса, специально построенными кораблями Улан-Удэ для перевозки крупногабаритных грузов для строителей БАМ.

Опорой тыла обширных строительных работ станет город Шимановск в Амурской области. Еще с зимы 1972 г. здесь развернулась подготовка к созданию комплекса предприятий строительной индустрии. В конце 1976 г. введена в действие вторая очередь завода железобетонных конструкций. Конструкции мостов, станционных сооружений, предприятий идут отсюда на стройки БАМ. Четыре специализированных цеха должны давать более 70 тыс. м<sup>3</sup> мостовых и других сборных железобетонных конструкций. Четыре других цеха готовятся к выпуску панелей для новой серии жилых зданий с улучшенной планировкой квартир. Здесь же расположены цеха по производству санитарно-технического оборудования, керамзита и щебеночный завод. Все основные технологические процессы в них механизированы и автоматизированы.

В Шимановске создается и новое по профилю предприятие — завод по ремонту строительной-дорожной техники. На этом деле следует остановиться особо.

Трудно найти такую стройку, которая была бы столь насыщена техникой, как БАМ. Здесь находят применение самые совершенные и наиболее мощные машины не только советского производства, но и многих других стран. Такая концентрация техники естественна, ведь планы строительных организаций предусматривают использование минимума рабочих рук. А это значит: каждый строитель должен быть вооружен возможно более эффективными орудиями труда.

Район Тынды, например, можно сравнить с полигоном по испытанию новой, точнее, новейшей техники. В поле зрения находятся подчас экскаваторы, бульдозеры, тягачи и самосвалы с марками фирм 6—8 стран. Здесь работают наиболее производительные машины мно-

гих государств, техника из ФРГ, Японии, США.

И надо сказать, что при соприкосновении со скальными породами и вечной мерзлотой Сибири не все они достигают столь высокой производительности, как это значит в красочных проспектах, отпечатанных в Осаке или Гамбурге. Да и температурные перепады здешних мест обладают большой разрушительной силой. Ведь разница между верхней отметкой на термометре летом (30—40° тепла) и нижней — зимой (50—60° мороза) может достигать в целом 80—100°, как редко где в мире.

Водители, например, жаловались, что западногерманские карьерные самосвалы снашивают в Тынде свою «обувь» в 2—3 раза быстрее, чем это гарантировалось фирмой. Не выдерживают нагрузок трансмиссии, подвески некоторых машин и т. д.

Обширный и довольно-таки пестрый машинный парк стройки БАМ потребовал создания фундаментальной ремонтной базы. Эту задачу, в частности, и будет решать завод по ремонту техники в Шимановске. Здесь концентрируются квалифицированные кадры, обеспеченные такими механизмами, станками и приборами, которые позволят продлить рабочую жизнь самого широкого набора дорожных и строительных машин.

Создание прочной строительной и ремонтной базы, естественно, не превращает БАМ в автаркичное хозяйство. Вместе с тем это является важным звеном формирования единого строительного комплекса.

## Международные аспекты

Ни одна другая крупная стройка Советского Союза не вызывала в последнее время столько откликов за рубежом, как Байкало-Амурская магистраль.

Тепло и с воодушевлением приветствовали начало строительства наши друзья из стран социализма. Многие из них — активные участники стройки и вносят свой вклад через установившуюся систему интеграционных связей. Здесь работает техника, созданная машиностроителями государств — участников СЭВ. В диспетчерских, в пунктах управления устанавливаются надежные АТС и АСУ, блоки приборов, которые создаются в странах Восточной Европы. Немало добрых слов сказано бамовцами в адрес монгольских друзей, в прямом смысле слова согревающих строителей теплом своего труда — 15 тыс. меховых полушубков было передано трудящимися МНР в дар участникам великой стройки. Решение об этом было принято во время пребывания в Улан-Баторе Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в ноябре 1974 г.

О большом вкладе трудящихся социалистических стран в обеспечение нужд строителей БАМ можно судить по прилавкам магазинов на всем протяжении трассы. Обувь, одежда — рабочая и праздничная, — продукты питания часто несут на себе фирменные знаки стран СЭВ и, надо сказать, пользуются большим спросом населения.

Принимают участие в стройке и посланцы братских стран. Из студентов, обучающихся в советских вузах, формируются интернациональные строительные отряды. Эти отряды, например, участвовали в сооружении вторых путей на участке Тайшет — Усть-Кут. В совместном труде формируются интернационалистические черты характера человека социалистического общества.

Небезучастными к судьбе БАМ остаются и страны капитализма. Но их подход бывает неоднозначным. В 1974 г. весть о начале реализации проекта БАМ вызвала в ряде столиц замешательство. Стали гадать, имеет ли эта стройка международное значение, и если да, то какое. Наиболее оголтелые недруги нашей страны пустили в ход версию, что-де строительство магистрали преследует военно-стратегические цели. На этом основании даже стали призывать сократить экономические контакты с СССР, чтобы никоим образом не способствовать прокладыванию второго пути от Байкала к Тихому океану. Такие измышления опровергла сама жизнь. Сооружение БАМ, несомненно, имеет значение, по своим экономическим последствиям выходящее за рамки СССР. Но такое же значение имеют и другие стройки нашей страны — КамАЗ, разработка КМА, Ангарский каскад гидроэлектростанций, Атоммаш и т. п. Каждая из них призвана увеличить экономическую мощь нашей страны, каждая из них поднимает уровень производства национального продукта и вместе с тем делает весомее позиции социализма в балансе мировых сил.

Вместе с тем каждая из этих строек, как и тысячи других, есть ступенька во внутреннем развитии Советского Союза, которое никакими заклинаниями не остановить. Будут и дальше осваиваться Сибирь и Крайний Север, будут прокладываться новые магистральные пути. Кому это не по душе, должен осознать тщетность попыток остановить или затормозить наше поступательное развитие. Ну, а кто проявляет к этому интерес, может рассчитывать на выгоды сотрудничества в осуществлении созидательных задач.

Как говорил в интервью с корреспондентом «Правды» глава австрийской фирмы «Плассер унд Тойрер» Иозеф Тойрер, никакая другая дорога не предоставляет такого простора для международного сотрудничества, для эксперимента, для создания и внедрения новых машин, как БАМ; участвовать в такой стройке — большая честь<sup>4</sup>.

Выше уже отмечалось, что на БАМ сотрудничает и соперничает техника ряда капиталистических стран. Однако немалое поле деятельности открывается не только на самой стройке, но и вокруг нее, в разработке месторождений в зоне, тяготеющей к магистрали.

Примером может служить сотрудничество Советского Союза с рядом японских фирм в разработке коксующегося угля на юге Якутии. В июне 1975 г. в Москве было подписано генеральное соглашение о поставках южнокутского угля в Японию, которые должны превысить к 1986 г. пять млн. т в год. На компенсационной основе японские компании предоставили кредит в сумме 450 млн. долл. для закупки машин и оборудования. Соглашение заключено на взаимовыгодной основе. И оно самым тесным образом связано со стройкой БАМ, так как должный путь к Японии уголь начнет со станции Биркакит на меридианальном ответвлении этой магистрали.

Не нужно быть провидцем, чтобы утверждать, что интерес к зоне БАМ будет расти прямо пропорционально продвижению рельсовой трассы в глубь тайги.

Есть и еще один международный аспект стройки БАМ. Многим странам, особенно из числа развивающихся, преображение этого края покажет, какими огромными созидательными силами обладает социализм, как умножает этот строй возможности народа, какие перспективы открывает для оживления пустынных земель, использования их богатств на службу обществу.

<sup>4</sup> «Правда», 3.V.1976.

\* \* \*

Название БАМ стройкой века представляет собой не литературную метафору. В этом определении отражается понимание исторической роли всего комплекса строительства в преобразении и вовлечении в хозяйственный оборот страны обширного района, равного по территории многим государствам.

БАМ — это гигантский рычаг, с помощью которого будут освоены глубинные богатства Сибири, советские люди получают возможность поставить себе на службу ее ресурсы.

Значение стройки не ограничивается прокладкой стальной магистрали и не исчерпывается хозяйственным освоением прилегающей зоны. Оно включает создание платформы для наступления и на более отдаленные и еще более обширные районы. Отмечая важность БАМ, первый секретарь Якутского обкома КПСС Г. И. Чиряев говорил с трибуны XXV съезда партии, что крупная индустрия шагает дальше на север и подлинно революционизирующую роль сыграло бы строительство в перспективе железной дороги в Центральную Якутию и далее — на северо-восток страны.

Ретроспективно рассматривая последовательность наращивания Ангарского каскада или создания электростанций на Енисее, нельзя не заметить, что самое сложное — это первые шаги: формирование строительных коллективов, создание индустриальной базы строительства. Когда есть то и другое, фронт работ будет все время выходить на новые рубежи. Будут множиться строительные отряды, оседать в новых городах одни строители и им на смену приходиться поколение других.

Строительство БАМ — это одно из важнейших звеньев утвержденного XXV съездом КПСС стратегического плана интенсивного развития восточных районов страны. Эта стратегия опирается на могучие силы, выкованные Советским Союзом в процессе коммунистического строительства, она учитывает энтузиазм советских людей, горячо поддерживающих планы Коммунистической партии.

На строительстве Зейской ГЭС на видном месте можно было видеть лозунг: «Партия сказала: надо! Мы отвечаем: есть!» Такой лозунг можно видеть и в поселке Тында и на других участках строительства БАМ. Эти скупые слова полно и емко отражают волю строителей, их решимость в срок и высококачественно построить магистраль. Правильная стратегия партии, помноженная на поддержку масс, служит верной гарантией успеха строительства БАМ, реализации всех связанных с ним планов.

## Морские транспортные связи советского Дальнего Востока

---

*Т. Б. Гуженко,  
министр морского флота СССР*

**С**ибирь, Дальний Восток — огромные просторы нашей Родины, одна из богатейших кладовых ее минеральных и органических ресурсов, которые из года в год по планам КПСС и Советского правительства, в результате героического труда советского народа все полнее используются для развития экономики страны.

Нефть, газ, уголь, черные и цветные металлы, строительные материалы, машины, станки, разнообразное оборудование, рыба и морепродукты, продукция сельскохозяйственного производства, товары народного потребления с маркой предприятий Сибири и Дальнего Востока играют все более существенную роль не только в удовлетворении внутренних потребностей, но и во многих случаях стали или становятся традиционными статьями экспорта в бурно развивающихся внешнеэкономических связях Советского Союза со многими странами мира.

В силу природно-климатических и географических условий здесь, как нигде в других районах страны, существуют взаимосвязь и взаимообусловленность развития морского транспорта и таких отраслей экономики, как лесная, горнорудная, угольная, нефтяная, рыбная, для которых морской транспорт является наиболее надежным и эффективным средством массовых перевозок грузов. Еще в большей степени это касается и внешнеторговых связей.

Морские сообщения между Приморьем и Сахалином, пунктами Охотского побережья, Камчаткой, Чукоткой, перевозки по трассе Северного морского пути имеют давнишнюю и славную историю. Из портов советского Дальнего Востока в 67 стран мира ходят сотни морских транспортных судов под флагом нашей Родины как посланцы мира и доброй воли, как материальная основа взаимовыгодных торгово-экономических отношений. Они совершают ежегодно свыше 7 тыс. рейсов.

За послевоенные годы и особенно за годы восьмой и девятой пятилеток, в соответствии с темпами роста экономики Дальнего Востока шло ускоренное комплексное развитие морского транспорта как совокупности флота, портов, судоремонтных заводов и других обслуживающих перевозку хозяйств. Научно-технический прогресс в развитии материальной базы подкреплялся, а зачастую предопределялся широкой, планомерно осуществляемой программой социального развития коллективов работников морского транспорта, что конкретно проявлялось в создании научно-исследовательских и проектно-конструкторских организаций, специализированных учебных заведений для подготовки кадров и повышения их квалификации, в жилищном и культурно-бытовом строительстве, создании сети детских дошкольных учреждений, объектов здравоохранения, профилакториев, межрейсовых домов отдыха моряков, клубов, дворцов культуры, плавательных бассейнов, стадионов и других сооружений.

Потребности страны во внутренних (каботажных) и внешнеторговых (экспортно-импортных) перевозках на Дальневосточном бассейне обеспечивают четыре пароходства: Дальневосточное (г. Владивосток), Приморское (г. Находка), Сахалинское (г. Холмск), Камчатское (г. Петропавловск-Камчатский). В составе этих пароходств, три из которых сухогрузные и одно танкерное (Приморское), имеются все основные типы современных транспортных судов суммарной грузоподъемностью 2,7 млн. т для перевозки пассажиров, сухих и жидких грузов.

Пассажирские суда Дальневосточного пароходства осуществляют перевозки вдоль побережья Приморья, между Приморьем и Сахалином, Охотским побережьем, Курильскими островами, Камчаткой, а также совершают круизные путешествия по этим маршрутам и между Приморьем, Японией и странами Юго-Восточной Азии, в том числе и круизы «Из зимы в лето» (из зимнего Приморья в воды Индийского океана).

Дальневосточное пароходство располагает значительным сухогрузным флотом универсального назначения и специализированным. В состав последнего входят лесовозы-пакетовозы типа «Пионер Приморья» грузоподъемностью 4900 т и «Влас Ничков» грузоподъемностью 14 000 т, контейнеровозы с вертикальным и горизонтальным (тип Ро—Ро) способом производства погрузочно-разгрузочных работ (типа «Сестрорецк», «Александр Фадеев», «Художник Сарьян»), щеповозы (типа «Григорий Алексеев» грузоподъемностью 16 700 т), рефрижераторные суда для перевозки скоропортящихся грузов и т. д.

Для обеспечения арктической навигации по трассе Северного морского пути, а также зимней навигации в замерзающие порты Приморья, Сахалина, Охотского побережья и Камчатки Дальневосточное пароходство располагает мощным ледокольным флотом, флагманом которого является ледокол «Ермак» с мощностью главных двигателей 36 тыс. л. с.

В составе Сахалинского пароходства успешно работает серия судов — железнодорожных паромов, построенных калининградскими судостроителями. Они обеспечивают круглогодичную транспортную связь Сахалина с материком через порты Холмск и Ванино. На каждом из таких судов, помимо железнодорожных вагонов перевозятся в специально оборудованных каютах 72 пассажира. На вагонной палубе можно также транспортировать автомобили, тракторы и другую колесную технику.

В Приморском пароходстве сосредоточен танкерный флот, который обеспечивает перевозку нефти, нефтепродуктов, растительных жиров, масел, спиртов, патоки и других жидких грузов в каботажном и заграничном плавании. В составе этого пароходства имеется серия танкеров усиленного ледового класса типа «Самотлор» грузоподъемностью 14 500 т, созданных по специальному проекту для перевозки жидких грузов в тяжелых ледовых условиях Арктики.

Характерной особенностью технико-экономических требований при проектировании и строительстве судов было предварительное выполнение ряда специальных изысканий по повышению их экономической эффективности, росту производительности труда моряков.

Дальнейшее значительное развитие получила материально-техническая база берегового хозяйства. Построенные заново или реконструируемые морские порты становятся крупными, хорошо механизированными транспортными узлами и базами не только производства погрузочно-разгрузочных работ, но и комплексного обслуживания флота, включая междурейсовый ремонт, техническое и производственное снабжение, организацию досуга и отдыха моряков.

Рядом с портом Находка уже действует несколько комплексов первой очереди Восточного порта — детища девятой пятилетки. Здесь производится отгрузка на экспорт леса, древесной технологической щепы с пропускной способностью 800 тыс. т в год, здесь находится также контейнерный терминал — конечная точка международной транссибирской контейнерной линии, связывающей европейские страны с Японией и с государствами Юго-Восточной Азии.

В 1976 г. по этому маршруту с перегрузкой в Находкинском и Восточном портах на суда-контейнеровозы Дальневосточного пароходства и японской компании «Ямасито синнихон кисэн» проследовало из Японии в европейские страны и обратно 100,8 тыс. 20-футовых контейнеров международного стандарта. Следует отметить, что эта международная транспортная линия, идущая из портов Европы через советские прибалтийские порты Ленинград, Рига, а затем по железной дороге до Находки и Восточного порта с каждым годом становится все более популярной, о чем свидетельствуют высокие темпы ежегодного роста грузооборота. Привлекательность этого маршрута протяженностью 13 000 км в экономии времени по сравнению с маршрутами вокруг Африки (27 000 км) или через Суэцкий канал (20 500 км), хорошем качестве сервиса и более низкой стоимости.

Контейнерные терминалы созданы почти во всех основных дальневосточных портах, занятых перевалкой грузов, идущих в каботажном плавании на Сахалин, Камчатку, Магаданскую область и в другие районы Крайнего Севера. Перевозка грузов в контейнерах в эти районы чрезвычайно эффективна по всем экономическим показателям. Исследования и многолетняя практика показывают, что при обычной транспортировке штучных грузов, например из европейской части страны на Чукотку, каждое товарное место в пути следования подвергается до 16 раз различным перегрузкам с затратами большого количества порой тяжелого ручного труда. Контейнер же на таком маршруте сокращает количество перевалок до 4—5, и все они осуществляются механизированным способом, без применения тяжелого физического труда. Перевозки грузов в контейнерах и пакетах на морском транспорте за годы девятой пятилетки увеличились в 3,5 раза.

Десятая пятилетка — новая высота, на которую шаг за шагом поднимается страна Советов в неуклонном поступательном движении к коммунизму. Новый этап созидательных работ характеризуется небывало крупными масштабами хозяйственного и культурного строительства, неуклонным подъемом благосостояния трудящихся. Огромный экономический потенциал, созданный в нашей стране, обеспечивает практическое осуществление программной задачи — построение материально-технической базы коммунизма. Необходимыми условиями для достижения этой цели являются многоотраслевая технически современная промышленность, усиленно развивающееся сельское хозяйство, богатейшие природные ресурсы, высококвалифицированные кадры рабочих, специалистов, хозяйственных руководителей. Задача состоит в том, отмечалось на XXV съезде КПСС, чтобы с максимальной эффективностью использовать все эти благоприятные условия, поставить на службу создания материально-технической базы коммунизма все объективные и субъективные факторы общественного развития, все резервы социалистического способа производства.

В решении этой задачи значительно возрастает роль транспорта, грузооборот которого увеличится за годы десятой пятилетки примерно на 30%, при росте пассажирооборота транспорта общего использования на 23%. Для этого будет обеспечено дальнейшее развитие и техни-

ческое оснащение всех видов транспорта путем внедрения новейших и специализированных транспортных средств, увеличения грузоподъемности подвижного состава и флота, а также расширения транспортного дорожного строительства, в первую очередь, во вновь осваиваемых районах Севера, Сибири и Дальнего Востока для ускоренного развития этих районов.

Дальнейшее распространение на транспорте получают средства автоматизации, телемеханики и автоматизированных систем управления перевозками и технологическими процессами.

В «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 гг.», утвержденных XXV съездом КПСС, перед транспортниками поставлены задачи:

— продолжить разработку оптимальных схем перевозок грузов с учетом необходимости устранения нерациональных перевозок, улучшить использование и взаимодействие различных видов транспорта; совершенствовать технологию организации перевозок; обеспечить большую ритмичность погрузочно-разгрузочных работ в течение недели и суток; увеличить объем перевозок грузов в контейнерах, прежде всего крупнотоннажных; повысить уровень комплексной механизации погрузочно-разгрузочных работ на всех видах транспорта и на подъездных путях предприятий, строек и организаций; осуществить дальнейшее развитие промышленного транспорта; увеличить мощность существующих причалов и ввести в действие новые механизированные причалы предприятий, строек и организаций; обеспечить проведение мероприятий по дальнейшему повышению безопасности движения; повысить культуру обслуживания пассажиров на всех видах транспорта.

В десятой пятилетке морской транспорт призван полнее удовлетворять возрастающие потребности народного хозяйства во внешнеторговых и каботажных перевозках, улучшить доставку грузов в районы Крайнего Севера и Дальнего Востока, увеличить объемы и повысить эффективность экспорта транспортных услуг. В этой связи намечено увеличить мощность морских портов, для чего строятся механизированные перегрузочные комплексы пропускной способностью 42,4 млн. т в год с причалами протяженностью 7034 м. Для сравнительной оценки научно-технического прогресса в развитии портов заметим, что в предыдущей, девятой пятилетке введены были мощности на 15,4 млн. т с причальной линией длиной 8741 м, то есть пропускная способность дорогостоящего погонного метра причала за счет технических решений увеличивается в среднем в 3 раза.

Новые высокомеханизированные портовые комплексы большой пропускной способности будут сооружены прежде всего в Восточном порту, в порту Нагаево и др. В Восточном порту войдет в строй угольный перегрузочный комплекс пропускной способностью 10 млн. т в год при часовой производительности одной конвейерной линии 2000 т.

Транспортный флот Дальневосточного бассейна пополнится высокопроизводительными сухогрузными и наливными судами. Повысится доля специализированного флота — лесовозов, контейнеровозов, трейлеровозов, судов для навалочных грузов и других судов. Появятся здесь первые лихтеровозы типа «LASH» для перевозки грузов между портами Дальнего Востока и Крайнего Севера, а также (в зимний период) и на других направлениях, включая заграничные перевозки. Преимущества этого типа судов перед другими в возможности перевозить на них в морском сообщении грузы из мелководных речных портов и пристаней в прямом и обратном направлениях от мест производства до мест потребления без перегрузочных операций по схеме «от двери до двери».

Другим новым типом судов, которые пополняют флот Дальневосточного пароходства являются буксирно-баржевые составы для перевозки экспортного леса из низовьев Амура и портов Приморья в Японию. На одну баржу помещается до 12 000 м<sup>3</sup> древесины. Эффективность применения таких составов состоит в том, что пока одна баржа загружается в одном порту, а вторая выгружается в другом, буксир может находиться в море с третьей или выполнять какую-нибудь другую транспортную работу. Выгрузка леса проста и оригинальна: вода наполняет балластные танки правого борта, судно кренится на 15°, и лес в считанные минуты вываливается прямо в воду или на берег.

В пассажирский флот будут поступать суда типа «Белоруссия» и «Мария Ермолова», а также грузопассажирские суда нового типа, рассчитанные на 350 пассажиров и 250 автомобилей.

Пополнится и обновится служебно-вспомогательный, аварийно-спасательный, технический и портовый флот. В его состав войдут плавучие краны отечественной постройки типа «Витязь» грузоподъемностью 1000/1600 т для выполнения погрузочно-разгрузочных работ при транспортировке тяжеловесного оборудования, а также для строительных и аварийно-спасательных работ.

Дальнейшее развитие получит судоремонтная промышленность, будет завершено строительство первой очереди судоремонтного завода в Славянке. Всего на развитие морского транспорта на Дальнем Востоке намечено направить 1,67 млрд. руб. капитальных вложений, в том числе на строительство флота 736 млн. руб., береговых объектов производственного назначения 430 млн. руб., на строительство жилья и культурно-бытовых объектов 143 млн. руб. Для улучшения подготовки и переподготовки кадров будет расширена сеть учебных заведений. В дополнение к существующим Владивостокскому высшему инженерному училищу имени адмирала Г. И. Невельского, двум средним мореходным училищам (Владивостокскому и Сахалинскому), мореходным школам и профтехучилищам будут созданы специальные училища для подготовки докеров-механизаторов, расширены действующие школы для подготовки плавсостава и рабочих судоремонтных специальностей.

За годы девятой пятилетки на морском транспорте получил развитие ряд новых, оказавшихся плодотворными, идей в области управления, планирования и регулирования, организации и технологии процесса перевозок, погрузочно-разгрузочных работ и обслуживания флота. В основу этих идей положена оптимизация производственных процессов, как конкретное воплощение одного из важнейших экономических законов социалистического способа производства — закона планомерного, пропорционального развития. Оптимизация дает возможность обеспечить наиболее эффективное использование материальных и трудовых ресурсов во всех звеньях морского хозяйства и отрасли в целом.

Научно-технический прогресс на морском транспорте не только создает возможность применения научно обоснованных оптимальных методов производственного процесса, но и, как показывает опыт, предопределяет их безусловную необходимость. Эта необходимость диктуется, во-первых, задачей максимально эффективного использования современного производительного оснащения морского транспорта, и, во-вторых, возрастающими из года в год масштабами его деятельности в условиях усложняющихся взаимосвязей внутреннего и особенно внешнего характера, связанных со все более широким его участием в международных перевозках. Достаточно сказать, например, что транспортные суда под флагом нашей Родины в 1976 г. посетили 1423 порта 123 стран мира, совершив свыше 30 тыс. рейсов.

Развитие социалистического соревнования за досрочное выполнение планов, за повышение эффективности использования основных и оборотных фондов, охват экономической учебой всех категорий работников, улучшающаяся постановка изучения, обобщения и распространения передового опыта, роста творческой инициативы работников, расширение форм и методов их участия в управлении хозяйством, моральное и материальное стимулирование — все это создало и создает благоприятные условия как для выработки, так и для реализации оптимальных решений. Экономико-математическое моделирование, расчет различных вариантов решений с использованием электронно-вычислительной техники создает широкие возможности для этого в повседневной практической деятельности пароходств, портов, судоремонтных заводов и других подразделений, обеспечивающих перевозки.

В девятой пятилетке завершено создание первой очереди «АСУ — Морфлот» как совокупности функциональных подсистем и АСУ ряда пароходств, портов и судоремонтных заводов. В десятой пятилетке предусмотрено дальнейшее развитие функциональных подсистем и производственных систем «АСУ — Морфлот».

Система непрерывных графиков работы флота и портов дает возможность предвидеть и оценивать условия работы каждого судна за пределами времени, охватываемого текущим рейсом, оптимизировать выбор назначений рейсов, квалифицированно маневрировать флотом в условиях меняющейся обстановки, регулировать подачу судов в отдаленные порты с учетом прогнозируемой их загрузки.

В совершенствовании системы управления и организации производства в условиях морских портов главное внимание в настоящее время сосредоточено на совершенствовании деятельности бригад портовых рабочих, характер и содержание труда которых за последние годы под влиянием научно-технического прогресса претерпели коренные изменения. Интересен характер этих изменений и его динамика.

Сначала это были бригады грузчиков, выполнявших почти все погрузочно-разгрузочные операции вручную. Затем по мере механизации трудоемких и тяжелых работ появились комплексные бригады портовых рабочих в составе 12—15 человек с преобладающим количеством классных специалистов — механизаторов, имеющих соответствующее образование и практический опыт управления машинами и механизмами. В такой бригаде большая часть труда выполняется машинами.

Укрупненная комплексная бригада — следующий шаг в совершенствовании работы портовиков. Такая бригада имеет в своем составе десятки классных специалистов и способна производить погрузочно-разгрузочные работы с максимальной эффективностью.

Быстрый рост укрупненных комплексных бригад (УКБ) начался с марта 1974 г. после выхода в свет постановления ЦК КПСС «Об инициативе бригады портовых рабочих Ильичевского морского порта». В указанном постановлении ЦК КПСС отмечалась большая ценность инициативы укрупненной комплексной бригады А. Барановского по совершенствованию организации и технологии погрузочно-разгрузочных работ и рекомендовалось широко распространить это прогрессивное начинание.

Следуя почину А. Барановского, в морских портах работает уже свыше 500 УКБ, в составе которых — более 60% всех портовых рабочих — докеров. Опыт А. Барановского изучается и внедряется в кубинских, болгарских, вьетнамских, венгерских портах и в портах других социалистических стран. Организация укрупненных комплексных бригад стимулировала рост технического и культурного уровня рабо-

чих, позволила создать в бригадах партийные и профсоюзные группы, повысить их боевитость, особенно в вопросах укрепления трудовой дисциплины, ликвидации внутрисменных потерь рабочего времени, организации социалистического соревнования.

Первой на морском транспорте бригадный подряд, совершенствуя опыт А. Барановского и используя методы строителя Н. Злобина, начала внедрять укрупненная комплексная бригада Корсаковского (на Сахалине) морского порта, руководимая Г. Батюней, которая своими силами, используя закрепленные за ней средства механизации, обрабатывает судно «от прихода в порт до отхода из порта» с бригадной ответственностью за сроки и качество работ. В 1975 г. в сравнении с 1959 г. (до начала перестройки организации труда на погрузочно-разгрузочных работах в портах) объем грузопереработки портов увеличился в 3,7 раза. При этом значительно повысился удельный вес наиболее трудоемких грузов. Численность же портовых рабочих возросла всего на 13,9%, а производительность их труда за счет механизации погрузочно-разгрузочных работ и роста квалификации повысилась в 3,3 раза. Условное сокращение численности рабочих, занятых непосредственно на ручных погрузочно-разгрузочных работах, составило 40 тыс. человек, рабочих занятых техническим обслуживанием погрузочных машин — 24,5 тыс. человек с общим годовым фондом заработной платы 175 млн. руб., а интенсивность обработки флота за этот период возросла в 2,4 раза. Социальный и психологический аспекты эффективности создания УКБ характеризуются повышением содержательности и общественной привлекательности труда рабочих на грузовых работах, снижением профессиональных заболеваний и текучести.

Значительную роль в повышении эффективности работы морского транспорта играет широко развернувшееся комплексное социалистическое соревнование между работниками смежных видов транспорта в ответ на постановление ЦК КПСС «О совместных социалистических обязательствах коллективов Черноморского морского пароходства, Одесско-Кишиневской железной дороги и Одесского областного производственного управления автомобильного транспорта на 1975 год». На 1977 г. предусмотрено сэкономить по транспортному флоту 30 млн. тоннаже-суток и высвободить для дополнительных перевозок народнохозяйственных грузов 2 тыс. вагонов.

За последние годы проделана немалая работа по укреплению позиций советского морского транспорта в международном судоходстве. Повысилась роль и авторитет советских морских организаций в специализированных учреждениях ООН, связанных с торговым мореплаванием, таких, как ИМКО, ЮНКТАД, ЭСКАТО и др. Расширились и укрепились деловые связи советских морских организаций с их партнерами за границей. Приобрело более постоянный и устойчивый характер сотрудничество советских судовладельцев со многими зарубежными национальными и международными судоходствами, фрахтовыми и внешне-торговыми организациями, основанное на признании и уважении взаимных интересов. Расширилась сеть смешанных компаний за границей по обслуживанию наших судов в иностранных портах, развивается линейное судоходство; заключены двусторонние межгосударственные и межправительственные соглашения по морскому судоходству с 26 государствами, в том числе с Алжиром, Аргентиной, Великобританией, Бразилией, Ираком, Италией, Швецией, Норвегией, Финляндией, Данией, Францией, Мозамбиком, США, Индией и др.

Важное место во внешнеэкономической деятельности организаций морского флота занимают вопросы экономической интеграции в рамках

СЭВ. Предусмотренные комплексной программой социалистической экономической интеграции мероприятия успешно осуществляются на многосторонней и двусторонней основе. Значительную роль в дальнейшем развитии деловых связей и контактов морских организаций стран — членов СЭВ играет вступившее в силу в конце 1973 г. Соглашение между СССР, ГДР, НРБ, ВНР, ПНР, СРР и ЧССР о сотрудничестве в морском торговом судоходстве. Это первый документ подобного рода в межправительственной практике за всю историю торгового мореплавания.

Соглашение отражает стремление подписавших его стран всемерно поощрять двустороннее и многостороннее сотрудничество на различных уровнях — между министерствами (ведомствами), а также судоходными организациями и предприятиями в целях более полного и эффективного использования морского торгового флота и портов для внешнеторговых перевозок, развития контактов в области фрахтовой деятельности, расширения экономических, научно-технических связей и обмена опытом, а также регулярных консультаций по вопросам деятельности международных организаций, занимающихся проблемами морского судоходства, участия в международных соглашениях по морскому транспорту и т. д.

Такие страны — члены СЭВ, как Венгрия, Чехословакия, не являясь морскими державами, став участниками Соглашения, получили равные возможности с теми странами, которые имеют выход к морю. Соглашение открыто для присоединения к нему других государств.

Подписано также Соглашение о внедрении единой контейнерной транспортной системы между странами — членами СЭВ. Его подписали Болгария, Венгрия, ГДР, Монголия, Польша, СССР и Чехословакия. Судоходными предприятиями СССР и других стран — членов СЭВ организован и успешно действует ряд совместных судоходных линий между портами социалистических стран, а также капиталистических и развивающихся государств. Одним из важных результатов сотрудничества социалистических стран в области морского транспорта явилось создание Международной Ассоциации судовладельцев (ИНСА), куда входят судоходные предприятия СССР, НРБ, Кубы, ГДР, ПНР, ЧССР, СФРЮ, а также судовладельцы Индии.

Углубление процессов интеграции в области морского транспорта социалистических стран, успешное развитие научно-технического сотрудничества дают ощутимый экономический эффект, позволяя сосредоточить трудовые и материально-технические ресурсы на решении в первую очередь наиболее важных задач обеспечения возрастающих объемов внешнеторгового оборота между странами — членами СЭВ.

Разносторонний характер носит сотрудничество СССР в области морского транспорта с развивающимися странами. Оно выражается в техническом содействии в проектировании и строительстве портов и других морских объектов, подготовке специалистов в советских морских учебных заведениях, предоставлении судов и создании смешанных судоходных линий как для обеспечения двустороннего товарооборота, так и для перевозок на третьи страны. Характер и формы этого сотрудничества наглядно свидетельствуют о стремлении Советского Союза к бескорыстным, свободным от каких-либо политических или экономических условий, действительно равноправным и взаимовыгодным связям. Наша страна придает большое значение развитию внешнеэкономических связей как одному из важнейших факторов, способствующих достижению разрядки международной напряженности, как материальной основе мирного сосуществования государств с различным общественным строем.

Высокие темпы развития внешнеэкономических связей Советского Союза отражают прежде всего неуклонный подъем социалистического производства. Вместе с тем они — результат последовательно проводимой нашим государством политики более глубокого, разностороннего, стабильного и эффективного участия в международном разделении труда.

Оборот советской внешней торговли за годы девятой пятилетки, как известно, увеличился с 22,1 до 50,7 млрд. руб. и значительно превысил показатель, намеченный Директивами XXIV съезда КПСС. «Основными направлениями развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 гг.» предусмотрено увеличить объем внешнеторгового оборота на 30—35%.

Валовой доход мирового флота, занятого на внешнеторговых перевозках большинством экономистов оценивается в пределах 42—45 млрд. руб. Совершенно естественно, что такие расходы на транспортирование товаров морем находятся в центре внимания не только судовладельцев, но и экспортеров и импортеров, которым предоставляются транспортные услуги. Международное судоходство стало одной из тех сфер мировых экономических отношений, где в последние годы все чаще сталкиваются национальные интересы отдельных стран и групп государств.

Под воздействием этих причин, а также политических и экономических факторов, определяющих общее расширение сферы международных отношений, морское судоходство стало все более привлекать к себе внимание общественности, а правительства многих стран отводят теперь торговому мореплаванью все более заметное место в своих внешнеполитических программах, то есть отношения в области судоходства принимают все в большей мере политический характер. Не последнюю роль в этом играют и связанные с торговым флотом расчеты бывших колониальных монополий в их глобальной стратегии неокolonнализма. Сдерживая развитие национального торгового флота развивающихся стран, капиталистические промышленные монополии продолжают диктовать цены на сырьевые товары традиционного экспорта бывших колоний, закупая их на месте добычи.

Капиталистические судоходные компании стремятся использовать глубокие потрясения, переживаемые в последние годы валютной системой капиталистических государств, и глубокие кризисные явления в их экономике для подталкивания своих правительств к расширению мер протекционизма. Выступая на словах за свободу конкуренции в судоходстве, они требуют от правительств активнее использовать политические и дипломатические рычаги для ограничения деятельности судоходства социалистических стран.

Представители судоходных монополий стремятся извратить истинные цели и характер судоходной политики Советского Союза и других стран — членов СЭВ и на базе антисоветизма добиться от своих правительств большей экономической поддержки в виде субсидий, финансовых и других льгот и преимуществ. Одновременно они стараются побудить некоторые правительства западных государств принять ограничительные, дискриминационные меры против судоходных предприятий социалистических стран, которые на законных основаниях и равноправных условиях участвуют в международном морском судоходстве. В конечном счете эти усилия монополий преследуют одну цель — еще больше упрочить свои позиции в мировых морских перевозках, сохранить и умножить огромные прибыли от перевозок грузов других стран.

В нынешних выступлениях руководителей капиталистического судо-

ходства, услужливо подхваченных частью прессы западных стран, объектом главных нападков избрана тема «экспансии» линейного флота стран — членов СЭВ, и в особенности Советского Союза. Инициативу в этом взял на себя ряд западногерманских судоходных компаний, которые в октябре 1975 г. широко распространили циркуляр-памфлет с утверждениями о «красной угрозе» мировому торговому мореплаванию. Авторы циркуляра стремятся доказать, что советский торговый флот, как и флот других социалистических стран, ставит своей целью разрушить существующую систему коммерческих отношений в мировом судоходстве, вытеснить западных судовладельцев из торговли их собственных стран и утвердить свое господство на мировых морских путях.

Подобным измышлениям можно было бы не придавать серьезного значения, если бы циркуляр судовладельцев ФРГ не получил широкого хождения среди политических деятелей, парламентариев и высокопоставленных правительственных чиновников Западной Европы, США и Японии. Нападки на советский торговый флот оказались на руку тем, кто выступает против разрядки напряженности в отношениях между государствами с различным социальным строем, против экономического сотрудничества между Востоком и Западом, против положений заключительного акта общеевропейского совещания в Хельсинки.

30 октября 1975 г. конгрессмен Уайтхорст представил палате представителей конгресса США циркуляр гамбургских судовладельцев, как «неопровержимое» доказательство злонамеренных действий Советского Союза. Его требования, приправленные грубыми антисоветскими выпадами, свелись к тому, чтобы конгресс быстрее принял закон о «третьих лагах», который фактически закрыл бы доступ советским судам к перевозкам грузов между Соединенными Штатами и странами «третьего мира».

Линейные перевозки генеральных грузов, состоящих в основном из большой номенклатуры промышленных и продовольственных товаров, давно являлись наиболее монополизированным сектором мирового судоходства, доступ к которым новым сторонам всячески ограничивался и затруднялся. Генеральные грузы по весу составляют менее четверти (620—650 млн. т) объема всех перевозимых морем внешнеторговых грузов, но их стоимость, а следовательно, и фрахт, оценивается в 75—80% от общей стоимости грузов.

Кто же перевозит основную массу этих наиболее дорогостоящих грузов, получая соответственно самые высокие фрахтовые ставки? Ответ ясен — те, кто контролирует мировой флот, используемый для перевозки генеральных грузов, прежде всего линейный флот. А этот флот сосредоточен в руках судовладельцев промышленно развитых западноевропейских стран, США и Японии, которые контролируют свыше 71% мирового тоннажа судов, перевозящих генеральные грузы, почти 98% контейнеровозов и 100% лихтеровозов — судов, составляющих основу современного линейного судоходства на главных океанских направлениях.

Советские судовладельцы сравнительно недавно включились в международное линейное судоходство. Осуществляемые ими перевозки опираются в основном на грузовую базу национальной внешней торговли. Участие советского торгового флота в перевозках грузов иностранных владельцев как по объему, так и по размерам получаемого ими фрахта не идет ни в какое сравнение с масштабами перевозок иностранных фрахтователей и с суммарными доходами традиционных морских держав от этого вида перевозок, о чем на Западе предпочитают умалчивать. Боссы капиталистических судоходных монополий стремятся при-

влечь на свою сторону грузоотправителей за пределами социалистических стран, используя политическую демагогию и спекуляции. На самом деле их цель состоит в том, чтобы как можно покрепче привязать грузоотправителей к собственному рынку транспортных услуг, еще больше усилить зависимость грузоотправителей от этих услуг и диктовать им свои фрахтовые ставки и условия обслуживания.

Экономические кризисы, инфляция, валютные потрясения в капиталистическом мире все больше обостряют и ужесточают конкуренцию между предпринимателями. Более слабые конкуренты вытесняются, разоряются и исчезают с арены. Это происходит каждый день во многих сферах капиталистической экономики, даже весьма далеких от судостроения. Однако кое-кто, видимо, считает возможным и выгодным для себя взваливать ответственность за обострение конкуренции в международном судоходстве и за трудности, переживаемые некоторыми западными судоходными компаниями, на Советский Союз и другие социалистические страны и таким образом дезориентировать общественное мнение, завуалировать действительные причины болезни капиталистической системы судоходства.

Участвуя в международном судоходстве наравне с судовладельцами других стран, советские пароходства неизменно придерживаются правил справедливой и честной конкуренции. Они не прибегают к недозволенным приемам конкурентной борьбы, таким, как предоставление грузоотправителями тайно возвращаемых скидок с официально объявленных тарифов — практики, которая по многочисленным свидетельствам самой западной деловой прессы и лиц, хорошо знакомых со скрытыми механизмами деятельности капиталистических судовладельцев, широко применяется многими из них.

Как сообщал недавно журнал «Трэфик уорлд», согласно признанию, сделанному компанией «Р. Дж. Рэйнолдс индастриз», ее крупная дочерняя компания «Си-лэнд сэрвис», осуществляющая морские контейнерные перевозки, за пять лет, включая 1975 г., выплатила в виде незаконных «премий» иностранным и отечественным грузоотправителям, грузополучателям и экспедиторам более 19 млн. долл., в том числе 11,5 млн. долл. в связи с перевозками на Атлантике, около 7 млн. долл. на Тихом океане и остальные в Карибском море. Большая часть взяток, связанных с перевозками на Атлантике, выплачивалась через агентства компании в Европе. В отчетах эти выплаты показывались как комиссионные и брокерские расходы. Комментарии, как говорится, излишни.

Практика подтверждает, что советские пароходства действительно обладают определенными и существенными преимуществами перед капиталистическими судоходными предприятиями. Эти преимущества вытекают прежде всего из социалистической природы советской экономической системы и общественных отношений, социалистической плановой организации всего народного хозяйства и внешнеэкономической деятельности соответствующих ее отраслей.

Разумеется, на результаты работы советских судоходных организаций, действующих в сфере международных перевозок, не могут не оказывать влияния кризисные явления и другие отрицательные экономические факторы капиталистического мира, однако стабильность экономики Советского Союза, как и других социалистических стран, обеспечивает необходимые условия для успешной реализации планов развития торгового флота и улучшения его структуры, повышения эффективности использования судов и их конкурентоспособности на фрахтовых рынках.

Морской транспорт СССР в десятой пятилетке будет работать в условиях дальнейшего углубления социалистической экономической ин-

теграции стран — членов СЭВ, расширения взаимовыгодных форм сотрудничества с другими странами и судоходными организациями. Успешно развивается, например, сотрудничество между Дальневосточным пароходством и японскими судовладельцами «Ямасито синнихон кисэн» и «Тино кайюн» в перевозках грузов по «Транссибирской контейнерной линии», положительный опыт взаимовыгодного сотрудничества имеется и с некоторыми другими судоходными и грузовладельческими компаниями Японии, оперирующими в международных морских перевозках. Однако правительственные организации и некоторые судовладельческие компании Японии вслед за монополистическими объединениями судовладельцев западных стран в трудностях в международном судоходстве, созданных ими же, пытаются обвинить Советский Союз, приписывая ему стремление «препятствовать международному судоходству» и «вызывать рост конкуренции». Как сообщила японская печать в январе 1977 г., управление судоходства министерства транспорта Японии готовится представить очередной сессии парламента «законопроект», направленный против «конкуренции» со стороны судовладельцев из социалистических и развивающихся стран. Как заявил один из директоров японской судовладельческой ассоциации, «Японские судовладельцы возлагают большие надежды на предлагаемый законопроект как на меру противодействия политике развивающихся стран в области развития собственного судоходства и вторжению на океанские направления торговых судов Советского Союза и других стран... имеющих иную социальную и экономическую системы». Почувствовав, видимо, что сказано слишком сильно и не очень реалистично, он добавил: «Мне представляется, что важнее всего искать мирное решение за столом переговоров».

Именно к этому мы давно призываем всех наших партнеров, как на коммерческом так и на межправительственном уровне. Советские судоходные организации учитывают сейчас и впредь готовы учитывать законные интересы иностранных партнеров. Но достижение договоренности и урегулирование спорных вопросов может быть реализовано только в условиях отказа правительственных органов западных государств и Японии от всяких попыток узаконить политическую дискриминацию советского торгового флота (инспирирование законодательства об исключении «государственного» флота из коммерческой конкуренции, отказ по признаку флага в праве свободного захода судов в порты для погрузки и выгрузки и т. п.).

\* \* \*

Финишировал первый год десятой пятилетки. Включившись во всенародное социалистическое соревнование, работники морского флота выполнили план 1976 г. по всем основным технико-экономическим показателям, успешно выполнены перевозки в Арктику и отдаленные районы Дальнего Востока и Крайнего Севера. Хорошо работала сахалинская паромная железнодорожная переправа, большое количество грузов доставлено в Нагаево для золотодобывающей промышленности Магадана. Выполнен большой объем экспортно-импортных перевозок.

Новые большие задачи поставлены перед морским транспортом во втором году пятилетки. На 1977 г. утвержден план перевозок народнохозяйственных грузов судами транспортного и портового флота со значительным превышением против 1976 г. Увеличиваются перевозки грузов на Дальнем Востоке, в том числе завоз грузов в Нагаево, Петропавловск-Камчатский и на Сахалин по паромной переправе Ванино —

Холмск. По-прежнему особое внимание должно быть уделено доставке грузов в Арктику и другие отдаленные районы с ограниченными сроками навигации, а также перевозкам грузов сельского хозяйства и внешней торговли. В ответ на постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ «О Всесоюзном социалистическом соревновании за повышение эффективности производства и качества работы, успешное выполнение заданий десятой пятилетки» высокие социалистические обязательства приняли коллективы пароходств, портов, заводов, экипажи судов.

1977 год — второй год нашей работы по выполнению решений XXV съезда КПСС — замечателен тем, что страна будет отмечать славный юбилей — шестидесятилетие Великой Октябрьской социалистической революции. Работники морского флота, как и весь советский народ, подойдут к этим славным дням с новыми трудовыми достижениями во славу Родины, во имя торжества бессмертных идей коммунизма.

## Исторический съезд вьетнамских коммунистов

---

*И. А. Осотов, С. И. Иваньшин*

**Д**ля вьетнамского народа и его друзей во всем мире минувший, 1976 г. был особенным годом. Он вошел в историю страны наряду с такими выдающимися датами, как провозглашение Демократической Республики Вьетнам — 2 сентября 1945 г. и полное освобождение Южного Вьетнама 30 апреля 1975 г.

1976 г. отмечен тремя важнейшими политическими событиями, которые уже оказали и будут оказывать воздействие не только на судьбу Вьетнама, но и на обстановку в Юго-Восточной Азии и на всем азиатском континенте.

25 апреля были проведены всеобщие выборы в единое Национальное собрание. Сам факт организации такого политического мероприятия, как выборы, спустя всего год после освобождения Юга показывает, насколько прочны позиции народной власти повсеместно в Южном Вьетнаме, в том числе и в тех зонах, которые долгое время находились под контролем марионеточных властей. 98,7% всех граждан, имеющих право голоса, приняли участие в выборах 492 депутатов, представляющих в Национальном собрании страны 50 млн. человек, населяющих Вьетнам от Каоланга на севере до Миньхая на Юге.

2 июля 1976 г. Национальное собрание единого Вьетнама провозгласило создание Социалистической Республики Вьетнам — единого социалистического государства на вьетнамской земле.

«Социалистическая Республика Вьетнам, — подчеркивал Генеральный секретарь ЦК КПВ Ле Зуан, — представляет собой величайшее завоевание, достигнутое в результате трудной и длительной революционной борьбы, стойкой, непреклонной и славной борьбы нашего народа за почти полувековой период. Это — вьетнамское государство, имеющее славную историю и прочную основу, неисчерпаемый потенциал и светлые перспективы. Это — неприкосновенный форпост социалистической системы, важный фактор мира, национальной независимости, демократии и социального прогресса в Юго-Восточной Азии и во всем мире».

Политическим итогом не только важнейших событий в истории Вьетнама последних лет, но целого этапа революционной борьбы вьетнамского народа стал IV съезд Коммунистической партии Вьетнама, проходивший в Ханое 14—20 декабря 1976 г.

Отмечая выдающееся место съезда в истории нации, Генеральный секретарь Центрального Комитета партии Ле Зуан говорил с его трибуны: «Четвертый съезд нашей партии имеет важнейшее историческое значение как съезд полного торжества дела национальной освобождения, как съезд воссоединения страны, как съезд продвижения нашей страны к социализму»<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> «Нян Зан», 15.XII.1976.

16 лет отделяют IV съезд от III съезда ПТВ, состоявшегося в 1960 г. Это были трудные и яркие годы, когда была со всей полнотой продемонстрирована неодолимая воля вьетнамского народа к победе, когда весь мир убедился в преимуществе социалистического строя, ставшего решающим фактором победы вьетнамского народа. В свете генеральной линии, выработанной III съездом ПТВ, вьетнамский народ под руководством своей марксистско-ленинской партии последовательно боролся за осуществление двух стратегических задач: освобождение Южного Вьетнама и строительство социализма на Севере в целях создания мирного, единого, независимого, демократического и процветающего Вьетнама. Важной характерной чертой этого периода было то, что одна партия осуществляла, как отмечалось в Политическом отчете IV съезду КПВ, «единое руководство страной, временно разделенной на две части и одновременно выполняющей две стратегические задачи». В ходе осуществления руководящей роли партия всегда придавала важное значение укреплению Севера, «большого тыла и постоянного фактора, предопределяющего победу патриотической войны». IV съезд КПВ, анализируя опыт борьбы вьетнамского народа против империалистической агрессии, за спасение родины, особенно подчеркнул, что победа была бы невысказима, если бы не существовало социалистического Севера.

Опираясь на опыт вьетнамских коммунистов и народа, IV съезд КПВ подчеркнул необходимость тесной связи борьбы за национальную независимость и социализм, закономерность неразрывности национальных и интернациональных задач. «Наша победа, — говорил товарищ Ле Зуан, — показывает, что в нашу эпоху, когда революционные силы находятся в наступлении, любой народ какой-либо страны с небольшой территорией и небольшой численностью населения вполне способен, тесно сплотившись и ведя решительную борьбу под руководством имеющей правильную линию и революционный метод марксистско-ленинской партии, высоко держа знамена национальной независимости и социализма и пользуясь солидарностью, помощью и поддержкой социалистических стран, революционных сил и прогрессивного человечества во всем мире, победить любую агрессию империалистических сил, будь то и главаря империализма»<sup>2</sup>.

Форум вьетнамских коммунистов, в котором приняли участие 1008 делегатов, представляющих 1550 тыс. членов КПВ<sup>3</sup>, основываясь на общих закономерностях мирового революционного процесса и опираясь на опыт, приобретенный партией и народом в многолетней борьбе, сделал принципиально важный вывод о том, что «с полной и окончательной победой в борьбе против американских империалистов, за спасение Родины вьетнамская революция вступила в новый этап, когда вся страна, независимая и воссоединенная, выполняет общую единую стратегическую задачу — осуществлять социалистическую революцию, быстрыми, решительными и уверенными шагами идти к социализму».

На съезде особо подчеркивалась сложность этой задачи, стоящей перед вьетнамским народом. Она вытекает из того, что за три последние десятилетия вьетнамский народ на севере страны мог только в течение семи лет заниматься мирным, созидательным трудом. Эта сложность состоит и в том, что народное хозяйство Северного Вьет-

<sup>2</sup> Там же

<sup>3</sup> «Нян Зан», 16.XII.1976.

нама находится еще на начальной стадии перехода к крупному социалистическому производству, а только что освободившийся от неокOLONиального режима Южный Вьетнам, несмотря на наличие ряда определенных признаков капиталистического развития, все еще остается областью с преобладающим мелким производством. Существуют значительные различия в экономических структурах двух зон воссоединенного Вьетнама. На юге страны только лишь начались социалистические преобразования, еще не до конца ликвидированы эксплуататорские классы и социальные последствия неокOLONиализма. Еще продолжаются выступления реакции против народной власти, не устранена стихийность рынка и т. д. «Вполне очевидно, — говорил тов. Ле Зуан с трибуны съезда, — наша страна еще находится в стадии прямого перехода от общества с преобладающим мелким производством к социализму, минуя стадию капиталистического развития. Это является самой большой характерной чертой, отражающей сущность процесса социалистической революции в нашей стране и определяющей его главное содержание»<sup>4</sup>.

Реалистично оценивая серьезные объективные трудности, стоящие перед страной, Коммунистическая партия Вьетнама вместе с тем считает, что для их преодоления есть большие благоприятные условия.

Во-первых, это руководство со стороны марксистско-ленинской партии, пользующейся полным доверием народа, это большие природные и трудовые ресурсы страны, это социалистический Север, ставший большой материальной и духовной силой и средоточием ценнейшего опыта и уроков социалистического строительства.

Во-вторых, социалистическая революция во Вьетнаме осуществляется в условиях дальнейшего роста могущества мировой социалистической системы, в условиях, когда ширится борьба народов за национальное и социальное освобождение, растет борьба рабочего класса в капиталистических странах.

Исходя из реальной обстановки внутри страны и на международной арене, IV съезд вьетнамских коммунистов так определил генеральную линию социалистической революции во Вьетнаме на современном этапе: «Твердо стоять на позиции диктатуры пролетариата, развивать право трудящихся на коллективное хозяйствование, проводить одновременно три революции: революцию в области производственных отношений, научно-техническую революцию, культурную и идеологическую революцию, среди которых научно-техническая революция является ведущей; усилить социалистическую индустриализацию, как центральную задачу всего периода перехода к социализму; создать систему социалистического хозяйствования, построить крупное социалистическое производство и новую культуру и формировать нового человека социалистического общества, ликвидировать эксплуатацию человека человеком, устранить бедность и отсталость; неустанно повышать бдительность, постоянно укреплять обороноспособность, гарантировать политическую безопасность и общественный порядок; успешно построить мирный, независимый, единый и социалистический Вьетнам; внести вклад в борьбу народов мира за мир, национальную независимость, демократию и социализм»<sup>5</sup>.

Перевод страны от мелкого производства к крупному социалистическому производству имеется в виду осуществить в течение двадцати лет, и важную роль в этом должна сыграть вторая вьетнамская пяти-

<sup>4</sup> «Нян Зан», 15.XII.1976.

<sup>5</sup> Там же.

летка (1976—1980). О ее основных задачах говорил на съезде премьер-министр правительства СРВ Фам Ван Донг в докладе «Об основных задачах, направлениях и целях пятилетнего плана (1976—1980)». Партия ставит задачу в ходе выполнения пятилетнего плана сконцентрировать усилия на быстром подъеме сельского хозяйства, всемерном развитии лесного и рыбного хозяйства, на развитии легкой и пищевой промышленности в целях обеспечения потребностей всей страны в продовольствии и наиболее необходимых потребительских товарах и создания накоплений для социалистической индустриализации. Одновременно имеется в виду расширять имеющиеся мощности в тяжелой промышленности и построить значительное количество предприятий тяжелой индустрии, прежде всего машиностроительных. Планируется провести перераспределение рабочей силы в масштабе всей страны, чтобы широким фронтом начать освоение окраинных и горных районов. В частности, предполагается переместить из перенаселенных южных городов свыше четырех млн. человек в новые экономические районы страны. Партия призывает всех коммунистов, всех трудящихся умело использовать рабочую силу, превратить страну в громадную стройку, поднять массовое движение за повышение производительности труда, делать все во имя социализма, главной целью которого является человек, его благо. Пятилетний план предусматривает капиталовложения в размере 30 млрд. донгов, из них 30% будет направлено в сельское хозяйство и 35% — в промышленность. По предварительным подсчетам, предполагается, что ежегодно общественный продукт будет увеличиваться на 14,5—15,5%, национальный доход — на 13—14%. Неотложной задачей страны является быстрое решение продовольственной проблемы. Поэтому ставится задача добиться к 1980 г. производства по меньшей мере 21 млн. т продовольствия и 1 млн. т мяса всех видов. В этих целях, в частности, будет освоен один млн. га целинных и залежных земель в дельте Меконга. Одновременно здесь будет проводиться большая работа по установлению и упрочению социалистических форм хозяйствования в сельских районах<sup>6</sup>.

Намечено построить в стране новые ирригационные сооружения, создать специализированные животноводческие комплексы, определены меры по повышению урожайности сельскохозяйственных культур, прежде всего — риса.

Значительный шаг вперед сделает и промышленность. Показателем ее роста может служить, в частности, сооружение гидроэнергетического узла на реке Черная, которое начнется в текущей пятилетке. Это гидроэнергетическое предприятие не только будет давать ежегодно 7,5 млрд. кВт·ч электроэнергии, но и позволит защитить от паводков и засухи млн. га рисовых полей в дельте Красной реки, даст толчок развитию целого района в горной и лесистой местности, населенной преимущественно национальными меньшинствами. Так в одном комплексе решаются важные хозяйственные, политические и национальные вопросы.

К концу пятилетки страна будет добывать 10 млн. т угля и производить 250—300 тыс. т стали. Намечено приступить к строительству крупной теплоэлектростанции, завода по производству минеральных удобрений и других крупных предприятий<sup>7</sup>.

Выдвигая большие задачи по социалистическому переустройству страны, партия тесно увязывает их решение с последовательным внед-

<sup>6</sup> «Правда», 17.XII.1976.

<sup>7</sup> «Нян Зан», 16.XII.1976.

рением в жизнь принципов социалистической демократии, с повседневной работой по формированию нового человека — активного строителя новой жизни, хозяина своей страны. «Значение установления социалистического коллективного хозяйствования заключается в том, — подчеркивал на IV съезде партии тов. Ле Зуан, — чтобы перестроить нашу страну в общество, где настоящим хозяином является социальное сотрудничество, коллектив организованных тружеников, костяком которого служит союз рабочих и крестьян и руководителем которых является рабочий класс»<sup>8</sup>.

Важнейшим фактором, обеспечивающим неуклонное продвижение Вьетнама социалистическим путем, является руководство со стороны марксистско-ленинской партии, признанного авторитетного вождя вьетнамского народа. «У нашей партии нет иной цели, чем служить интересам рабочего класса, трудового народа, всей нации. Партия будет неуклонно выполнять заветы Хо Ши Мина — сохранять чистоту своих рядов, быть достойным руководителем и преданным слугой народа», — говорил с трибуны съезда тов. Ле Зуан<sup>9</sup>. В великом походе за достижение независимости и свободы партия была руководящим авангардом, возглавляла военные действия, сосредоточивала силы на важнейших участках борьбы. На первом этапе социалистической революции в Северном Вьетнаме партия накопила богатый опыт. Партия прямо говорит массам, что дальнейший путь продвижения к социализму сулит не только благоприятные условия, но и много трудностей, в том числе связанные и с внутренними недостатками и слабостями. Ее сила — в вере в творческие возможности революционного народа, в уверенности в том, что народ не только примет сердцем призывы коммунистов, но и под их руководством претворит их в жизнь.

Для того чтобы название партии точнее соответствовало целям, за которые она борется, для того чтобы это название точнее выражало сущность партии, чтобы повышалась ответственность членов партии перед своей политической организацией, ЦК КПВ предложил переименовать Партию трудящихся Вьетнама в Коммунистическую партию Вьетнама. Это предложение было с глубоким удовлетворением встречено делегатами IV съезда, всеми трудящимися страны. Отныне боевой авангард вьетнамского народа носит славное имя Коммунистической партии Вьетнама. Партия будет осуществлять деятельность в соответствии с новым Уставом, принятым IV съездом КПВ, в котором закреплены ленинские нормы и принципы партийной жизни, подчеркнута необходимость бороться за сохранение единства партии, против всех и всяческих проявлений фракционности, групповщины. В КПВ восстановлен пост Генерального секретаря. Им единодушно избран товарищ Ле Зуан<sup>10</sup>.

На IV съезде КПВ в полный голос прозвучал призыв ко всем членам партии, ко всем трудящимся страны удвоить, утроить усилия по выполнению планов социалистического строительства. В мобилизации внутренних трудовых и материальных ресурсов, в повышении производительности труда, в полном использовании имеющейся производственной базы видит партия главный путь строительства социализма на вьетнамской земле. Состоявшееся в канун нового года заседание Правительственного совета, рассмотрев под таким углом зрения задачи страны на 1977 г., определило его как «год труда и экономии, год

<sup>8</sup> «Нян Зан», 15.XII.1976.

<sup>9</sup> Там же.

<sup>10</sup> «Нян Зан», 21.XII.1976.

производства достаточного количества товаров широкого потребления и создания накоплений»<sup>11</sup>.

Добиваясь сосредоточения всех духовных и физических сил нации на осуществлении внутренних преобразований и строительстве, Коммунистическая партия и правительство социалистического Вьетнама вместе с тем придают важное значение ведению активной внешней политики. Ее цели четко определены партийным съездом. Вьетнам будет использовать благоприятные международные условия в интересах быстрого залечивания ран войны, развития экономики, культуры, науки и техники, укрепления национальной обороны, строительства материально-технической базы социализма и одновременно вместе с братскими социалистическими странами, всеми народами мира неустанно бороться за мир, национальную независимость, демократию и социализм, активно поддерживать борьбу против империализма, колониализма и неоколониализма.

Являясь государством диктатуры пролетариата, полноправным членом семьи социалистических государств, Вьетнам на первое место в развитии своих внешних связей ставит укрепление солидарности и сотрудничества во всех областях со странами социализма. Существование социалистического содружества, неуклонный рост его мощи и укрепление позиций на мировой арене, несомненно, являются основным и главным международным фактором, благоприятствующим успешному осуществлению задач построения нового общества на вьетнамской земле. IV съезд КПВ подчеркнул особое значение политической поддержки, помощи и сотрудничества братских стран социализма, использования их опыта для строительства во Вьетнаме независимой и суверенной социалистической экономики. «Братские социалистические страны — это наши стратегические союзники, которые были достойны доверия вчера в национально-демократической революции, а сегодня — в деле построения социализма», — заявил на съезде заместитель премьер-министра, министр иностранных дел СРВ Нгуен Зуй Чинь<sup>12</sup>.

Сотрудничество между Вьетнамом и остальными странами социалистического содружества, в основе которого лежат традиционная боевая солидарность и общность целей в борьбе за социализм и коммунизм, принципы социалистического интернационализма, постоянно крепнет и углубляется. Важным этапом в развитии этого сотрудничества стали визиты вьетнамской партийно-правительственной делегации во главе с тов. Ле Зуаном в Советский Союз и другие страны социализма осенью 1975 г., состоявшиеся во время визитов переговоры руководителей братских партий и государств с вьетнамскими руководителями и подписание ряда документов, в том числе Советско-вьетнамской декларации от 30 октября 1975 г.

Прочным фундаментом сотрудничества Вьетнама с другими странами социалистического содружества являются крепнущие и расширяющиеся год от года связи между их марксистско-ленинскими партиями. Постоянный обмен опытом социалистического и коммунистического строительства в ходе встреч руководителей партий, взаимных поездок делегаций — характерная черта сегодняшних отношений между КПВ и КПСС, братскими партиями других стран социалистического содружества. Значительной вехой на пути дальнейшего углубления этих отношений стало участие делегации Коммунистической партии Советского Союза во главе с М. А. Сусловым, делегаций БКП, ВСРП,

<sup>11</sup> «Правда», 2.I.1977.

<sup>12</sup> «Нян Зан», 18.XII.1976.

СЕПГ, Компартии Кубы, МНРП, ПОРП, РКП, КПЧ в работе IV съезда вьетнамских коммунистов, встречи и беседы глав делегаций с Ле Зуаном и другими руководящими деятелями КПВ и СРВ.

Сотрудничество между Вьетнамом и странами социализма в экономической и научно-технической областях на нынешнем этапе выражается прежде всего в продолжающемся оказании Советским Союзом, другими государствами социалистического содружества широкого заинтересованного содействия СРВ в решении крупномасштабных задач народнохозяйственного строительства. Наша страна, с помощью которой за минувшие 20 лет во Вьетнаме было построено около 170 крупных экономических объектов, предоставляет ныне братской Социалистической Республике Вьетнам кредиты и оказывает техническое содействие в создании еще 40 таких объектов. В их числе — строящаяся в настоящее время крупнейшая в Юго-Восточной Азии гидроэлектростанция на реке Черная, угольная шахта Хетам мощностью 2,4 млн. т угля в год, ТЭС «Фалай» мощностью 500 МВт и другие. Сооружение этих объектов явится значительным вкладом в реализацию программы социалистического строительства в СРВ, в выполнение пятилетнего плана развития ее народного хозяйства на 1976—1980 гг., основные направления которого были утверждены IV съездом КПВ. СССР будет продолжать оказывать в текущем пятилетии братской стране содействие в осуществлении геолого-разведочных работ, выявлении и использовании богатств ее недр, в том числе нефти и газа; значительно расширит объем технического содействия в производстве некоторых видов сельскохозяйственной продукции (овощей и фруктов, цитрусовых и технических культур); поставит в СРВ в счет кредита значительное количество оборудования и сырья для различных отраслей тяжелой и легкой промышленности, а также продовольствия и других товаров.

Ширится и крепнет экономическое и научно-техническое сотрудничество между Вьетнамом и другими странами социалистического содружества. Народная Республика Болгария оказывает СРВ содействие, в частности, в разработке и эксплуатации месторождений меди, в сооружении двух гидроэлектростанций на реке Дум, которые будут оснащены болгарскими турбинами. По соглашениям между ВНР и СРВ венгерские друзья окажут Вьетнаму помощь в организации производства некоторых видов продукции, в том числе изделий техники связи, холодильников, а также в изыскании минеральных ресурсов. Продолжает поступать братская помощь во Вьетнам из ГДР, ЧССР и других стран социалистического содружества<sup>13</sup>.

Все более тесными и плодотворными становятся связи между Социалистической Республикой Вьетнам и Советом Экономической Взаимопомощи. Как отметил в своем выступлении на XXX сессии СЭВ в июле 1976 г. председатель Госплана СРВ Ле Тхань Нги, расширение экономического и научно-технического сотрудничества с братскими странами социализма и с Советом Экономической Взаимопомощи будет содействовать быстрому преодолению последствий войны во Вьетнаме, ускоренному развитию его народного хозяйства. В настоящее время уже достигнут и начал осуществляться ряд договоренностей об оказании странами — членами СЭВ на коллективной основе помощи Социалистической Республике Вьетнам в народнохозяйственном строительстве. При коллективном содействии социалистических стран был, в частности, в кратчайшие сроки сооружен и введен в дей-

<sup>13</sup> «Экономическая газета», № 38, сентябрь 1976.

стве в декабре 1976 г. объект, имеющий исключительно важное значение для экономики Вьетнама, — железная дорога «Единство», соединившая Ханой и Хошимин<sup>14</sup>.

Со своей стороны, Социалистическая Республика Вьетнам прилагает значительные усилия для того, чтобы все шире участвовать в разделении труда между социалистическими странами, внести свой вклад в укрепление их совокупной экономической мощи. С этой целью Вьетнам стремится, в частности, наращивать производство тех видов товаров, которые он экспортирует в Советский Союз и другие братские страны.

Широкие и плодотворные контакты осуществляются между СРВ и государствами социалистического содружества в политической, культурной и других областях.

На все более прочной и широкой основе развивается сотрудничество между социалистическим Вьетнамом и братскими странами социализма на международной арене в борьбе за достижение общих целей — прочного мира на земле, права народов на независимое национальное развитие, торжества демократии и социализма. IV съезд коммунистов Вьетнама констатировал, что жизнь с каждым днем подтверждает реальность возможности предотвращения мировой войны, сохранения длительного мира для всех народов, реальность политики мирного сосуществования между государствами с различным общественным строем. Социалистическая Республика Вьетнам, указав съезд, будет вместе с братскими странами и прогрессивными народами всего мира вносить активный вклад в дело сохранения и упрочения мира во всем мире.

За два года, прошедшие с того момента, когда на вьетнамской земле прочно утвердился мир, Социалистическая Республика Вьетнам дала немало убедительных доказательств своего стремления эффективно содействовать созданию надежных основ мира и безопасности на земле, в первую очередь в том географическом районе, где расположены Вьетнам и большинство соседних с ним государств, — в Юго-Восточной Азии. СРВ поддерживает и развивает тесные братские связи с Лаосской Народно-Демократической Республикой, придает важное значение упрочению отношений солидарности между Вьетнамом, Лаосом и Демократической Кампучией. Правительство СРВ предприняло ряд важных дипломатических инициатив по установлению отношений дружбы и сотрудничества с другими государствами Юго-Восточной Азии. Выступление Нгуен Зуи Чиня 6 июня 1976 г. с изложением принципов, в соответствии с которыми СРВ готова развивать всесторонние отношения со странами ЮВА, поездка специального представителя премьер-министра Социалистической Республики Вьетнам Фан Хиена в Малайзию, Филиппины, Сингапур, Индонезию и Бирму летом 1976 г. и его переговоры с руководителями указанных государств привели к существенному прогрессу в налаживании взаимопонимания и добрососедских отношений между ними и Вьетнамом на основе уважения независимости, суверенитета, территориальной целостности и невмешательства, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования, отказа от предоставления территории стран ЮВА иностранным государствам в качестве базы для агрессии, прямого или косвенного вмешательства в дела других стран района.

На IV съезде Коммунистической партии Вьетнама было заявлено, что, безоговорочно поддерживая справедливую борьбу народов Юго-

<sup>14</sup> «Нян Зап», 14.XII.1976.

Восточной Азии за национальную независимость, демократию, мир и подлинный нейтралитет, за ликвидацию военных баз и вывод империалистических войск, СРВ готова установить и развивать всесторонние отношения дружбы и сотрудничества со странами этого района мира в соответствии с ранее изложенными принципами, стимулировать укрепление двусторонних отношений и идти по пути регионального сотрудничества в целях защиты независимости и суверенитета каждой страны, оказания взаимной помощи в экономической, культурной и научно-технической областях, бороться против господства и эксплуатации со стороны империализма и неокOLONиализма.

Сфера международной деятельности Социалистической Республики Вьетнам, направленной на противодействие империалистической политике эксплуатации и угнетения, на защиту и укрепление мира, национальной независимости, демократии и социального прогресса, становится все шире. Важный вклад вносит СРВ в поддержку освободительных движений народов Азии, Африки и Латинской Америки.

Вместе с братскими социалистическими странами, всеми прогрессивными силами мира Вьетнам выступает на стороне борющихся народов Чили, Южной Африки, Палестины, проявляет солидарность с победившими народами Анголы и Мозамбика. Являясь активным участником движения неприсоединения, Социалистическая Республика Вьетнам содействует укреплению этого движения на позициях антиимпериалистической солидарности, сотрудничества неприсоединившихся стран со странами социализма и другими прогрессивными силами, последовательной борьбы против диктата международных монополий. Вместе с делегациями Кубы и ряда других государств вьетнамская делегация на состоявшейся в августе 1976 г. в Коломбо V Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран настойчиво обивалась принятия решений, которые явились бы новым реальным вкладом в борьбу против империализма, колониализма, неокOLONиализма и всех форм расового угнетения, и многое сделала для успеха этой конференции. Признание высокого авторитета и важной роли социалистического Вьетнама в движении неприсоединения нашло отражение в избрании СРВ в состав координационного бюро неприсоединившихся стран.

Выступая с позиций пролетарского интернационализма, солидаризируясь со всеми борцами за интересы трудящихся, демократию и социальный прогресс, вьетнамские коммунисты и народ поддерживают справедливую борьбу рабочего класса и других слоев трудового народа в капиталистических странах, укрепляют связи с их компартиями и прогрессивными организациями. В то же время, как об этом было вновь заявлено IV съездом Коммунистической партии Вьетнама, Социалистическая Республика Вьетнам стоит за расширение экономических, культурных, научных, технических и других отношений с капиталистическими странами на основе взаимного уважения независимости, суверенитета и территориальной целостности, ненападения, невмешательства во внутренние дела, равенства, взаимной выгоды и мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Последовательное проведение в жизнь этих принципов в политике СРВ и неуклонный рост ее международного авторитета способствовали тому, что к настоящему времени уже подавляющее большинство капиталистических стран встало на путь развития нормальных межгосударственных отношений и делового сотрудничества с социалистическим Вьетнамом.

Налаживание экономического сотрудничества и нормальных межгосударственных отношений между Социалистической Республикой Вьетнам и капиталистическими странами в последние годы — одно из важных политических последствий ликвидации военного очага в Юго-Восточной Азии, проявление тенденции к установлению более здорового климата на нашей планете в результате поворота от напряженности к разрядке и в то же время — фактор, способствующий приданию этому процессу универсального и необратимого характера.

Выступая с речью на октябрьском (1976) Пленуме ЦК КПСС, Л. И. Брежнев говорил: «Вьетнам с его большим опытом героической борьбы против империалистической агрессии, за свободу и независимость, с его высоким революционным авторитетом стал ныне важным фактором мира и прогресса в Юго-Восточной Азии, да и в Азии в целом»<sup>15</sup>. Успешно строя социализм на своей земле, внося весомый вклад в упрочение позиций сил, борющихся за мир, национальную независимость, демократию и социальный прогресс народов, за утверждение принципов мирного сосуществования в отношениях между государствами с различным общественным строем, Социалистическая Республика Вьетнам с каждым днем все более убедительно демонстрирует справедливость этой высокой оценки.

На митинге в честь делегации КПСС, участвовавшей в работе IV съезда КПВ, на Ханойском механическом заводе секретарь парткома предприятия Ле Динь Хиен говорил: «Испытывая чувство радости, связанное с большим и важным событием в политической жизни нашей партии и всего народа — IV съездом ПТВ, мы глубоко сознаем, что все победы вьетнамской революции, одержанные в течение истекших десятилетий, берут своим началом великие идеи Ленина и Октябрьской революции, правильное руководство нашей партии, созданной и воспитанной великим Хо Ши Мином, сплоченность и героизм вьетнамского народа. В то же время мы сознаем, что все эти победы неотделимы от сердечной поддержки и помощи КПСС, правительства и братского народа Советского Союза»<sup>16</sup>. Об этом же говорили и представители трудящихся Юга на митинге в честь делегации КПСС, состоявшемся в одном из главных рабочих клубов города Хошимин.

Вьетнамский народ выходит на широкую дорогу мирного строительства. Надежным компасом ему служат решения IV съезда КПВ, которые, как подчеркивал в телеграмме на имя Генерального секретаря ЦК КПВ Ле Зуана Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, указывают «верный путь к претворению в жизнь марксистско-ленинских идеалов, заветов Хо Ши Мина на вьетнамской земле»<sup>17</sup>.

В этом трудном походе, как и раньше, рядом с вьетнамскими братьями коммунисты и трудящиеся социалистических стран, коммунисты и трудящиеся страны великого Ленина. Неизменное братское отношение к социалистическому Вьетнаму, основанное на незыблемых принципах марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, выразил товарищ Л. И. Брежнев, заявивший, что как «соратники и друзья мы заверяем вьетнамских коммунистов, что наша партия не пожалеет усилий для того, чтобы испытанная советско-вьетнамская дружба год от года росла и крепла на благо наших народов, на благо дальнейшего укрепления единства и сплоченности стран социализма, всех революционных сил современности»<sup>18</sup>.

<sup>15</sup> «Правда», 26.X.1976.

<sup>16</sup> «Правда», 17.XII.1976.

<sup>17</sup> «Правда», 23.XII.1976.

<sup>18</sup> «Правда», 23.XII.1976.

## Политический кризис в Японии

*Д. В. Петров,*

*доктор исторических наук, профессор*

Состоявшиеся 5 декабря 1976 г. выборы в палату представителей японского парламента принесли горькое разочарование лидерам правящей Либерально-демократической партии (ЛДП). Впервые за всю послевоенную историю страны консерваторы утратили свое большинство, получив лишь 249 мест из 511. Политические обозреватели расценивали итоги выборов как «потрясающий провал ЛДП», как «конец господства консерваторов», как «наступление новой эры» в политической жизни страны. Насколько же правомерны такие выводы? Насколько серьезен и глубок удар, нанесенный по японским консерваторам? Как он отразится на курсе нового правительства либерал-демократов, которое сформировал 24 декабря 1976 г. Такэо Фукуда? Ответ на эти вопросы может дать ключ к пониманию характера и целей той политики, которую проводит новое правительство в первой половине 1977 г. как внутри страны, так и на внешней арене.

### Поражение консерваторов

Падение влияния Либерально-демократической партии оказалось одним из наиболее стабильных процессов в политической жизни страны. Со времени создания партии в ноябре 1955 г. удельный вес подаваемых за ее кандидатов голосов с поразительным постоянством сокращался от выборов к выборам. Так, если в 1958 г. за консерваторов голосовало 57,8% избирателей, то в 1963 — 54,6, в 1967 г. их поддержало уже меньше половины принявших участие в выборах — 48,8%, на выборах в 1972 г. — 46,8, и, наконец, выборы 1976 г. показали самый низкий за все годы результат: только 41,8% избирателей согласились поддержать кандидатов правящей партии<sup>1</sup>.

Это падение влияния ЛДП тем более знаменательно, что в ходе предвыборной кампании были пущены в ход все средства воздействия на избирателей, которые находятся в руках тех, кто стоит у кормила власти. Среди них и обещания новых ассигнований на нужды тех или иных городов и районов, и самая активная поддержка кандидатов ЛДП средствами массовой информации. Огромные суммы были использованы на подкупы избирателей в той или иной форме. В начале 1976 г. на совещании лидеров ЛДП с представителями ведущей организации круп-

<sup>1</sup> См. Дзидзи нэнкан, 1976 (Ежегодник Дзидзи, 1976). Токио, 1976, стр. 1139; «Асахи симбун», 7.XII.1976.

ного бизнеса — Федерации экономических организаций (Кэйданрэн) — было достигнуто соглашение о том, что в течение года ЛДП получит баснословную сумму — 10 млрд. иен. Представители ЛДП, правда, жаловались, что к началу предвыборной кампании в кассу ЛДП поступило лишь около 4 млрд. иен. Но это значительно больше, чем получила любая другая политическая партия страны. Кроме того, в эту сумму не включены политические пожертвования, которые были вручены лидерам отдельных фракций в децентрализованном порядке, а не через Народную политическую ассоциацию, которая формально осуществляет сбор средств для всей Либерально-демократической партии. Как отмечала японская печать, многие компании «предпочитали делать пожертвования в соответствии со своим собственным решением, а не следуя инструкциям лидеров Кэйданрэн»<sup>2</sup>. Наконец, уже в разгар избирательной кампании, 19 ноября 1976 г., на совещании представителей лидеров ЛДП с руководством Кэйданрэн было принято решение в порядке «пожарной» меры срочно собрать дополнительно около одного млрд. иен в форме так называемых «индивидуальных» взносов от примерно 10 тыс. президентов, директоров, членов правлений и других богатейших людей страны, занимающих высшие посты в руководстве монополий. Представители Кэйданрэн заверили руководство ЛДП, что вся эта сумма будет собрана и передана в партийную кассу в течение недели, до конца ноября 1976 г.<sup>3</sup>

Получив мощную финансовую поддержку от монополий, руководство ЛДП смогло выделить каждому своему кандидату по 5 млн. иен для ведения избирательной кампании<sup>4</sup>. Значительную долю средств последние добавили, используя свои личные связи с той или иной компанией, а также в результате получения определенных сумм от глав своих фракций.

Когда же и этого оказалось недостаточно, чтобы предотвратить провал консерваторов, бывший премьер-министр Такэо Мики 30 ноября, менее чем за неделю до выборов, созвал совещание руководства ЛДП, на котором указал, что, «судя по проводимым газетами опросам населения, в ходе предвыборной кампании для ЛДП сложилась исключительно трудная обстановка». Участники совещания решили бросить на весы все средства, находящиеся в их распоряжении как партии, стоящей у власти. На пресс-конференции после окончания совещания генеральный секретарь ЛДП Цунэо Утида объявил о намерении предоставить кредиты мелким и средним предпринимателям, провести «снижение налогов в интересах масс», то есть поднять уровень необлагаемых доходов, поддержать систему бесплатного медицинского обслуживания для престарелых. Эти меры затрагивали интересы миллионов избирателей, но они были предприняты слишком поздно. Как с иронией писала японская печать, это было «очень похоже на то, когда вешают замок на двери конюшни после того, как лошадь уже украли»<sup>5</sup>.

Следует учесть также, что предвыборная борьба велась на основе новых положений, принятых парламентом в 1975 году, которые предусматривали введение определенных ограничений на распространение агитационных печатных материалов. Это ставило в невыгодное положение прежде всего компартию, которая имеет прочную издательскую базу и обычно широко использовала во время избирательных кам-

<sup>2</sup> «Нихон кэйдзай симбун», 18.XI.1976.

<sup>3</sup> «Санкэй симбун», 19.XI.1976.

<sup>4</sup> «Нихон кэйдзай симбун», 18.XI.1976.

<sup>5</sup> «Токюо симбун», 30.XI.1976.

паний большое число листовок, плакатов и других агитационных материалов.

В ходе предвыборной кампании кандидаты консерваторов широко шли на различные нарушения избирательного закона, особенно по линии превышения рамок расходимых средств, значительная часть которых использовалась на прямые подкупы избирателей. По данным Управления полиции, было официально зарегистрировано 25 278 случаев нарушения избирательного закона и против многих участников кампании были возбуждены уголовные дела.

Либерально-демократическая партия, наконец, в полной мере использовала положение, узаконивающее громадный разрыв в количестве голосов, необходимых для прохождения в парламент, в сельской местности, которая традиционно является опорой консерваторов, и в крупных индустриальных центрах, значительная часть населения которых поддерживает прогрессивные политические партии. В результате резкой разницы в численности населения в сельских и городских избирательных округах некоторые кандидаты оказывались избранными, собрав всего 37—40 тыс. голосов, а другие не проходили, получив даже более 100 тыс. голосов. Для кого оказалась выгодна эта система, достаточно убедительно говорит то, что среди 10 депутатов, которые прошли в парламент с наименьшим количеством собранных голосов (от 37 до 47 тыс.), 8 были от ЛДП и только по одному — от СПЯ и Комэйто. И наоборот, среди десятка собравших наибольшее количество голосов, но не прошедших в парламент оказалось пять представителей коммунистической партии, за каждого из которых голосовало от 97 тыс. до 115 тыс. избирателей, и только два члена ЛДП.

И все же всего этого оказалось недостаточно, чтобы спасти ЛДП от поражения. В начале избирательной кампании Т. Мики заявил, что консерваторы должны получить не менее 271 мандата из 511, чтобы сохранить за собой позиции большинства и возможно проводить через парламент свои законопроекты. Однако ЛДП удалось провести только 249 своих кандидатов — на 22 меньше, чем на предыдущих выборах 1972 г.<sup>6</sup> Этот провал тем более существен, что в связи с ростом численности населения количество мест в палате представителей было увеличено с 491 до 511, то есть на 20 мест.

Правда, в результате выборов в парламент прошли 19 так называемых «независимых», которые по разным соображениям предпочитали не афишировать свои связи с той или иной политической партией. Таким «независимым» был, например, бывший председатель ЛДП и премьер-министр Какуэй Танака, привлеченный к суду за получение взяток от американской компании «Локхид». Вскоре после окончания выборов по сложившейся традиции «независимые» открыто объявили о своих политических симпатиях и вступили в соответствующие политические партии. Большинство из них — 11 депутатов — примкнуло к ЛДП, что позволило партии довести количество своих мандатов до 260.

Номинально это означает наличие в руках ЛДП довольно шаткого большинства в палате представителей, состоящей из 511 депутатов.

Весьма важное значение имеет также то, что в постоянных комиссиях палаты представителей, которые формируются пропорционально количеству мест, принадлежащих той или иной партии, число представителей ЛДП и оппозиции оказалось теперь почти равным. В 8 комиссиях большинство имеет ЛДП, в одной силы равны, а в 7 комиссиях,

<sup>6</sup> «Асахи симбун», 7.XII.1976.

включая одну из важнейших — бюджетную, большинство принадлежит оппозиции. Поскольку основные дебаты проводятся именно в комиссиях, это дает возможность оппозиционным партиям оказывать существенное влияние на прохождение того или иного законопроекта.

Консерваторы сохранили за собой кресла председателей 12 постоянных комиссий, уступив 4 поста оппозиции. Из 9 специальных комиссий только две, включая комиссию по «делу Локхид», возглавляют либерал-демократы, а 7 — оппозиционные партии<sup>7</sup>.

В чем же причины столь серьезного ослабления позиций консерваторов? Явилось ли оно случайным, преходящим явлением или отражает долговременные процессы, протекающие в японском обществе?

Как отмечалось выше, падение удельного веса голосов, собираемых консерваторами, является устойчивой тенденцией за последние 15 лет. Однако несмотря на увеличение общего количества принявших участие в голосовании от 52,4 млн. человек в 1972 г. до 56,6 млн. человек в декабре 1976 г. консерваторы не только не смогли получить дополнительные голоса, а, наоборот, потеряли почти 900 тыс. голосов, собрав лишь 23 654 тыс. против 24 564 тыс. в 1972 г.

Падение популярности консерваторов связано прежде всего с глубоким разочарованием избирателей в их способностях управлять страной, с острым недовольством явными провалами всех попыток ЛДП преодолеть экономические трудности, с массовым осуждением многих аспектов внутренней и внешней политики правящей партии.

Правительство Мики пришло к власти в декабре 1974 г. в условиях серьезного ослабления позиций ЛДП. Премьер К. Танака, который возглавлял правительство с июля 1972 г. по ноябрь 1974 г., был вынужден уйти со своего поста в результате выдвинутых против него обвинений в крупных финансовых аферах. На выборах в палату советников летом 1974 г. ЛДП потерпела существенное поражение. Большинство, которое она имела, сократилось всего до девяти мест. Перед Такэо Мики, который был одним из немногих лидеров ЛДП, не замешанных в каких-либо темных махинациях, и получил даже прозвище «господин Чистый», была поставлена задача восстановить серьезно пошатнувшийся авторитет ЛДП.

Этот курс отвечал в известной мере и личным планам Мики. Дело в том, что он занял пост премьера в результате образовавшегося своеобразного равновесия между двумя основными претендентами на это место — Т. Фукуда и М. Охира, которые возглавляли ведущие фракции в партии. В условиях острой борьбы между последними Мики был выдвинут как своего рода промежуточная, временная фигура, не представляющая большой опасности для основных претендентов на пост премьера, поскольку он возглавлял одну из самых малочисленных фракций, насчитывавшую всего 45 депутатов (во фракции Танака было 92, Фукуда — 82, Охира — 65 человек)<sup>8</sup>. Однако сам Мики отнюдь не желал смириться с отведенной ему ролью халифа на час. Он сделал попытку укрепить свои позиции в партии на основе планов ее модернизации, ликвидации фракций и централизации системы сбора и распределения денежных пожертвований. С другой стороны, учитывая свое шаткое положение внутри партии, Мики взял курс на обеспечение поддержки со стороны широких масс населения, рассчитывая, что такая политика принесет лавры и ЛДП, укрепив ее авторитет, и ему лично, доказав крупному капиталу его способность возродить ЛДП и обеспечив тем

<sup>7</sup> «Ниппон кэйдзай симбун», 25.XII.1976.

<sup>8</sup> «Japan Times», 14.XI.1975.

самым более прочные позиции на посту председателя партии и премьер-министра.

Стремясь добиться этих целей, Мики наряду с социально-экономической программой обеспечения жизни населения «от колыбели до кончины» дал обещание ликвидировать коррупцию государственного аппарата, усилить антимонополистическое законодательство, ограничить возможности крупного капитала воздействовать на выборы через различные рода политические фонды и т. д.

Наконец, Мики объявил, что в отличие от предыдущих кабинетов министров, которые обычно использовали консервативное большинство для протаскивания через парламент угодных им решений, не считаясь с мнением оппозиции, он будет «вести диалог» с другими партиями, принимать во внимание их мнение и добиваться решения различных проблем на основе разумного компромисса.

Правительство Мики, таким образом, оказалось и по своим объективным качествам и по личным взглядам премьер-министра в большей мере, чем какое-либо иное правительство ЛДП, готовым к внесению известных корректив в политику правящей партии. Японская печать считала, что кабинет Мики занимает максимально возможную в рамках ЛДП позицию «левее центра».

И тем не менее деятельность правительства Мики со всей очевидностью доказала невозможность примирения основной линии консерваторов с требованиями оппозиционных партий о коренном пересмотре политического курса страны. Правительство фактически не смогло провести в жизнь ни одного из своих важных обещаний.

Осталась на бумаге опубликованная в сентябре 1975 г. программа обеспечения стабильности и улучшения условий жизни каждого японца «от колыбели до кончины», которая предусматривала, в частности, обеспечение занятости, предоставление возможности каждой семье купить а умеренную плату домик или квартиру, введение системы оплаченных отпусков для всех, имеющих стаж работы более 15 лет на одном месте, и т. д.

В результате общего улучшения деловой конъюнктуры японской экономике удалось, правда, с весны 1976 г. постепенно начать выходить из затяжного, самого глубокого за все послевоенные годы кризиса, охватившего страну с конца 1973 г. Объем промышленного производства в 1976 г. возрос на 13,6% и вплотную приблизился к максимальному уровню, достигнутому в предкризисные годы. Но повышение деловой активности носило крайне неравномерный характер. Оно сопровождалось непрерывной инфляцией, особенно серьезно отражающейся на положении низкооплачиваемых слоев населения. Индекс потребительских цен в ноябре 1976 г. был в среднем по стране на 9,1% выше, чем год назад, и почти в два раза выше, чем в 1970 г. При этом следует учитывать, что в 1976 г. рабочим и служащим удалось добиться значительно меньшего повышения заработной платы, чем в предыдущие годы, — в среднем на 12,7% против 24,9% в 1974 г. Это означало, что прибавка к заработной плате полностью съедалась ростом цен<sup>9</sup>.

Ухудшение положения самых широких слоев населения вновь показало социальный характер антиинфляционных мероприятий, которые проводились правительством на основе замораживания зарплаты и сдерживания спроса, то есть отвечали в первую очередь интересам большого бизнеса.

<sup>9</sup> «Ниппон кэйдзай сису», февраль 1977.

Точно так же остались на бумаге и обещания обеспечить стабильность жизни трудящихся. Несмотря на некоторый рост производства и увеличение занятости по сравнению с 1975 г., в ноябре 1976 г. насчитывалось, по официальным данным, 990 тыс. полностью и около 1,6 млн. частично безработных<sup>10</sup>. Генеральный совет профсоюзов Японии (Сохё) считает, что действительное количество безработных в стране составило к концу 1976 г. не менее 3 млн. человек.

Длительный кризис в сочетании с инфляцией привел к массовому разорению мелких и средних компаний, на которых ведущие монополии, связанные с ними субподрядными отношениями, перекладывали значительную часть бремени по преодолению экономических трудностей. В 1976 г. объявили о своем банкротстве 15 641 компания — больше, чем когда-либо за послевоенные годы. Это на 24,1% больше, чем в 1975 г. Рекордной оказалась и оставленная банкротами задолженность — 2266 млрд. иен<sup>11</sup>.

Широкие массы населения страны убедились, таким образом, в том, что экономическая и социальная политика Либерально-демократической партии направлена на обеспечение интересов крупного монополистического капитала за счет дальнейшего наступления на жизненный уровень трудящихся масс.

Не выполнило правительство Мики и многих других своих обещаний. Принятые по его инициативе парламентом поправки к закону о контроле над политическими фондами несколько сузили каналы поступления средств в казну ЛДП от крупных монополий, но отнюдь не закрыли их полностью, сохранив преимущества, которые имела в этом плане правящая партия перед оппозицией.

Законопроект, призванный в какой-то мере предотвратить дальнейшее усиление контроля монополий над экономикой страны, в результате давления со стороны крупного капитала и лидеров ведущих фракций ЛДП оказался в значительной мере выхолощен и весьма далек от первоначальных предложений «комиссии по честным и справедливым сделкам», призванной контролировать осуществление антимонополистического законодательства. Но даже и в таком урезанном виде он был проведен только через палату представителей, застряв в результате обструкции основных фракций ЛДП в палате советников.

В связи с настойчивыми требованиями трудящихся предоставить рабочим и служащим государственных учреждений и предприятий право на проведение забастовок, которого они были лишены в 1948 г. в условиях оккупационного режима, правительство согласилось начать 3 июня 1975 г. обсуждение этого вопроса в комиссии по социальным и трудовым вопросам палаты представителей. Однако дальше этого дело не пошло — консерваторы заблокировали принятие соответствующего закона.

Оказавшись не в состоянии разработать и провести в жизнь курс, отвечающий хоть в какой-то мере требованиям масс в области экономики и внутренней политики, правительство Мики практически осталось на старых позициях и в своей внешнеполитической деятельности.

Вопреки требованиям оппозиционных партий относительно проведения сбалансированной дипломатии и развития добрососедских отношений со всеми странами правительство явно сделало серьезный

<sup>10</sup> «Ниппон токэй гэппо», январь 1977, стр. 8,12.

<sup>11</sup> «Асахи симбун», 14.1.1977.

крен в сторону дальнейшего развития военных связей с Соединенными Штатами. В результате переговоров премьер-министра Мики с президентом Фордом 5—6 августа 1975 г. и встреч руководителей дипломатических и военных ведомств двух стран была выработана программа, означающая заметный сдвиг в сторону расширения обязательств Японии в рамках военно-стратегической системы США в Азиатско-Тихоокеанском регионе на основе так называемого «разделения функций» между вооруженными силами США и Японии<sup>12</sup>.

Развивая связи с США, правительство Мики в то же время пошло на значительное ухудшение отношений с Советским Союзом. Оно всячески раздувало кампанию вокруг незаконных и необоснованных претензий на четыре острова из состава Курильской гряды. Министр иностранных дел К. Миядзава совершил в октябре 1976 г. демонстративный объезд на катере этих островов, наблюдая за ними в подзорную трубу. Правительство заняло явно недружественную позицию в отношении Советского Союза в связи с вынужденной посадкой на территории Японии советского самолета МИГ-25, на что указывалось в нотах Советского правительства от 9 и 21 сентября 1976 г.

Таким образом, правительство Мики не смогло добиться поставленных перед ним целей. Его деятельность вновь со всей убедительностью доказала имманентную невозможность для консерваторов повернуться лицом к требованиям широких масс населения. Отстаивая интересы крупного монополистического капитала, правящая партия неминуемо вступала в своей политике в конфликт с подавляющим большинством населения страны. В этом крылась основная и важнейшая причина ее поражения на выборах в декабре 1976 г.

Наряду с разочарованием в экономической и социальной политике консерваторов, в их способностях руководить страной, с глубоким недоверием к раздаваемым ими обещаниям на результатах выборов в сильнейшей степени сказалось возмущение миллионов избирателей в связи с многочисленными фактами коррупции, в которой оказались замешаны многие высшие руководители ЛДП, включая бывшего премьер-министра К. Танака. Особенно широкий резонанс в стране вызвало так называемое «дело Локхид», что дало даже основания некоторым японским политическим обозревателям называть выборы в декабре 1976 г. «локхидовскими выборами».

### **Мутные волны «дела Локхид»**

Один из крупнейших американских авиастроительных концернов «Локхид» появился впервые на японской сцене в конце 50-х годов. В 1957 г. японский премьер-министр Нобусукэ Киси принял решение закупить для возрождаемой японской армии истребители Ф-111 производства компании «Грумман». Однако вскоре это решение неожиданно было отменено и Япония объявила, что на вооружение военно-воздушных сил поступят истребители-бомбардировщики Ф-104 «Старфайтер». Как теперь стало известно, этот крутой поворот не был случайным: компания «Локхид» оказалась щедрее своего конкурента и передала через торговую фирму «Марубэни» крупную взятку японским политическим деятелям. Первый — обычно самый трудный — шаг был сделан. Дальше по проложенным каналам деньги щедро потекли из-за океана в карманы японских политических деятелей.

По старому сценарию развернулись события в конце 60-х годов. Со-

<sup>12</sup> См. «Проблемы Дальнего Востока», 1976, № 3, стр. 19—35.

бираясь ввести на обслуживание пассажирских линий новые самолеты, одна из двух ведущих японских авиатранспортных компаний, «Дзэннику», которая имеет практически монопольное право на обслуживание внутренних линий, договорилась о покупке шести машин марки ДС-10 производства компании «Макдоннел — Дуглас». Сделку организовала торговая фирма «Мицуи», которая является одним из крупнейших держателей акций «Дзэннику». Однако, к удивлению многих неосведомленных в обычаях японского делового и политического мира, сделка была расторгнута. Вскоре последовала смена руководства компании «Дзэннику», а затем было объявлено, что вместо ДС-10 будут закуплены машины «Трайстар» производства концерна «Локхид».

В пользу «Локхид» завершились и длительные дебаты, развернувшиеся в Японии по вопросу о том, следует ли заняться производством собственной модели противолодочного самолета, на чем настаивали японские военно-промышленные компании, или же закупить локхидовский самолет Р-3С.

Различные догадки и слухи относительно причин столь благожелательного отношения высших руководителей японского правительства именно к компании «Локхид» были облечены в конкретные факты в подкомитете сената США по многонациональным корпорациям, на заседании которого 4 февраля 1976 г. вице-председатель компании «Локхид» К. Котчиан признал, что начиная с 1958 г. компания израсходовала на подкупы различных лиц в Японии 12,8 млн. долл.

После длительных переговоров правительство США санкционировало передачу Японии показаний Котчиана и других сотрудников «Локхид», которых оказалось достаточно, чтобы выдать ордер на арест бывшего премьер-министра К. Танака. 27 июля 1976 г. последний был взят под стражу по обвинению в том, что получил от «Локхид» более 500 млн. иен (примерно 1,6 млн. долл.) в период с августа 1973 г. по февраль 1974 г. Правда, через несколько дней он был выпущен под небылалый в истории японской юриспруденции залог — 200 млн. иен.

Арест бывшего премьер-министра прозвучал как гром среди ясного неба для делового мира и японской правящей элиты, поскольку предполагалось, что так же, как бывало много раз до этого, когда раскрывались скандальные истории с подкупками, расследование остановится где-то на «среднем» уровне и вполне удовлетворится арестом и наказанием нескольких второстепенных исполнителей. Однако премьер-министр Мики заявил, что он намерен довести расследование до конца и выявить всех замешанных в этом деле, что это «вопрос его политической чести»<sup>13</sup>.

Столь решительная позиция премьера объяснялась тем, что он сам не был замешан в получении взяток и, идя навстречу требованиям населения о доскональном расследовании этой финансовой аферы, мог рассчитывать нажить немалый политический капитал. Кроме того, арест и выход из политической игры К. Танака, его основного соперника и лидера ведущей фракции в ЛДП, позволял Мики укрепить свои позиции в партийном руководстве.

Однако Мики выпустил джина из бутылки. Он рассчитывал укрепить влияние консерваторов, доказав способность партии как бы очиститься от скверны, и возложить всю ответственность за коррупцию на Танака и небольшую группу связанных с ним лиц. Арест бывшего

<sup>13</sup> «Гэккан пэн», октябрь 1976, стр. 18.

премьера должен был послужить своего рода предохранительным клапаном, сбив накал требований оппозиции и положив конец всему «делу Локхид». Этим планам не суждено было сбыться. Из представленных доказательств стало очевидным, что взятки получали многие другие лидеры ЛДП, которые самым решительным образом стали требовать от Мики свертывания расследования.

Все новые и новые факты, подтверждающие глубокую продажность стоящих у кормила власти, вызвали широчайшее возмущение в стране, укрепив положение оппозиции и значительно подорвав влияние консерваторов.

Коррупция всегда была неотъемлемой частью политической жизни Японии. Крупные и мелкие взятки в самых различных формах — от денежных подношений до увеселений «нужных людей» в чайных домиках и оплаты их прогулок за границу — всегда рассматривались как неотъемлемая и необходимая часть деловых операций. Никогда ни для кого не было секретом существование громадных фондов «представительских средств» у всех компаний — крупных и мелких. Достаточно сказать, что только с апреля 1975 г. по июль 1976 г. органами местной администрации было раскрыто 174 случая взяточничества и арестовано в связи с этим 270 должностных лиц<sup>14</sup>.

Однако «дело Локхид» всколыхнуло всю страну, ибо оно оказалось из ряда вон выходящим даже для привыкшего ко многому политического мира Японии. В нем были замешаны прежде всего высшие деятели государства — премьер-министр и члены правительства, то есть именно те, кому было доверено руководство страной, кто клялся во зрелые избирательные кампании в своей готовности верой и правдой служить обществу.

По масштабам полученных взяток «дело Локхид» далеко превзошло все, что было в Японии до сих пор. Концерн «Локхид» продемонстрировал истинно американский размах. В карманы связанных с ним людей перешло более четырех миллиардов иен — это среднемесячная зарплата 25 тыс. человек!

Не знало прецедента «дело Локхид» и по количеству замешанных в нем должностных лиц различных компаний и политических деятелей. В течение августа — сентября 1976 г. органами юстиции было арестовано 18 человек, включая трех членов парламента. Однако министр юстиции Осаму Инаба был вынужден признать в своем докладе в парламенте 15 октября 1976 г., что прокуратурой со всей очевидностью установлены факты получения взяток семнадцатью депутатами парламента. Кроме того, Инаба отметил, что в аферах «Локхид» замешано по меньшей мере 460 правительственных чиновников и представителей деловых кругов<sup>15</sup>.

Следует при этом учесть, что в соответствии со статьей 197 Уголовного кодекса Японии срок давности по преступлениям, связанным с получением взяток, установлен в три года. Японская печать в связи с этим отмечает, что «если учесть всех тех, против кого уголовные дела не могут быть возбуждены в связи с истечением срока давности, то общее количество членов парламента, которые в той или иной форме получали деньги от «Локхид», превысит, видимо, 100 человек»<sup>16</sup>.

В Японии отлично понимают, что вскрытые и доказанные случаи взяток — это лишь «видимая часть айсберга». Сколько же лиц, за-

<sup>14</sup> См. «Правда», 3.XI.1976.

<sup>15</sup> «Асахи симбун», 16.X.1976.

<sup>16</sup> «Гэккан эн», октябрь 1976, стр. 19.

дают здесь себе вопрос, действительно замешаны в «деле Локхид», если при всех стараниях спрятать концы в воду речь идет о сотнях высших должностных лиц?

Широкая сеть втянутых в аферы с американскими самолетами показала японской общественности, насколько глубоко ржавчина коррупции пронизала всю Либерально-демократическую партию буквально сверху донизу. Она убедилась в том, что взяточничество — это не преступления одиночек, а принятая система действия в правящей партии, которая открыто и нагло попирает законы и не имеет буквально никаких морально-нравственных устоев, исходя всегда и во всем из принципа «деньги не пахнут».

«Дело Локхид» раскрыло теснейшие узы, которыми оказались связаны деловой мир, правительство, правящая партия и высшая бюрократия страны. Это никогда не было особым секретом. Но точно так же никогда раньше эти связи не выступали столь обнаженно, выпукло, ярко, страшные в своей наготы для всех честных людей страны. Взятки шли от президентов и членов правлений компаний «Марубэни» и «Дзэиннику» членам правительства и премьеру, председателю комиссии по транспорту палаты представителей и ее членам от ЛДП. Как справедливо отмечал журнал «Фар истери экономик ревью», это было яркое доказательство того, что «на протяжении минувших 15 лет возникла гнилая система — кровосмесительный союз между политической иерархией ЛДП, крупным капиталом и чиновничьим аппаратом»<sup>17</sup>.

«Дело Локхид» вывело на белый свет тщательно скрываемые, но, как оказалось, весьма тесные связи между верхушкой ЛДП и ультраправыми организациями. Общественность страны оказалась буквально потрясена, когда узнала, что многие важнейшие вопросы, касающиеся судеб страны, ее внешней и внутренней политики, решаются не парламентом и правительством, а такими всесильными людьми, как Е. Кодама. Он никогда не занимал никаких правительственных постов, не избирался в парламент, не входил в состав правлений могущественных корпораций. И тем не менее именно этот человек, который считается лидером ряда гангстерских и ультраправых организаций, насчитывающих в общей сложности более 120 тыс. членов, стоял у колыбели либеральной партии в первые послевоенные месяцы.

Кодама был арестован как военный преступник, но после реабилитации восстановил все прежние связи. В число его близких друзей входили бывшие премьеры Нобусукэ Киси и Какуэй Танака и многие другие лидеры правящей партии. И именно он получил от «Локхид» почти половину всех израсходованных на подкупы сумм — 7 млн. долл. — для передачи соответствующим политическим деятелям. Кодама оказался настолько могущественным лицом, что, посадив за решетку бывшего премьер-министра, прокуратура не смогла не только арестовать, но даже допросить Кодама, который сказался больным и никого не пускает в свой тщательно охраняемый наемниками особняк. Все расследование пока что вращается вокруг тех сумм, которые были переданы японским политическим деятелям через «Марубэни» и «Дзэиннику», а линия, которая идет от Кодама, оказалась полностью в тени, хотя именно здесь, как полагают японские политические обозреватели, могут выявиться наиболее потрясающие факты.

Наконец, «дело Локхид» всколыхнуло японскую общественность еще и потому, что впервые оказались обнажены теснейшие связи между японским политическим миром и зарубежными монополиями. Все,

<sup>17</sup> «Far Eastern Economic Review», 19.III.1976.

что делалось до сих пор, делалось, так сказать, в своем доме. Японские бизнесмены подкупали японских политиков. Здесь же афера перешагнула национальные границы. Оказалось, что лидеры страны продаются и за иностранную валюту, что иностранная компания может обеспечивать путем взяток удобные ей решения. Такая глубочайшая степень деградации, такое полное надругательство над национальными интересами страны не могло не возмутить в Японии буквально каждого.

Более того, в ходе расследований вскрылись теснейшие связи лиц, замешанных в «деле Локхид», с американским Центральным разведывательным управлением, которое через них субсидировало удобных ему политических деятелей. Известный американский журналист Тэд Шульц, который долгие годы был корреспондентом «Нью-Йорк таймс» в Вашингтоне, писал в одной из своих статей: «Придавая Японии решающее значение в деле обеспечения американской системы безопасности в зоне Тихого океана, внешняя политика Соединенных Штатов вплоть до сегодняшнего дня главной своей целью ставит удержание японской политики правее центра». Для этого применяются различные средства, чтобы «оказать поддержку японским консервативным правительствам и политическим партиям». Результатом такого курса как раз и явилось «участие ЦРУ и «Локхид» в передаче секретных американских фондов находящимся в фаворе политическим группам в Японии»<sup>18</sup>.

Автор напоминает, что между ЦРУ и «Локхид» существуют давние теснейшие связи. Именно «Локхид» создала снискавший печальную известность самолет-разведчик У-2, который долгое время базировался, в частности, на Японию, совершая разведывательные полеты над территориями Советского Союза и КНР.

Не приходится удивляться, что многие из тех, на кого делала ставку «Локхид» в Японии, одновременно оказывались агентами ЦРУ. Но самым потрясающим известием для японской общественности оказались убедительные доказательства того, что не кто иной, как сам всемогущий лидер ультраправых, знаменосец национализма и кичащийся своим патриотизмом Ё. Кодама, также оказался на содержании у ЦРУ. Когда с него была сброшена маска, писала с негодованием газета «Асахи», то «выявилось лицо агента ЦРУ, лицо предателя — именно это обвинение обычно бросал Кодама своим противникам»<sup>19</sup>.

Кодама оказался в тюрьме Сугамо как военный преступник 25 января 1946 г. Без особых угрызений совести он вступил в контакт с представителями американских разведывательных служб. Отсидев три года, Кодама после освобождения принял участие в создании по их заданию «сети политической разведки»<sup>20</sup>. Для «Локхид», которая в январе 1969 г. подписала свой первый контракт с Кодама, назначая его своим «консультантом», он был, таким образом, вполне своим человеком и по политическим склонностям, и по стажу контактов с одним и тем же влиятельным учреждением — ЦРУ.

«Дело Локхид», таким образом, оказало немалое влияние на политическую жизнь Японии в 1976 г., дав в руки оппозиционных партий серьезнейший козырь против погрязшей в коррупции правящей партии.

<sup>18</sup> «Asahi Evening News», 23.IV.1976.

<sup>19</sup> «Asahi Evening News», 17.IV.1976.

<sup>20</sup> Там же, 23.IV.1976.

## Борьба за власть в правящей партии

Серьезное влияние на исход выборов оказали также глубочайшие противоречия, выявившиеся внутри Либерально-демократической партии, которые привели фактически к ее расколу.

Правительство Мики в течение всех двух лет своего пребывания у власти находилось в весьма своеобразном положении, когда его поддерживало менее трети всех членов правящей партии. Это побуждало Мики взывать к мнению общественности и идти на определенные компромиссы с оппозицией.

Однако разработка и внесение в парламент законопроекта, предусматривающего некоторое усиление антимонополистического законодательства, как и ряд других шагов правительства, вызвали недовольство и настороженность со стороны деловых кругов. Они были напуганы также расследованием «дела Локхид», которому Мики под давлением общественности дал ход. Премьер-министр все более явно становился фигурой «нон-грата» для крупного бизнеса, опасавшегося, что тщательное расследование «дела Локхид», как и других махинаций, связанных с репарационными поставками в Индонезию, с поставками товаров в порядке безвозмездной помощи и на основе льготных кредитов в Южную Корею, с созданием незаконных картелей и т. д., может привести к далеко идущим последствиям для всей сложившейся системы связей и отношений в деловом мире.

Недовольство крупного капитала позицией правительства переплеталось с растущей оппозицией внутри Либерально-демократической партии. С одной стороны, партийные боссы считали, что Мики зашел слишком далеко, дав санкцию на судебное преследование и арест бывшего председателя партии и премьер-министра. Они стремились остановить расследование «дела Локхид», пока оно не привело к выявлению немалых их собственных грехов. С другой стороны, лидеры ведущих фракций полагали, что настал удобный момент для борьбы за кресло премьера, поскольку Танака, глава крупнейшей фракции в ЛДП, скомпрометирован и практически сошел с политической арены, а позиции Мики, теряющего поддержку финансовых кругов, становятся все более шаткими.

В этих условиях заместитель председателя ЛДП Эцусабура Сиина пошел на беспрецедентный шаг, выступив в мае 1976 г. с заявлением, что Мики следовало бы уйти в отставку. Однако премьер обвинил Сиина в попытках замять путем смены правительства расследование «дела Локхид» и, апеллируя к поддержавшему его общественному мнению, отказался покинуть пост главы кабинета.

К осени 1976 г. в правительстве сложилась беспрецедентная ситуация: 15 из 20 министров, принадлежавшие к фракциям, выступавшим в ЛДП против Мики, практически отказались сотрудничать с премьером. 24 августа собрание депутатов ЛДП обеих палат парламента, которое, по уставу партии, может выполнять функции съезда, приняло резолюцию, призывающую Мики подать в отставку. Чтобы разрядить обстановку, 15 сентября 1976 г. Мики провел реорганизацию высшего руководства ЛДП и правительства, заменив 13 министров, но это не оказало кардинального влияния на расстановку сил.

К декабрьским выборам ЛДП пришла практически расколотой на три группировки. Одну из них представляла фракция Мики, насчитывавшая примерно 34 депутата от ЛДП и небольшое количество сотрудничающих с ней представителей других фракций, в частности фракции Накасонэ.

Группировке Мики противостояло мощное объединение его противников, сплотившихся вокруг фигуры заместителя премьер-министра Такэо Фукуда, который возглавил так называемый Совет по вопросам партийного единства (Кётокё), объединивший почти две трети членов ЛДП. 21 октября 1976 г. Совет выдвинул Фукуда кандидатом на пост председателя партии и премьер-министра, а за месяц до выборов, 5 ноября, он демонстративно вышел из состава правительства и открыто возглавил борьбу против Мики.

Наконец, третьей группировкой оказался так называемый Новый либеральный клуб (Син дзю курабу), который организовали шесть депутатов ЛДП, заявивших 26 июня 1976 г. о своем выходе из партии в знак протеста против пустившей в ней глубокие корни коррупции и объявивших о стремлении внести «новую струю» в японский консерватизм.

Соперничество между различными фракциями ЛДП, борьба за власть, плохо прикрытая демагогическими заявлениями, стремление нанести удар по сопернику, не останавливаясь ни перед какими средствами,— все это наряду с пронизывающей весь аппарат ЛДП коррупцией не могло не ослабить в значительной степени позиции ЛДП на выборах и не оказать влияния на их результаты.

Таким образом, провал Либерально-демократической партии на выборах в декабре 1976 г. не был случайным явлением, связанным только с таким преходящим фактором, как разоблачения по «делу Локхид». Он явился закономерным результатом падения влияния ЛДП в массах, обусловленного прежде всего становящейся все более очевидной для миллионов избирателей пропастью между программой и практической деятельностью ЛДП, направленной на удовлетворение требований крупнейших монополий, и интересами подавляющего большинства населения. Это нашло свое проявление в неспособности ЛДП преодолеть экономические трудности, несмотря на развитый аппарат государственно-монополистического регулирования, в провале всех программ социального развития, в реакционной внутренней и идущей вразрез с национальными интересами страны внешней политике. «Дело Локхид» выявило всю глубину морального падения многих лидеров ЛДП, стремящихся использовать свое пребывание у власти в целях личной наживы и готовых за деньги поступиться национальными интересами. В то же время междоусобная борьба в партии вновь доказала, что у соперничающих сторон нет каких-либо принципиальных идеологических расхождений и что в ее основе лежит стремление различных группировок пробиться к власти, обеспечив себе наиболее теплые места в руководстве партией и страной.

### **Сдвиги в расстановке сил**

Поражение консерваторов могло бы быть, несомненно, еще более внушительным, если бы противостоящий им оппозиционный лагерь смог преодолеть свои противоречия и организовать в широких масштабах единые действия в интересах завоевания большинства в парламенте. Однако на выборах со всей остротой проявились серьезные разногласия между основными партиями, составляющими оппозиционный лагерь.

Наиболее последовательно выступают против политического курса консерваторов Социалистическая и Коммунистическая партии Японии.

Крупнейшая оппозиционная партия страны — Социалистическая — пришла к выборам в условиях сложной борьбы фракций, что отразилось на ее организационной деятельности и ослабило усилия, направленные на успешное проведение избирательной кампании. В результате партия собрала только 20,7% голосов против 21,9% на предыдущих выборах. Она провела, правда, в парламент 123 своих кандидата, выиграв дополнительно пять мест. Но этот успех мог бы быть более серьезным, учитывая то, что в 1976 г. количество мест в парламенте было увеличено на 20, главным образом за счет создания новых избирательных округов в густонаселенных городских и промышленных районах, которые всегда были оплотом прогрессивных сил.

В исключительно тяжелых условиях вела предвыборную борьбу Коммунистическая партия Японии. На выборах в 1972 г. партия завоевала 40 мест в парламенте и заняла второе место после СПЯ в оппозиционном лагере, увеличив свое представительство на 26 мест по сравнению с итогами предыдущих выборов в 1969 г. Такой бурный рост влияния КПЯ не на шутку испугал правящие круги страны. Чтобы не допустить дальнейшего укрепления позиций КПЯ, в ходе предвыборной кампании 1976 г. был пущен в ход широкий арсенал средств. Немалую роль в ограничении агитационной кампании, проводимой КПЯ, сыграл проведенный правительством Мики пересмотр избирательного закона, ограничивший возможности использования печатных средств. Было запрещено также участие в той или иной форме в предвыборной кампании различных общественных организаций, что также резко сузило агитационные возможности КПЯ, которую поддерживает значительное количество массовых демократических организаций. Кроме этих законодательных ограничений, затронувших КПЯ больше, чем какую-либо другую партию, широко применялись различные формы антикоммунистической пропаганды, включая использование сфабрикованной полицией еще в 1933 г. фальшивки против председателя Президиума ЦК КПЯ Кэндзи Миямото. Наряду с ЛДП к различного рода антикоммунистическим инсинуациям и запугиванию обывателя «коммунистической угрозой» широко прибегали представители так называемых «партий центра» — Комэйто и Партии демократического социализма, стремясь проникнуть в те слои избирателей, которые обычно отдавали свои голоса коммунистам<sup>21</sup>.

Несмотря на столь тяжелые условия борьбы, доля голосовавших за кандидатов КПЯ осталась практически на прежнем уровне (10,7% против 10,9% в 1972 г.). Коммунистов поддержали 6033 тыс. избирателей — на 220 тыс. больше, чем в 1972 г. (5702 тыс.). Тем не менее в связи с несуразностями избирательной системы Японии количество мандатов, полученных КПЯ, резко сократилось — она провела только 19 своих кандидатов, потеряв половину имевшихся до выборов мест. Орган КПЯ газета «Акахата» указывала в связи с этим, что если бы в стране действовала система пропорционального представительства, то КПЯ должна была бы получить 54 места<sup>22</sup>.

Практически все места, потерянные в ходе выборов консерваторами, перешли к партиям центра. Значительно укрепила свои позиции и вышла на положение второй партии в оппозиционном лагере религиозно-политическая Партия чистой политики (Комэйто), опирающаяся на сцементированное полувоенной дисциплиной буддистское общество

<sup>21</sup> См. «Акахата», 30.XII.1976.

<sup>22</sup> См. там же, 8.XII.1976.

«Сока гаккай». На выборах партия Комэйто выступала под лозунгами борьбы против коррупции, создания «справедливого общества», борьбы против инфляции, за повышение жизненного уровня и стабильность уровня жизни населения, за обеспечение основных демократических прав, за пересмотр внешнеполитического курса правительства, ликвидацию, в частности, американских баз на территории Японии и установление дружеских отношений со всеми странами. Апеллируя к неорганизованным трудящимся, низшим слоям городского населения, а также к мелким собственникам, низкооплачиваемому чиновничеству и т. д., Комэйто собрала 10,9% голосов против 8,5% в 1972 г. За ее кандидатов голосовало 6,2 млн. избирателей (на 1,8 млн. больше, чем в 1972 г.), что дало партии возможность резко увеличить свое представительство в парламенте — с 29 до 55 мест.

Под весьма расплывчатой политической программой, представляющей собой сочетание демагогических обещаний с ярким антикоммунизмом, вела свою избирательную кампанию правооппортунистическая Партия демократического социализма (ПДС), образованная в 1960 г. группой правых реформистов, отколовшихся от СПЯ. Опираясь на политическую и финансовую поддержку второго по значению в стране профсоюзного центра Содомэй, в основе программы которого лежат принципы сотрудничества труда и капитала, ПДС, так же как и ЛДП, потеряла значительную группу избирателей — за ее кандидатов голосовало 6,3% против 7,0% в 1972 г., или примерно на 100 тыс. человек меньше. Однако ПДС увеличила свое представительство с 19 до 29 мест.

Наконец, значительного успеха добился отколовшийся от ЛДП Новый либеральный клуб (НЛК). Ему удалось в ходе выборов заручиться поддержкой 2,4 млн. избирателей (4,2%) и вместо прежних пяти мест в нижней палате получить 17 мандатов.

Расстановка сил в парламенте вскоре после выборов несколько изменилась в результате того, что многие из депутатов, которые объявили себя в ходе избирательной кампании «независимыми», после выборов вступили в ту или иную партию. По состоянию на 22 декабря 1976 г. СПЯ имела 124 места в парламенте, Комэйто — 56, ПДС — 29, КПЯ — 19, Новый либеральный клуб — 18 и независимые — 5 мест<sup>23</sup>.

Провал консерваторов на выборах оказался прекрасным поводом для того, чтобы сместить Мики с поста председателя ЛДП, возложив на него и его политику вину за падение влияния партии. 24 декабря 1976 г. общее собрание депутатов ЛДП от обеих палат парламента, которое приравнивается по своим полномочиям к партийному съезду, избрало на пост председателя партии одного из наиболее влиятельных лидеров ЛДП — Такэо Фукуда. С 1958 по 1971 г. он занимал ряд важных постов в правительстве и партийном руководстве. В июле 1971 г. он стал министром иностранных дел, а летом 1972 г., когда ушел в отставку кабинет Сато, Фукуда выступил в качестве главного соперника Танака в борьбе за пост премьер-министра. Однако ему пришлось пережить горечь поражения. Вторично провалились попытки Фукуда возглавить правительство в декабре 1974 г., когда Танака был вынужден подать в отставку. На сей раз его основным соперником выступал Масаёси Охира, сумевший заручиться поддержкой примерно такого же количества членов партии, как и Фукуда. В результате лидерам ЛДП пришлось согласиться на компромиссную кандидатуру Такэо

<sup>23</sup> «Санкэй симбун», 23.XII.1976.

Мики, рассчитывая на то, что его кабинет окажется недолговечным. Фукуда обеспечил, однако, себе пост заместителя премьер-министра, который давал ему возможность оказывать определенное влияние на выработку правительственной политики.

И вот теперь его многолетние усилия завершились успехом. Его основной соперник Охира занял второй по значению пост в руководстве ЛДП, став генеральным секретарем партии и рассчитывая сменить со временем Фукуда в кресле премьера.

Правительство Фукуда пришло к власти в весьма сложной политической обстановке. Достаточно сказать, что он был избран на пост премьера большинством всего в один голос: за него голосовало лишь 256 депутатов из 511.

Однако было бы неверно недооценивать возможности Либерально-демократической партии в условиях современной Японии и полагать, что значительное падение ее влияния и провал на выборах могут автоматически привести к «концу эры консерваторов», к их отстранению или добровольному согласию отойти от кормила власти.

Правительство Фукуда пользуется, несомненно, более широкой поддержкой деловых кругов, чем предыдущий кабинет Мики. Японские монополии видят в нем своего человека, с которым у них установились давние тесные связи, поскольку Фукуда много раз занимал различные посты в правительстве, связанные с решением ключевых экономических проблем. Весьма убедительным показателем этого доверия со стороны монополий является неиссякаемый поток средств, который они направляют в политические фонды фракции Фукуда. В 1975 г. она получила около 1,5 млрд. иен — значительно больше, чем собрала известная своими теснейшими связями с крупным бизнесом фракция Танака (1,1 млрд. иен)<sup>24</sup>.

Не меньшее значение имеет то, что Фукуда удалось хотя бы временно в известной мере сплотить партию, призывая ослабить фракционную борьбу перед лицом необходимости укрепить позиции ЛДП в целом. В свое правительство он включил представителей фракции Танака, которые не участвовали в первом кабинете Мики, и членов фракции Охира. Четвертая часть министерских постов была передана фракциям Мики (два) и Накасонэ (три). Фукуда рассчитывает, что известное сплочение партии позволит ему более уверенно и гладко осуществлять намеченный политический курс и укрепит его позиции в противостоянии с оппозицией.

Немалые расчеты лидеры ЛДП возлагают, далее, на то, что члены Нового либерального клуба по своим политическим и идеологическим установкам весьма мало отличаются от ЛДП. Борясь за укрепление собственного влияния, они в то же время будут, видимо, по всем кардинальным вопросам политики поддерживать правительственный курс. Характерно, что во время опроса, проведенного газетой «Токио симбун», только один из 16 давших ответы депутатов от НЛК полностью исключил возможность сотрудничества в будущем с ЛДП, а 15 заявили, что будут решать вопрос о поддержке ЛДП в каждом конкретном случае<sup>25</sup>. Вместе же с голосами членов НЛК правящая партия будет иметь 278 голосов в палате представителей, то есть достаточно устойчивое большинство, чтобы проводить отвечающие интересам правящей верхушки законопроекты.

<sup>24</sup> См. «Асахи симбун», 27.XII.1976.

<sup>25</sup> «Токио симбун», 6.I.1977.

Не исключено, кроме того, что ЛДП по отдельным вопросам может получить поддержку со стороны правых социалистов, которые никогда не скрывали своей готовности поддерживать самые тесные контакты с правящей партией. В ходе того же опроса, проведенного газетой «Токно симбун», только 12% опрошенных депутатов от ПДС отвергли возможность сотрудничества с ЛДП, а подавляющее большинство — 88% — заявили, что будут решать этот вопрос в зависимости от обстоятельств и в соответствии с заключенными политическими соглашениями<sup>26</sup>.

Наконец, значительная ставка делается на раскол оппозиции — путем использования прежде всего антикоммунистических настроений в Комэйто и в Партии демократического социализма. К этому же курсу, направленному на предотвращение возможности объединения всех выступающих против ЛДП сил, все в большей мере склоняются и деловые круги. Газета «Асахи» указывала, что большой бизнес допускает «возможность того, что оппозиционные партии могут войти в состав правительства или сформировать собственное», и отсюда пришел к выводу о необходимости «наладить более активные контакты с оппозиционными партиями, чем это было раньше»<sup>27</sup>.

Перед лицом попыток финансовой олигархии вбить клин в оппозиционный лагерь и обеспечить себе поддержку со стороны правоцентристских группировок особое значение приобретает организация единства действий прогрессивных сил страны.

Активным сторонником сплочения всех оппозиционных партий и групп выступает Коммунистическая партия Японии, которая выразила готовность сотрудничать со всеми партиями и организациями в интересах свержения власти либерал-демократов и создания коалиционного демократического правительства<sup>28</sup>. Однако призывы КПЯ к единству действий пока что не находят необходимой поддержки у других оппозиционных партий.

Руководство СПЯ заверяет в своих заявлениях, что СПЯ «полностью выполнит свою миссию сплочения реформистских сил»<sup>29</sup>. В принятом на 40-м съезде СПЯ, состоявшемся 8—10 февраля 1977 г., курсе действий партии на 1977 г. подчеркивалось, что «эра однопартийного правления Либерально-демократической партии кончилась и началась эра коалиции». СПЯ призвала к борьбе за отстранение ЛДП от власти и создание коалиционного демократического правительства на основе сотрудничества всех оппозиционных партий. Однако на практике руководство СПЯ ограничивает сотрудничество с Коммунистической партией, участвуя в единых действиях с ней лишь в отдельных случаях, в частности в форме выдвижения совместных кандидатов в некоторых избирательных округах.

В то же время некоторые лидеры СПЯ явно склоняются к участию в такой коалиции, которая исключала бы участие Коммунистической партии, что отвечает позициям ПДС и Комэйто, выступающим за создание правоцентристской группировки на основе сотрудничества с правым крылом СПЯ, а также с Новым либеральным клубом и, возможно, даже с частью членов ЛДП.

Одним из шагов в этом направлении явилось образование в июле 1976 г. формально надпартийного «Общества созидания новой Япо-

<sup>26</sup> «Токно симбун», 6. I. 1977.

<sup>27</sup> «Асахи симбун», 6. XII. 1976.

<sup>28</sup> См. «Акахата», 30. XII. 1976.

<sup>29</sup> «Асахи симбун», 7. XII. 1976.

нии», в которое наряду с представителями деловых кругов, ПДС и Комэйто вошел и лидер правого крыла СПЯ, занимавший до съезда пост заместителя председателя ЦИК партии, Сабуро Эда. В марте 1977 г. он пошел уже на официальный раскол с СПЯ, заявив о своем выходе из партии и намерении создать новую группировку под названием Новый социалистический клуб (Синсякай курабу).

Раскол реформистского лагеря и попытки изолировать Коммунистическую партию подрывают силы оппозиции и явно отвечают интересам консерваторов, стремящихся сохранить в своих руках бразды правления.

### Старый курс нового правительства

В новой обстановке, сложившейся в Японии, избиратели ожидали, что правительство Такэо Фукуда сделает надлежащие выводы из урока поражения консерваторов и найдет в себе решимость повернуться лицом к требованиям широких масс населения страны.

Однако первые месяцы пребывания нового правительства у власти показали, что оно намерено практически проводить старый курс в области экономики, внутренней и внешней политики.

Одной из основных проблем, стоящих перед страной, является выход из затянувшегося кризиса и повышение жизненного уровня населения. Однако проект бюджета на 1977 финансовый год, представленный на рассмотрение парламента, не предусматривал значительного увеличения расходов на социальные нужды. В то же время в качестве средства стимулирования экономики выдвигалось резкое увеличение государственных расходов, которые будут покрываться громадными налогами с населения и новыми государственными займами. Другим орудием восстановления деловой активности считается снижение Японским банком учетной ставки, то есть удешевление кредита, выгодное опять-таки прежде всего крупнейшим монополиям страны.

Не приходится удивляться, что проект нового бюджета вызвал резкие возражения со стороны как оппозиционных партий, так и широкой общественности Японии. Они потребовали прежде всего сократить подоходный налог на 1000 млрд. иен, чтобы облегчить бремя, лежащее на плечах трудящихся.

На 54-м внеочередном съезде Сохё, который объединяет 4,6 млн. рабочих и служащих, специально подчеркивалось, что все меры, принимаемые против спада в экономике, «отдают приоритет крупному бизнесу». Сохё призвал трудящихся в ходе весенней борьбы 1977 г. потребовать увеличения заработной платы на 15% и принятия правительством конкретных мер для борьбы с инфляцией и повышения жизненного уровня широких слоев населения.

Совет по проведению совместной весенней борьбы, в который вошли наряду с Сохё и другие профсоюзы, насчитывающие в общей сложности 8,3 млн. трудящихся, 14 февраля 1977 г. вручил председателю палаты советников Сигэру Хори петиции с требованием сократить подоходный налог на 1000 млрд. иен, которые подписало около 30 млн. человек<sup>30</sup>.

Упорство правительства в попытках протолкнуть свой вариант проекта бюджета объясняется стремлением удовлетворить требования крупнейших монополий страны. На специальном совещании деловых

<sup>30</sup> «Асахи симбун», 15. II. 1977.

кругов, которое Кэйданрэн провела 25 февраля 1977 г., было, в частности, заявлено, что правительство «должно сделать все, что в его силах, чтобы добиться одобрения парламентом бюджета 1977 года» до конца марта и принять «интегрированную» программу экономического стимулирования. Бизнесмены заявили, что сокращение подоходного налога на 1000 млрд. иен, как того требует оппозиция, является «нежелательным».

Только под угрозой полного тупика в работе парламента правительство согласилось частично удовлетворить требования оппозиции и сократить подоходный налог на 300 млрд. иен.

Отказываясь принимать действенные меры для преодоления экономического спада, борьбы с инфляцией и стабилизации жизненного уровня, правительство Фукуда практически ничего не сделало и для удовлетворения таких настойчивых требований масс, как доскональное расследование всех обстоятельств, связанных с «делом Локхид».

Доклад, который представил парламенту 24 февраля 1977 г. новый министр юстиции Хадзимэ Фукуда, не содержал, как с разочарованием отмечали парламентарии и японская печать, ничего нового. Он показал, что «со времени опубликования первого доклада в октябре 1976 г. не проводилось никаких расследований, достойных такого названия»<sup>31</sup>. Правительство по-прежнему отказывается опубликовать имена так называемых «серых должностных лиц», которые брали взятки, но не могут быть привлечены к уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности, хотя общественность считает, что они должны нести хотя бы моральную ответственность за свои преступления. Японские политические обозреватели отмечают, что правительство Фукуда явно стремится замять «дело Локхид» и не допустить расследования других дел, связанных с коррупцией, включая прежде всего несколько крупных афер, проведенных в Южной Корее.

Мало что сделано и в плане реорганизации Либерально-демократической партии, несмотря на многочисленные обещания ликвидировать фракции и «модернизировать» партию. В марте, правда, лидеры всех фракций, кроме Мики, объявили о роспуске своих группировок. Однако японская печать оценивает эти шаги как весьма поверхностные и временные меры. «Многие считают, что роспуск группировок — это только маскировка, просто замена вывесок», — писала в редакционной статье газета «Джэпэн таймс». В условиях острейшей борьбы за власть и посты в государственном аппарате ни один из лидеров не пойдет на то, чтобы оказаться безоружным перед лицом своих конкурентов. Созданные вместо фракций «общества» или «советы» фактически будут играть такую же точно роль.

Правительство Фукуда пока что не внесло никакого конструктивного вклада и в дело разрядки международной напряженности, встав, по существу, на путь проведения старой, вызывавшей осуждение широких слоев населения политики.

Одним из первых дипломатических шагов нового правительства оказались проведенные 18 февраля 1977 г. в Токио переговоры с министром иностранных дел сеульского правительства, в ходе которых рассматривались, в частности, вопросы, связанные с планами вывода американских войск из Южной Кореи и расширения японской помощи режиму Пак Чжон Хи.

Почти одновременно, 16 февраля, в Токио состоялась 6-я генеральная конференция Японо-южнокорейской ассоциации парламентариев, для участия в которой из Сеула прибыло 40 человек во главе с быв-

<sup>31</sup> «Asahi Evening News», 28.II.1977.

шим премьером Ким Чон Пилем. С японской стороны во встрече приняло участие около ста депутатов парламента от Либерально-демократической партии и Партии демократического социализма, включая премьер-министра Такэо Фукуда и министра иностранных дел Итиро Хатояма. Участники встречи выступили с клеветническими нападками на Корейскую Народно-Демократическую Республику, а также обратились к Вашингтону с призывом сохранять и дальше на территории Южной Кореи свои воздушные и наземные вооруженные силы. Японская печать расценила эту встречу и раздававшиеся на ней призывы к дальнейшему увеличению японской экономической помощи Сеулу как проявление совершенно определенного стремления крупнейших монополий страны и правительственных кругов к дальнейшему расширению тройственного военного сотрудничества США, Японии и Южной Кореи.

Этот курс нашел свое подтверждение и в ряде выступлений премьер-министра Фукуда. Вопреки настойчивому требованию мировой общественности о выводе всех американских войск из Южной Кореи как перво-степенном условии смягчения напряженности в этом районе Фукуда в одном из своих первых интервью заявил, что, по его мнению, «не было бы мудро» идти на этот шаг<sup>32</sup>. Фукуда не преминул также объявить, что остается полностью в силе известное положение японо-американского коммюнике, подписанного в ноябре 1969 г. тогдашними премьером Э. Сато и президентом Р. Никсоном, о том, что «безопасность Южной Кореи имеет важнейшее значение для безопасности Японии»<sup>33</sup>. Это заявление, как известно, трактовалось японскими политическими деятелями как далеко идущее обязательство Японии оказывать самую широкую поддержку американским вооруженным силам в случае каких-либо боевых действий на Корейском полуострове, а также наращивать масштабы экономической помощи режиму Пак Чжон Хи. Фукуда фактически повторил эту формулировку, отвечая 21 февраля 1977 г. на запросы в парламенте. Он заявил, что «всякие изменения в состоянии безопасности на Корейском полуострове серьезно отразятся на безопасности Японии»<sup>34</sup>.

Вопрос о дальнейшем расширении поддержки сеульского правительства со стороны Японии обсуждался и на состоявшихся 21—22 марта 1977 г. в Вашингтоне переговорах премьера Фукуда с президентом Д. Картером. На этой встрече представители Японии призывали вопреки требованиям общественности страны к сохранению в полном объеме американского военного присутствия в Азии и подтвердили свои обязательства по линии активизации участия в военно-стратегической системе США в Азии в порядке осуществления программы «разделения функций» американских и японских вооруженных сил. Премьер Фукуда заявил также, что во время переговоров особое место было отведено проблемам «японо-американского сотрудничества в глобальном масштабе», то есть поддержке со стороны Японии различных акций и шагов США по широкому кругу международных проблем.

Вместе с тем в связи с увеличением японского экспорта в США на 41% в 1976 г., что привело к дефициту баланса США в торговле с Японией в сумме 3,9 млрд. долл., важное место на переговорах заняли проблемы экономических взаимоотношений. Представители Вашингтона,

<sup>32</sup> «Newsweek», 10.I.1977.

<sup>33</sup> «Токио симбун», 19.XI.1977.

<sup>34</sup> «Асахи симбун», 21.II.1977.

в частности, потребовали от Японии введения ограничений на экспорт в США ряда товаров.

Делая, как и предыдущие кабинеты консерваторов, главную ставку на всемерное развитие связей с Соединенными Штатами, несмотря на ряд серьезных разногласий по экономическим и политическим проблемам, правительство Фукуда не смогло реалистически оценить существенные сдвиги на мировой арене, связанные в первую очередь с возрастанием роли сил мира и социализма. Оно, в частности, не предприняло каких-либо конструктивных шагов для улучшения отношений с Советским Союзом, которым был нанесен серьезный удар в результате ряда недружественных акций Японии по отношению к СССР в сентябре—октябре 1976 г.

Стремление кабинета Фукуда практически идти по старому, осужденному широкими массами населения страны пути в области экономики, внутренней и внешней политики привело к тому, что он оказался самым непопулярным среди всех когда-либо стоявших в послевоенные годы у власти японских правительств. Опрос общественного мнения, проведенный газетой «Асахи» в феврале 1977 г., показал, что его поддерживают только 28% — «самый низкий процент для правительства ЛДП сразу после его прихода к власти». Газета отмечала, что обычно снижение уровня поддержки правительства ниже 30% означает «опасность» для его пребывания у власти<sup>35</sup>.

В этих условиях особое значение приобретают выборы в палату советников, которые состоятся в июле 1977 г. Переизбранию подлежит половина состава палаты советников — 126 из 252 депутатов. Для того чтобы сохранить за собой большинство, Либерально-демократическая партия должна получить не менее 65 мандатов. Однако все политические обозреватели сходятся на том, что это практически невыполнимая задача для консерваторов.

\* \* \*

Япония переживает острейший за все послевоенные годы внутриполитический кризис, который приобретает особенно глубокий характер в результате переплетения с затяжным экономическим кризисом. Он не был случайным или неожиданным явлением в жизни страны. Резкое обострение внутривнутриполитической обстановки было подготовлено непрерывным углублением противоречий между горсткой монополюстов и широчайшими массами населения страны, резкой поляризацией классовых сил. В основе кризиса лежат глубокие социально-экономические сдвиги, происшедшие в японском обществе в послевоенные годы, изменение его структуры и повышение удельного веса трудящихся слоев населения, рост политической сознательности масс. В падении влияния Либерально-демократической партии, выражающей интересы крупных монополий, высшей бюрократии и зажиточных слоев деревни, нашло свое отражение глубокое разочарование населения в способности консерваторов руководить страной, его возмущение глубочайшей коррупцией, пронизывающей сверху донизу партию и созданный ею государственный аппарат, наконец, стремление подавляющего большинства жителей Японии к проведению нового курса в экономике и политике, отвечающего меняющейся обстановке в стране и на мировой арене.

Падение влияния консерваторов и утрата прежних возможностей контролировать парламент создают новую, весьма динамичную обста-

<sup>35</sup> «Asahi Evening News», 20.II.1977.

новку в стране. Оппозиционные силы впервые за всю историю Японии получили реальную возможность добиться отстранения консерваторов от власти и сформировать коалиционное демократическое правительство. Однако несомненно, что реакция не сдаст без боя свои позиции, попытаясь, в частности, провести реформу избирательной системы таким образом, чтобы вновь обеспечить господство Либерально-демократической партии. В условиях назревающих новых столкновений между консервативными и прогрессивными силами судьбы страны, как никогда раньше, будут зависеть от того, в какой мере оппозиционным партиям удастся подняться над узкопартийными интересами, найти точки соприкосновения и сплотить в едином демократическом фронте всех, кто хочет положить конец господству консерваторов и открыть путь для глубоких социально-экономических преобразований, обеспечить демократические свободы и внести кардинальные изменения во внешнеполитический курс, обеспечив мир и безопасность страны на основах развития дружественных связей со всеми странами мира.

## АСЕАН:

### тенденции политического развития

---

Ю. А. Плеханов

**И**стория международных отношений в Азии за период после окончания второй мировой войны знает немало союзов и группировок, созданных при непосредственном участии империалистических государств или при их содействии. СЕАТО, СЕНТО, АНЗЮС, АЗПАК были созданы в период подъема национально-освободительных революций в Азии. Агрессивный курс, поддержка антинародных режимов, вмешательство во внутренние дела суверенных государств дискредитировали эти блоки в глазах народов Азии, и все они фактически обречены на бесславный конец.

В то же время молодые государства континента, добившись независимости, начали поиск формы регионального сотрудничества, чтобы противостоять притискам империалистических кругов. Бандунгская конференция в 1955 г., I Конференция неприсоединившихся стран в Белграде в 1961 г. и другие коллективные форумы с участием молодых азиатских государств показали, что путем совместных действий их народы могут защитить свои интересы от посягательств империалистов.

Однако становление и укрепление независимости развивающихся стран Юго-Восточной Азии шло по сложному пути. Реакционные военно-политические группировки, присутствие вооруженных сил Англии и США, медленный процесс деколонизации Малайзии, Бирмы, агрессивные войны Франции, а затем США против Вьетнама, Лаоса, Камбоджи сохраняли крайне напряженную обстановку в этом регионе и препятствовали выработке общих антиимпериалистических позиций этих стран, хотя такие попытки и были. Так, существовали проекты создания Азиатского общего рынка, пакта Мафилиндо с участием Малайи, Филиппин, Индонезии и др.

Видя, с одной стороны, факт дискредитации в глазах народов стран ЮВА прозападных военных блоков, а с другой — притягательность для них идеи регионального сотрудничества, империалистические круги пытались поставить эту идею на службу своим интересам. В свое время существенным препятствием в реализации этих планов была независимая внешняя политика Индонезии, ее активный антиимпериалистический курс. Созданный в 1961 г. замаскированный филиал СЕАТО — Ассоциация Юго-Восточной Азии (АСА) в составе Таиланда, Филиппин и Малайи — не нашел поддержки среди стран региона. Планы и проекты совместного экономического развития, разработанные АСА с помощью США, повисли в воздухе, и АСА тихо прекратила свое существование. Провалилась попытка империалистических кругов создать региональный военный союз в ЮВА без прямого участия Запада якобы в интересах региона.

Установление в 1965 г. в Индонезии режима «нового порядка» вселило в западных кругах определенные надежды на отход Джакарты от традиционной политики неприсоединения.

Как констатировал видный индонезийский публицист Б. М. Диах, «принципы внутренней политики Индонезии были без изменений перенесены на внешнюю политику, на отношение к коммунизму и марксизму-ленинизму в целом. Более того, мы считаем коммунистическими все левые националистические движения. Если в свое время в США Маккарти и Д. Ф. Даллес объявляли коммунистами всех, кто не был антикоммунистом, то мы недалеко ушли от них»<sup>1</sup>. Наличие сильной антикоммунистической тенденции во внутренней политике и ее проекция на внешнеполитические акции серьезно сузили возможность проведения Индонезией подлинной политики неприсоединения.

Существует мнение, что Индонезии принадлежит главная роль в создании АСЕАН, и в этом есть доля истины. Однако можно вспомнить, что писал о возможности создания такой группировки еще в 1963 г. американский ученый Файфилд, который угадал даже название союза. «Было бы хорошо,— отмечал он,— если бы США приступили к поиску путей для изменения некоторых основ своей военной политики в Юго-Восточной Азии. В свете меняющейся обстановки некоммунистическим странам региона следовало бы взять на себя обязательства по созданию договора коллективной безопасности. К нему должны присоединиться все государства ЮВА от Филиппин до Бирмы и Индонезии... Учитывая национальные чувства его участников, договор мог бы носить название Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН)... Несмотря на то что США не будут входить в предлагаемый договор безопасности Юго-Восточной Азии, они могли бы дать обещание использовать по просьбе членов АСЕАН свои вооруженные силы для защиты и неприкосновенности ее членов в случае вооруженной агрессии извне. Более того, Вашингтон может ограничить свою помощь тем, что окажет ее только в случае агрессии со стороны коммунистических держав, и не будет обязан участвовать в военных действиях, если они развязаны некоммунистическими государствами»<sup>2</sup>.

## Создание организации

Весной 1967 г. министр иностранных дел Индонезии Адам Малик посетил страны Юго-Восточной Азии, а также Японию, разъясняя идею создания нового регионального союза. В марте 1967 г. генерал Сухарто направил письмо правительству Камбоджи, в котором просил «отнестись положительно к идее регионального сотрудничества стран ЮВА, которой Индонезия придает огромное значение». В качестве основных доводов индонезийской стороны в пользу нового союза выдвигалась необходимость объединить усилия в борьбе с «коммунистической угрозой с Севера», координировать борьбу против местных коммунистических сил, наладить эффективное экономическое сотрудничество, чтобы противостоять западным и прежде всего японским монополиям.

Активная политическая деятельность официальных лиц Индонезии завершилась тем, что 8 августа 1967 г. состоялась конференция министров иностранных дел пяти стран Юго-Восточной Азии. Участники встречи опубликовали декларацию, в которой объявили о создании Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). В ее состав вошли Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд и Филиппины. Как

<sup>1</sup> «Merdeka», 13.I.1976.

<sup>2</sup> Russell H. Field. South—East Asia in United States Policy. N. Y. — L., 1963, p. 425—428.

прокламировалось в декларации, союз создавался для налаживания экономического и культурного сотрудничества во имя прогресса.

Учредители АСЕАН не скрывали антикоммунистической направленности союза. Индонезийская газета «Операси» в связи с этим писала, что «...главная цель Ассоциации состоит в том, чтобы устоять перед наступлением коммунизма с Севера»<sup>3</sup>.

Почему же государства, входящие в АСЕАН, не ограничились укреплением одного из существующих военно-политических блоков? Почему возникла инициатива создания нового союза из небольших азиатских стран, которые не имеют ни значительных вооруженных сил, ни развитой экономики, но зато обременены целым рядом межгосударственных противоречий?

Это объясняется несколькими причинами. Правящие круги Индонезии не смогли совершить слишком резкий поворот вправо, каким было бы вступление в агрессивный блок. Среди народа и в армии были сильны еще позиции тех сил, которые ратовали за курс неприсоединения. В свою очередь успехи политики мира Советского Союза и всех социалистических стран, укрепление позиций неприсоединившихся государств на международной арене сделали такой шаг крайне недальновидным. Вступить в такой блок — значило скомпрометировать себя перед народами стран Юго-Восточной Азии, всех развивающихся государств. Это расценивалось бы как открытое отступничество Джакарты от идей неприсоединения и вызвало бы соответствующую реакцию. Наконец, подобный шаг низвел бы Индонезию до роли заурядного участника группировки, похоронив мечты Джакарты о гегемонии в Юго-Восточной Азии.

Другие члены АСЕАН имели свои причины для вступления в организацию. Все вместе они намеревались использовать региональное сотрудничество для сопротивления нажиму крупных международных монополий. Кроме того, Сингапур и Малайзия давно испытывают страх перед своим «воинственным соседом». Во время визита в Сингапур в 1968 г. А. Малик заявил: «Индонезия обязана уважать такие малые страны, как Сингапур, и сделать так, чтобы исчез страх сингапурского населения перед Индонезией». Накануне встречи в верхах в 1976 г. он вновь подчеркнул эту мысль, заявив, что «Сингапур боится превратиться в Тимор с помощью Индонезии или Малайзии»<sup>4</sup>. Предполагается, что совместное участие в региональной организации повышает ответственность ее членов в двусторонних отношениях. Участники если и не могут решить возникающие спорные вопросы, то по крайней мере не используют насильственных методов их разрешения, рамки АСЕАН служат для них в этом случае известным препятствием.

Именно внутренние противоречия, сохраняющееся недоверие друг к другу стран — членов АСЕАН, явились серьезной помехой на пути налаживания эффективного сотрудничества между ними особенно в первые годы. Разногласия между Малайзией и Филиппинами относительно Сабаха приводили к замораживанию отношений между этими странами и едва не послужили поводом для роспуска АСЕАН. В свою очередь Сингапур с неодобрением встретил соглашение между Малайзией и Индонезией о Малаккском проливе и предложение использовать Ломбокский пролив вместо Малаккского для прохода крупных танкеров, ибо это создавало преимущества для индонезийских портов. Проект создания канала на перешейке Кра (Таиланд) вызывает недоволь-

<sup>3</sup> «Operasi», 9.VIII.1967.

<sup>4</sup> «Tempo», 7.II.1976.

ство Индонезии, Малайзии и Сингапура, которые считают, что в случае его осуществления они понесут значительные убытки.

В результате политики колонизаторов, превративших страны региона в сырьевые придатки монополий, их экономики сходны по структуре и уровню развития. Это вызывает между ними конкуренцию на рынках сбыта. Налаживание экономического сотрудничества государств — участников АСЕАН осложняется также слабостью их национального капитала, который неохотно идет на специализацию и кооперирование производства.

Казалось, что, несмотря на усилия членов АСЕАН сохранить в целостности эту группировку, она была обречена на умирание. Однако ряд событий в регионе, в том числе решение Англии вывести свои войска из Сингапура, появление Гуамской доктрины, усиление экономической и политической роли Японии в Юго-Восточной Азии, поражение США во Вьетнаме, валютный и энергетический кризисы и, наконец, крах СЕАТО содействовали сохранению группировки.

Вначале Гуамская доктрина вызвала растерянность среди участников ассоциации. Однако по мере того как становилось очевидным, что Вашингтон, по существу, не собирается менять свою политику в Юго-Восточной Азии, такие опасения ослабевали. Более того, правящие круги Индонезии увидели в Гуамской доктрине трамплин для усиления своего влияния в регионе и заявили о ее полной поддержке. «Цели Индонезии совпадают со взглядами Никсона, которые он изложил в своем выступлении на острове Гуам»<sup>5</sup>, — процитировала в ноябре 1969 г. слова одного из официальных лиц Джакарты газета «Ангкатан берсенджата». Гонконгский журнал «Фар истерн экономик ревью» писал в то же время: «От индонезийской политики «маяка», ставшей всеобъемлющей в дни правления Сукарно, сейчас остались лишь отдельные огоньки. Однако появились признаки того, что она вновь может возродиться, хотя на более ограниченном уровне. Сегодня прожекторы Индонезии направлены на азиатские страны, на ее партнеров по АСЕАН»<sup>6</sup>. Со своей стороны США благосклонно отнеслись к амбициям Индонезии. Во время визита в эту страну бывший американский президент Никсон усиленно подчеркивал свои надежды на то, что «Индонезия будет играть руководящую роль в Азии».

## Военное сотрудничество

Западные державы, особенно США, с первых дней создания ассоциации надеялись, что она примет характер военного пакта. Этому в немалой роли способствовали заявления официальных лиц региона об «антикоммунистической направленности ассоциации». Приветствуя образование АСЕАН и участие в ней Индонезии, бывший вице-президент США Г. Хэмфри призвал ее членов не жалеть усилий, чтобы «укреплять ассоциацию в качестве чисто военной организации».

Западная печать писала тогда, что от Индонезии в основном зависело, станет ли АСЕАН военным блоком. Все члены ассоциации, кроме Индонезии, уже входили в различные проимпериалистические группировки, для них вопрос участия еще в одной не являлся принципиальным. Существовала и другая сторона дела, о которой говорилось в одной из статей английского журнала «Истерн Уорлд». «По сравнению

<sup>5</sup> «Angkatan Bersendjata», 23.XI.1969.

<sup>6</sup> «Far Eastern Economic Review», 1969, № 46.

с Индонезией военный потенциал других стран ЮВА очень незначителен... У Индонезии же находится под ружьем свыше 400 тыс. (В настоящее время — 600 тыс. — Ю. П.) относительно хорошо обученных солдат и офицеров, которые оснащены более или менее современным оружием»<sup>7</sup>.

Причины, по которым правящие круги Индонезии не пошли на превращение АСЕАН в военный блок, аналогичны тем, которые не позволили им ранее присоединиться к одному из существующих империалистических пактов. Тем не менее вопрос о военном сотрудничестве в рамках АСЕАН периодически муссируется военными кругами Индонезии и ее партнеров. Официоз военных в Индонезии газета «Ангкатан Берсенджата» в марте 1968 г. писала: «Наряду с сотрудничеством в экономике, социальной и культурной областях АСЕАН может развивать военное сотрудничество в целях коллективной безопасности»<sup>8</sup>. Раздавались даже призывы направить батальон индонезийских солдат в Южный Вьетнам, чтобы «сообща бороться против коммунистов».

В унисон прозвучали заявления бывшего председателя филиппинского сената Пуйата о том, что «он видит возможность сотрудничества в области обороны и безопасности между членами АСЕАН», и Адама Малика, что «возможность сотрудничества между государствами АСЕАН будет зависеть от развития событий и мнения Конгресса. Если этот орган решит, что Индонезия может связать себя военным пактом, то мы войдем в него»<sup>9</sup>.

Если подобные заявления военных и государственных деятелей встречали благосклонное отношение со стороны США и их союзников, то у общественности стран — членов АСЕАН они вызвали противоположную реакцию. В опубликованной индонезийской газетой статье «АСЕАН снимает маску» говорилось: «Когда в 1967 г. создавалась эта группировка, главным архитектором которой называли Адама Малика, нас заверили, что она будет заниматься только вопросами экономического и культурного сотрудничества и не станет военным блоком типа СЕАТО, НАТО или СЕНТО. Однако мы были крайне поражены, услышав недавние заявления А. Малика и генерала Пангабеана. Похоже, что все обещания и намерения проводить активную и независимую внешнюю политику, о чем столько раз говорилось, оказались пустыми словами»<sup>10</sup>. Газета «Сулух Мархаэн» в статье «Что такое АСЕАН?» спрашивала: «С каких пор эта группировка вмешивается в обсуждение военных вопросов? Разве она создана не для содействия экономическому сотрудничеству между странами-участницами, как это записано в ее уставе?»<sup>11</sup>.

Отказавшись от прямого превращения АСЕАН в милитаристский блок, ее члены выступают, однако, против военного сотрудничества на двусторонней основе. Вполне возможно, что такая мера рассматривается в качестве предварительной подготовки к многостороннему сотрудничеству и накопления необходимого для этого опыта. Вместе с тем нельзя считать, что вопрос об Ассоциации как о военном блоке окончательно снят с повестки дня. Периодически под влиянием различных факторов милитаристские круги страны вновь возвращаются к нему. Такая, например, кампания была развернута летом 1975 г. индонезийской военной печатью. На ее страницах появились рекомендации, свя-

<sup>7</sup> «Eastern World», May—June 1968.

<sup>8</sup> «Angkatan Bersendjata», 5.III.1968.

<sup>9</sup> «Nusantara», 22.I.1971.

<sup>10</sup> «Dwiwarna», 7.II.1971.

<sup>11</sup> «Suluh Marhaen», 11.III.1971.

занные с будущим развитием АСЕАН. Их авторы, запугивая читателей «угрозой коммунистического проникновения» в страны АСЕАН после побед патриотических сил в Индокитае, делали вывод о необходимости установления более тесного военного сотрудничества между членами этой региональной группировки.

Предполагалось включение в сферу военного сотрудничества всех аспектов обороны, проведение многосторонних военных маневров, создание Совета военных министров и выработка единой оперативной и стратегической линии. Начальник штаба ВВС Индонезии маршал С. Басарах заявил, что Индонезия и ее вооруженные силы претендуют на особую «ответственность» за поддержание стабильности в этом районе мира. Он потребовал закупок современных видов оружия для выполнения этой задачи и открыто признал, что предполагаемые меры направлены против тех революционных изменений, которые произошли в странах Индокитая<sup>12</sup>.

В результате государственного переворота в Таиланде в октябре 1976 г. к власти пришло антикоммунистическое военное правительство. В Бангкоке стали говорить об угрозе безопасности всем членам АСЕАН в том случае, если безопасность будет подорвана в Таиланде. Таким образом режим пытался привязать к себе партнеров по АСЕАН, добиться их согласия на защиту своих позиций в стране, если ему будет угрожать опасность со стороны демократических сил таиландского общества. Премьер-министр Таиланда выступил с призывом к членам АСЕАН придать организации характер военного пакта и, пытаясь протолкнуть свою идею на практике, совершил поездку по столицам государств, входящих в ассоциацию. Однако этот призыв не нашел поддержки и был отклонен как «противоречащий духу и целям АСЕАН».

Печать стран Юго-Восточной Азии выступила с осуждением «инициативы» таиландских властей. Филиппинская «Юнайтед дейли ньюс», например, отметила, что большинство членов АСЕАН настроено против этой идеи, что в балийской декларации главы входящих в ассоциацию государств выступили против превращения ее в военный блок. Газета «Индонезия таймс» накануне приезда главы таиландского правительства в Джакарту писала: «История учит, что военные пакты еще никогда не способствовали миру и стабильности в Юго-Восточной Азии, но, напротив, приносили несчастья и страдания народам этой части земного шара». Малайзийская печать также выступила против идеи таиландских властей и отметила при этом, что курс на превращение АСЕАН в военный блок нанесет ущерб перспективам разрядки между АСЕАН и «коммунистическими странами Индокитая»<sup>13</sup>. Премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю в ответ на просьбу прокомментировать призыв таиландского режима заявил, что организация создавалась не для решения задач совместной обороны или обеспечения безопасности.

### Куала-Лумпурская декларация

Членам АСЕАН принадлежат некоторые актуальные политические инициативы, прежде всего выдвинутая в 1971 г. идея о превращении Юго-Восточной Азии в зону мира и нейтралитета. Идея нейтрализации региона была одобрена на сессии малайзийского парламента 1968 г.

<sup>12</sup> См. «Правда», 31.VIII.1975.

<sup>13</sup> «Правда», 17.XII.1976.

и даже стала поводом для критики правительства за его поспешность в вопросе о присоединении к системе коллективной обороны с участием Англии, Малайзии, Сингапура, Новой Зеландии и Австралии.

На конференции глав правительств неприсоединившихся стран в Лусаке в 1970 г. покойный премьер-министр Малайзии Абдул Разак определил нейтрализацию как средство для достижения мира и стабильности в ЮВА, призвав ее участников поддержать эту идею.

После длительных консультаций на двусторонней и многосторонней основе предложение Малайзии было внесено в повестку дня работы конференции министров иностранных дел стран — членов АСЕАН, которая состоялась в Куала-Лумпуре в ноябре 1971 г. Хотя до ее начала никто из участников ассоциации не был против предложения Малайзии, однако обсуждение плана нейтрализации выявило противоречия между партнерами, указав на различный подход их к этой проблеме.

Таиланд и Филиппины тогда выступили против ликвидации военных баз, на чем настаивали Малайзия и Сингапур. Филиппины вообще отнеслись к идее нейтрализации настороженно, поскольку предложение исходило от Малайзии и тем или иным образом могло быть направлено против притязаний Манилы на спорную территорию Сабаха. Перед отъездом в Куала-Лумпур глава индонезийской делегации заявил: «У Индонезии есть своя точка зрения по вопросу нейтрализации ЮВА, однако о ней еще не время говорить. Мы хотим послушать, что скажут другие»<sup>14</sup>. Позже появилась индонезийская трактовка идеи нейтрализации — так называемая концепция «региональной сопротивляемости».

Принятая в Куала-Лумпуре декларация содержала предложение об обеспечении признания и уважения Юго-Восточной Азии в качестве «общины мира, свободы и нейтралитета, свободной от вмешательства других держав». В ней нашли отражение такие принципы, как уважение суверенитета и территориальной целостности всех государств, отказ от угрозы силой или применения силы, равноправие, принципы самоопределения и невмешательства во внутренние дела государств. Она призывала страны ЮВА «предпринимать согласованные усилия для расширения областей сотрудничества с целью укрепления их мощи, солидарности и более тесных взаимоотношений»<sup>15</sup>.

Концепцию «региональной сопротивляемости» Индонезия всячески стремится навязать своим партнерам по АСЕАН, интересы которых в равной степени имеют антикоммунистическую окраску. «Региональная сопротивляемость», по мысли ее авторов, является производной от сложения «национальных сопротивляемостей» каждого члена АСЕАН. В Индонезии она предусматривает сохранение режима «нового порядка», превращение философии панча шила в государственную идеологию, утверждающую идеи национализма и «классовый мир» внутри страны, отказ от демократизации общественной жизни, ужесточение антикоммунистической политики, усиление роли вооруженных сил в общественно-политической жизни в качестве «гаранта безопасности».

Адам Малик, разъясняя смысл концепции применительно к региону, отметил, что, «по существу, она направлена на усиление способности и возможностей каждого члена АСЕАН выстоять и преодолеть все попытки внешнего вмешательства и враждебных влияний». По его словам, «национальная стойкость» или жизнеспособность каждого члена АСЕАН должна создать прочный фундамент для стабильного регионального развития и региональной сплоченности в рамках АСЕАН. «Концепция

<sup>14</sup> «Merdeka», 3.XI.1971.

<sup>15</sup> «Straits Times», 29.XI.1971.

должна стать для каждого из нас руководящим принципом в нашем сегодняшнем стратегическом подходе к региональному миру и стабильности»<sup>16</sup>.

Во внешнеполитическом плане инициаторы «идеи региональной сопротивляемости» выступают против сотрудничества с социалистическими странами, призывают активизировать борьбу с коммунизмом на основе укрепления национальных вооруженных сил, а также их взаимодействия с армиями других членов АСЕАН. По существу, это скользкий путь наращивания мощи вооруженных сил и укрепления военного сотрудничества в рамках замкнутого союза, вплоть до превращения его в военный пакт.

Призывы к решению проблемы обеспечения национальной безопасности путем усиления «национальной сопротивляемости» или другим аналогичным методом, естественно, вызывают настороженность соседних стран, ставят под сомнение намерения его инициаторов. Нельзя призывать к развитию отношений на основе общеизвестных принципов мирного сосуществования, с одной стороны, а с другой — расширять военное сотрудничество под лозунгом повышения «региональной сопротивляемости» замкнутой группировки. В таком случае, естественно, возникают предположения, которые лишь усиливаются в результате политики некоторых членов АСЕАН, что такая «сопротивляемость» направлена против соседних стран, не входящих в данный союз.

Разногласия стран — членов ассоциации в подходе к этой проблеме выразились в отсутствии конкретных формулировок в Куала-Лумпурской декларации, составленной лишь в общих фразах. Комментируя этот факт, индонезийская газета «Мердека» писала: «...неясным представляется вопрос, как могут следовать принципам «мира, свободы и нейтралитета» страны, на территории которых все еще имеются военные базы или которые являются участниками военных блоков и соглашений, существующих вне рамок АСЕАН»<sup>17</sup>.

Идея нейтрализации нашла широкий отклик не только в АСЕАН и Юго-Восточной Азии, но и за пределами региона. Объясняется это тем, что, во-первых, она является актуальной для всего Азиатского континента, во-вторых, что решить ее можно только коллективными усилиями всех стран. После конференции в Куала-Лумпуре она в течение продолжительного времени была центральной темой газет, непременно затрагивалась на официальных встречах и переговорах государственных деятелей стран Азии.

Министр иностранных дел Австралии Боуэн на второй день после встречи министров заявил, что «он приветствует решение пяти государств — членов АСЕАН приложить усилия к созданию в Юго-Восточной Азии зоны нейтралитета и мира». Он отметил также готовность Австралии принять участие в дискуссиях по вопросу о создании такой зоны. Комментируя итоги встречи в Куала-Лумпуре, вьетнамская «Нян зан» писала на следующий день: «...факт подписания декларации отражает изменение соотношения сил в ЮВА и во всем мире в пользу сил революции и прогресса и в ущерб империализму и реакции».

Инициатива пяти стран Юго-Восточной Азии встретила поддержку всех миролюбивых сил, в том числе Советского Союза. Это и понятно. В их представлении стремление к независимости, нейтралитету ассоциируется прежде всего с нежеланием того или иного государства или

<sup>16</sup> «Angkatan Bersendjata», 15.IV.1973.

<sup>17</sup> «Merdeka», 29.XI.1971.

группы стран участвовать в военно-политических блоках, созданных империалистическими державами. Страны, провозглашающие политику нейтралитета и твердо придерживающиеся ее, как правило, не ограничиваются лишь неучастием в блоках, они постепенно переходят на позиции активной защиты мира и борьбы против войны и военной опасности. А такой курс ведет к выступлению против империализма и его союзников, являющихся по своей сущности источником войн, контрреволюции, международной напряженности.

Политика нейтралитета в странах Азии, Африки и Латинской Америки, борющихся за упрочение своей свободы и независимости, отвечает их интересам, разрядке международной напряженности, делу мира во всем мире. Для нее является типичной борьба за разоружение, роспуск военных блоков, ликвидацию иностранных военных баз. Правительства стран, проводящих политику нейтралитета, выступают против применения силы в отношениях между государствами, требуют невмешательства в их внутренние дела.

В Программе КПСС записано, что все силы, проводящие политику нейтралитета, выступающие за предотвращение войны, «за мир и нормализацию отношений между странами, найдут у Советского Союза внимание и поддержку». В соответствии с этим основополагающим принципом Советский Союз отнесся к инициативе государств — членов АСЕАН. Во время визита А. Разака в СССР осенью 1972 г. Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин заявил, что в Советском Союзе с пониманием относятся к заинтересованности Малайзии в нормализации обстановки в ЮВА. «Ваша заинтересованность, — подчеркнул А. Н. Косыгин, — находит свое проявление и в известном плане нейтрализации Юго-Восточной Азии. Мы с уважением относимся ко многим соображениям, заложенным в этом плане»<sup>18</sup>.

Однако, как писала «Правда» после совещания в Куала-Лумпуре, «превращение Юго-Восточной Азии в зону мира — задача не из легких. И чтобы решить ее, нужно очистить политическую атмосферу в этом районе, отравляемую прежде всего агрессивней США в Индокитае.., противоречиями между самими государствами Юго-Восточной Азии, наличием здесь иностранных военных баз и контингентов чужеземных войск и т. д.»<sup>19</sup>

Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев отнес предложение о нейтрализации ЮВА к числу интересных инициатив, вдохновляемых заботой о мирном будущем Азии.

Казалось бы, перед инициаторами идеи о нейтрализации открылась возможность для ее беспрепятственного осуществления. Однако последующий ход событий показал, что внутренние разногласия и эгоистические соображения некоторых стран — членов АСЕАН явились преградой, через которую они не смогли перешагнуть. Тем не менее подписанная в Куала-Лумпуре декларация — свидетельство необратимости процесса разрядки, осознания правящими кругами государств — членов АСЕАН того, что стоящие перед ними трудности можно преодолеть только в условиях стабилизации положения в регионе и во всем мире. Куала-Лумпурская конференция сыграла положительную роль уже тем, что обратила внимание ее участников на необходимость решения самого кардинального вопроса современности — укрепления мира.

<sup>18</sup> «Известия», 3.X.1972.

<sup>19</sup> «Правда», 27.XII.1971.

## Отношения с Китаем

Несмотря на то что взаимные консультации имели место в течение ряда лет на всех уровнях на многосторонних и двусторонних встречах, страны АСЕАН не смогли выработать общей позиции по отношению к Китаю, хотя такое намерение и было выражено на конференции в Куала-Лумпуре в 1971 г.

Проблема усугублялась тем, что в странах ассоциации проживает большое количество лиц китайской национальности, занимающих важные позиции в экономике.

Обстановку, в которой происходило в ассоциации обсуждение позиции в отношении КНР, характеризует следующее высказывание тайландской газеты «Нэйшн»: «Соглашение членов (АСЕАН — Ю. П.) о взаимной информации о контактах с Китаем,— писала она,— может быть и принято. Но в ходе встречи в Паттайе стало более чем очевидно, что страны АСЕАН с их первоначальным стремлением «действовать сообща» в вопросе о дипломатических связях с Китаем находятся в растерянности, ибо каждый член группировки имеет в данном вопросе свои проблемы»<sup>20</sup>.

После сессии АСЕАН в Таиланде в апреле 1973 г., на которой китайский вопрос официально не был включен в повестку дня, бывший премьер-министр Малайзии А. Разак заявил, что вопрос об обмене послами с КНР является внутренним делом каждой страны — члена АСЕАН. «Когда настанет время установить дипломатические отношения с Китаем или начать официальные переговоры на эту тему,— добавил он,— то Куала-Лумпур просто информирует об этом своих друзей»<sup>21</sup>.

В 1974 г. Малайзия, а в следующем году Таиланд и Филиппины установили с КНР дипломатические отношения. Что касается Индонезии и Сингапура, то они пока воздерживаются от этого. Это, однако, не мешает Сингапуру иметь тесные торговые, банковские, культурные отношения с Пекином.

Что касается Индонезии, то по вопросу нормализации отношений с Китаем существует расхождение во мнениях между военными и гражданскими в режиме «нового порядка». «Проблема нормализации,— писал журнал «Пасифик комьюнити»,— не единственная, по которой нет единодушного мнения между военными и гражданскими в Джакарте. Есть также трения по вопросу использования АСЕАН как силы по обеспечению коллективной безопасности в прибрежном районе Юго-Восточной Азии... Высокопоставленные военные чины контролируют процесс выполнения решений в министерстве иностранных дел, так же как и назначение высших дипломатических должностных лиц. По этим и некоторым другим причинам решение о времени нормализации отношений с Пекином может быть не принято до тех пор, пока не будет накоплен некоторый опыт Малайзией и пока не уляжется волнение от вьетнамской войны»<sup>22</sup>.

<sup>20</sup> «Nation», 24.IV.1973.

<sup>21</sup> Там же.

<sup>22</sup> «Pacific Community». January—March 1976, p. 247.

## **Встреча в верхах: отношения с Вьетнамом, Лаосом и Кампучией**

На встрече в Куале-Лумпуре в 1971 г. страны члены АСЕАН договорились провести в марте следующего года в Маниле совещание в верхах, чтобы, в частности, «конкретизировать» малайзийскую идею о нейтрализации региона. Однако такая встреча глав государств АСЕАН не состоялась ни в 1972 г., ни через год. В случае ее проведения члены АСЕАН должны были высказать свою точку зрения и выработать общую позицию по отношению к борющимся за независимость и свободу Вьетнаму, Лаосу и Камбодже. Однако они занимали по этому вопросу разные позиции. Малайзия и Сингапур, например, не поддерживали Таиланд и Филиппины, которые разрешили США использовать находящиеся на территории этих стран военные базы для совершения налетов на страны Индокитая. Такой курс превращал Таиланд и Филиппины в соучастников США в этой агрессии. Были и другие причины, мешавшие проведению конференции в верхах.

На совещании в Куала-Лумпуре была создана специальная комиссия, которая в течение нескольких месяцев изучала возможность проведения переговоров на высшем уровне. Накануне встречи министров иностранных дел АСЕАН в Маниле в 1972 г. результаты работы комиссии были доложены ее участникам. Более того, выступая перед собравшимися, президент Маркос заявил, что «никогда еще главы азиатских государств не чувствовали такой необходимости, как сейчас, чтобы собраться вместе и проконсультироваться друг с другом по вопросам международных событий, затрагивающих район Юго-Восточной Азии»<sup>23</sup>. Однако, как показывают результаты встречи министров, не все ее участники придерживались подобной точки зрения. Глава таиландской делегации Пот Сарасин высказал иное мнение: «Таиландская делегация считает, что у каждой из стран есть много проблем и что каждая страна должна сама решать свои проблемы. Если же есть вопросы, касающиеся всего региона, то мы должны собраться, чтобы совместно решить их... Однако пока такой необходимости нет»<sup>24</sup>.

На позицию некоторых участников встречи в Маниле, возможно, оказал влияние призыв проведенной как раз накануне сессии совета СЕАТО усилить военную и экономическую помощь сайгонскому режиму. В это же время отдельные газеты в Австралии, где состоялась сессия, писали, что главная задача ее участников состоит в том, чтобы путем усиления роли СЕАТО пресечь наметившиеся в странах ЮВА тенденции к нейтрализации этого района, а также стремление к серьезному рассмотрению советского предложения о создании системы коллективной безопасности в Азии.

Победа революционных патриотических сил в Индокитае не только «расчистила путь» членам АСЕАН для встречи в верхах, но и заставила их активизировать усилия по выработке общей позиции в связи с изменившейся обстановкой. По словам начальника индонезийской разведки Али Муртопо, индокитайские события были одной из причин, вызвавших насущную необходимость созыва конференции в верхах, хотя «работа по ее организации велась давно». Однако, подчеркнул А. Муртопо, «конференция не будет направлена против новых индокитайских государств, как думают некоторые»<sup>25</sup>.

<sup>23</sup> «Abadi», 14.VII.1972.

<sup>24</sup> «Jakarta Times», 15.VII.1972.

<sup>25</sup> «Kompas», 26.I.1976.

Члены АСЕАН очень быстро отреагировали на изменение обстановки. Еще в конце февраля 1975 г. печать марионеточного режима Лон Нола в Камбодже просила АСЕАН о поддержке в борьбе против «красных кхмеров», а в апреле члены ассоциации уже приняли решение обсудить на встрече министров иностранных дел перспективы отношений между АСЕАН и «коммунистическим Индокитаем». На состоявшейся затем в мае 1975 г. встрече участники приняли коммюнике, в котором от имени своих правительств заявили о готовности установить дружественные отношения с новыми правительствами Южного Вьетнама и Кампучии, приветствовали окончание войны в этих странах и выразили надежду, что события в Индокитае будут способствовать установлению прочного мира, прогрессу и стабильности в этом районе. Министры договорились рекомендовать главам государств — членов АСЕАН провести встречу в верхах и пригласить на нее представителей стран Индокитая.

В последующие месяцы вокруг созыва встречи в верхах и предполагаемой ее повестки дня развернулась острая дискуссия как в странах АСЕАН, так и вне этой организации. Это было вызвано изменениями обстановки в регионе, которые заставили не только членов АСЕАН, но и Японию, США, Австралию и другие страны приспособить свою политику к новой ситуации.

Внутри АСЕАН Малайзия и Сингапур выступили за приглашение в организацию Вьетнама, Лаоса и Камбоджи. Ныне покойный Абдул Разак мечтал вовлечь страны Индокитая в Ассоциацию и вместе с ними добиться превращения Юго-Восточной Азии в «зону мира, свободы и нейтралитета», справедливо полагая, что добиться этой цели общими усилиями будет значительно легче. Хусейн Онн, став премьер-министром Малайзии, заявил, что будет продолжать политику Абдул Разака. Сингапур в своем решении исходил из того, что атмосфера сотрудничества, прежде всего экономического, будет способствовать ускоренному развитию стран региона, укреплению их экономической и политической независимости. В Сингапуре считают, что повышение жизненного уровня населения — это панацея от любой нестабильности в любой стране. Однако за такими рассуждениями скрывается прежде всего стремление обеспечить собственные преимущества Сингапура, которые он как наиболее развитый в экономическом отношении член АСЕАН имел бы в результате установления «зоны свободной торговли в ЮВА». А именно такой лозунг выдвигается в Сингапуре на первое место.

Вместе с тем Малайзия, Сингапур и Таиланд не хотят выступать в качестве буферной зоны между Индонезией и Индокитаем, если АСЕАН превратится в военный блок и будет «приспосабливаться» к изменившейся обстановке в Индокитае, выступая «с позиции силы». Такого курса придерживаются военные круги в Джакарте. Именно им Индонезия обязана тем, что среди остальных членов АСЕАН она слывет «самой антикоммунистической и самой проамериканской». Это их предупреждала газета «Мердека» накануне встречи в верхах на о. Бали, что «вступление на путь сколачивания из АСЕАН военного пакта было бы роковой ошибкой». Газета решительно отвергла позицию тех, кто выступал в поддержку навязываемой странам АСЕАН «идеи» многостороннего военного сотрудничества<sup>26</sup>.

Печать государств — членов АСЕАН единодушно признает, что установлению прочных связей со странами Индокитая существенно препятствуют подогреваемые извне спекуляции о мнимой угрозе Вьетнама, Лаоса и Кампучии внутренней безопасности членов ассоциации. Империалисти-

<sup>26</sup> «Merdeka», 13.II.1976.

ческая пропаганда ведет активную кампанию в целях устрашения народов ЮВА пресловутой «угрозой коммунизма».

Известным препятствием для создания атмосферы дружбы и сотрудничества в регионе служит Япония, которая стремится взять на себя часть политической роли, которую играли в Азии США. Для этого правящие круги страны хотят использовать в своих целях АСЕАН, осуществив переориентацию политического курса этой организации. Их пугает то обстоятельство, что страны ЮВА могут объединиться и сообща отстаивать свои интересы против засилья японских монополий.

Реакционная печать Японии характеризует АСЕАН как единственную организацию, способную противостоять «росту коммунистического влияния» в ЮВА. Постоянно подчеркиваются противоречия между АСЕАН и странами Индокитая и их-де неразрешимый характер; утверждается, что АСЕАН не должна принимать в свои ряды даже Бирму, не говоря уже о Лаосе, Кампучии или Вьетнаме. Это наводит на мысль о том, что кое-кто в Японии не прочь столкнуть между собой Индокитай и АСЕАН. Политика конфронтации между АСЕАН и странами Индокитая, которую подсказывают им японские газеты, вела бы к наращиванию вооруженных сил, гонке вооружений в этих странах, отвлекала бы силы и средства от экономического развития, способствовала бы растущей зависимости от иностранной помощи. И это, конечно, было бы только на руку японским монополистам, облегчало бы им задачу дальнейшей эксплуатации природных богатств государств — членов АСЕАН и усиления их экономического и политического закабаления.

После принятия в мае 1975 г. министрами иностранных дел АСЕАН решения о проведении встречи в верхах состоялась серия переговоров официальных лиц ассоциации, в том числе на уровне глав государств. Все это свидетельствовало об общей заинтересованности в успехе совещания и вместе с тем указывало на различия в позиции отдельных стран в их оценках сложившейся обстановки.

Вместе с тем в ходе встреч, консультаций и переговоров было достигнуто понимание того, что открытая милитаризация АСЕАН шла бы вразрез с тенденциями мировой политики, в том числе в ЮВА, и обострила бы до опасных пределов отношения между АСЕАН и другими странами региона. Были также согласованы позиции по вопросам создания «зоны свободной торговли», расширения организации, нейтрализации региона.

В начале февраля 1976 г. премьер-министр Лаоса Кейсон Фомвихан посетил Вьетнам. По окончании визита в совместном коммюнике была подчеркнута готовность «жить в дружбе со всеми странами ЮВА». Этот факт получил широкий резонанс в странах АСЕАН. Комментируя результаты визита, малайзийская печать указывала, что члены АСЕАН в свою очередь должны отклонить всякую идею о превращении организации в военный блок. В ходе подготовки встречи прогрессивные круги в Индонезии также выступили против тех, кто пытался натравить АСЕАН на Индокитай. «Если совещание в верхах, — писала «Merdeka», — не сумеет преодолеть препятствия, барьеры, искусственно воздвигнутые США и другими империалистическими державами в годы холодной войны, то оно не сможет внести вклад в дело обеспечения мира и стабильности в Юго-Восточной Азии»<sup>27</sup>.

За две недели до конференции глав государств министры иностранных дел стран АСЕАН встретились в Паттайе (Таиланд) и согласовали окончательно повестку дня совещания. После встречи было заявлено, что «различия в социальных системах не должно помешать новым го-

<sup>27</sup> «Merdeka», 21.XI.1975.

сударствам Индокитая вступить в АСЕАН». Министры договорились представить главам государств документ, призывающий к мирному сосуществованию со странами Индокитая.

Большая подготовительная работа способствовала тому, что встреча в верхах на индонезийском о. Бали прошла с определенным успехом, если учесть прогнозы, которые делали сторонники конфронтации АСЕАН с Индокитаем и превращения ассоциации в военный блок. На конференцию прибыло около 1000 официальных представителей и экспертов. Ее работу освещали около 300 индонезийских и иностранных журналистов. Участники конференции в принятых документах закрепили за АСЕАН статус политической организации, выступили за мирное решение конфликтов регионального характера и одобрили создание в этих целях специального органа. Это решение представляется особо важным, если учесть, что между членами АСЕАН имеется много спорных территориальных вопросов. Они подтвердили также приверженность принципам Бандунгской конференции.

Был заключен договор о дружбе и сотрудничестве в ЮВА, в котором подчеркивалось, что он открыт для присоединения к нему других государств. Положения этого документа в целом отвечают тенденциям развития обстановки в Юго-Восточной Азии (развитие межгосударственных отношений на основе принципов мирного сосуществования, взаимовыгодного сотрудничества и доверия, мирное решение конфликтов в ЮВА, отказ от применения силы и т. п.). Однако содержащийся в документе призыв добиваться осуществления идеи «региональной сопротивляемости» служит известным препятствием для присоединения к нему стран Индокитая. Было подписано соглашение об учреждении в Джакарте постоянного секретариата организации.

Итоги совещания свидетельствуют о том, что в ходе переговоров лидеры Индонезии, Малайзии, Сингапура, Таиланда и Филиппин сумели сгладить противоречия и достичь определенного единства мнений и взаимопонимания по некоторым внутренним и внешним проблемам АСЕАН. Вопросы безопасности обсуждались лишь в общих чертах. Главы государств договорились, что обеспечение безопасности — дело каждой страны в отдельности, и отказались от идеи преобразования существующих в этой области двусторонних связей между отдельными членами АСЕАН в многосторонние на базе всей организации. Однако как непосредственные участники конференции, так и общественность стран — членов АСЕАН не скрывали, что результаты переговоров глав государств могли бы быть большими. «Мердека», например, выразила сожаление, что в «декларации АСЕАН не получили развитие важные проблемы, связанные с борьбой стран Азии и Африки. Это, по словам газеты, создает впечатление, что совещание АСЕАН на высшем уровне «самонзолируется» от этого широкого движения, имеющего политическую, экономическую и социально-культурную основу»<sup>28</sup>.

Вместе с тем выражалось общее удовлетворение в связи с тем, что, как подчеркивалось в совместном коммюнике, «главы правительств АСЕАН подтвердили решимость своих правительств продолжать деятельность, направленную к обеспечению мира, стабильности и прогресса в ЮВА, тем самым способствуя миру во всем мире и международной гармонии. С этой целью они выразили свою готовность развивать плодотворные отношения и взаимовыгодное сотрудничество с другими странами региона»<sup>29</sup>.

<sup>28</sup> «Merdeka», 27.11.1976.

<sup>29</sup> «Angkatan Bersendjata», 26.11.1976.

В Индокитае в свою очередь оценили готовность АСЕАН развивать дружеские отношения с другими странами региона. В июле 1976 г. заместитель министра иностранных дел Социалистической Республики Вьетнам Фан Хьен совершил поездку по странам ЮВА, во время которой разъяснял политику своей страны, базирующуюся на принципах мирного сосуществования. Правительства СРВ и Филиппин в совместном коммюнике в связи с установлением дипломатических отношений между двумя странами вновь подчеркнули, что отказ от предоставления своей территории другим государствам как базы для прямой или косвенной агрессии в отношении любой страны района является одним из принципов, на которых базируется отношение между этими странами.

Казалось бы, страны Индокитая и АСЕАН нашли основу для сотрудничества в виде принципов мирного сосуществования стран с различным общественно-политическим строем. Однако, как показывают события в регионе, не всем это по душе, и существуют силы, которые используют имеющиеся между странами Индокитая и АСЕАН разногласия для того, чтобы увести их с избранного пути. Некоторые члены АСЕАН искренне желают улучшения отношений с Индокитаем, однако в силу инерции и под давлением «доброжелателей» порой идут по старому пути. С другой стороны, страны Индокитая порой настораживает не столько политика, проводимая АСЕАН, сколько тот курс, который пытаются придать этой организации США, Япония, Австралия. Вполне естественно и то, что руководителям АСЕАН, когда они говорят о взаимном сотрудничестве всех стран ЮВА, невзирая на различия в их социально-политических системах, напоминают, как это было сделано в Коломбо, о роли, которую они играли в американской войне в Индокитае. Об этом необходимо помнить, поскольку и базы еще сохраняются, и военное присутствие, и коллективная договоренность с Англией об «обороне» с участием Малайзии и Сингапура. Это нельзя игнорировать, поскольку слова — это лишь слова, а сохранение баз — это угроза миру в регионе, очаг напряженности и гонки вооружений. Реакционные круги некоторых государств Юго-Восточной Азии и за пределами региона пытаются представить позицию стран Индокитая на конференции неприсоединившихся государств в Коломбо как «враждебную» предложению АСЕАН о превращении ЮВА в «зону мира, свободы и нейтралитета». Однако дела обстоят не так, как преподносят это противники развития отношений между Индокитаем и АСЕАН.

Руководящие деятели Вьетнама, Лаоса и Кампучии неоднократно заявляли и заявляют о своей поддержке стремления стран ЮВА к полной независимости, миру и нейтралитету. Эта политика вполне отчетливо определена в Отчетном докладе ЦК КПВ IV съезду партии, состоявшемуся в декабре 1976 г. В разделе о внешней политике подчеркивается, что страна будет «безоговорочно поддерживать борьбу стран ЮВА за национальную независимость, демократию, мир и подлинный нейтралитет, ликвидацию военных баз и иностранных войск в этих странах; будет стремиться к установлению и развитию отношений дружбы и сотрудничества с государствами Юго-Восточной Азии»<sup>30</sup>.

Ассоциация стран Юго-Восточной Азии, созданная в 1967 г., в разгар вьетнамской войны, стоит на пороге своего десятилетия. Не оправдались прогнозы как тех, кто предсказывал скорый крах этой организации, так и тех, кто строил слишком большие иллюзии при ее создании. АСЕАН не развалилась. Создается впечатление, что ассоциация находится на перепутье. С одной стороны, события показывают, что в АСЕАН имеются

<sup>30</sup> «Nhan Dan», 16.XII.1976.

силы, выступающие за коллективный отпор международным империалистическим монополиям, в защиту экономических интересов каждого члена организации. Им, в частности, удалось склонить правительство Японии к переговорам об экономическом сотрудничестве одновременно со всеми членами АСЕАН, а не на двусторонней основе, как это имело место прежде. Объясняется это, несомненно, прежде всего постепенным отходом членов АСЕАН от курса, который ей пытались и пытаются навязать силы империализма, опирающиеся на своих сторонников в этих странах.

Члены ассоциации начинают подходить с более реалистических позиций к процессам, происходящим в регионе и во всем мире. Об этом свидетельствует хотя бы изменение позиции Индонезии, обычно следовавшей в фарватере политики США, а ныне занявшей самостоятельную позицию по вопросу принятия Вьетнама в ООН. Как заявил министр иностранных дел Индонезии А. Малик, «решение США наложить вето на вступление Вьетнама в ООН нас не касается. АСЕАН будет поддерживать Вьетнам до тех пор, пока он не станет членом ООН»<sup>31</sup>. Члены АСЕАН все больше начинают сознавать, что стабильность обстановки в ЮВА практически невозможна до тех пор, пока некоторые из них сохраняют военные соглашения с Западом и имеют на своих территориях иностранные военные базы.

С другой стороны, империалистические круги США, Японии, Австралии не оставляют надежд на использование АСЕАН в своих интересах, как это планировалось с первых дней создания ассоциации. В своих усилиях они находят поддержку внутри стран — членов АСЕАН, особенно среди армейских кругов. Для достижения своих целей они используют самые различные средства. Чтобы «привязать» к себе членов АСЕАН, министерство обороны США предусматривает довести общий объем военных поставок членам ассоциации к 1977 г. до 327 млн. ам. долл. Это означает увеличение больше чем в два раза по сравнению с уровнем 1975 г.<sup>32</sup> Такими действиями США хотят показать, что они не собираются уходить из Юго-Восточной Азии.

Следствием таких мер Пентагона явилась активизация деятельности реакционных кругов внутри АСЕАН, направленной на расширение военного сотрудничества между членами организации. В последнее время наблюдается рост числа совместных военных учений, проводятся «боевые операции» и полицейские акции против «коммунистических сил»; ведутся разговоры о создании совместных предприятий по производству оружия, об обмене разведывательной информацией; организуются многодневные семинары с обсуждением доктрины «региональной сопротивляемости» и т. д. Чтобы избежать критики со стороны противников превращения ассоциации в военный блок, инициаторы этих мер заявляют, что они проводятся «не под эгидой АСЕАН». Однако, во-первых, этому мало кто верит, а во-вторых, политика наращивания сил, гонки вооружений и угроз в любой форме вызывает настороженность у соседних стран, не являющихся членами АСЕАН, мешает осуществлению идеи превращения ЮВА в зону мира и нейтралитета. Такой курс противоречит и мировой тенденции на смягчение международной напряженности.

Учитывая объективные трудности, испытываемые АСЕАН, борьбу внутренних и внешних сил за определение дальнейшего курса развития этой организации, можно предположить, что следующие годы совместной деятельности членов группировки не будут легче предыдущих.

<sup>31</sup> «Kompas», 16.IX.1976.

<sup>32</sup> «Far Eastern Economic Review», 23.VII.1976.

## Антинародная политика южнокорейского режима

---

*В. Д. Тихомиров,  
кандидат исторических наук*

70-е годы не принесли населению Южной Кореи ни обещанного сеульскими властями «национального возрождения» в виде так называемой «коренизированной демократии», ни создания «самообеспечивающейся» экономики и тем самым уменьшения униженной зависимости от империалистических государств, ни решения проблемы национального объединения.

Южнокорейский режим подтвердил в этот период свою печальную известность как одного из самых реакционных в мире, жестоким образом попирающего права человека. Политическая структура Южной Кореи приняла откровенно тоталитарный, диктаторский характер. Под предлогом необходимости борьбы против надуманной «угрозы нападения с Севера», возросшей якобы после победы патриотических сил в Индокитае, в стране введено фактически постоянное «военное положение».

«Бум на берегах реки Хан», о котором не перестают твердить южнокорейские официальные лица и пресса, имея в виду некоторый экономический подъем, вызванный обильными вливаниями иностранного капитала, принес Южной Корее еще большее подчинение ее экономического развития интересам зарубежного монополистического капитала, прежде всего Соединенных Штатов Америки и Японии. Этот бум принес обогащение привилегированным слоям и дальнейшее разорение трудовым массам, он заметно обострил социальные противоречия в Южной Корее.

Не достигнуто никакого прогресса и в решении корейской проблемы. Отказываясь от конструктивных поисков достижения единства на демократической основе самим корейским народом без всякого вмешательства извне, нынешний режим стал на путь активной милитаризации. При поддержке империалистических сил сеульские власти ведут дело к усилению напряженности на Корейском полуострове, создают преграды на пути обеспечения мира и безопасности на Дальнем Востоке.

Эти характерные черты внутри- и внешнеполитического развития Юга Кореи были присущи режиму Пак Чжон Хи с первых дней его прихода к власти, но наиболее полно они проявились в первой половине 70-х годов.

\* \* \*

Как известно, военная хунта во главе с генералом Пак Чжон Хи захватила власть в Южной Корее в мае 1961 г. в результате реакционного переворота, санкционированного и вдохновленного правящими кругами США. Цель этого путча заключалась в том, чтобы воспрепятствовать бурному развитию освободительного демократического дви-

жения народных масс, стремившихся к единству нации, сохранить и упрочить капиталистический строй и зависимость Юга от империализма США и под лживыми лозунгами «национального возрождения» добиться утверждения режима военных чинов, являвшихся в тот период единственной верной опорой Вашингтона. Жестоко расправившись с патриотическими силами, военная хунта в декабре 1963 г. разыграла фарс перехода к гражданской президентской форме власти<sup>1</sup>.

С первых дней своего правления и поныне военный режим сделал главными принципами внутренней и внешней политики антикоммунизм и ориентацию на укрепление связей с США, Японией и другими странами «свободного мира». В неприкосновенности сохранились все ранее навязанные Южной Корее военно-политические договоры и соглашения с США, остались на Юге и американские войска, находившиеся там под вывеской «войск ООН» со времени корейской войны 1950—1953 гг.

Антинародный в своей основе режим Пак Чжон Хи не смог разрешить ни одной из острых социально-экономических и политических проблем, стоящих перед Южной Кореей, что стало вызывать все большее возмущение народных масс. Недовольство населения диктатурой Пак Чжон Хи открыто проявилось на выборах в 1970 г. в Национальное собрание. В результате этих выборов основная оппозиционная Новая демократическая партия (НДП) во главе с Ким Тэ Чжуном, выступавшая против диктаторских форм правления, за восстановление в буржуазных рамках демократии, за развитие определенных контактов между Севером и Югом Кореи, с разоблачением коррупции в верхах, получила 89 мест и тем самым лишила правящую Демократическую республиканскую партию необходимого большинства в две трети голосов, которое ранее позволяло ей осуществлять безраздельное господство в парламенте.

В соответствии с существовавшей в то время конституцией президентские полномочия Пак Чжон Хи заканчивались в 1975 г., и он не мог быть вновь избран на этот пост. Вот почему осенью 1972 г. в стране внезапно было введено «чрезвычайное положение». Военная хунта распустила Национальное собрание, запретила всякую политическую деятельность, установила жесткую цензуру над средствами информации. В таких условиях власти сфабриковали новую конституцию страны, претенциозно названную в Сеуле «реформой национального возрождения» («юсин»). Стремясь наверняка обеспечить проведение этой «реформы», сеульская администрация с одной стороны демагогично связала ее с начавшимися весной того же года переговорами между Севером и Югом о поисках путей национального объединения, а с другой — пригрозила отказаться от контактов с Севером, если население выступит против принятия предложенной властями политической структуры. По этой конституции президент получил практически диктаторские права, роль же парламента (Национального собрания) была сведена к минимуму. Прерогативой Пак Чжон Хи стало утверждение одной трети депутатов Национального собрания и его роспуск в любое удобное ему время. Выборы президента стали проводиться не прямым, а косвенным голосованием. Он получил возможность избираться на шестилетний срок неограниченное число раз, но не парламентом, а вновь созданным высшим конституционным органом (Национальной конференцией по объединению), который состоит из двух с лишним

<sup>1</sup> Подробнее об этом см.: В. М. Мазуров. Южная Корея и США. М., 1971.

тысяч членов, в подавляющем большинстве своем приверженцев Пак Чжон Хи<sup>2</sup>.

После состоявшихся в феврале 1973 г. на основе новой конституции выборов в Национальное собрание правящей верхушке снова удалось обеспечить себе в нем полное господство. К настоящему времени оппозиции удалось сохранить лишь 56 из 219 мест<sup>3</sup>.

Добившись укрепления личной власти, Пак Чжон Хи немедленно усилил политику террора и репрессий внутри страны и повел дело к фактическому прекращению переговоров с Севером, которые прервались с августа 1973 г. Лидеру оппозиции Ким Тэ Чжуну ввиду непосредственной опасности ареста пришлось срочно покинуть страну. Однако в августе 1973 г., когда он находился в Токио, его похитили агенты ЦРУ Южной Кореи и тайно переправили в Сеул. Агенты ЦРУ и полиции развернули постоянное наблюдение и слежку за каждым заподозренным в инакомыслии и в негативном отношении к конституции. Южнокорейцы не случайно с горькой иронией говорят: «ЦРУ не дает нам даже свободы для того, чтобы совершить самоубийство».

Реакционная конституция, а также похищение Ким Тэ Чжуна вызвали всеобщее возмущение в Южной Корее. Требования отменить позорную конституцию, восстановить демократические свободы, положить конец зависимости страны от империалистических государств, возобновить прерванные в 1973 г. по вине сеульского режима переговоры с Севером о национальном воссоединении стали звучать все громче. Весь 1974 и начало 1975 г. в Южной Корее не прекращались массовые демонстрации и митинги, кровопролитные схватки с полицией. В борьбе против диктаторской власти начал складываться широкий фронт оппозиционных сил, включавший в себя представителей неправительственных партий, студентов и преподавателей университетов и колледжей, журналистов и литераторов, адвокатов и врачей, религиозных деятелей. В выступлениях против режима шире стал участвовать рабочий класс, требующий повышения оплаты труда и улучшения условий работы. Участились крестьянские бунты против захвата земель под строительство промышленных предприятий и военных объектов, против резкого снижения доходов крестьянства. Даже в армии, этой опоре режима, имели место волнения!

Чтобы ослабить накал выступлений и создать видимость законности пребывания у власти нынешнего режима, Пак Чжон Хи по совету Вашингтона и Токио организовал 12 февраля 1975 г. фарс референдума, призванного подтвердить «законность» конституции 1972 г. Однако, несмотря на жестокие репрессии и террор, 7 млн. человек, то есть немногим менее половины лиц, имеющих право голоса, голосовали против конституции или не пришли к избирательным урнам<sup>4</sup>. Подобное явление является беспрецедентным в истории Южной Кореи.

После поражения американского империализма в Индокитае весной 1975 г. сеульский режим в страхе за свою судьбу резко взвинтил военную историю и, ссылаясь на мифическую «угрозу нападения со стороны Севера», усилил кампанию репрессий против патриотических и демократических элементов, требующих отмены конституции.

В срочном порядке были созданы так называемые «боевые резервные войска», студенческие «корпуса по защите нации» и даже «жен-

<sup>2</sup> Kim K. Korea at the Crossroads: the Birth of the Fourth Republic. — "Pacific Affairs", 1973, № 2, p. 221—222.

<sup>3</sup> «Korea Times», 9.X.1975.

<sup>4</sup> «Asian Survey», 1976, № 1, p. 73.

ские батальоны», учрежден дополнительный «налог на защиту нации». Даже иностранная пресса отмечала, что «военная готовность остается образом жизни Южной Кореи»<sup>5</sup>. В стране продолжает действовать комендантский час, ночью улицы перегораживаются и охраняются военными патрулями, периодически объявляются тревоги и население сгоняется в убежища.

В такой атмосфере 13 мая 1975 г. власти приняли «чрезвычайный декрет № 9», в соответствии с которым любое критическое замечание в адрес правительства или действующей конституции карается немедленным арестом и заключением без суда и следствия в тюрьму<sup>6</sup>. Вслед за этим начались новые массовые расправы с оппозиционными силами. Под предлогом достижения «национального согласия» сеульский режим запретил антиправительственные выступления оппозиционных партий и организаций, закрыл органы печати, публиковавшие более или менее объективную информацию. Из высших учебных заведений были уволены более 500 преподавателей «за нелояльность режиму». В начале 1976 г. сеульские власти отдали под суд ряд видных оппозиционных деятелей, в том числе Ким Тэ Чжуна — главного политического противника Пак Чжон Хи. Всем им вменили в вину то, что они явились организаторами публичного чтения 1 марта 1975 г. в кафедральном соборе в Сеуле «Декларации демократии и национального спасения», в которой содержались требования возвратиться к демократическому правлению, обеспечить свободу печати, собраний и изданий, право на оппозицию. В августе 1976 г. сеульский суд приговорил их к тюремному заключению сроком от 8 до 10 лет, а позднее при рассмотрении в апелляционной инстанции эти приговоры были оставлены в силе лишь с небольшим сокращением сроков.

В конце прошлого года администрации Пак Чжон Хи с помощью различных ухищрений удалось наконец добиться ухода с поста председателя оппозиционной НДП Ким Ен Сама, который энергично продолжал традиции борьбы с диктаторским режимом. В результате раскола в рядах партии и победы умеренного центристского крыла председателем НДП в сентябре 1976 г. стал Ли Чуль Сон, который заявил о своем намерении «сотрудничать с партией правительства»<sup>7</sup>. Тем не менее борьба внутри партийных рядов между умеренными и сторонниками Ким Ен Сама продолжается.

Существенное влияние на внутривнутриполитическую жизнь в Южной Корее оказал разразившийся в конце 1976 г. скандал, вызванный разоблачением крупной внешнеполитической аферы режима Пак Чжон Хи, затеянной южнокорейским ЦРУ, как предполагают, по личному указанию южнокорейского диктатора<sup>8</sup>.

Хотя сеульскому режиму и удается с помощью репрессий или политических маневров как-то сдерживать недовольство населения, полностью подавить его он, однако, не может. Лондонская «Таймс» отмечала, что «...южнокорейцы, особенно молодежь, начинают проявлять все большее нетерпение по поводу установленных антидемократических порядков и условий фактически военного времени». «Если бы не указ № 9, — писала газета, — вся основа общества подверглась бы значительной критике...»<sup>9</sup>.

<sup>5</sup> «Times», 12.XI.1976.

<sup>6</sup> Корейская политика. Серия № 24: Чрезвычайные меры № 9. Сеул, 1975, стр. 3—4; «Department of State Bulletin», July 28, 1975, p. 126.

<sup>7</sup> «Korea Newsreview», September 25, 1976, p. 8—9.

<sup>8</sup> См. комментарий «Сеульское лобби в конгрессе США» в данном номере журнала.

<sup>9</sup> «Times», 12.XI.1976.

Таковы неприглядные итоги «коренизированной демократии», которую репрессивными мерами пытается внедрить сеульский режим. Однако, несмотря на все его усилия, антиправительственные выступления народных масс не только не прекращаются, но приобретают все более непримиримый характер, поскольку порождающие их причины полностью сохраняются и становятся все острее.

\* \* \*

Одной из важнейших причин резкого возрастания недовольства населения Южной Кореи политикой режима является заметно усилившееся в 70-х годах проникновение иностранного капитала в страну.

Южнокорейский режим взял за основу экономического развития страны теорию «партнерства и взаимозависимости», реализация которой на практике осуществляется главным образом путем широкого привлечения иностранных правительственных и коммерческих кредитов и частных капиталовложений из развитых государств, а средством погашения долгов становится максимальное развитие в собственной стране экспортного производства. Такая модель развития должна была бы, по мнению сеульских властей, в кратчайшие сроки преобразовать отсталую хозяйственную структуру Юга, обеспечить экономический прогресс, способствовать быстрому его вовлечению в систему мирового капиталистического хозяйства. Эта модель развития всячески навязывалась южнокорейскому режиму правящими кругами США, которые, потерпев неудачу с превращением Юга Кореи в 60-х годах в «витрину свободного мира» путем оказания безвозмездной помощи преимущественно потребительскими товарами, ныне пытаются сохранить свои неокOLONиалистские позиции в Южной Корее за счет введения более замаскированной и более прочной системы зависимости. К осуществлению своей политики они подключили также Японию, возложив на нее значительную часть бремени по поддержанию южнокорейского режима в сфере экономики, но сохранив за собой ключевые политические позиции в стране. Это было достигнуто в значительной мере с помощью «договора об основах отношений между Японией и Южной Кореей», подписанного в 1965 г. под сильным давлением со стороны Вашингтона.

Стремясь добиться хотя бы частичной стабилизации своего политического и социально-экономического положения и пытаясь противостоять миролюбивой демократической инициативе Корейской Народно-Демократической Республики по национальному объединению, правящая верхушка Сеула в 70-х годах еще шире распахнула двери для вторжения в страну иностранного капитала.

На конец 1976 г. общая сумма иностранного капитала в Южной Корее достигла более 8 млрд. долл.<sup>10</sup>, при этом наибольший приток зарубежных средств приходится на 70-е годы, когда в стране, также с помощью иностранного капитала, уже была создана относительно развитая инфраструктура экономики. Если к 1970 г. правительственные кредиты составляли 457 млн. долл., то к концу 1976 г. они достигли более 3,4 млрд. долл., а коммерческие кредиты соответственно возросли с 285 млн. до более 4,8 млрд. долл. За тот же период частные прямые капитальные вложения увеличились со 116 млн. до 552,7 млн. долл. Наибольшую часть правительственных кредитов и коммерческих зай-

<sup>10</sup> Подсчитано по: «Кэйдзай хёрон», 1976, № 10, стр. 38, «Korea Newsreview», 16.X.1976, p. 17.

мов предоставили Сеулу Соединенные Штаты Америки — 38,2%, затем Япония — 25,6%. Таким образом, на обе страны, которые играют главную роль в экономике Юга, приходилось к началу 1976 г. 63,8% от общей суммы иностранных правительственных и коммерческих кредитов<sup>11</sup>. Что же касается прямых частных капитальных вложений, то значительную их часть составляют средства японских фирм. В 1974 г., например, из 540 млн. долл. частных инвестиций на долю Японии приходилось 49,2%, а США — 18,4%<sup>12</sup>.

Наряду с капиталами из США и Японии режим Пак Чжон Хи в последние годы стал больше привлекать средства и из других развитых капиталистических государств. В 1959—1974 гг. из предоставленных Южной Корее из-за рубежа капиталов приходилось: на Великобританию — 5,9%, Францию — 5,5, ФРГ — 5%, а на долю Международного банка реконструкции и развития и Азиатского банка развития — 12,4%. За первые восемь месяцев 1975 г. 40,4% всех иностранных частных инвестиций поступило из Нидерландов, Панамы и Франции<sup>13</sup>.

Южнокорейское правительство, опираясь на целый ряд изданных им законов, создало исключительно благоприятные условия для внедрения в экономику иностранного частного капитала. В соответствии с этими законодательными актами, например, иностранным предпринимателям разрешается иметь в Южной Корее полностью принадлежащие им предприятия. Они могут свободно распоряжаться прибылями и дивидендами, в первые пять лет с них не взимаются подоходные налоги, а ввозимые как часть инвестиций товары освобождаются от пошлин. Правительство берет также на себя гарантию платежеспособности южнокорейских компаний при их сделках с зарубежными предпринимателями и т. д.

Наиболее выгодные условия для зарубежного капитала стали предоставляться с 1970 г., когда правительство Южной Кореи приступило к созданию так называемых «зон свободного вложения капиталов» с целью развития, главным образом, экспортных производств в районах Масана, Чангвона, Ири, Куми, Окпхо, Ечхона, Чукто, Асана и других. В указанных зонах помимо установленных ранее привилегий иностранные предприниматели получили права экстерриториальности, льготные тарифы за разного рода услуги.

На предприятиях в зонах, принадлежащих иностранным предпринимателям или являющихся совместной собственностью, рабочим-корейцам не гарантируется минимум зарплаты, на них запрещены забастовки и создание профсоюзных организаций, сравнительно квалифицированная рабочая сила оплачивается примерно в 4—6 раз дешевле, чем на аналогичных предприятиях в США и Японии<sup>14</sup>.

Как правило, эти зоны ориентируются преимущественно на развитие одной или нескольких отраслей экономики — химической промышленности (Чангвон), нефтехимии и цветной металлургии (Ечхон), судостроения (Окпхо, Чукто и Аннён), комплексное производство тяжелой промышленности и сельского хозяйства (Асан) и другие. К настоящему времени в зонах действуют многочисленные зарубежные компании и предприниматели, главным образом японские. Так, в Масанской зо-

<sup>11</sup> «Кэйдзай хёрон», 1976, № 10, стр. 38.

<sup>12</sup> «Korea Newsreview», August 30, 1975, p. 12.

<sup>13</sup> Ibid.

<sup>14</sup> «Business Week» (Seoul), September 1, 1973, p. 50, 52; «Сэкай», 1975, май, стр. 30.

не в 1973 г. насчитывалось 105 таких компаний с общим капиталом свыше 73 млн. долл., в том числе 95 — японские, 9 — США и 1 — итальянская<sup>15</sup>.

При этом американские компании по капиталу и масштабам предприятий обычно гораздо крупнее японских, в то время как последние обычно по этим показателям невелики. Американские компании предпочитают действовать самостоятельно, не связываясь с национальным капиталом, который из-за своей слабости зачастую тормозит развитие производства. Японские же предприниматели отдают предпочтение смешанным японо-корейским компаниям, где они, даже владея менее 50% акций, добиваются более сильных позиций в руководстве и тем самым обеспечивают себе решающее влияние.

В 70-х годах иностранный капитал, захватив важные позиции в отраслях инфраструктуры, энергично наступает и на решающие отрасли экономики страны, прибирая к рукам нефтепереработку и нефтехимию, металлургию, машиностроение, в особенности электронку, судостроение, текстильную промышленность. Образуются смешанные акционерные общества, международные консорциумы по эксплуатации промышленных объектов, туристских отелей. Если в 1970 г. удельный вес иностранного капитала в общей сумме капиталовложений в стране составлял 35,5%, то в 1975 г. он достиг уже 41,8%<sup>16</sup>. Зарубежные компании беззастенчиво грабят природные богатства страны, наживая баснословные прибыли на интенсификации труда и эксплуатации дешевой рабочей силы, переводят в страну прежде всего производства, загрязняющие окружающую среду. Особую активность в этом плане проявляет японский капитал. В общей сложности 152 японские компании, являющиеся филиалами семи основных корпораций, в том числе Мицубиси, Мицубиси и Сумитомо, действуют в Южной Корее. Японские корпорации произвели прямые инвестиции и установили технические контакты почти в каждой отрасли экономики. Они теснят во многих отраслях, не говоря уже о преобладании в зонах, американский капитал.

Бурная экспансия иностранного капитала и возрастание в связи с этим настроений недовольства в стране, резкое сопротивление национальной буржуазии вынуждают правительство Южной Кореи несколько ограничивать приток иностранного, в особенности японского, капитала, пытаться хотя бы в незначительной степени регулировать его поступление. Однако все эти меры сеульского режима фактически не только не препятствуют экономической экспансии, но ведут к еще большему усилению зависимости и дальнейшему превращению страны в объект неокOLONиалистской эксплуатации, к утрате ее политического суверенитета, резкому возрастанию внешней задолженности. В целом иностранный долг Южной Кореи к концу 1975 г. составил 5,9 млрд. долл., а выплата платежей по предоставленным кредитам в 1973 г. достигла 528 млн. долл., в 1975 г. возросла до 780 млн. долл., а в 1976 г., по подсчетам, достигнет 1 млрд. долл.<sup>17</sup>

Финансовые трудности южнокорейский режим тщетно пытается решить путем форсированного развития экспорта, хотя он достиг 5,4 млрд. долл. в 1975 г., однако это отнюдь не спасает положение: и ныне продолжает иметь место пассивный торговый баланс (дефи-

<sup>15</sup> «Korea Business», 1973, № 7, п. 6.

<sup>16</sup> «Кэйдзай хёрон», 1976, № 10, стр. 17.

<sup>17</sup> «Тонъа Ильбо», 17.IX.1975; «International Policy Report», 1975, № 1, п. 1.

<sup>18</sup> «Far Eastern Economic Review», 1976, № 6, п. 39.

цит в 1975 г. — 1,8 млрд. долл.)<sup>19</sup>, типичный для неокOLONиалистских отношений. Южная Корея ввозит примерно в два раза больше, чем вывозит, существует также крайняя зависимость внешней торговли Юга от импорта из-за рубежа сырья и техники — например, в 1975 г. импорт сырья из-за рубежа составил 42,5% всего импорта<sup>20</sup>.

В сфере закупок и сбыта товаров и оборудования хозяйничают в основном иностранные торговые фирмы из 21 страны, в том числе 54 из США и 48 из Японии, функционирующие в сферах торговли, банковского дела, а также строительства.

Всемерное привлечение иностранного капитала в целях создания экспортных отраслей привело к одностороннему развитию экономики, привязало Южную Корею еще больше к мировому капиталистическому рынку, сделало ее легко уязвимой от кризисных явлений в мировой капиталистической экономике. Энергетический и финансовый кризис в 1973—1975 гг., например, существенно затронул Южную Корею. Под его воздействием темпы ее экономического роста упали более чем в два раза.

Курс на форсирование экспорта существенным образом углубляет разрыв между частью южнокорейской промышленности, занятой производством на экспорт, и основной массой мелких предприятий, обслуживающих внутренний рынок и пребывающих в состоянии отсталости (на их долю в валовом национальном продукте приходится более 25%)<sup>21</sup>. Поставленная сеульским режимом задача превращения страны в «самообеспечивающуюся» далека от своего решения, хотя обильный долларовый приток и привел к определенным сдвигам в промышленности, например в электроэнергетике, химии, электронике, судостроении, в легкой промышленности, добыче цветных и редких металлов.

Однако промышленное развитие Южной Кореи накрепко привязано к инъекциям иностранного капитала. Программа индустриализации выполнялась в течение трех пятилетних периодов (1962—1966, 1967—1971, 1972—1976 гг.), и каждый план примерно на 40% и более финансировался за счет внешних поступлений. Несмотря на заверения Сеула о постепенном переходе к опоре лишь на собственные силы, они вынуждены привлекать в экономику страны все возрастающие суммы иностранного капитала. Предполагается обеспечить выполнение планов будущего хозяйственного развития за счет привлечения 10 млрд. долл. из-за рубежа, в том числе 8,9 млрд. в качестве кредитов и займов, а 1,1 млрд. долл. в виде прямых инвестиций. Только от Японии сеульский режим рассчитывает получить для реализации очередного плана экономического развития (1977—1981) примерно 3 млрд. долл. Японская сторона выразила готовность предоставить 2,5 млрд. в виде займов и инвестиций, а 500 млн. — правительственными кредитами<sup>22</sup>.

Экономическая политика южнокорейского режима привела к существенному углублению разрыва между промышленностью и сельским хозяйством. Различие в темпах роста двух этих сфер экономики в отдельные периоды 70-х годов составляло более 10—12%<sup>23</sup>. Основанное на мелких единоличных крестьянских хозяйствах, число которых в 1974 г. составляло 2,3 млн. (при наделе в среднем на одно хозяйство

<sup>19</sup> Ibid.

<sup>20</sup> «Кэйдзай хэрон», 1976, № 10, стр. 33.

<sup>21</sup> «Korea Newsreview», 16.V.1975, p. 10.

<sup>22</sup> «Far Eastern Economic Review», 1976, № 44, p. 44.

<sup>23</sup> Ibid., 1975, № 45, p. 41; «Korea Newsreview», 30.VIII.1975, p. 16.

около 0,9 га), сельское хозяйство все более отстает от промышленности. В прошлом житница страны Южная Корея ныне даже при рекордном урожае зерновых в 1974 г. в объеме более 7 млн. т не смогла обеспечить себя продовольствием и сырьем. Потребление растет гораздо быстрее, чем производство: в течение 1962—1974 гг. общий объем производства зерновых увеличился на 30,6%, а потребление — на 54%. Степень же самообеспеченности всеми зерновыми культурами уменьшилась с 94% в 1965 г. до 68% в 1973 г.<sup>24</sup>

Движение за новую деревню («сэ майль ундон»), начатое в 1971 г., направлено не на коренное улучшение положения южнокорейских крестьян, а на внедрение капиталистической кооперации, на обогащение состоятельных слоев и расширение в деревне социальной опоры режима, на превращение ряда сельскохозяйственных районов в дополнительные источники для экспорта изделий ручного труда.

Заметно ускорился процесс пауперизации и бегства крестьян в города: с 1969 по 1974 г. сельское население страны сократилось на 2 млн. 300 тыс. человек. Несмотря на специальные меры по поддержанию «устойчивых» цен на рис, доходы крестьян продолжают намного отставать от доходов городских жителей. В 1974 г. годовой доход крестьянской семьи, владеющей земельным участком до 5 танов (1 тан = около 0,1 га), составлял в среднем 62,2% от доходов городской рабочей семьи, а владеющих от 0,5 до 1 чонбо (1 чонбо = 0,99 га) земли — 89%<sup>25</sup>. Сеульский журнал «Синтонъя» («Новая Азия») писал, что крестьяне, имеющие земельные участки менее 0,5 чонбо, практически не могут обходиться без ежегодных кредитов<sup>26</sup>. Четвертая часть сельского населения, являющаяся арендаторами земли, выплачивает за ее пользование до 50% дохода<sup>27</sup>.

Экономические «достижения» Южной Кореи не принесли простому народу обещанного процветания. Безработица в крупных городах, где проживает почти половина трудового населения страны, достигает 9—10%. Хроническая инфляция, падение реальной заработной платы и безудержный рост цен на товары первой необходимости (в 1974 г., например, оптовые цены в среднем выросли на 44%, а розничные на 21,3%, а в 1975 г. за десять месяцев — на 23,4%<sup>28</sup>) — все это наглядно характеризует действительность сегодняшней Южной Кореи. Не случайно десятки тысяч южнокорейцев выехали за рубеж в поисках работы и лучших условий жизни. «Корейская республика, — пишет журнал «Эйшн сёрвей», — находится в серьезном, постоянно стягивающемся узле... Как инфляция, так и кризис создают напряженность в Южной Корее, а установленные бюджеты затягиваются ту же, как и пояса южнокорейцев»<sup>29</sup>.

\* \* \*

Возмущение и недовольство населения Южной Кореи вызывает бесперспективная реакционная политика режима Пак Чжон Хи по вопросу объединения страны. Мирное демократическое решение корейской проблемы является заветным желанием корейского народа по обе стороны 38-й параллели. ТПК и правительство КНДР ведут последова-

<sup>24</sup> «Far Eastern Economic Review», 1974, № 45, p. 41, 42.

<sup>25</sup> «Кэйдзай хёрон», 1976, № 10, стр. 44, 46.

<sup>26</sup> «Синтонъя», (Сеул), 1975, № 11, стр. 155.

<sup>27</sup> «Кэйдзай хёрон», 1976, № 10, стр. 44.

<sup>28</sup> «Korea Newsreview», 4.X.1975, p. 17.

<sup>29</sup> «Asian Survey», 1976, № 1, p. 77—78.

тельную и неустанную борьбу за объединение Кореи на демократических началах мирным путем силами самого корейского народа. Эта борьба пользуется постоянной поддержкой Советского Союза, социалистических и многих развивающихся государств, всех прогрессивных сил мира.

В условиях активного процесса разрядки напряженности и существенных перемен на Азиатском континенте, а также в результате конструктивной политики КНДР по мирному объединению родины и возросшего стремления населения Южной Кореи к единству в начале 70-х годов создались особенно благоприятные предпосылки для реальных шагов по объединению. Южнокорейскому режиму стало невозможно уклоняться от диалога с Северной Кореей, и он был вынужден пойти на переговоры, которые открылись весной 1972 г. и поначалу успешно развивались. Однако затем, с помощью демагогии и обмана укрепив диктаторский режим и навязав народу антидемократическую конституцию, южнокорейские правящие круги повели дело к свертыванию переговоров и активизировали нападки на политику КНДР по объединению, стремясь усилить атмосферу вражды и недоверия к Северу. В этот период наиболее четко проявилось существо политического курса Пак Чжон Хи по объединению, который заключается в том, чтобы достичь национального единства путем поглощения КНДР после того, как Южная Корея добьется «решающего преимущества в экономическом и военном отношении и завоеует международную поддержку».

Выступая с крайне реакционными позицией, сеульские власти постоянно твердят о том, что они намерены «освободить северокорейских братьев, томящихся под игом коммунизма», прибегнув «к мирным или немирным средствам». В течение прошедших после прекращения диалога лет сеульские власти, по существу, не выдвинули ни одной конструктивной инициативы, которая могла бы быть принята за основу мирного демократического решения корейской проблемы. Все предложения Сеула, в том числе о заключении так называемого «пакта о ненападении», о вступлении обеих частей Кореи в ООН и другие, всегда обуславливались такими требованиями, которые сводили на нет принципы демократического мирного решения проблемы, отрицали самостоятельность определения своей судьбы самим корейским народом и фактически вели дело к закреплению раскола страны. Южнокорейский режим демонстрирует свою полную незаинтересованность в поисках путей смягчения напряженности и устранения конфронтации на Корейском полуострове.

Вопреки велению времени, Пак Чжон Хи и его окружение при содействии империалистических кругов США и Японии продолжали в 70-х годах наращивать военную мощь и осуществлять активное вооружение своей более чем 600-тысячной армии и 3-миллионных «резервных войск». В 1971 г. Сеул объявил пятилетнюю «программу модернизации» южнокорейских вооруженных сил. С помощью американского и японского капиталов стали создаваться и развиваться отрасли экономики, составляющие военно-экономический потенциал Южной Кореи, велось строительство аэродромов, стратегических дорог, судоверфей, прокладывались подземные нефтепроводы, развивались средства связи с Токио и с Вашингтоном, в том числе через искусственные спутники. Реальные расходы самой Южной Кореи на военные цели неуклонно возрастали, составляя в отдельные годы, даже по официальным данным, более  $\frac{1}{3}$  всего национального бюджета. Как сообщали южнокорейские телеграфные агентства, в проекте бюджета на 1977 г., обнародованном 14 сентября прошлого года, прямые военные расходы опреде-

лены в сумме 925 млрд. вон и составляют более 34% всех расходов. Они вырастут по сравнению с 1976 г. примерно на одну треть.

В своих выступлениях в течение последних лет Пак Чжон Хи продолжает твердить о якобы «возросшей воинственности Севера» и под этим предлогом подчеркивать, что правительство Южной Кореи будет и далее стремиться к наращиванию военного потенциала. Уже официально объявлено о второй пятилетней программе дальнейшего наращивания вооруженных сил Юга.

Усиленная милитаризация Южной Кореи продиктована как внутренними, так и внешними факторами. Если режим Пака видит в этом спасительное средство от острого политического кризиса в стране и надеется таким путем подготовиться к «поглощению» Севера, то для империалистических кругов США, Японии и других капиталистических государств укрепление Южной Кореи в военном отношении является частью их глобальной стратегии в Восточной Азии.

После утраты империализмом своих позиций в Индокитае США, исходя из общей концепции «активной заинтересованности в присутствии в Азиатско-Тихоокеанском районе», стали проявлять повышенный интерес к Южной Корее, в особенности к укреплению ее «обороноспособности» в рамках треугольника Вашингтон — Токио — Сеул. Активизация тройственного альянса, по замыслам заокеанских стратегов и их партнеров, должна компенсировать потерю в Индокитае важнейшей опорной базы борьбы против сил социализма и национального освобождения.

В 1975 году состоялись встречи высокопоставленных представителей США, Японии и Южной Кореи. Как сообщала южнокорейская печать, на переговорах министров иностранных дел Южной Кореи и Японии в июле 1975 г. детально обсуждались вопросы трехсторонней системы «обороны». Пак Чжон Хи, принимая министра иностранных дел Японии, подчеркнул, что развитие тесного сотрудничества между Сеулом, Вашингтоном и Токио во всех областях в целях сохранения мира на Корейском полуострове является «ключевым моментом к поддержанию мира в Азии»<sup>30</sup>.

О планах координации усилий по «обеспечению безопасности Южной Кореи» говорилось и в ходе переговоров бывшего министра обороны США Дж. Шлессинджера в Южной Корее и в Японии летом 1975 г. Под предлогом мнимой «возросшей угрозы с Севера» он обещал Сеулу предоставить «помощь США в случае каких-либо конфликтов на Корейском полуострове вплоть до применения ядерного оружия» и заверил в готовности продолжать оказывать содействие в укреплении южнокорейских вооруженных сил. В Токио американский военный министр призывал японских официальных представителей сотрудничать в поддержании сеульского режима, особенно в создании «самообороны» Юга и развитии его военной индустрии<sup>31</sup>.

Следует отметить, что активизация тройственного сотрудничества в военно-политической сфере привела к более глубокому вовлечению Японии в глобальную стратегию США на Дальнем Востоке, в частности на Корейском полуострове, которая теперь поддерживает южнокорейский режим не только в экономическом плане, но и все более привлекается к военным обязательствам<sup>32</sup>.

<sup>30</sup> «Korea Newsreview», 2.VIII.1975, p. 7.

<sup>31</sup> Ibid., 2.VII.1975, p. 5, 6; 16.VIII.1975, p. 6, 7; 6.IX.1975, p. 5.

<sup>32</sup> См. подробнее: «Проблемы Дальнего Востока», 1976, № 3, стр. 19—35; там же, 1976, № 4, стр. 68—80.

Вопреки стремлению корейского народа решать вопрос объединения страны самостоятельно режим Пак Чжон Хи продолжает в своей политике по объединению ориентироваться исключительно на внешние факторы. До начала 70-х годов Сеул традиционно выступал за достижение национального единства под контролем или с помощью Организации Объединенных Наций, где США располагали длительное время послушным большинством. На ежегодных сессиях Генеральной Ассамблеи ООН принимались резолюции по корейскому вопросу, которые не отвечали интересам корейского народа и не давали никакой перспективы для его решения. Однако постепенно положение стало меняться в сторону справедливого подхода к делу национального объединения Кореи. КНДР получила статус наблюдателя в ООН, затем, на XXVIII сессии, было принято решение о роспуске Комиссии ООН по объединению и восстановлению Кореи, которая являлась орудием империалистического вмешательства во внутрикорейские дела. На XXX сессии в 1975 г. инициативный и миролюбивый курс КНДР по объединению страны и энергичная действенная поддержка со стороны социалистических и развивающихся государств позволили принять резолюцию, предусматривающую вывод иностранных войск из Южной Кореи, роспуск так называемого «Командования войсками ООН», обеспечение прочного мира на Корейском полуострове путем замены соглашения о перемирии мирным соглашением. США и их союзники оказались не в состоянии помешать принятию этого справедливого документа. Однако вопреки воле корейского народа они все же навязали и свою резолюцию, которая хотя и призывает к мирному объединению и даже содержит формальное согласие на упразднение «Командования войсками ООН», но фактически обуславливает это требованием сохранить американское военное присутствие в Южной Корее в соответствии с договором о «взаимной обороне» между США и Южной Кореей от 1953 г.

Принятие на сессии ООН резолюции по корейскому вопросу, отражающей позицию КНДР, продемонстрировало существенное изменение в расстановке сил в ООН в пользу прогрессивных принципов в решении корейской проблемы. Южнокорейский режим, который еще некоторое время тому назад рьяно выступал за обсуждение корейского вопроса в ООН, стал проявлять явное нежелание апеллировать к этой организации, опасаясь как бы ему снова не пришлось испытать сокрушительного поражения.

В условиях нарастания требований внутри страны и за рубежом покончить с национальным расколом сеульский режим не может отбросить вообще идею объединения родины. Он вынужден маневрировать и делать вид, что якобы заинтересован в решении проблемы объединения. Однако нет сомнений в том, что Пак Чжон Хи и его окружение на самом деле не помышляют о конструктивных шагах, направленных на ликвидацию конфронтации на Корейском полуострове, на вывод иностранных войск и достижение объединения страны силами корейского народа на мирной демократической основе.

Несмотря на настойчивое желание корейского народа по обе стороны 38-й параллели добиваться решения национальной проблемы демократическим путем, сеульский режим отвергает меры, предлагаемые правительством Народной Кореи. Созыв Великого Национального Собрания из представителей обеих частей страны, осуществление в качестве переходного шага по пути объединения конфедеративной системы при сохранении существующих в настоящее время на Севере и на Юге социально-экономических структур, созыв политического консультативного совещания Севера и Юга при участии представителей политиче-

ских партий, общественных организаций и различных слоев населения — все эти и многие другие конструктивные миролюбивые предложения КНДР не находят отклика в Сеуле и у его покровителей. Усиливая репрессии на основе антикоммунистического законодательства, диктаторский режим пытается подавить возрастающее стремление народа к контактам с КНДР, к национальному единству.

\* \* \*

Рассмотрение наиболее важных тенденций политического и экономического развития современной Южной Кореи свидетельствует о дальнейшем углублении кризиса режима Пак Чжон Хи, его полной неспособности преодолеть острые социально-экономические противоречия, раздирающие южнокорейское общество, и решить наиболее актуальные для народа проблемы. Реакционный курс сеульских властей все более ведет их к тупику, узел затягивается все сильнее. Пример Юга служит серьезным предупреждением о пагубных последствиях, которые влечет за собой путь капиталистической ориентации и зависимости от империалистических держав, путь реакции и милитаризма.

## Научно-техническая революция и усиление эксплуатации наемного труда в Японии

*В. Н. Хлынов,  
кандидат экономических наук*

Социально-экономическое развитие главных капиталистических стран происходит сейчас в условиях научно-технической революции, в условиях порожденного ею нового этапа научно-технического прогресса.

Научно-технический прогресс представляет собой, как известно, эволюционный путь развития науки и техники, путь постепенного накопления научно-технических знаний, поступательного количественного и качественного развития производительных сил. В ходе эволюционного развития в отдельных направлениях науки и техники могут происходить и происходят революционные прорывы, носящие, однако, локальный характер.

В отличие от научно-технического прогресса научно-техническая революция характеризуется кардинальными качественными сдвигами в науке и технике, появлением в них и применением в сфере производства принципиально новых идей. Научно-технический прогресс подготавливает научно-техническую революцию, а она в свою очередь создает условия для дальнейшего научно-технического прогресса на качественно новом, более высоком уровне.

Примерно со второй половины 50-х годов в научно-техническом развитии Японии наблюдаются серьезные качественные сдвиги, ведущие к коренным изменениям в производстве. С этого времени эволюционный путь развития науки и техники постепенно уступает место научно-технической революции. Ее первые характерные признаки проявились еще в последние годы периода реконструкции японской экономики, длившегося с 1950—1951 гг. по 1956—1957 гг. «Последняя стадия реконструкции и, в частности, период с 1956 по 1959 г., — подчеркивает известный японский экономист И. Накаяма, — явилась периодом беспрецедентного обновления техники, выразившегося во внедрении в производство принципиально нового крупногабаритного эффективного оборудования для получения и обработки стали, а также в налаживании производства новых синтетических тканей и синтетических смол, в развитии нефтехимии и электроники. Прогресс техники в этих и связанных с ними отраслях стал осуществляться в невиданных ранее для Японии масштабах»<sup>1</sup>.

В эти же годы Япония сделала свои первые шаги и в области автоматизации производства, представляющей собой одно из важнейших направлений современного научно-технического прогресса.

<sup>1</sup> I. N a k a y a m a. Industrialization of Japan. Tokyo, 1963, p. 15.

На факт развертывания научно-технической революции в Японии во второй половине 50-х годов указывают и официальные японские источники. Так, в серии редакционных статей, опубликованных официально японского министерства иностранных дел, газетой «Джэпэн таймс» в связи со 100-летием буржуазной революции Мейдзи (1868), подчеркивалось: «Сто лет назад реставрация Мэйдзи вызвала в Японии первую промышленную революцию. Нынешний этап технического обновления, охвативший страну со второй половины 1950-х годов, также вносит коренные изменения в процесс производства. Эти изменения с полным основанием можно назвать второй промышленной (современной научно-технической. — В.Х.) революцией»<sup>2</sup>.

Для Японии, представляющей собой вторую по уровню экономического развития капиталистическую державу мира, характерны все основные черты современной научно-технической революции.

Развитие НТР на японской почве характеризуется прежде всего неразрывным, всесторонним взаимодействием науки, техники и производства, превращением науки в непосредственную производительную силу. В отличие от периода до НТР наука оказывает сейчас самое непосредственное влияние на развитие материального производства. Она превратилась в своеобразный постоянно действующий генератор новых научно-технических идей, внедряемых в хозяйственную практику и ведущих к появлению новых технологических процессов, созданию новых материалов и видов продукции, к рождению новых отраслей хозяйства и т. д. Без наличия комплекса «наука — производство» сегодня немислимо уже никакое движение вперед по пути научно-технического прогресса.

О значении науки для современного развития японской экономики говорит, в частности, то, что практически все крупнейшие и многие крупные японские компании имеют собственные научно-исследовательские центры, институты, лаборатории, опытные цеха, конструкторские бюро и другие научные учреждения<sup>3</sup>. Видную роль в организации научных исследований играет и само государство. Япония прибегает также к широкому импорту научно-технических знаний в форме приобретения иностранных патентов, лицензий и прочей научно-технической документации.

Органическая связь науки и техники с производством является, таким образом, одной из важнейших черт НТР в условиях сегодняшней японской действительности.

Важная черта научно-технической революции в Японии заключается в том, что она внесла и продолжает вносить коренные изменения во все материальные элементы производительных сил (включая орудия и предметы труда, энергетику и сырье), а также в технологию производства и его организацию. Решающая роль принадлежит здесь изменениям в орудиях труда. Вызываемые изменениями в технологии производства, они ведут к изменению характера взаимоотношений между человеком и машиной. К трем основным частям машины-оборудования (движущая, передающая и рабочая), о которых писал еще К. Маркс, НТР добавляет четвертую часть — управляющее устройство. В результате человек выступает уже не как непосредственный участник производственного процесса, а как его руководитель, организатор и наладчик.

Отсюда вытекает еще одна крайне существенная черта НТР, прису-

<sup>2</sup> «The Japan Times», November 6, 1968.

<sup>3</sup> Подробнее об этом см. А. Т. Мельников. Научные исследования в промышленности Японии. М., 1974, стр. 25—40.

шая всем экономически высокоразвитым странам, в том числе и Японии. В результате внедрения современного оборудования научно-техническая революция изменяет не только материальные элементы производства, но и характер трудовой деятельности человека. Это предъявляет повышенные требования к общеобразовательному и профессионально-техническому уровню наемной рабочей силы.

Не менее важной характерной чертой НТР в Японии является то, что она оказывает все более глубокое и непосредственное воздействие не только на процесс производства, но также на сферы обращения, потребления и услуг. Это объясняется тем, что в усложнившихся условиях капиталистического хозяйства без тесного взаимодействия всех этих сфер японский капитализм не может уже обеспечивать нормальное функционирование экономики. Другими словами, научно-техническая революция диктует необходимость нового, комплексного подхода к вопросам управления всем хозяйственным организмом с целью повышения его эффективности. Большое значение японские монополии придают в связи с этим внедрению в хозяйственную практику более совершенных с их точки зрения и всеохватывающих систем научной организации производства.

Развитие НТР на японской почве сопровождается повышением степени обобществления производства на базе объединения, специализации, подчинения отдельных предприятий и компаний как форм общественного разделения труда. Об этом говорит, в частности, создание в стране гигантских отраслевых и межотраслевых производственных комплексов. Усиление процесса обобществления производства, вызванное субъективным стремлением японских монополий повысить свою конкурентоспособность и увеличить прибыли, создает в Японии объективные предпосылки для возникновения новой, более прогрессивной социально-экономической формации.

Таковы наиболее характерные черты научно-технической революции на японской почве.

Развитие НТР породило новый, современный этап научно-технического прогресса в Японии. Его главными направлениями являются модернизация и укрепление энергетической основы производства, все более широкое внедрение автоматизации на базе применения современных электронно-вычислительных машин, ускорение развития средств связи, широкая химизация различных отраслей хозяйства и создание принципиально новых синтетических материалов, индустриализация сельского хозяйства и строительства, развитие ракетно-космической техники, техники для освоения мирового океана<sup>4</sup>.

Научно-технической революции в Японии присущи и некоторые специфические черты. Важнейшие из них следующие: ее заметная задержка на старте, особый, подражательно-творческий характер японской науки и техники, широта горизонтального охвата и, наконец, ее сравнительно ограниченное распространение по вертикали.

Современная научно-техническая революция началась в Японии десятилетием позже, чем в США и странах Западной Европы, которые были охвачены этим процессом практически уже в последние годы второй мировой войны. Такое опоздание в конечном итоге объясняется крахом японского милитаризма в войне. Он отбросил страну в ее экономическом развитии на два-три десятилетия назад. Достаточно ска-

<sup>4</sup> Подробнее об этом см. В. А. Власов. Научно-техническая революция в Японии. М., 1975, стр. 57—88.

зять, что в результате военного поражения Япония потеряла  $\frac{1}{4}$  часть своего национального богатства<sup>5</sup>. Однако сочетание благоприятно сложившихся в последующие годы внутренних и внешних условий позволили японскому капитализму в течение первого послевоенного десятилетия не только восстановить, но и серьезно реконструировать разрушенное войной хозяйство. Тем самым была подготовлена почва для начала научно-технической революции.

Относительно позднее начало НТР на японской почве, как это ни парадоксально, в конечном итоге сыграло для Японии весьма положительную роль. Отмечая это, известный японский экономист Е. Хосино констатирует: «Несмотря на то что техническое обновление (научно-техническая революция. — В. Х.) в Японии началось на 10 лет позже, чем в США и странах Западной Европы, Япония достигла серьезных результатов. Более того, именно поэтому она добилась их в чрезвычайно короткие сроки»<sup>6</sup>. Дело прежде всего в том, что в условиях резкого обострения международной капиталистической конкуренции вынужденная задержка на старте подстегнула японский капитализм на особо энергичные усилия для решения в кратчайшие сроки коренных проблем преобразования индустрии на новой технической основе.

Важную, если не главную, роль сыграло здесь широкое заимствование лучших научно-технических достижений других стран. Так, за период с 1956 по 1974 г. Япония приобрела за границей, главным образом в США, около 23 тыс. лицензий, патентов и различных образцов новейшей техники, затратив на это 5 млрд. долл.<sup>7</sup>

Это позволило японским монополиям не только серьезно выиграть во времени, но и сэкономить колоссальнейшие средства на научно-исследовательских и опытно-конструкторских работах. По подсчетам японских экономистов, за двадцать лет (1950—1969) в результате импорта иностранной техники японские монополии «выиграли» 70 млрд. долл. (более 25 триллионов иен), что равно почти четверти суммы валовых накоплений основного капитала<sup>8</sup>.

Однако говоря о так называемом подражательном характере японской науки и техники, необходимо отметить, что заимствование даже самых лучших зарубежных научно-технических достижений само по себе еще не гарантирует их эффективное использование. Важное значение приобретают в связи с этим особые творческие способности японских технических специалистов к приспособлению зарубежных научно-технических новинок к местным условиям, к их коренному улучшению и совершенствованию. Известно, что японское оборудование, скопированное с иностранных образцов, не уступает, а часто превосходит последние по своим техническим данным: мощности, эффективности, производительности.

Не менее важной особенностью развития НТР на японской почве является ее широкое распространение в горизонтальном плане, то есть охват практически всех отраслей экономики. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что главные направления современной научно-технической революции, включая автоматизацию и кибернетизацию

<sup>5</sup> Кэйдзай хакусё, 1956 (Белая книга по экономике, 1956). Токио, 1956, стр. 23.

<sup>6</sup> Е. Хосино. Гидзюу какусии-но компон мондай (Основные проблемы технического обновления). Токио, 1964, стр. 260.

<sup>7</sup> По данным Кэйдзай токэй нэмпо (Ежегодник экономической статистики). Токио, 1971, стр. 242; 1976, стр. 216.

<sup>8</sup> Монополистический капитал Японии и его роль в системе современного капитализма. М., 1973, стр. 26.

производства, использование новых видов сырья и источников энергии, химизацию технологических процессов, создание новых видов продукции и т. д., сегодня в той или иной степени характерны для всех отраслей хозяйства, включая и сферу услуг.

В отличие от США и ведущих западно-европейских стран, где первостепенное внимание уделяется военной индустрии, в Японии в ходе научно-технической революции относительно широкое развитие получили прежде всего отрасли гражданской промышленности. Возможность быстро развивать мирные отрасли объясняется как известными конституционными ограничениями на пути создания вооруженных сил страны, так и тем, что львиную долю всех расходов по «обороне» Японии на основании японско-американского «договора безопасности» несут на себе США, получившие взамен этого право иметь свои военные базы на территории Японских островов. Это позволяет японским монополиям сократить до минимума непроизводительные военные расходы, экономить значительные средства и использовать их на развитие мирной промышленности<sup>9</sup>. Однако все это вовсе не означает, что японский монополистический капитал не развивает военной индустрии. Напротив, многие крупнейшие предприятия таких фирм, как Мицубиси, Кавасаки дзюкогё, Исикавадзима—Харима, Тосиба, Сумитомо, Хитати, Мицун и другие, все больше переключаются на производство военной продукции. Но пока что военная промышленность не занимает в Японии доминирующего положения.

Наконец, специфической особенностью развития НТР на японской почве является ее относительно ограниченное распространение по вертикали, то есть проникновение не на всю глубину экономической структуры, а в основном на крупные и крупнейшие предприятия.

Эта особенность связана с так называемой двойственной структурой японской экономики, которая проявляется в том, что на одном полюсе действуют современные крупные компании, а на другом — огромная масса мельчайших (полукустарных), мелких и средних предприятий. Иначе говоря, для экономического развития Японии характерен ярко выраженный симбиоз крупного, технически передового, и мелкого, технически отсталого бизнеса.

Главная причина проникновения НТР не на всю глубину экономической структуры кроется в нехватке капитала у мелкого бизнеса. Он не может себе позволить, например, внедрить на своих предприятиях полную автоматизацию, которая требует колоссальных капиталовложений, связанных не только с приобретением дорогостоящего нового оборудования, включая ЭВМ, автоматические линии, станки с программным управлением и т. п., но и с коренной перестройкой всего производственного процесса. Такие расходы под силу лишь крупнейшим и крупным компаниям, располагающим солидной финансовой, технической, производственной и научно-исследовательской базой и имеющим возможность беспрепятственно получать кредиты у государственных и частных банков. Мелкие же и средние предприятия в лучшем случае ограничиваются лишь внедрением первичных форм автоматизации.

Научно-техническая революция оказала и продолжает оказывать самое непосредственное влияние на все стороны жизни японской нации. Совершенно очевидно, что не в последнюю очередь она воздей-

---

<sup>9</sup> Так, ежегодные прямые военные расходы Японии за период с 1960 по 1974 г. составляли от 6,4 до 8,9% государственного бюджета.

ствуется и на основной источник существования японского общества — труд наемных работников, подавляющее большинство которых составляет рабочий класс Японии.

Несмотря на потуги японской буржуазии доказать «исчезновение» рабочего класса, он непрерывно и быстро растет. За 20 лет НТР на японской почве (1955—1975) общая численность рабочего класса Японии выросла с 17 630 тыс. до 34 065 тыс. человек, или почти вдвое. При этом, если в 1955 г. его доля не достигала и половины (44,1%), то в 1975 г. она составила уже почти  $\frac{2}{3}$  (64,1%) всего самодетельного населения страны<sup>10</sup>. Другими словами, рабочий класс Японии превратился в самый многочисленный класс современного японского общества.

Результаты воздействия НТР на рабочий класс Японии проявились еще далеко не полностью, что в свою очередь связано с одной из вышерассмотренных особенностей развития НТР на японской почве — ее задержкой на старте. Однако уже сегодня ясно, что научно-техническая революция обусловила заметное усиление эксплуатации японского пролетариата, изменила характер и содержание его труда. Она модифицировала традиционные и породила новые методы эксплуатации наемной рабочей силы, привела к применению новых, более завуалированных форм контроля над трудом. Короче говоря, научно-техническая революция на японской почве «усовершенствовала» и приспособила к новым условиям механизм капиталистической эксплуатации труда, обострила старые и породила новые противоречия японского капитализма. При этом обострение этих противоречий характерно не только для периодов экономических спадов и кризисов, но и для периодов подъема японской экономики.

Ретроспективный взгляд на историю развития японского капитализма говорит о том, что в течение последнего полувека эксплуатация рабочего класса Японии на предприятиях страны осуществлялась и осуществляется на основе целого комплекса государственно-монополистических мероприятий, направленных на повышение эффективности производства и объединяемых общим понятием — «горика» («рационализация производства»).

Произвести больше, лучше и дешевле путем нещадной эксплуатации рабочего класса — таков основной и неизменный принцип капиталистической рационализации. На ранних этапах развития японского капитализма, когда пролетариат не мог еще в достаточной мере противостоять всемогуществу капитала, это достигалось прежде всего за счет экстенсивных методов эксплуатации труда: прямого снижения зарплаты, удлинения рабочего дня, увеличения числа рабочих и т. п. По мере роста сил, влияния японского пролетариата и его способности оказывать все более мощное сопротивление своим эксплуататорам, прежде всего в лице монополий, последние вынуждены были перенести центр тяжести на интенсивные методы эксплуатации рабочей силы и, в частности, на завуалированное повышение интенсивности труда. При этом само собой разумеется, что капиталистическая рационализация всегда предусматривала и определенное усовершенствование техники. Однако вплоть до начала НТР этому элементу придавалось второстепенное значение. Решающая роль в повышении эффективности производства принадлежала усилению интенсивности труда путем непо-

<sup>10</sup> По данным Нихон токэй нэнкан (Ежегодник японской статистики). Токио, 1957, стр. 46, 55; Сёва 50 нэн кокусэй тёса (Общенациональная перепись населения 1975 г.). Токио, 1976, стр. 220.

средственного выжимания мускульной и нервной энергии рабочих. Нередко это достигалось даже на основе морально-устаревшего оборудования.

С началом НТР положение резко изменилось. Повышение эффективности капиталистического производства стало возможным прежде всего лишь в результате внедрения современной техники и только на этой основе путем усиления эксплуатации рабочей силы. Иными словами, решающее значение в повышении эффективности приобрел фактор техники. В результате соответственно изменился и характер политики капиталистической рационализации. Приспособившись к условиям НТР, она превратилась в «рационализацию нового типа». В отличие от всех предыдущих стадий капиталистической рационализации ее основой стала экономическая необходимость постоянного обновления основного капитала, то есть непрерывное внедрение в производство новой современной техники и технологии. Японские экономисты — авторы коллективной монографии о капиталистической рационализации — подчеркивают в связи с этим следующее: «В основе довоенных рационализаций, осуществлявшихся во времена безраздельного действия разновидностей систем Тэйлора и Форда, лежали интенсификация труда и концентрация производства. Они являлись их главными характерными чертами. Послевоенная рационализация, сохраняя эти элементы, осуществляется на основе обновления техники, другими словами, развития автоматизации и новых отраслей производства, включая нефтехимию, полимеры, электронику, а также на основе использования новых видов энергии»<sup>11</sup>.

Формально началом современной капиталистической рационализации производства можно считать принятие японским кабинетом министров специального решения «О рационализации промышленности» (1949) и введение в стране закона «Об ускорении рационализации предприятий» (1952). Эти документы предусматривали осуществление ряда серьезных мероприятий, в том числе: 1. Ускорение рационализации и обновление промышленного оборудования путем предоставления монополиям государственных средств через Японский банк развития и другие финансовые учреждения. 2. Сокращение налогов на предприятия, модернизирующие оборудование, путем осуществления специальных налоговых мер. 3. Оказание помощи монополиям в развитии техники путем предоставления им средств для усиления индустриализации и проведения научно-технических исследований<sup>12</sup>.

Речь шла, таким образом, прежде всего о модернизации технического уровня японской промышленности. На основе этих общих документов появились первые конкретные планы рационализации отдельных отраслей, в том числе «Первый план рационализации металлургической промышленности» (1951—1955), «План рационализации угольной промышленности» (1951—1955), «Долгосрочный план рационализации электроэнергетической промышленности» (1952—1957) и другие. В центре внимания всех этих планов также были вопросы внедрения новой техники<sup>13</sup>.

Современная капиталистическая рационализация производства началась, таким образом, несколько раньше научно-технической революции. Постепенно она охватывала все более широкий круг отраслей хозяйства и к середине 50-х годов, то есть к началу НТР на японской

<sup>11</sup> Горика то родося кайкю (Рационализация и рабочий класс). Токио, 1965, ч. 1, стр. 54—55.

<sup>12</sup> Горика то-ва нани ка (Что такое рационализация?). Токио, 1973, стр. 41.

<sup>13</sup> Там же.

почве, приобрела всеобщий характер. Ее важной составной частью стало так называемое «Движение за повышение производительности», организованное созданным в 1955 г. при поддержке американских монополий Японским центром производительности (Нихон сэйсансэй хомбу). Примерно с этого времени заметно расширились и масштабы импорта в Японию зарубежной техники.

Наиболее детально и объективно методы, формы и сущность политики капиталистической рационализации производства в условиях НТР охарактеризованы в специальных документах и материалах съездов японских профсоюзов. Обратимся, в частности, к одному из таких документов Совместного комитета весенней борьбы (Сюнто кёто иннкай), основу которого составляют профсоюзы, входящие в два профцентра страны — Сохё и Тюрикурорэн. В документе «Развернем широкую весеннюю борьбу против атаки монополий в форме рационализации производства» подчеркивается, что капиталистическая рационализация имеет самые разнообразные методы и формы. Они зависят от конкретной экономической обстановки. «Во время высоких темпов роста, вызванных форсированным развитием экономики, — говорится в документе, — рационализация производства осуществляется в форме всестороннего повышения интенсивности труда на основе модернизации производственного оборудования и повышения эффективности производства, а во время депрессий и спадов капиталистическая атака в виде рационализации сопровождается массовыми увольнениями, навязыванием принудительных отпусков, насильственными перемещениями лишней рабочей силы и т. п. ...Иначе говоря, монополистический капитал всегда создавал и создает такую систему эксплуатации, при которой он обеспечивает себе прибыли путем принесения в жертву интересов рабочих»<sup>14</sup>.

Особенно жестокие для рабочего класса формы капиталистическая рационализация производства принимала в годы экономических спадов и депрессий. В период научно-технической революции такие спады и депрессии были отмечены, как известно, в 1954—1955, 1958, 1962, 1965, 1971 и в 1974—1975 гг. Преодолевая экономические трудности за счет рабочего класса, японские монополии заметно ужесточали в эти годы его эксплуатацию.

Характеризуя сущность «рационализации» в условиях депрессии 1965 г., Сюнто кёто иннкай указывал на следующие методы и формы ее осуществления:

Массовые увольнения, принудительные перемещения и навязывание принудительных отпусков «лишней» рабочей силе ввиду сокращения производства, вызванного чрезмерными инвестициями в оборудование. Увольнение временных, внештатных и подрядных рабочих с крупных предприятий. Скрапирование старого оборудования и нерентабельных предприятий, сосредоточение производства на новых предприятиях путем перемещения сюда рабочей силы со старых заводов. Прекращение найма новой рабочей силы. Повышение производственных норм и интенсивности труда путем усиления контроля за трудовым процессом. Усиление контроля за трудом путем создания на предприятиях разветвленной системы надзора за рабочими. Снижение реальной заработной платы и ухудшение условий объединения предприятий, расширение подрядных работ и осуществление всех вышеуказанных мероприятий в масштабе всей экономики<sup>15</sup>.

<sup>14</sup> «Сохё симбун», 27.II.1967.

<sup>15</sup> Горика то-ва нани ка... стр. 34

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что современная капиталистическая рационализация производства — это широкая социально-экономическая политика японского государственно-монополистического капитализма, направленная на повышение эффективности производства путем усиления эксплуатации рабочего класса на основе внедрения новой техники и технологии.

Одним из наиболее ярких показателей усиления эксплуатации рабочего класса является, в частности, падение доли заработной платы лиц наемного труда (подавляющее большинство которых в Японии, как уже отмечалось выше, составляют рабочие и служащие) в так называемой добавленной, или вновь созданной стоимости. Согласно официальным данным, в годы НТР и, в частности, в период с 1955 по 1972 г., эта доля в среднем по всем отраслям обрабатывающей промышленности характеризовалась традиционно низким уровнем, сократившись за эти годы на 6,2%<sup>16</sup>. Характерно, что по степени эксплуатации рабочего класса Япония лидирует среди всех других высокоразвитых капиталистических государств. Это подтверждается, в частности, сравнительными данными о доле зарплаты лиц наемного труда во вновь созданной стоимости в обрабатывающей промышленности главных капиталистических стран. Согласно этим данным, в 1970 г. указанный экономический показатель был равен: в Японии — 32,0%; Англии — 69,6; Швеции — 58,6; Дании — 58,4; Канаде — 53,1; США — 47,4; Италии — 41,4 и в ФРГ — 40,9%<sup>17</sup>.

Небывало быстрый рост рядов японского пролетариата, превращение его в самый многочисленный класс и основную производительную силу современного японского общества, наконец, неуклонное повышение его удельного веса в составе самодетельного населения, с одной стороны, и падение доли рабочего класса в национальном доходе — с другой, говорят о бесспорном и значительном повышении степени эксплуатации наемной рабочей силы. В период НТР это связано прежде всего с внедрением новой техники и, в частности, с вызванным ею небывалым ростом общественной производительности труда. Парадоксальная логика капитализма такова: чем выше производительность труда, тем меньше время, в течение которого рабочий создает оплачиваемую ему в виде заработной платы часть общественного продукта и, следовательно, больше то время, в течение которого он работает на капиталиста. Другими словами, чем выше производительность труда, тем больше норма эксплуатации. На фоне небывало быстрого и всеобъемлющего роста общественной производительности труда эта закономерность капиталистического производства приобретает особенно зловещий и уродливый характер.

В условиях НТР эксплуатация рабочего класса Японии продолжается, таким образом, оставаться главным источником увеличения массы и нормы прибавочной стоимости, присваиваемой монополиями. Более того, постоянное внедрение новой техники и технологии служит основой для усиления этой эксплуатации, а следовательно, и для увеличения массы и нормы прибыли. Однако в отличие от периода, предшествовавшего НТР, формы и методы эксплуатации наемного труда заметно меняются.

Это объясняется, прежде всего коренным изменением условий, в которых вынуждена действовать сегодня японская буржуазия и, в частности, тем, что стремление монополий использовать достижения

<sup>16</sup> Родо токэй ёран (Справочник статистики по труду), Токно, 1976, стр. 72.

<sup>17</sup> «Сохё симбун», 20.XII.1974.

НТР в своих узкоклассовых интересах — в интересах получения монополюбно высоких прибылей путем усиленной эксплуатации рабочего класса — наталкивается на все более серьезные препятствия. Главным из них является то, что современная научно-техническая революция разворачивается в условиях противоборства капитализма с непрерывно крепнущим и усиливающим свои позиции социализмом — самым передовым социальным строем, оказывающим все более революционизирующее влияние на весь ход мировой истории. Не менее важное значение имеет и непрерывное усиление классовой борьбы пролетариата капиталистических стран против гнета монополий.

Все это заставляет буржуазию менять тактику, прибегать к более завуалированным методам и формам эксплуатации рабочего класса. Однако это вовсе не означает, что периоду научно-технической революции присуще полное забвение всех применявшихся до ее начала «старых», традиционных методов и форм капиталистической эксплуатации труда. Напротив, новые, современные методы и формы угнетения рабочего класса в значительной степени покоятся на традиционных. Более того, большинство из них представляет собой своеобразный симбиоз модифицированных старых и родившихся в ходе НТР новых форм эксплуатации труда. При этом по эффективности своего воздействия на рабочую силу они, как правило, значительно превосходят те и другие вместе взятые. Главная причина такой действенности современных методов и форм эксплуатации труда заключается в том, что в их основе лежит постоянное и довольно частое обновление основного капитала, внедрение новой техники и технологии, то есть коренное изменение одного из важнейших элементов производительных сил. Это порождает экономическую необходимость более быстрого и эффективного использования оборудования, сроки морального износа которого в условиях НТР сокращаются буквально на глазах. А это в свою очередь обуславливает более завуалированные, но вместе с тем жестокие и беспощадные формы и методы эксплуатации наемного труда.

Прогрессивный японский экономист С. Судзюка, говоря о методах эксплуатации японского пролетариата в ходе порожденных НТР новых аспектов рационализации производства, констатирует: «...Осуществляемая ныне в Японии «рационализация производства» характеризуется крайне жестокой сущностью и такими же методами ее претворения в жизнь. Это объясняется тем, что в ходе ее развития искусно сочетаются «современные» американские и традиционные японские формы эксплуатации труда»<sup>18</sup>. При этом практика показывает, что такой симбиоз отнюдь не является простым соединением вышеуказанных форм, а порождает собой качественно новые, специфические для Японии формы и методы эксплуатации наемного труда. Один из авторов японского многотомного исследования проблем труда Х. Хасэгава, анализируя этот вопрос, в частности, подчеркивает: «Сочетание новых американских систем контроля над трудом и старых японских методов эксплуатации рабочей силы отнюдь не означает их простого «горизонтального соединения». Напротив, в конечном итоге это означает не что иное, как «японизацию» американских систем, или, иначе говоря, их дальнейшее развитие применительно к японским условиям»<sup>19</sup>.

<sup>18</sup> С. Судзюка. Гэндай-но горика (Современная рационализация). Токио, 1969, стр. 88.

<sup>19</sup> Родокумиай ундо-но рирон (Теория профсоюзного движения). Под ред. М. Хорие, т. 3. Токио, 1969, стр. 296.

Речь идет, стало быть, о своеобразных японизированных системах организации труда, представляющих собой симбиоз старых и новых, отечественных и зарубежных методов эксплуатации рабочего класса. В условиях НТР многие из них, как уже отмечалось выше, по своей сути превращаются в качественно новые методы и формы эксплуатации пролетариата.

Важнейшей экономической формой эксплуатации рабочего класса Японии всегда были и продолжают оставаться различные изощренные системы заработной платы. Несмотря на наличие в них отдельных нюансов, их классовая сущность едина. Она сводится к тому, чтобы заплатить рабочему как можно меньше, а выжать из него как можно больше. Так характеризуют действующие в Японии системы заработной платы все объективные исследователи этой проблемы, в том числе и сами японские специалисты<sup>20</sup>.

Развитие НТР, выражающееся прежде всего в непрерывном обновлении техники и технологии, во все более широкое внедрение автоматизации и компьютеризации производства, заставило японских предпринимателей наряду с применением традиционных систем оплаты труда искать новые, более эффективные методы экономического воздействия на рабочих, методы, направленные на то, чтобы побудить их трудиться с еще большей отдачей мускульной и нервной энергии.

Результаты специальных обследований, ежегодно проводимых министерством труда, говорят о том, что в последние годы все большее число предприятий отказывается от традиционных японских систем оплаты рабочей силы (по возрасту и стажу работы на данном предприятии) и переходит к современным формам заработной платы, в основе которых лежат принципы оплаты по количеству и качеству труда, то есть по эффективности и результатам последнего. Согласно этим обследованиям, только за период с 1970 по 1974 г. доля предприятий, применяющих традиционные формы зарплаты, сократилась с 17,8% до 11,3%, а внедривших у себя новые формы оплаты рабочей силы — увеличилась с 27,9% до 47,9%. Если в 1970 г. доля рабочих и служащих, охваченных новыми системами зарплаты (по результатам труда), не достигала  $\frac{2}{5}$  (39,8%), то в 1974 г. она составила уже более половины (51,6%) всех наемных работников, занятых на указанных предприятиях. Одновременно уменьшилась доля рабочих и служащих, охваченных традиционными системами зарплаты (с 16,1% до 10,8%). Весьма характерным является также неуклонное сокращение удельного веса предприятий и наемных работников, охваченных комбинированными системами заработной платы<sup>21</sup>.

Наряду с экономическими формами воздействия на наемную рабочую силу, важное значение для японских монополий всегда имели организационно-технические методы эксплуатации труда. Научно-техническая революция на японской почве ознаменовалась в этом отношении рядом новшеств. Она модифицировала, в частности, старые и породила новые организационно-технические методы и формы эксплуатации рабочего класса.

К числу важнейших и наиболее распространенных на японских предприятиях организационно-технических методов эксплуатации наемного труда, возникновение и применение которых так или иначе обусловлено развитием НТР, следует отнести такие, как система уп-

<sup>20</sup> См. например, Т. Курокава. Нихон-но тэйтингин кодзо (Структура низкой заработной платы в Японии). Токио, 1964, стр. 424—425.

<sup>21</sup> Родо токэй ёран. 1973, стр. 166; 1976, стр. 145.

лотнения рабочего времени и связанное с ней формальное сокращение, а фактическое удлинение рабочего дня; все более широкое применение сменных работ; принцип предпочтения немногих лучших работников; автоматизация, компьютеризация и конвейеризация производства.

Наряду с экономическими и организационно-техническими формами и методами эксплуатации японского пролетариата, серьезные эксплуататорские функции выполняет также система контроля над трудом. Она является важнейшей составной частью общей системы управления производством. Ее главная цель заключается в том, чтобы путем идеологического воздействия заставить наемных работников трудиться с наибольшей отдачей сил. В зависимости от конкретных условий это достигается различными средствами.

До поражения японского милитаризма во второй мировой войне, и особенно в годы войны, «контроль над трудом» осуществлялся в Японии путем прямого и грубого подчинения наемной рабочей силы интересам капитала. Этому способствовала, в частности, широко распространенная тогда на предприятиях полудеспотическая система промышленного патернализма с ее возведенными в ранг государственной политики неписаными законами «предприниматель — отец, рабочие — дети», «долг отца — повелевать, долг детей — повиноваться». В основе этой системы лежали такие традиционные принципы японской морали, как «гири» (взаимные обязанности), «ниндзё» (взаимное уважение) и другие.

В результате военно-политического краха японского милитаризма во второй мировой войне в стране произошли серьезные демократические преобразования, которые по их значению можно приравнять к результатам радикальной буржуазно-демократической революции. Под давлением поднявшегося на небывалую высоту мощного демократического и рабочего движения в стране была принята новая конституция, впервые в истории Японии провозгласившая основные демократические и политические права народа; введен в действие ряд важных законов о труде, регулирующих отношения между трудом и капиталом; впервые принят «закон о профсоюзах», разрешивший легальное существование рабочих организаций и т. д. Осуществлению этих важных демократических реформ в значительной степени способствовала также чрезвычайно благоприятная внешняя обстановка, сложившаяся в мире в результате разгрома германского фашизма и японского милитаризма, и прежде всего образование мировой системы социализма, оказывающей революционизирующее влияние на развитие всей мировой истории.

Новые условия заставили японский монополистический капитал изменить методы и формы эксплуатации рабочего класса, в том числе и методы контроля над трудом. Грубое, насильственное подчинение труда интересам капитала постепенно сменилось завуалированными формами и методами действия, что не исключает и открытой идеологической обработки пролетариата.

В связи с этим следует особо отметить тот факт, что по сравнению с США и странами Западной Европы становление новых, современных форм и методов контроля над трудом в Японии в силу вышеуказанных исторических причин отстало примерно на три десятилетия. Как подчеркивают японские ученые, в США и странах Западной Европы переход от старых форм контроля над трудом, основанных на грубом подчинении труда капиталу, к современным формам завершился в основном в 20-х годах нашего века. В Японии же модернизация форм контроля над трудом началась только с наступлением

50-х годов, и лишь с середины указанного десятилетия, то есть с начала научно-технической революции на японской почве, «...можно говорить о создании послевоенной японской системы контроля над трудом, имеющей ряд специфических черт»<sup>22</sup>. Это обстоятельство, естественно, не могло не наложить определенного отпечатка на действующую сейчас в Японии систему контроля над трудом. При всей ее специфичности ей присущи многие заимствованные, в частности, американские, черты. В значительной степени это объясняется и такими факторами, как тесные деловые связи и постоянный обмен опытом управления предприятиями между японскими и американскими монополиями, непосредственная деятельность последних на японской территории, наглядная пропаганда ими своих управленческих методов и т. д.

Идеологическую основу и теоретический фундамент современной японской системы контроля над трудом составляют американские идеи, и в частности идеи управления, выдвинутые в послевоенные годы буржуазными социологами США. Японский прогрессивный экономический журнал «Кэйдзай» подчеркивает в связи с этим, что действующая сейчас в Японии система контроля над трудом «...в теоретическом отношении основана на так называемой «науке о поведении», представляющей собой идеологию американского империализма, разработанную после второй мировой войны по заказу американских монополий и при их огромной финансовой помощи»<sup>23</sup>.

Следует подчеркнуть, что заметная американизация современной японской системы контроля над трудом не уничтожила ее специфики, то есть характерных черт, присущих лишь Японии. Это объясняется главным образом тем, что в стране все еще довольно живучи традиционные принципы старой японской морали «гири», «ниндзё» и другие, которые продолжают умело использоваться японскими монополиями в своих классовых интересах.

Действующая сейчас в Японии система контроля над трудом представляет собой симбиоз модифицированных традиционных и порожденных НТР, новых методов и форм идеологической обработки пролетариата со стороны монополий. Иначе говоря, она сочетает в себе элементы патерналистского абсолютизма и так называемого «промышленного демократизма», изобретенного современными буржуазными социологами. Провозглашая формальное равноправие между трудом и капиталом в рамках отдельного предприятия, этот «промышленный демократизм» призван затушевать эксплуататорскую сущность контроля над трудом в новых условиях. С этой целью в его основу положен принцип «предприятие — единая семья», представляющий собой несколько видоизмененный и демократизированный старый принцип «предприниматель — отец, рабочие — дети».

Такова современная система эксплуатации рабочего класса Японии — система порабощения наемного труда в условиях научно-технической революции. Существование и функционирование этой системы подтверждает правильность марксистско-ленинского вывода о том, что при капитализме даже внедрение новой техники, призванной в принципе облегчить условия труда, в конечном итоге оборачивается против рабочего класса, превращая его в объект еще более жестокой капиталистической эксплуатации. Все это в свою очередь свидетельствует о неразрешимости антагонистических противоречий капиталистического общества, и прежде всего — противоречия между трудом и капиталом.

<sup>22</sup> Рому канри рон (О контроле над трудом). Токно, 1971, стр. 261.

<sup>23</sup> «Кэйдзай», 1970, № 8, стр. 27.

## Философская школа «Цзися»

Ф. С. Быков,  
кандидат исторических наук

Исторический процесс развития древнекитайской общественно-политической и философской мысли традиционно рассматривается в рамках круга идей и представлений основных идеологических школ и направлений, классификация которых приводится в библиографических разделах официальных династийных историй начиная с эпохи Хань.

Одни школы получили свои названия по именам основоположников или крупнейших представителей (например, школы последователей Конфуция и Мо-цзы), определения других школ даны по главным принципам того или иного учения (например, даосы — сторонники учения о «дао», легисты — последователи учения о «фа» — законе, натурфилософы, логики-софисты и т. д.).

Такое выделение школ не только условно, но и часто противоречит свидетельствам первоисточников. Вместе с тем хорошо известны материалы о существовании в Древнем Китае философской школы, не отмеченной в традиционной классификации. Речь идет о школе «Цзися».

Сведения о школе «Цзися» крайне лапидарны. Известно только, что в IV—III вв. до н. э. на протяжении немногим более ста лет город Линьцзы — столица одного из древнекитайских государств периода Чжаньго—Ци (на территории современной провинции Шаньдун) — оставался центром встреч ученых и мыслителей. Здесь они проводили диспуты, выступали с изложением своих учений. Встречи проходили у западных ворот города, известных под названием Цзи (отсюда и название школы — «Цзися»). Постройки в этом районе города, по свидетельству источников, были отведены под «дворец наук Цзися», или «академию Цзися».

Линьцзы по праву считался одним из крупнейших городов того времени. В нем процветали торговля и различные ремесленные производства, он хорошо известен и как культурный центр Древнего Китая. В городе проживало свыше 70 тыс. семей<sup>1</sup>. По словам древнекитайского историка Сыма Цяня, «сотни, тысячи» ученых «Цзися» пользовались большим почетом и уважением. В своих «Исторических записках» Сыма Цянь отмечает, что 76 последователям мыслителей школы «Цзися» был пожалован высокий титул сановника — «дафу», хотя они и не занимались государственными делами.

О широкой известности и популярности школы свидетельствует, например, тот факт, что ее посетил Мэн-цзы (372—289 гг. до н. э.) — самый ортодоксальный последователь учения Конфуция и один из осново-

<sup>1</sup> См. Ян Куань. История периода Чжаньго. Шанхай, 1955, стр. 47.

положников конфуцианства. Несколько позднее в школе «Цзися» получил образование и провел несколько лет другой крупнейший философ Древнего Китая — Сюнь-цзы, учение которого носит явные следы влияния построений и взглядов мыслителей из «Цзися».

По своему характеру собрания древнекитайских ученых в «Цзися» напоминают такие философские школы, как Портик стоиков, платоновская Академия, аристотелевский Ликей, Сад Эпикура. Названные школы античности разрабатывали каждая определенную систему взглядов, развивали учение создателя и основоположника соответствующей школы. Можно ли говорить, что такое положение характерно и для «Цзися»? Если да, то каково было определяющее учение для мыслителей из «Цзися», какие основные проблемы находились в центре их внимания?

Для ответа на поставленные вопросы обратимся к характеристике первоисточников и главных свидетельств о взглядах и учениях мыслителей рассматриваемой школы.

Из представителей школы «Цзися» наибольшей известностью пользовались Сун Цзянь, Инь Вэнь, Шэнь Дао, Хуань Юань, Цзоу Янь и некоторые другие. Во всяком случае, ссылки на их высказывания и упоминания их имен встречаются чаще других. В библиографическом разделе «Истории Хань» («Ханьшу» — I в. н. э.) перечисляются их произведения, однако они не сохранились до наших дней. Известные в настоящее время такие трактаты, как «Инь Вэнь-цзы» и «Шэнь-цзы», отдельные исследователи пытаются использовать для анализа представлений школы «Цзися», однако большинство ученых считает их неаутентичными текстами, позднейшими фальсификациями.

Общее мнение сводится к тому, что важнейшим первоисточником о школе «Цзися», бесспорно, следует считать свидетельства трактата «Гуань-цзы».

Многие древнекитайские философские памятники, как правило, называются по имени их предполагаемого автора. Традиция утверждает, что и трактат «Гуань-цзы» написан политическим деятелем Гуань Чжунем, или Гуань-цзы (VII в. до н. э.). Однако давно установлено, что текст «Гуань-цзы» принадлежит не одному автору и не мог быть написан в период жизни Гуань Чжуна. По существу, трактат представляет собой свод произведений различных авторов, живших в период Чжаньго и даже несколько позже.

Сохранилось свидетельство о составлении и редактировании этого свода ханьским ученым Лю Сяном (I в. до н. э.). Он сообщил о нескольких собраниях сочинений мыслителей из «Цзися», насчитывавших в общей сложности 564 главы. После редактирования и «устранения повторений» был подготовлен текст из 86 глав, которые были объединены под общим названием «Гуань-цзы». К настоящему времени десять глав из этого текста утеряно.

При оценке материалов из «Гуань-цзы» считается бесспорным, что они в своей основе связаны с учениями мыслителей из школы «Цзися». На основе филологического анализа некоторые исследователи считают возможным определять отдельные главы из «Гуань-цзы» как произведения крупнейших представителей школы «Цзися» — Сун Цзяня и Инь Вэня. Однако по данному вопросу существуют различные точки зрения<sup>2</sup>.

Помимо «Гуань-цзы» источником наших сведений о школе «Цзися» могут служить свидетельства из главы «Тянься» трактата «Чжуан-цзы»

<sup>2</sup> Подробнее см. нашу работу: Зарождение общественно-политической и философской мысли в Китае. М., 1966, стр. 156.

(IV в. до н. э.)<sup>3</sup>, книга «Сюнь-цзы»<sup>4</sup>, а также материалы из «Хань Фэй-цзы» и «Люши Чуньцю» (III в. до н. э.)<sup>5</sup>.

В научной литературе спор идет не только о произведениях мыслителей из «Цзися», но и об основной направленности их учений, их идейных связях с различными представителями общественно-политической и философской мысли рассматриваемого периода.

По данному вопросу высказывались самые различные, порой взаимоисключающие мнения. Достаточно сказать, что философов из «Цзися» причисляли к последователям Конфуция и Мо-цзы, их называли легистами и сторонниками школы «натурфилософов», но чаще всего их относили к продолжателям даосизма.

Такое разнообразие оценок объясняется прежде всего условностью и противоречивостью самой традиционной версии о школах в древнекитайской философии, фрагментарностью свидетельств о школе «Цзися» и сложным составом основного источника о школе «Гуань-цзы». Расхождения с традицией отмечал еще В. М. Штейн в своем исследовании трактата «Гуань-цзы». Он писал, что после того как «в течение долгого времени начиная с VI в. н. э. трактат «Гуань-цзы» единодушно признавался произведением, которое по всему строю заложенных в нем идей должно быть отнесено к школе легистов, современные китайские авторы с таким же единодушным игнорируют «Гуань-цзы» при рассмотрении работ легистского направления»<sup>6</sup>.

Более обоснованным на первый взгляд выглядит утверждение о мыслителях из «Цзися» как сторонниках даоского направления. Например, в «Исторических записках» Сыма Цяня и в «Истории ранней династии Хань» Бань Гу довольно часто говорится о философах из «Цзися», как последователях учения «Хуан-Лао», то есть Хуан-ди и Лао-цзы. Для отождествления такого определения с существующим понятием школы древнего даосизма нет оснований. Достаточно сказать, что Чжуан-цзы, учение которого вместе с представлениями трактата «Даодэцин», приписываемого Лао-цзы, считается основополагающим для даосизма, не причислял школу «Цзися» к даоскому направлению.

По нашему мнению, мыслители из «Цзися» составляют самостоятельную школу в развитии древнекитайской философии. При этом, естественно, нельзя отрицать факта влияния и использования ими отдельных положений предшествующих учений Конфуция и Мо-цзы, заимствования и развития натурфилософских воззрений, зафиксированных в таких памятниках, как «Гююй» и «Цзочжуань».

Школа «Цзися», по-видимому, подготовила основу главного даоского трактата «Даодэцин» и оказала сильное воздействие на формирование мировоззрения Чжуан-цзы, что отнюдь не исключает возможности того, что в книгах «Даодэцин» и «Чжуан-цзы» представлены и развиваются идеи и взгляды более раннего периода.

Основанием для такого предположения является тот факт, что материалы о взглядах мыслителей школы «Цзися» обнаруживают поразительное сходство их отдельных высказываний с построениями «Даодэцина» и «Чжуан-цзы». Однако многие формулировки в «Гуань-цзы» все же текстуально не совпадают с высказываниями названных даос-

<sup>3</sup> См. Л. Д. Позднеева. Атеисты, материалисты, диалектики Древнего Китая. М., 1967, стр. 314—321.

<sup>4</sup> См. В. Ф. Феоктистов. Философские и общественно-политические взгляды Сюнь-цзы. М., 1976, стр. 187—189.

<sup>5</sup> См. соответствующие разделы в кн.: Древнекитайская философия, т. 2. М., 1973.

<sup>6</sup> В. М. Штейн. Гуань-цзы. Исследование и перевод. М., 1959, стр. 120.

ких сочинений. Очевидно, что материалы из «Гуань-цзы» относятся к более раннему времени, они созданы до того, как сложились основные части «Даодэцзина» и «Чжуан-цзы». Да и с точки зрения логики развития идей построение, особенно трактата «Даодэцзин», следует рассматривать как следующий этап после учений школы «Цзися», что особенно заметно при анализе отдельных положений школы.

Философов из «Цзися» объединяет глубокий интерес к единой проблематике, в подходе и решении которой у них обнаруживается много общего. Помимо изучения социально-политических и этических проблем, которые оставались в центре внимания многих древнекитайских философов, школа «Цзися» ставила и разрабатывала многие вопросы натурфилософии. Отметим их представления о «дао», или «пути», как сущности и основе мира явлений и вещей, о первоначальной «ци» со свойственным ей взаимодействием сил «ян» и «инь», о первоначалах, или «стихиях», природы как первоосновах и источнике многообразия окружающего человека мира. Именно постановкой этих проблем прежде всего определяется вклад школы «Цзися» в развитие китайской философии.

Всесторонняя характеристика различных сторон мировоззрения и взглядов мыслителей из «Цзися» заслуживает самостоятельного исследования. Остановимся лишь на анализе главных моментов их учения.

Центральными и основными понятиями мыслителей школы «Цзися» являются «дао» и особенно «ци». Первым из них как определением этического порядка широко пользовались Конфуций, Мэн-цзы и другие древнекитайские философы.

Для Конфуция, например, понятие «дао» означало этический путь человека и государства, оно не имело натурфилософского значения и по своему содержанию не выходило за рамки морального учения.

Мэн-цзы уже говорил о двух видах «дао» — пути. Один — путь Неба, который сводится к истине, искренности, другой — путь человека, который означает размышление об истине, стремление к нравственному самоусовершенствованию, что возможно лишь благодаря «синь» («сердцу») — разуму. Таким образом, и у Мэн-цзы «дао» сводится преимущественно к этическому понятию.

В отличие от конфуцианского подхода мыслители школы «Цзися» употребляли понятие «дао» главным образом в его онтологическом, натурфилософском значении.

«Дао» объявлялось основой и сущностью мира явлений и вещей. Оно — «солнце на небе и сердце у человека», «дао можно считать началом Поднебесной»<sup>7</sup>. Это начало имеет всеобщий характер, бесконечный в своих проявлениях и свойствах, им «заполнен весь мир». «Дао находится в мире (букв.: «Между небом и землей»), оно так велико, что не имеет внешних (пределов), и так мало, что не имеет внутренних (пределов). Поэтому сказано: оно недалеко, но трудно достижимо»<sup>8</sup>.

В тексте «Гуань-цзы» дается широкий набор многообразных характеристик «дао». «Дао велико, как небо, необъятно, как земля, тяжело, как камень, легко, как перья». Оно находится в постоянном «движении, но не видно его форм, в осуществлении, но не видно его проявлений. Множество вещей получено благодаря дао, но никто не знает его пределов»<sup>9</sup>.

<sup>7</sup> Дай Ван. Редакция и исправление текста Гуань-цзы. Собрание произведений древних мыслителей, т. 5. Пекин, 1954, стр. 64, 219 (далее — Гуань-цзы).

<sup>8</sup> Там же, стр. 220.

<sup>9</sup> Там же, стр. 221.

Как творческое начало мира природы и человека, «дао» бесконечно в своих проявлениях, но последние неадекватны ему. «Дао лишено корня, стебля, листьев, цветов. Благодаря ему происходит рождение и становление всего множества вещей»<sup>10</sup>.

Подобные высказывания часто встречаются и в «Даодэцзине», где они, однако, органически связаны с более развитой системой представлений, в частности с проблемой соотношения бытия и небытия, как выражений деятельности «дао». Такую постановку вопроса мыслители школы «Цзися», по существу, не рассматривали, и, следовательно, именно в «Даодэцзине» обнаруживается развитие идей школы.

Возвращаясь к определению понятия «дао», необходимо отметить, что в материалах школы «Цзися», сохранившихся в трактате «Гуань-цзы», постоянно подчеркивается мысль о недоступности «дао» чувственным восприятиям. «Дао — это то, что рот не может назвать, глаза не могут увидеть, уши не могут услышать... Люди теряют дао со смертью, а обретают с рождением, явления утрачивают дао с уничтожением, а приобретают в (процессе) становления»<sup>11</sup>.

В одном из высказываний в «Гуань-цзы» «дао» названо неопределенным «нечто», на которое смотришь, но не видишь, слушаешь, но не слышишь. Однако только благодаря этому «нечто», или, как сказано в другом отрывке из «Гуань-цзы», «единому», существует «небо и земля, приходят в движение все вещи и явления»<sup>12</sup>.

Самовыражения «дао» связаны не только с миром природы, они распространяются на самого человека и общественную жизнь. В «Гуань-цзы» сказано: «Ритуал в обществе есть проявление дао. Долг есть то, благодаря чему все люди действуют в соответствии со своим положением. Ритуал есть правила этикета, выработанные в соответствии с отношением людей и их чувством долга. Поэтому ритуал означает определенный порядок, а определенный порядок выражает смысл долга. Таким образом, ритуал происходит от чувства долга, чувство долга — от существующего порядка, а основой существующего порядка служит дао. Возникающее вместе (со всеми этими понятиями) законодательство носит принудительный характер. Посредством таких мер, как казнь, тюремное заключение, запрещение, ограничение, оно устанавливает единый (для всех) порядок). Таким образом, (законом) контролируются все дела, а само законодательство опирается на власть. Власть же происходит от дао»<sup>13</sup>.

В приведенном отрывке четко зафиксирован тезис о зависимости всех общественных установлений от активности и деятельности «дао». Если следовать традиционным критериям, то в данном примере, казалось бы, выражены идеи конфуцианские, легистские, даоские. Но здесь нет смешения взглядов различных школ, так как отдельные высказывания (как бы внешне они ни были близки к утверждениям других философских направлений) органически связаны в одно целое в оригинальной системе представлений школы «Цзися».

Определяя «дао» и как высший принцип жизни человека и общества, философы из «Цзися» подчеркивали, что существующие в стране порядки и формы управления не есть дао, хотя и имеют в нем свои корни<sup>14</sup>. Человек не может подчинить и управлять «дао», он обязан ему

<sup>10</sup> Гуань-цзы, стр. 269.

<sup>11</sup> Там же.

<sup>12</sup> Там же, стр. 226.

<sup>13</sup> Древнекитайская философия, т. 2. М., 1973, стр. 28—29.

<sup>14</sup> См. там же, стр. 40.

лишь следовать. Все зависит от степени соответствия, приближения к «дао», или, как говорили мыслители из «Цзися», «употребления» «дао». «Тому, кто полностью осуществляет (дао), подчиняется вся Поднебесная. От того, кто совершенно игнорирует (дао), отворачивается народ, и он не сможет избежать гибели»<sup>15</sup>.

Социально-политические взгляды школы «Цзися» затрагиваются в данном случае лишь с целью показать многообразие, емкость понятия «дао», которое раскрывается и еще через один важный термин — «дэ».

«Дао» обнаруживает себя посредством так называемого «дэ» — проявлений или качеств, свойств, присущих явлениям и вещам. «Дэ» — это то, что вещи и явления приобретают с рождения и в процессе своего возникновения и развития. Между «дао» и «дэ» в их творческой, созидательной активности не существует различий<sup>16</sup>.

Основным принципом многочисленных выражений «дао» объявляется «увэй» — «недеяние» или «отсутствие действия». Однако по своему существу «увэй» сводится к действиям сообразно с естественным процессом развития, когда ничего нельзя прибавить или убавить и когда недопустимо какое-либо постороннее вмешательство.

Представления школы «Цзися» о «недеянии» получили свое развитие в «Даодэцзине», построения которого положили начало широко распространенным в даоских концепциях идеям квиетизма, созерцательности, пассивности по отношению к внешнему миру, фаталистического детерминизма.

Приведенные выше высказывания из «Гуань-цзы» иллюстрируют подход к «дао» как первооснове, источнику, сущности мира природы и человека. Однако в них нет достаточно четкого определения характера самого понятия «дао».

В какой-то степени ответ на поставленный вопрос можно найти в учении школы «Цзися» о «ци» (букв.: дыхание, пар, воздух) — основном материале природы. «Ци» весьма емкое, с широким содержанием понятие, которому очень трудно дать однозначный перевод. По справедливому замечанию Фэн Ю-ланя, понятие «ци» широко использовалось в истории китайской философии (примером может служить и школа «Цзися») как определение мельчайших, находящихся в постоянном движении материальных частиц, которые непрерывно то группируются, то рассеиваются, определяя тем самым появление и исчезновение всех явлений и вещей многообразной действительности<sup>17</sup>.

У мыслителей из «Цзися» через понятие «ци» раскрывается сущность «дао» как первоосновы мира. Но предварительно следует сказать несколько слов о самом «ци».

В матерналах из «Гуань-цзы» говорится: «При наличии ци возникает жизнь, а при отсутствии ци наступает смерть. Жизнь (рождение) осуществляется через ци»<sup>18</sup>.

«Ци ведет к возникновению жизни, жизнь — мышления, мышление — знания»<sup>19</sup>.

Таким образом, духовная деятельность зависит от развития материальной первоосновы — «ци». Последняя существует в двух нераз-

<sup>15</sup> Там же, стр. 36.

<sup>16</sup> См. Гуань-цзы, стр. 221—222.

<sup>17</sup> Фэн Ю-лань. Сборник статей по истории китайской философии. Шанхай, 1962, стр. 127 и сл., 136.

<sup>18</sup> Гуань-цзы, стр. 64.

<sup>19</sup> Гуань-цзы, стр. 270.

ривно связанных проявлениях. Легкое, светлое «ян», как выражение активности Неба, называется «ян», а тяжелое, мутное «ци», как выражение деятельности Земли, называется «инь». Совершается бесконечный процесс изменений и превращений в мире явлений и вещей, но «ци» остается неизменным<sup>20</sup>.

Большая роль отводилась «цзин» — сокровенной, наиболее совершенной части «ци», ее своеобразной квинтэссенции. «Цзин» совершенное — это то, что образуется из «ци»<sup>21</sup>. Именно благодаря ему происходит появление человека.

«Для человека жизнь — это когда Небо проявляет совершенное, а Земля — свои формы. В этих связях образуется человек. При гармонии (Неба и Земли) возникает жизнь. Отсутствует гармония, отсутствует и жизнь»<sup>22</sup>.

Мыслители из «Цзися» устанавливали существование и другой разновидности «ци». Ею является так называемое «лин-ци» — «ци души».

«Ци души находится в сердце. Оно то проходит, то уходит»<sup>23</sup>. Жизнедеятельность организма полностью зависит от «лин-ци».

Однако вернемся к проблеме соотношения понятий «дао» и «ци». Оказывается, что в своих главных чертах они выступают как адекватные определения. Так, например, «ци» настолько «мало», что не имеет внутренних (пределов), и так велико, что не имеет внешних (пределов)<sup>24</sup>. Но выше мы уже отмечали, что такую же характеристику имеет и «дао». Если «ци» — это то, что «наполняет тело», то и «дао» является тем, что «наполняет формы»<sup>25</sup>. Следовательно, между «дао» и «ци» как материальными первоосновами мира нет существенных различий. Чем же тогда можно объяснить употребление двух терминов? Вероятно, главная причина заключается в том, что «дао» не сводится лишь к значению «первоосновы». Одновременно оно имеет и другое не менее важное значение — естественной закономерности<sup>26</sup>. Такой подход к пониманию «дао» также получил широкое развитие в последующих построениях многих китайских мыслителей.

Мыслители школы «Цзися», как уже отмечалось выше, «дао» называли «единым», или «единством», подчеркивая тем самым его всеобщий характер. Такой подход особенно характерен для построенной в «Люйши Чуньцю» (III в. до н. э.), которые имеют много общего с идеями мыслителей из «Цзися». Согласно концепции «Люйши Чуньцю», «дао», или «великое единство», проявляет свою активность через взаимодействие сил «инь» и «ян» в процессе смены четырех времен года. «Великое единство создает Небо и Землю, Небо и Земля создают ян и инь. В изменениях и превращениях (ян и инь) то поднимаются, то опускаются. Они сочетаются и образуют формы (вещей). В состоянии хаоса (инь и ян) то разъединяются и вновь сочетаются, то сочетаются и вновь разъединяются. Это называется постоянством природы (Неба)». И далее сказано, что «все вещи начинаются и создаются в Великом единстве, изменяются благодаря инь и ян»<sup>27</sup>.

<sup>20</sup> См. Гуань-цзы, стр. 270.

<sup>21</sup> См. там же.

<sup>22</sup> Там же, стр. 272.

<sup>23</sup> Там же.

<sup>24</sup> Там же.

<sup>25</sup> Там же, стр. 221, 269.

<sup>26</sup> См. Фэн Ю-лань. Сборник статей по истории китайской философии, стр. 136—137.

<sup>27</sup> Люйши Чуньцю. — Собрание произведений древних мыслителей. Пекин, 1954, т. 6, стр. 46.

В данном примере находят выражение обе стороны понятия «дао» как сущности, субстанции и как естественной закономерности природы. Начало такому подходу положили последователи школы «Цзися». Позднее онтологическое содержание «дао» развивали Чжуан-цзы и Лао-цзы, у которых «дао» начинает выступать как некий надмировой абсолюте. Идея о «дао» как естественной закономерности была выделена особенно в учении Сюнь-цзы.

Наряду с учением о «дао» и «ци» мыслители из «Цзися» предлагали и другую систему объяснения многообразия мира. Она нашла свое выражение в концепции Цзоу Яня о пяти «стихиях», или первоэлементах природы. Принципиальных различий между указанными системами нет. Вместо понятия о неопределенной первооснове «ци» выдвигалось представление о пяти качественных видах «ци», о пяти «стихиях» — земля, дерево, металл, огонь, вода. Тем самым появлялась возможность дать более всестороннее объяснение многообразия мира природы и человека.

Следует отметить, что в трактате «Гуань-цзы» сохранились сведения о распространенном в конце периода Чжаньго учении, аналогичном учению древнегреческого мыслителя Фалеса. В нем первоосновой и сущностью мира объявлялась «вода». К сожалению, имеющиеся материалы не дают прямых доказательств о связи этого учения со школой «Цзися», и в частности с концепцией Цзоу Яня. Тем не менее оно имело своих сторонников и последователей даже во II в. н. э.<sup>28</sup>

Сведения о жизни и деятельности Цзоу Яня, как и о других представителях школы «Цзися», носят крайне разрозненный, отрывочный характер. Он жил приблизительно в конце IV — начале III в. до н. э. Источники выделяют его как мыслителя и ученого, который занимался различными проблемами натурфилософии, проявлял глубокий интерес к изучению географии и истории.

Согласно сообщениям Сыма Цяня и Бань Гу, Цзоу Янь являлся автором нескольких сочинений, и в них подробно изложены принципы его учения. Однако они, к сожалению, не сохранились и утеряны еще в древности. Фрагменты его сочинений и отдельные высказывания представлены в «Люйши Чуньцю», в «Исторических записках» Сыма Цяня и в «Истории династии Хань» Бань Гу. Кроме того, материалами об учении Цзоу Яня и его последователей могут служить данные из главы «Хун-фань» — «Великий план» книги «Шицзин» и глав «Юэлин» и «Лиюань» из «Лицзи».

Насколько отражена в указанных трех главах система собственно Цзоу Яня, в настоящее время выяснить не представляется возможным. Они интересны главным образом тем, что объясняют учение о пяти «стихиях» природы — одного из главных в теории Цзоу Яня. В этом плане, несомненно, заслуживают внимания и свидетельства из «Гуань-цзы» о пяти первоэлементах природы и их взаимодействии с временами года.

По свидетельству Сыма Цяня, высказывания Цзоу Яня «обширны и необыкновенны». Он собирал сведения о горных хребтах и вершинах, о больших реках и потоках, о птицах и зверях, живущих в воде и на земле, о других странах и так далее.

Цзоу Янь выступал против распространенных в его время представлений о Китае — «Среднем государстве» — как воплощении всего мира, или, как тогда говорили, «Поднебесной» («тянься»). Широкое развитие торговых связей, мореплавания — особенно в царстве Ци, на

<sup>28</sup> См. Ду Го-сян. Собрание произведений. Шанхай, 1962, стр. 355—360.

родине Цзоу Яня, — значительно обогатило знания древних китайцев об окружающем мире.

Он считал, что в мире существует девять больших материков, разделенных каждый на девять областей. Все материки омываются морями и окружены великим океаном. Земля имеет форму круга, образуемого соединением неба с водами океана. Каких-либо дальнейших объяснений географической схемы Цзоу Яня источники не приводят. Несмотря на всю ошибочность и наивность подобных взглядов, они явились основой для дальнейшего развития географии в Китае.

Согласно методу Цзоу Яня, при изучении явлений и вещей необходимо идти от малого к большому; познав настоящее, можно по аналогии узнать глубокую древность. Так, последовательно, человек приходит к познанию первоначального состояния мира, когда еще не образовались небо и земля. С возникновением неба и земли благодаря действиям пяти «проявлений», или «стихий», природы — воды, огня, дерева, металла, земли — создается все многообразие окружающего мира.

Каждый из пяти первоэлементов обладает своими специфическими качествами и свойствами. Кроме того, «стихии» имеют свои соответствия и выражения в реальной действительности. Например, «воде» соответствуют север, зима, черный цвет, дождь; «огню» — юг, лето, красный цвет, солнечный свет; «дереву» — восток, весна, зеленый цвет, жара; «металлу» — запад, осень, белый цвет, холод; «земле» — центр, конец лета, желтый цвет, ветер и так далее.

Число таких «соответствий» возросло по мере развития представлений о пяти «стихиях», распространяясь на все больший круг явлений, вещей и событий природы и общества.

О свойствах и выражениях «стихий» в главе «Хун-фань» («Великий план»), например, говорится: «Первое — это пять элементов. (Из них) первый называется водой, второй — огнем, третий — деревом, четвертый — металлом, пятый — землей. О воде говорится, что она увлажняет и нисходит; об огне, что он пылает и восходит; о дереве, что оно искривляется и выпрямляется; о металле, что он поддается и изменяется; тогда как природа земли явствует из посева и жатвы. То, что увлажняет и нисходит, производит соленое; то, что пылает и восходит, производит горькое; то, что искривляется и выпрямляется, производит кислое; то, что поддается и изменяется, производит острое; с посевом и жатвой создается сладкое»<sup>29</sup>.

Одни из таких «соответствий» появились как результат практического наблюдения, другие — плод спекуляции, особенно когда «стихии» стали связывать с явлениями психической деятельности человека, устройством его тела, нормами поведения и так далее.

По справедливому замечанию А. Форке, пять первоэлементов изображаются как полуфизические и полуметафизические субстанции<sup>30</sup>. Другими словами, «стихии» природы, с одной стороны, выступают как реальные, физические явления, с другой стороны, они носят абстрактный, отвлеченный характер.

Как творческие начала природы, «стихии» действуют не изолированно. Они вступают в постоянное и непрерывное взаимодействие между собой. Их связи характеризуются отношениями взаимопорождения и взаимопреодоления.

<sup>29</sup> Цит. по: Я. Б. Радуль-Затуловский. Конфуцианство и его распространение в Японии. М. — Л., 1947, стр. 157.

<sup>30</sup> См. А. Forke. Geschichte der alten chinesischen Philosophie. Hamburg, 1927, S. 49.

Порядок взаимопорождения «стихий» следующий: дерево — огонь — земля — металл — вода — дерево, а взаимопреодолевают они друг друга в такой последовательности: вода — огонь — металл — дерево — земля — вода. Например, «дерево порождает огонь», «вода побеждает огонь» и так далее.

Завершается один цикл связей первоэлементов природы и начинается другой. В этом бесконечном круговом процессе взаимодействия и совершается развитие многообразного мира явлений и вещей. «Вещи приходят в движение, образуется зародыш, (затем) возникает жизнь, происходит ее развитие, рост, становление, увядание, гибель и разрушение. Таков путь по кругу»<sup>31</sup>.

Свои представления о пяти «стихиях» природы Цзоу Янь и его последователи соединили с учением о движущих силах инь и ян. До возникновения неба и земли мир находится в состоянии единого «ци» — первоматерии. Чистые, легкие, светлые ее части поднялись вверх и образовали небо, а мутные, тяжелые, темные части «ци» опустились вниз и образовали землю. Движение пяти качественно различающихся видов «ци» — первостихий природы — совершается благодаря вечному и неизменному принципу взаимодействия противоположных сил ян и инь. По словам древнекитайского историка Сыма Цяня, Цзоу Янь глубоко постиг причины изменений и превращений, основанных на возрастании и убывании сил инь и ян.

Дуализм связей ян и инь является выражением взаимодействия неба и земли, солнца и луны, жары и холода, света и тьмы, мужского и женского начал и так далее. Увеличение и уменьшение сил инь и ян происходит в процессе смены четырех времен года.

Особо выделяется роль сил движения как выражений творческой активности неба и земли. В «Люйши Чуньцю» часто встречаются слова о том, что связи инь и ян суть проявления связей неба и земли, а различаются они в смене жары и холода, солнца и луны, дня и ночи<sup>32</sup>.

В трактате «Гуань-цзы» говорится: «Инь и ян есть великий принцип неба и земли, а четыре времени года — великая основа инь и ян»<sup>33</sup>.

Теория Цзоу Яня и его последователей о пяти «стихиях» и силах движения инь и ян имеет много общего с аналогичными построениями мыслителей других народов.

Например, древнегреческий мыслитель Эмпедокл выделял четыре «корня» вещей — земля, вода, воздух, огонь. Они приводятся в движение «враждой» и «дружбой». Последние вместе с четырьмя «корнями» являются материальными началами, обладающими пространственной и телесной характеристикой. Двойственность содержания понятий «вражда» и «дружба» отмечал в свое время Аристотель. Он говорил: «И так же нескладно поступает и Эмпедокл. Место блага занимает у него любовь, но она носит характер начала и в качестве движущей причины (ибо она соединяет вещи), и в качестве материи, ибо это — часть общей смеси»<sup>34</sup>.

Различие между «враждой» и «дружбой», инь и ян заключается в том, что последние выступают главным образом и преимущественно как «движущие причины».

В научной литературе встречаются сравнения инь и ян с идеями зороастризма о борьбе добра и зла, света и тьмы, выраженной в деятельности божественных начал Ахурамазды (Ормузд) и Аримана.

<sup>31</sup> Люйши Чуньцю, стр. 31.

<sup>32</sup> См. там же, стр. 124.

<sup>33</sup> Гуань-цзы, стр. 238.

<sup>34</sup> История философии, т. 1., М., 1940, стр. 83.

Известный немецкий исследователь истории китайской философии А. Форке считает возможным проводить параллель между персидским дуализмом и теорией инь-ян. Однако он не допускает наличия взаимовлияния между ними<sup>35</sup>.

Идея о первоосновах природы, поиски причин движения, изменчивости мира широко представлены и в индийской философии. По мнению Д. Чаттопадхьяя, в истории индийской философии древнекитайским принципам ян и инь соответствуют понятия пуруша и пракрити. Первое представляет мужское, а второе — женское начало в природе<sup>36</sup>.

Приведенные выше примеры даны не для доказательства существования связей, влияния, заимствований между родственными учениями, хотя такая проблема и представляет огромный интерес. Они лишь иллюстрируют общность, совпадения (при наличии известных расхождений) в подходе различных народов к решению аналогичных проблем.

Цзоу Янь и его последователи в своем учении о пяти «стихиях» и силах движения инь-ян разрабатывали онтологические, натурфилософские проблемы. Хотя им и свойственны отдельные мистические высказывания, однако в целом их система взглядов направлена против религиозного мировоззрения.

В заслугу Цзоу Яню следует отнести смелую попытку на основе представлений о круговороте пяти первоэлементов дать объяснение исторического развития человеческого общества. Он говорил, что история совершается по циклам, соответствующим определенной «стихии». Завершается полный круг развития — и история повторяется.

Каждый период истории проходит под знаком действия одного из первоэлементов природы. В «Люйши Чуньцю» говорится, что во времена легендарного правителя Хуан-ди господствующей силой являлось «ци стихии земли», следующий период отмечен торжеством «ци стихии дерева», затем «металла», «огня» и, наконец, «воды»<sup>37</sup>.

Периоды истории отличаются определенными установлениями и учреждениями, символизирующими власть и силу «стихий».

Интересно отметить, что несколько позднее Цинь Шихуан воспользовался учением Цзоу Яня в качестве теоретической основы для доказательства «законности» своего прихода к власти и неизбежности установления династии Цинь как торжества новой «стихии».

Цзоу Янь рассматривал историю как бесконечную смену повторяющихся событий. Однако, на наш взгляд, все же следует подчеркнуть как один из положительных моментов его учения идею о закономерности развития истории, хотя это развитие вне рамок цикла и лишено качественных изменений. Такую оценку теории исторических циклов Цзоу Яня некоторые исследователи считают преувеличенной, считая, что поскольку Цзоу Янь применял свою теорию для обоснования неизбежности возврата к древности, то, следовательно, у него прогресс оборачивался регрессом<sup>38</sup>. Вряд ли есть необходимость в подобной постановке вопроса, с таким же успехом можно утверждать и обратное: что у Цзоу Яня регресс оборачивался прогрессом, так как с возвращением к исходному этапу исторического развития начинается новый цикл поступательной смены одного периода другим.

Заканчивая анализ взглядов Цзоу Яня на историю, остается только сказать, что в период жизни ближайших последователей Цзоу Яня име-

<sup>35</sup> См. А. Форке. *World Conception of the Chinese*. London, 1925, p. 220—221.

<sup>36</sup> См. Д. Чаттопадхьяя. *Локаята даршана. История индийского материализма*. М., 1961, стр. 372—388.

<sup>37</sup> См. Люйши Чуньцю, стр. 126—128.

<sup>38</sup> См. Е. П. С и н и ц ы н. *Бань Гу — историк Древнего Китая*. М., 1975, стр. 13—14.

ла распространение и другая схема исторического процесса. Она зафиксирована в главе «Лиюнь» книги «Лицзи». В настоящее время отсутствуют прямые доказательства связи данной системы с учением Цзоу Яня. Строго говоря, и не в этом дело. Важнее то, что в сравнительно короткий период времени были разработаны два подхода к философии истории, оставивших глубокий след в социологических представлениях китайских мыслителей. Во всяком случае, многие социальные утопии Китая основаны на построениях главы «Лиюнь»<sup>39</sup>.

В ней сообщается о двух главных этапах развития общества — «датун», или «великое единение», и «сяокан», когда господствуют частные интересы. Общество «датун» существовало в глубокой древности. О нем сказано следующее: «Когда осуществлялось Великое дао, Поднебесная принадлежала всем. Для управления Поднебесной избирались мудрые и способные люди. Между людьми царили доверие и дружелюбие. Поэтому люди считали близкими себе не только одних своих родителей и по-отечески относились не к одним только своим детям. Престарелые могли спокойно доживать свой век, взрослые люди находили применение своим способностям, а малолетние получали возможность спокойно подрастать. Все одинокие, вдовы, сироты, бездетные, калеки и больные были окружены заботой; мужчины выполняли свой долг, женщины обладали самостоятельностью; богатства не выбрасывались понапрасну, равно как и не скапливались у отдельных лиц; способности людей использовались полностью и не служили выгодой отдельных лиц. Тогда не было предательства, лжи, интриг, не было грабежей, краж, смут и люди, уходя из дому, не запирали дверей. Это и было обществом датун»<sup>40</sup>.

Согласно концепции главы «Лиюнь», развитие истории должно идти по пути возвращения к состоянию общества «датун».

Хотелось бы подчеркнуть, что мы не связываем социальную теорию главы «Лиюнь» с учениями школы «Цзися» и приводим ее лишь для сопоставления со схемой истории Цзоу Яня.

Уже из приведенного выше краткого анализа, часто ограничиваемого отсутствием достаточно определенных и достоверных материалов, можно заключить, что мыслителей школы «Цзися» отличает оригинальность и глубина в постановке и решении многих проблем. Несомненно, что к объяснению явлений природы они в основном подходили с материалистических позиций. Особое значение имело их учение о «дао» и перво-материи «ци», о пяти «стихиях» природы и силах движения инь и ян. Указанные представления являются ведущими и основными в истории китайской общественно-политической и философской мысли. Одним из важнейших этапов на пути их развития являются воззрения школы «Цзися».

Особенно глубокий след оставило учение Цзоу Яня «о пяти элементах» как о вещественном составе вселенной, господствовавшее не только в китайском, но и в корейском и японском философском и научном мышлении вообще в течение многих столетий вплоть до середины XIX в.<sup>41</sup>.

<sup>39</sup> Это влияние прослеживается вплоть до учения Кан Ю-вэя (1858—1927), автора Датуншу — Книги о великом единении. См. Избранные произведения прогрессивных китайских мыслителей нового времени. М., 1961, стр. 105—134; С. Л. Тихвинский. Движение за реформы в Китае в конце XIX века и Кан Ю-вэй. М., 1959.

<sup>40</sup> Цит. по: Избранные произведения прогрессивных китайских мыслителей нового времени. М., 1961, стр. 111.

<sup>41</sup> См. Я. Б. Радуль-Затуловский. Андо Сэзю — философ-материалист XVIII в. М., 1961, стр. 65; Цой Ик Хан, Хон Ги Му н, Ким Ха Мен. Передовые учения Кореи XVII—XIX вв. Пхеньян, 1956, стр. 38—39.

# КОММЕНТАРИИ

## Сеульское лобби в конгрессе США

*В. И. Денисов,  
кандидат юридических наук*

**В** последние годы в отношениях между Соединенными Штатами Америки и южнокорейским режимом возникало немало недоразумений. Однако нынешний политический скандал можно назвать уникальным: вскрылись факты подкупа сеульским режимом американских конгрессменов. Это беспрецедентное по своему характеру вмешательство во внутренние дела США вызвало бурю негодования в политических и общественных кругах страны.

В Соединенных Штатах уже длительное время раздаются настойчивые голоса против южнокорейского диктатора Пак Чжон Хи, его внутренней и внешней политики. В американских правящих кругах стали открыто говорить о нецелесообразности дальнейшего пребывания войск США в Южной Корее, о необходимости каким-то образом позлить на своего азиатского партнера и заставить его прекратить проведение репрессивной внутренней политики, которая осуждается повсеместно в мире.

Как известно, в течение последних пяти лет Южная Корея находится в условиях чрезвычайного военного положения. За этот период южнокорейский диктатор не только не делал попыток создать хотя бы видимость буржуазно-демократических порядков в стране и ослабить репрессии, но принял ряд новых жестких законодательных актов, направленных на устранение любой критики существующего режима.

С помощью репрессивных мер властям удалось запугать население, расколоть оппозиционные силы. Стремление сковать политическую деятельность студенчества побудило сельскую администрацию создать во всех учебных заведениях «студенческие отряды самообороны». Одновременно в школах, колледжах увеличено время на военную подготовку учащихся. В 1975 г. в Южной Корее была создана новая антикоммунистическая организация — «Совет за национальную безопасность», — в которую вошли представители различных слоев южнокорейского общества, одурманенные пропагандой антикоммунизма.

Усиленная милитаризация страны рассматривается сеульским режимом как одно из важных средств «поддержания стабильности». Снова и снова вытаскивая жупел «нарастающей военной угрозы с Севера», правящая группировка Пак Чжон Хи ввела дополнительный всеобщий военный налог, создала «корпус гражданской обороны» численностью 3,5 млн. человек. Одобрена поправка к «закону о безопасности», по которому осужденные в свое время противники режима подлежат политическому надзору или интернированию, если они возобновят антиправительственную деятельность. В марте 1976 г. южнокорейская администрация обнародовала новое чрезвычайное постановление, предписывающее всем мужчинам от 17 до 50 лет в случае объявления мобилизации явиться в специальные пункты. Военное ведомство Южной Кореи разработало новую широкую программу (до 1981 г.) перевооружения армии, на что планируется израсходовать 5 млрд. долл. При этом известно, что южнокорейская армия продолжает оставаться одной из самых крупных в Азии. Общая ее численность — 625 тыс. человек, в том числе сухопутные силы — 560 тыс. человек (23 пехотных батальона, 2 бронетанковые бригады, 40 артиллерийских батальонов, 1 батальон ракетных установок «Онест Джон», 2 батальона ракетных установок «Хок» и «Найк Геркулес»; ВМС — 20 тыс. человек (7 эсминцев); морская пехота — 20 тыс. человек; ВВС — 25 тыс. человек (216 самолетов); более 1 млн. резервистов<sup>1</sup>.

Несмотря на жестокие репрессии, в Южной Корее не прекращаются выступления против правящего режима. Так, 1 марта 1976 г. была предпринята попытка вызвать общенациональный протест против диктатуры Пак Чжон Хи. Группа оппозиционно настроенных деятелей во главе с бывшим президентом Юн Бо Суном и бывшим соперником Пак Чжон Хи на президентских выборах в 1971 г. Ким Тэ Чжуном выдвинула требование восстановить буржуазно-демократические порядки в Южной Корее. На основании закона, запрещающего какую-либо критику действий нынешней адми-

<sup>1</sup> The Military Balance 1975—1976. London, September, 1975, p. 56.

нистрации, все они были арестованы и отданы под суд, который приговорил их к различным срокам тюремного заключения (вплоть до 15 лет).

Репрессивная внутренняя политика сеульского режима заметно отражается на внешнеполитической деятельности правящей группировки. Победа антиимпериалистических сил в Индокитае побудила Сеул обратить особое внимание на политику США в отношении Южной Кореи. Наиболее реакционная часть южнокорейской буржуазии, напуганная ростом антиамериканских настроений в Азии, стала настойчиво добиваться от своих заокеанских покровителей твердых гарантий защиты существующего режима, увеличения экономической и военной помощи, сохранения на неопределенное время в Южной Корее 42-тысячного корпуса вооруженных сил США.

Тщательному рассмотрению американо-южнокорейские отношения были подвергнуты в ходе ежегодной конференции министров обороны, проходившей в мае 1976 г. в Гонолулу. В американо-южнокорейском коммюнике по итогам этой конференции выражалась готовность Соединенных Штатов оказать немедленную помощь Южной Корее, исходя из обязательств по договору о взаимной обороне от 1953 г. США, подчеркивалось в совместном документе, «сделать все возможное для завершения программы модернизации вооруженных сил Южной Кореи в 1977 году»<sup>2</sup>.

В который уж раз на протяжении последних лет правящие круги в Вашингтоне настойчиво заверяют Пак Чжон Хи в том, что он не будет брошен произвол судьбы, как это случилось с ему подобными в Индокитае. Об этом говорит и такой факт: в 1977 г. Сеул получил 433 млн. долл. в виде «военной помощи»<sup>3</sup>. И хотя в США раздаются голоса протеста против нарушения прав человека в Южной Корее, однако сейчас, как утверждают официальные лица в Вашингтоне, проблема укрепления военной мощи сеульского режима заботит американское правительство больше, чем репрессивная политика Пак Чжон Хи и его сообщников в самой Южной Корее.

В Сеуле, конечно, понимают важность южной части Корейского полуострова для стратегических интересов США. В кругах, близких как к официальной политике Вашингтона, так и к научному миру США, весьма активно дискутируются вопросы, относящиеся к Корее, в особенности, американо-южнокорейские отношения, их нынешнее состояние и дальнейшие перспективы. В большинстве своем американские корееведы склонны рассматривать Южную Корею в качестве одного из важнейших составных элементов азиатской политики США. Об этом свидетельствуют многие факты. Так, например, в ходе симпозиума по американо-южнокорейским отношениям, проведенного в Вашингтоне в феврале 1976 г., Южной Корее была отведена одна из ключевых ролей в американской стратегии в Азии. «Если мы (американцы. — В. Д.) пожертвуем Кореей, — отмечал Р. Персон, — это может привести к дальнейшей эрозии американского влияния и престижа в Азии и в конечном итоге к уходу из этого района. Совершенно ясно, что передняя линия обороны в Восточной Азии и западной части Тихого океана должна основываться на решительной поддержке Южной Кореи»<sup>4</sup>.

Такую заинтересованность США в Южной Корее сеульская администрация стремится поддерживать различными методами и способами — от уже набившей оскомину пропаганды «угрозы с Севера» до ... прямого подкупа американских законодателей. В конце 1976 г. под давлением неопровержимых улик Вашингтон начал расследование деятельности южнокорейской разведки в Соединенных Штатах. В американской печати появились факты, свидетельствующие о ее участии в подкупе членов американского конгресса для создания «благоприятной атмосферы».

Южнокорейское лобби в Соединенных Штатах Америки проявляло повышенную активность, добиваясь увеличения Сеулу экономической и военной помощи, недопущения вывода американских войск из Южной Кореи, приглушения критики антинародного режима в США, принимающей все более широкие масштабы. Американская пресса таким образом комментировала эту деятельность: «Центральное разведывательное управление Южной Кореи создало незаконные группировки для того, чтобы воздействовать на общественное мнение США, и пыталось подкупить американских конгрессменов»<sup>5</sup>. Во время слушаний в американском конгрессе подтвердилось, что «южнокорейское ЦРУ было вовлечено в действия, направленные на то, чтобы заглушить критику режима Пака среди американцев и проживающих в США корейцев»<sup>6</sup>.

В результате продолжающегося расследования стали известны новые факты о деятельности южнокорейских агентов в Соединенных Штатах. Эта деятельность, оказывается, осуществляется Сеулом уже длительное время — с конца 60-х годов. В этой изрядно запутанной истории важная роль отводилась некоему Пак Тон Суну, который

<sup>2</sup> «Korea Herald», 29.V.1976.

<sup>3</sup> «Известия», 30.XI.1976.

<sup>4</sup> Korea in the World To-day. Washington, 1976, p. 7.

<sup>5</sup> «Washington Post», 14.XI.1976.

<sup>6</sup> Hearings before the Subcommittee on International Organizations of the Committee on International Relations. House of Representatives, March 17 and 25, 1976. Washington, 1976, p. 65.

в Вашингтоне официально именовался владельцем компании «Пасифик дивелопмент инкорпорейтед» и имел несколько роскошных особняков в американской столице. В своих апартаментах он устраивал шикарные приемы, на которые приглашались высокопоставленные правительственные чиновники, конгрессмены от обеих партий, дипломаты. В настоящее время появились неопровержимые доказательства того, что этот «бизнесмен» действовал с ведома и под непосредственным руководством самого южнокорейского правителя. Американские газеты сообщают, что начиная с 1970 г. Пак Тон Суи ежегодно распределял от 500 тыс. до 1 млн. долл. для того, чтобы создать благоприятный в отношении Южной Кореи климат в сфере американского законодательства<sup>7</sup>. Крупные денежные суммы или подарки получили ряд бывших и нынешних членов американского конгресса, представителей как демократической, так и республиканской партий. В списке, изъятом у Пак Тон Суна при таможенном досмотре, содержалось 90 фамилий, сопровождавшихся шифрованными пометками, которые, по-видимому, обозначали величины выплаченных сумм.

На первом этапе расследования деятельности южнокорейских агентов в США официальные лица в Вашингтоне старались отмаливаться, ссылаясь на то, что единственной целью пребывания в США представителей южнокорейской разведки является обмен информацией и поддержание контактов с американскими разведорганами. Однако вскоре в американской печати появились сведения, идущие вразрез с официальными заверениями. Оказывается, ЦРУ Соединенных Штатов в течение нескольких лет знало о деятельности южнокорейского «предпринимателя» Пак Тон Суна и завело на него досье еще в 1968 г. В кругах американского конгресса отмечалось, что «ЦРУ имело некоторые финансовые дела с Паком»<sup>8</sup>.

Разрастающийся скандал вызвал панические настроения в правящей верхушке Южной Кореи. Там опасаются, что появляющиеся новые материалы, которые разоблачают сеульские власти, могут оказать весьма неблагоприятное воздействие на отношения с нынешней американской администрацией. По распоряжению Пак Чжон Хи в Южной Корее были запрещены какие-либо публикации в прессе, передачи по радио и телевидению относительно незаконной деятельности агентов режима в Соединенных Штатах. Южнокорейский правитель произвел срочную перетряску своего кабинета, снял с поста директора ЦРУ и некоторых других высокопоставленных сотрудников этого ведомства. Бегство из южнокорейского посольства в Вашингтоне советника Ким Сан Гюна, которому было предоставлено политическое убежище в США, и его признания, появившиеся в американской прессе, лишний раз подтвердили, что режим Пак Чжон Хи вел преднамеренную незаконную деятельность в Соединенных Штатах, грубо вмешиваясь во внутренние дела своего союзника и покровителя.

Значительную нервозность проявили и правящие круги Вашингтона в связи с деятельностью южнокорейских лоббистов в США. В американской прессе появились сведения о том, что не только ЦРУ, но и другие высокопоставленные деятели США были в курсе дел. Ряд ответственных американских деятелей, как, например, бывший министр обороны М. Лэйрд утверждает, что государственный департамент был предупрежден о деятельности тайного южнокорейского лобби в США, которое прилагало всевозможные усилия, чтобы не допустить сокращения американских войск в Южной Корее. Утверждается также, что бывшие государственные секретари У. Роджерс и Г. Киссинджер, бывший министр юстиции У. Сэксби были информированы о незаконных операциях южнокорейских агентов в Соединенных Штатах. Бывший сотрудник государственного департамента, ответственный за отношения с Южной Кореей, Д. Ранард в ходе слушаний в конгрессе заявил следующее: «Нам всегда давали понять, что южнокорейское лобби нужно оставить в покое. Мы, конечно, не собирались осаживать их в Вашингтоне, когда мы нуждались в их помощи в другом месте»<sup>9</sup>.

Несмотря на то, что противозаконная деятельность Сеула в Соединенных Штатах практически доказана, из американской столицы спешат успокоить своего союзника заявлением о том, что «американские военные связи с Южной Кореей останутся без изменений»<sup>10</sup>. Американцы, которым к громким скандалам не привыкать, тоже задумываются о случившемся. В этой связи нельзя не согласиться с замечанием газеты «Вашингтон пост»: «На протяжении многих лет власть имущие иностранцы преподносили небольшие подарки и устраивали — с оплатой всех связанных с этим расходов — пирушки и пикники для американских политических деятелей, которые в свою очередь помогали им выкачивать миллиарды долларов из казны США»<sup>11</sup>.

Принимая подачи сеульского диктатора, американские законодатели, видимо, не задумывались, что таким образом они заставляют своего налогоплательщика раскошелиться для новых долларовых инъекций в прогнивший режим Южной Кореи.

<sup>7</sup> "Washington Post", 24.XI.1976.

<sup>8</sup> "Chicago Tribune", 20.XI.1976.

<sup>9</sup> "New York Times", 14.XI.1976.

<sup>10</sup> "Ibid", 6.XI.1976.

<sup>11</sup> "Washington Post", 14.XI.1976.

# ИСТОРИЯ

## У съезд КПК и уроки революции 1925—1927 гг.

*В. И. Глушин,  
кандидат исторических наук*

События 1927 г. вошли в историю китайской революции как одна из наиболее ярких, героических и драматических ее страниц. Несмотря на полувековую давность, эти события по-прежнему привлекают пристальное внимание советских и зарубежных историков. Подобный интерес отнюдь не случаен. Пришедшиеся на 1927 г. катаклизмы периода наивысшего подъема и последовавшего за ним кризиса национальной революции 1925—1927 гг. предельно обнажили позиции различных социальных слоев, политических партий и группировок, запрограммировав тем самым в общих чертах их дальнейшее поведение и судьбы.

Конкретный ход событий 1927 г. нашел широкое отражение в советской историографии<sup>1</sup>, хотя ряд проблем (особенно «уханьский» период) нуждается в дальнейших углубленных исследованиях. Поэтому в данной статье основное внимание уделено освещению позиций Коминтерна и КПК во время назревания и развития кризиса революции весной 1927 г., а также некоторых методологических вопросов, связанных с трактовкой причин и последствий «поражений» революции. Подобный выбор определяется не только научной значимостью указанных проблем, но и тем, что именно позиции Коминтерна и КПК в период кризиса революции подвергаются наиболее беззастенчивой фальсификации в буржуазной и ревизионистской историографии.

Конец 1926 г. и начало 1927 г. ознаменовались крупными успехами китайской революции и в то же время назреванием кризисных явлений.

Северный поход Народно-революционной армии (НРА), начавшийся в июле 1926 г., вызвал новый революционный подъем в Китае. Развитие революции шло по двум взаимосвязанным направлениям: во-первых, военный разгром и разложение армий милитаристов, распространение власти гоминьдановского Национального правительства на Южный и Центральный Китай, перенесение гоминьдановской столицы из Гуанчжоу в Ухань; во-вторых, углубление и обострение классовой борьбы, бурный рост массового рабоче-крестьянского движения, резкое оживление политической активности национальной буржуазии наряду с усиленным компрадорско-помещичьей реакцией внутри и вне единого фронта. В международном плане нарастание рево-

<sup>1</sup> Среди новейших работ советских историков события 1927 г. наиболее полно отражены в книгах М. Ф. Юрьева. Революция 1925—1927 гг. в Китае. М., 1968; А. И. Черепанова. Северный поход Национально-революционной армии Китая. (1926—1927). М., 1968; Л. П. Делюсина. Аграрно-крестьянский вопрос в политике КПК (1921—1928). М., 1972; в сборнике «Кантонская коммуна». М., 1967, а также в исследованиях В. И. Глушина и А. М. Григорьева.

люционных событий в Китае сопровождалось, с одной стороны, расширением политической, материальной и моральной помощи Советского Союза силам китайской революции, а с другой — расширением империалистической интервенции (прямой и косвенной) и раскольнической деятельности империалистической агентуры в революционном лагере.

Военные успехи НРА и сопутствующий им невиданный подъем массового движения ускорили размежевание и передвижку сил в едином национальном фронте. Чем яснее вырисовывалась перспектива победы национальной революции, тем более открытым становилось противоборство двух тенденций, наметившихся в самом начале Северного похода, — революционно-демократической и буржуазно-реформистской. Национальная буржуазия, напуганная революционной активностью масс, все больше колебалась, склоняясь к поддержке военно-диктаторских устремлений главнокомандующего НРА Чан Кай-ши, к сговору с внутренней реакцией и империализмом для обуздания революционных масс. Внутри гоминьдана это выразилось в углублении расхождений между коммунистами и подлинными последователями Сунь Ят-сена, с одной стороны, и буржуазно-помещичьим крылом — с другой. К началу 1927 г. размежевание внутри единого фронта привело к образованию двух политических центров. Один, революционный, — в Ухане, куда переехало Национальное правительство, большинство членов ЦИК гоминьдана и основная часть ЦК КПК. Другой — в Наньчане, где находилась ставка главнокома НРА Чан Кай-ши, группировавшего вокруг себя все правые силы гоминьдана. И чем больших побед добивалась НРА, тем опаснее становилась реакция, исходившая от группировки Чан Кай-ши.

В сложившихся условиях Компартия Китая вела напряженную борьбу против тенденций к военной диктатуре, за революционную демократию, делала максимум возможного в условиях единого фронта с гоминьданом для развития массового рабочего и крестьянского движения.

Руководство КПК неоднократно выступало с открытыми предупреждениями о нарастающей опасности вырождения революции в реакционную военную диктатуру, призывая лидеров гоминьдана в Ухане дать решительный отпор диктаторским поползновениям Чан Кай-ши путем смелой мобилизации революционной активности масс<sup>2</sup>.

В целом тактическая линия КПК отвечала требованиям текущего момента. Этого, однако, было уже недостаточно. Глубокие классовые сдвиги, происходившие в недрах революции, требовали выработки новой стратегической концепции, учитывающей новые социально-политические реальности и позволяющей решать текущие тактические проблемы в свете более широкой исторической перспективы. Такая концепция была разработана VII пленумом ИККИ (22 ноября — 16 декабря 1926 г.).

VII пленум ИККИ сыграл большую роль в дальнейшем определении путей развития мирового революционного процесса, в идейном разгроме троцкистско-зиновьевского блока в мировом масштабе. Пленум дал ясные и четкие установки о путях развития мировой революции, о стратегии и тактике коммунистического движения и сплочении его рядов на основе марксизма-ленинизма. В этом общем политиче-

<sup>2</sup> См. выступления лидеров КПК в центральном политическом органе партии журнале «Сяндао», №№ 165—194, а также «Декларацию Коммунистической партии Китая о текущем моменте» от 31 января 1927 г. — «Сяндао», № 186, стр. 1976—1978.

ском контексте рассматривался и китайский вопрос, занявший важное место в работе пленума<sup>3</sup>.

Главными в решениях пленума по китайскому вопросу были установки на завоевание гегемонии пролетариата, аграрную революцию и некапиталистическую перспективу.

VII пленум ИККИ, вырабатывая стратегическую и тактическую линию по вопросам китайской революции, нашел правильный подход к ряду важных теоретических и практических проблем, впервые вставших во весь рост перед коммунистическим движением<sup>4</sup>.

Пленум констатировал, что в Китае «оригинальной особенностью текущего положения является его переходный характер, когда пролетариат должен выбирать между перспективой блока со значительными слоями буржуазии и перспективой дальнейшего укрепления своего союза с крестьянством»<sup>5</sup>, то есть между национальным единым фронтом и аграрной революцией. Пленум решительно высказался за вторую перспективу, но вместе с тем рекомендовал как можно дольше сохранять единый фронт, чтобы выиграть время для развертывания революционных сил рабоче-крестьянских масс.

Выдвижение на первый план задачи завоевания гегемонии пролетариата было центральным моментом резолюции пленума по китайскому вопросу. В соответствии с этой новой установкой пленум подробно рассмотрел вопрос о некапиталистическом пути развития как основной перспективе, за которую должны бороться китайские коммунисты. При этом будущее революционное государство в Китае, говорилось в решении пленума, «не будет чисто буржуазно-демократическим государством», а «будет представлять собой демократическую диктатуру пролетариата, крестьянства и других эксплуатируемых классов», будет разновидностью «революционного мелкобуржуазного государства».

Исполком Коминтерна предполагал, что создание революционного мелкобуржуазного государства в Китае будет достигнуто путем непрерывной смены «последовательных стадий» революционного движения с перегруппировкой классовых сил все более революционного характера вплоть до утверждения гегемонии пролетариата после окончательного отхода от революции «слабой» буржуазии. Коминтерн уже в декабре 1926 г. предсказал неизбежный отход буржуазии от революции в ближайшем будущем. Этот прогноз целиком оправдался.

В целом решения VII пленума ИККИ явились крупным вкладом в теорию и стратегию китайской революции, дававшим четкую ориентацию КПК на длительный промежуток времени. Особенно большое значение имели установки на некапиталистический путь развития и аграрную революцию.

VII пленум ИККИ впервые в таком объеме поставил вопрос об аграрной революции как о центральной проблеме китайского революционного движения. Пленум дал теоретическое обоснование перерастания крестьянского движения в Китае в аграрную революцию, обос-

<sup>3</sup> См. Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк. М., 1969, стр. 258—266; Пути мировой революции. Седьмой расширенный пленум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала. 22 ноября—16 декабря 1926. Стенографический отчет. М.—Л., 1927, т. 1, 2.

<sup>4</sup> Характеристику решения VII пленума ИККИ по китайскому вопросу см. Коммунистический интернационал. Краткий исторический очерк, стр. 264—266. См. также Китайская революция и задачи коммунистических партий. — «Коммунистический Интернационал», 1926, № 13, с. 3—8.

<sup>5</sup> Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции. М., 1934, стр. 139.

нование углубления китайской революции. В то же время, предвидя, что развязывание аграрной революции неизбежно вызовет обострение классовой борьбы, отход буржуазии от единого фронта и кризис революции, VII пленум ИККИ наметил целый комплекс практических мер, которые позволили бы совершить переход к аграрной революции постепенно, с тем чтобы дать пролетариату и КПК время подготовиться к неизбежному кризису революции. План состоял в том, чтобы путем переходных фаз аграрной реформы постепенно втянуть крестьянство и гоминьдан в аграрную революцию. Кроме того, он предусматривал реорганизацию гоминьдана, подведение под него более надежной рабоче-крестьянской базы, борьбу за завоевание армии, за вооружение рабочих и крестьян и вливание их в армию, за овладение командными постами в армии и позициями в правительстве. Таков был общий стратегический план наступления революции по всем линиям, увязанный, однако, с необходимостью сохранения единого фронта. Не все компоненты этого плана были бесспорными, но в стратегической перспективе он выдержал проверку практикой.

С декабря 1926 г. по март 1927 г. Коминтерн направил Компартию Китая ряд директив, конкретизировавших линию VII пленума ИККИ. Но в целом эта линия не претерпела существенных изменений<sup>6</sup>.

Резолюция VII пленума ИККИ по китайскому вопросу легла в основу решений V съезда КПК.

V съезд состоялся вскоре после контрреволюционного переворота, совершенного Чан Кай-ши 12 апреля 1927 г. в Шанхае и сопровождавшегося массовыми расправами с рабочими и коммунистами. Одновременно такие же контрреволюционные перевороты были совершены реакционной военщиной в провинциях Гуандун, Гуанси, Фуцзянь, Чжэцзян, Аньхуэй. 18 апреля в Нанкине было образовано гоминьдановское контрреволюционное правительство во главе с Чан Кай-ши.

Контрреволюционные перевороты чанкайшистов означали начало глубокого кризиса национальной революции, от которого она так и не смогла оправиться. Два крупнейших революционных центра — Кантон и Шанхай — были потеряны. Соотношение сил резко изменилось в пользу реакции. Единственной надеждой революции оставался Ухань, но и он оказался в весьма опасном политическом, военном и экономическом положении.

Переворот Чан Кай-ши был расценен Коминтерном как удар в спину революции. В воззвании ИККИ от 14 апреля говорилось: «В Китае империалисты не только блокировали всю страну; им удалось разбить единство гоминьдана, купить Чан Кай-ши, ставшего предателем китайской революции и китайского народа и центром национальной контрреволюции... С величайшим негодованием и со всей ненавистью к палачам объявляем мы Чан Кай-ши изменником революции и союзником империалистских разбойников, врагом революционного гоминьдана, врагом рабочего движения и врагом Коммунистического Интернационала»<sup>7</sup>. Такая же оценка апрельских событий давалась и в воззвании ИККИ в связи с казнью 28 апреля в Пекине 25 китайских

<sup>6</sup> См. И. В. Сталин. Соч., т. 10, стр. 19—20; А. Мартынов. К перегруппировке сил китайской революции. — «Коммунистический Интернационал», 1927, № 8, стр. 9—17; V съезд компартии Китая и гоминьдан. — «Коммунистический Интернационал», 1927, № 11, стр. 3—8; И. В. Сталин. Соч., т. 10, стр. 20; Новый этап победоносной революции. — «Коммунистический Интернационал», 1927, № 13, стр. 3—10; А. Мартынов. Коминтерн перед судом ликвидаторов. — «Коммунистический Интернационал», 1927, № 30, стр. 13.

<sup>7</sup> Стратегия и тактика..., стр. 154.

коммунистов во главе с Ли Да-чжао: «Разоружения и расстрелы рабочих, предпринятые новым подручным палачом китайской революции генералом-предателем Чан Кай-ши, и казни коммунистов в Пекине — звенья одной цепи, кующейся не в Пекине и не в Шанхае, а в Лондоне империалистами всех стран»<sup>8</sup>.

Примерно такой же характер носила и «Декларация ЦК КПК в связи с репрессиями Чан Кай-ши против революционных масс» от 20 апреля. ЦК КПК заявил о полной поддержке решений уханьского ЦИК ГМД о снятии Чан Кай-ши со всех постов, исключении его из гоминьдана и предании суду как врага революции. Основной задачей текущего момента ЦК КПК считал решительное развертывание «крестьянской революции». В то же время ЦК КПК расценивал Чан Кай-ши как представителя «феодално-буржуазных» сил, предупреждая, что «корни чанкайшизма» глубоко сидят и в Ухане<sup>9</sup>.

Новая обстановка, сложившаяся в стране после переворота Чан Кай-ши и раскола гоминьдана, была рассмотрена на V съезде КПК, состоявшемся в Ухане с 27 апреля по 11 мая 1927 г. На съезде присутствовало 80 делегатов от 58 тыс. членов партии, делегации Коминтерна, Профинтерна, многочисленные гости. Съезд открылся легально, в присутствии представителей гоминьдана (Тань Янь-кая, Сюй Цянь, Сунь Кэ). Сюй Цянь выступил с приветственной речью. На докладе представителя Коминтерна М. Н. Роя о решениях VII пленума ИККИ присутствовал Ван Цзин-вэй, выразивший сомнение в возможности осуществления некапиталистической перспективы при гегемонии пролетариата.

К V съезду в партии числилось 57 967 членов, в том числе рабочих — 50,8%, крестьян — 18,7, интеллигентов — 19,1, солдат и офицеров — 3,1, мелких торговцев — 0,5, прочих — 7,5%; женщин в партии имелось 8,27%. В комсомоле состояло 35 тыс. человек. Основные силы партии (около 90%) были сосредоточены в южных провинциях, в том числе в Шанхае, Хунани и Гуандуне — около половины партии. К северу от Янцзы позиции партии по-прежнему были относительно слабыми (около 10% всех членов партии). То же самое относилось и к массовой базе партии — профсоюзам и крестьянским союзам. Нужно, однако, иметь в виду, что приведенные данные не учитывали крупных потерь, понесенных партией после переворота Чан Кай-ши. Работа съезда, по свидетельству П. Мифа, протекала «в чрезвычайно деловой обстановке»<sup>10</sup>.

<sup>8</sup> Там же, стр. 157.

<sup>9</sup> «Сяндао», № 194, I.V.1927, стр. 2105—2107.

<sup>10</sup> П. Миф. Китайская революция. М., 1932, стр. 104. Из документов съезда в нашем распоряжении имеются лишь его Манифест, резолюции и обращения, изданные в Москве стеклографическим способом на китайском языке (Резолюции V съезда КПК. М., 1927). Стенограммы речей, которые по данным Цай Хэ-сэня были тогда же отпечатаны типографским способом, до сих пор не найдены. Из выступлений на съезде имеются лишь речи Роя, включенные в его книгу «Китайская революция и Коммунистический Интернационал» (стр. 44—93). Поэтому о съездовской дискуссии можно судить в основном лишь по свидетельствам из вторых рук. Наиболее достоверным источником такого рода является, на наш взгляд, протокольная запись доклада Роя, сделанная сразу после съезда, 12 мая 1927 г. в Ханькоу (А. В. Бакулин. Записки об уханьском периоде китайской революции. М.—Л., 1930, стр. 271—280). Более поздний очерк Мифа, присутствовавшего на съезде, гораздо менее достоверен, особенно в политических оценках. Весьма показательно, например, что Миф не называет ни одного имени многочисленных якобы ораторов, выступавших против правого оппортунизма Чэнь Ду-сю. Но это один из немногих источников, по которому мы можем судить хотя бы в выдержках (подобранных, правда, весьма пристрастно) о политическом отчете Чэнь Ду-сю. (П. Миф. Китайская революция, стр. 104—124).

С основным докладом (политический и организационный отчет ЦК) выступил Чэнь Ду-сю. В прениях по докладу, длившихся 4 дня, выступило 38 человек. Доклад о решениях VII пленума ИККИ сделал Рой. Остальные вопросы повестки дня съезда — о рабочем движении, аграрный вопрос и оргвопрос — прорабатывались в специальных комиссиях и на пленарные заседания съезда не выносились.

В приветственном выступлении представителя гоминьдана Сюй Цяня в день открытия съезда содержалась скрытая полемика с уставомками на гегемонию пролетариата и союз рабочего класса и крестьянства. Сюй Цянь предложил такое «разделение труда»: КПК ведет за собой рабочих, а гоминьдан — крестьян, поэтому коммунистам следует держаться подальше от крестьянского движения<sup>11</sup>.

После торжественного открытия съезда в его работе возникла двухдневная пауза, которая была посвящена попыткам делегации ИККИ согласовать с ЦК КПК содержание отчетного доклада Чэнь Ду-сю<sup>12</sup>. Чэнь Ду-сю должен был в докладе осветить основные вопросы революции и сформулировать политику партии в духе решения VII пленума ИККИ. Чэнь Ду-сю, однако, нарушил эту договоренность и в своем многочасовом выступлении остановился главным образом на прежней работе партии, лишь вскользь коснувшись кардинальных вопросов революции, и уклонился от формулировки политики партии. Лишь в ходе последующей дискуссии определились главные направления политической линии, воплощенной в решениях съезда.

Съезд исходил из оценки текущего момента революции как «серьезного революционного наступления» (Манифест V съезда КПК)<sup>13</sup>. Все объективные условия, как внутренние, так и международные, утверждалось в Манифесте съезда, «благоприятны для революции», «победа революции возможна в недалеком будущем»<sup>14</sup>. В обращении съезда к китайскому народу в связи с празднованием 1 Мая также подчеркивалось, что «в настоящий момент революция вступает на путь решающих побед»<sup>15</sup>. Ход событий, однако, показал, что такая оптимистическая оценка была ошибочной, не отвечавшей действительному соотношению сил, сложившемуся в результате контрреволюционного переворота Чан Кай-ши. После 12 апреля политическая обстановка в Китае, несмотря на продолжавшийся еще некоторое время (около месяца) локальный рост массового движения в Хунани и Хубэе, неуклонно и быстро ухудшалась для сил революции.

В постановлении съезда по резолюции VII пленума ИККИ говорилось, что «V съезд КПК целиком и полностью принимает резолюцию»<sup>16</sup>. Политическая резолюция съезда конкретизировала линию Коминтерна на развертывание аграрной революции, завоевание гегемонии пролетариата и установление революционной демократической диктатуры рабочего класса, крестьянства и городской мелкой буржуазии через гоминьдан. Главной задачей партии съезд считал решительное углубление социальной базы революции при одновременном расширении ее территориальной базы. Основным средством углубления социальной базы революции съезд считал проведение радикальных аграрных преобразований<sup>17</sup>.

<sup>11</sup> А. В. Бакулин. Записки об уханьском периоде китайской революции, стр. 274.

<sup>12</sup> Там же.

<sup>13</sup> Резолюция V съезда КПК. М., 1927, стр. 40 (на кит. яз.).

<sup>14</sup> Там же, стр. 53.

<sup>15</sup> «Сяндао», № 194, стр. 2103.

<sup>16</sup> Резолюция V съезда КПК, стр. 1.

<sup>17</sup> Там же, стр. 1—13.

Развернутая резолюция по аграрному вопросу предусматривала необходимость «коренного перераспределения земли на основе принципа уравнительного землепользования» путем национализации земли, «установления крестьянской власти» в деревне и «вооружения крестьянства». Однако на данном этапе революции съезд считал возможным лишь «конфисковать землю крупных помещиков и контрреволюционеров». Резолюция специально оговаривала, что земли мелких помещиков и офицеров революционной армии пока конфискации не подлежат. Помимо конфискации земли крупных помещиков и контрреволюционеров резолюция предусматривала лишение помещиков и шэньши всех политических прав и власти, создание сельского самоуправления «из угнетенных слоев деревни», организацию крестьянской милиции, снижение арендной платы за землю и ограничение ростовщичества<sup>18</sup>. Позиция съезда в аграрном вопросе, таким образом, отвечала духу и букве решений VII пленума ИККИ по китайскому вопросу и последующих рекомендаций Коминтерна Компартии Китая.

То же самое можно сказать и о резолюции V съезда по профессиональному движению, в которой намечался «новый курс» профдвижения: развернуть борьбу за гегемонию пролетариата; «всемерно вести смелое политическое и экономическое наступление на буржуазию вплоть до реализации требования о конфискации и национализации всех банков, рудников, железных дорог и пароводных компаний, крупных предприятий, фабрик и т. д.»; «требовать участия в производственном управлении национализированной собственностью»; «требовать от правительства проведения в высшей степени рабочей политики, издания закона об охране труда и фабричных правил, установления восьмичасового рабочего дня и определения минимума заработной платы, чтобы постепенно повышался уровень жизни рабочих»; «без всяких ограничений вовлекать рабочий класс в гоминьдан и заполнять его состав, чтобы осуществить роль гегемона». Частью «нового курса» была также установка на широкое вооружение рабочего класса: «рабочие патрули необходимо организовывать повсюду, как на легальном, так и нелегальном основании»; от прежних функций рабочих дружин, ограничивавшихся самообороной и поддержанием порядка, «мы должны пойти дальше и рассматривать рабочий патруль как вооруженную силу, обеспечивающую демократическую власть рабочих, крестьян и мелкой буржуазии». Резолюция предлагала также «послать большое число рабочих на военную службу» для «революционизации войск и создания истинно революционной армии»<sup>19</sup>.

Поставив перед рабочим движением столь серьезные задачи, съезд вместе с тем отметил ряд «серьезных недостатков» в работе профсоюзных организаций. Профсоюзы, говорилось в резолюции съезда, «весьма беспорядочны и разрозненны», «крайне разобщены»; отраслевые объединения профсоюзов или отсутствуют, или же «слабы». «Все-китайская федерация профсоюзов превратилась в почти номинальное учреждение», «многие профсоюзы все еще несут на себе глубокие следы цеховщины и просто ограничиваются сменой вывесок цеховых организаций на профсоюзную». В резолюции отмечалась также серьезная «опасность бюрократизации лидеров рабочего движения», когда «профсоюзы большей частью монополизируются незначительным числом лидеров, которые оторваны от контроля масс или руководства партии, обюрокративаются». Не было правильных отношений между

<sup>18</sup> Резолюция V съезда КПК, стр. 13—23.

<sup>19</sup> Там же.

партий и профсоюзами: «профсоюзы или превращались в придаточные органы партии или целиком отрывались от ее руководства». Партийное руководство профдвижением в центре и на местах осуществлялось неудовлетворительно: «комитет ЦК по рабочему движению почти перестал функционировать. В связи с этим партия совсем не осуществляла руководство в отношении курса и политики национального профессионального движения». В местных парторганах комитеты по рабочему движению «были очень слабые, а то и вовсе отсутствовали»; «в местных профсоюзах ощущается крайний недостаток как высших руководителей, так и низовых кадровых работников»<sup>20</sup>. При таком состоянии рабочего движения трудно было ожидать, чтобы оно могло выполнить огромные задачи, поставленные перед ним съездом.

В резолюции по организационному вопросу подчеркивалось, что партия добилась крупных успехов и «стала подлинной партией масс». Вместе с тем политическое и организационное состояние партии внушало съезду серьезные опасения: «При быстром развитии партии не хватает кадровых работников и они страдают младенчеством, а наши партийные органы, естественно, не располагают совершенной организацией и твердостью. Это таит в себе огромную опасность»<sup>21</sup>. Чтобы выполнить стоящие перед ней задачи, КПК «должна стать не только партией масс, но и большевистской партией». Для этого предлагалось «всемерно увеличивать численность партии, вовлекая в ее ряды промышленных рабочих, прогрессивных крестьян и революционную интеллигенцию»; «как можно быстрее ввести партийное просвещение и обучение новых членов партии»; сделать основой партийной организации производственные ячейки; «твердо осуществлять коллективное руководство» снизу доверху и укрепить партдисциплину, для чего необходимо «вовлечение рабочих в руководящий аппарат всех партийных органов»<sup>22</sup>. Съезд внес поправки и дополнения в Устав партии. В новом уставе были сформулированы принципы демократического централизма. В целях укрепления центрального руководства партией впервые предусматривалось создание в составе ЦК Политического бюро и Секретариата<sup>23</sup>.

Съезд избрал новый состав ЦК в количестве 40 человек (29 членов и 11 кандидатов). В состав ЦК вошли все наиболее авторитетные и популярные деятели партии того времени: Чэнь Ду-сю, Цюй Цю-бо, Чжан Го-тао, Тань Пин-шань, Цай Хэ-сэнь, Ли Вэй-хань, Ли Ли-сань, Чжоу Энь-лай, Дэн Чжун-ся, Ло И-нун, Сян Ин, Сян Чжун-фа, Чэнь Тань-цю, Пэн Бай, Чжао Ши-янь, Чэнь Янь-нянь, Чэнь Цяо-нянь, Су Чжао-чжэн, Чжан Тай-лэй, Жэнь Би-ши и др. Генеральным секретарем ЦК КПК в пятый раз был переизбран Чэнь Ду-сю. В Политбюро ЦК, впервые сформированное после V съезда, вошли Чэнь Ду-сю, Цюй Цю-бо, Тань Пин-шань, Чжан Го-тао, Цай Хэ-сэнь, Ли Ли-сань.

V съезд КПК проделал большую и полезную работу по осмыслению коренных проблем китайской революции, по выработке и обоснованию стратегии КПК. Основные стратегические решения V съезда выдержали проверку временем и неоднократно подтверждались впоследствии на партийных съездах и пленумах ЦК КПК. Однако правильная в целом общая стратегическая концепция не была воплощена в соответствующие тактические решения. Вследствие крупного просче-

<sup>20</sup> Резолюции V съезда КПК, стр. 13—23.

<sup>21</sup> Там же, стр. 38.

<sup>22</sup> Там же, стр. 38—39.

<sup>23</sup> Там же.

та в оценке текущего момента китайской революции тактическая линия, намеченная V съездом, оказалась неосуществимой.

Тактическая линия V съезда носила ярко выраженный наступательный характер, что, как выяснилось впоследствии, не отвечало сложившемуся к тому времени реальному соотношению политических и классовых сил. В последующие месяцы кризиса революции партия всем ходом событий была вынуждена на практике занять оборонительную позицию. В подобных условиях партии нужна была предельно гибкая тактика, трезво учитывающая требования текущего момента и вместе с тем не упускающая из виду общих перспектив революции. Между тем руководящее ядро нового ЦК КПК не сумело мобилизовать партию на борьбу за выполнение решений съезда. В то же время руководство партии оказалось не в состоянии выработать и альтернативную политическую линию. В результате в критические дни революции партия осталась без ясного, твердого и целеустремленного руководства<sup>24</sup>.

Попытка ЦК КПК сочетать призывы к революционным выступлениям масс с тактическими уступками уханьским лидерам гоминьдана оказалась неэффективной и не смогла затормозить прогрессирующего кризиса революции. В июле 1927 г. уханьские лидеры последовали по стопам Чан Кай-ши и единый национальный фронт окончательно распался. Коммунистам пришлось в одиночку вести тяжелые арьергардные революционные бои под принятыми V съездом лозунгами аграрной революции и революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. В ходе этих боев, продолжавшихся до конца 1927 г., партия ценой больших потерь сумела заложить основу для перехода к следующему этапу революции под знаменем советов.

В ходе революции 1925—1927 гг. КПК накопила богатейший теоретический и практический опыт, широко использованный на последующих этапах революции. Благодаря разработанной Коминтерном стратегии и тактике китайской революции была в короткий срок в общих чертах решена историческая задача превращения КПК в массовую революционную партию и в общенациональную политическую силу. Особую роль сыграла тактика единого фронта. Единый фронт позволил коммунистическому движению в Китае, рожденному классово-борьбой пролетариата и национально-освободительным движением китайского народа, быстро превратиться в самостоятельную историческую и политическую революционную силу, с которой вынуждены были все более считаться как его союзники, так и враги. К достижениям этого периода относятся создание и становление КПК, ее приобщение к опыту международного коммунистического движения и выработка основ коммунистической стратегии и тактики в китайской революции, установление широких, хотя и непрочных, связей с рабочим классом и начало практического подхода к крестьянскому вопросу, накопление опыта организации масс, организации и тактики единого фронта, первые попытки создания коммунистами самостоятельных вооруженных сил революции. К этому же периоду относится и кристаллизация в рядах КПК пролетарско-интернационалистического направления, ставшего носителем лучших революционных традиций коммунистического движения в Китае.

<sup>24</sup> Оценку съезда см. также в статье без подписи «Положение внутри Коммунистической партии Китая ко времени V съезда». — «Коммунистический Интернационал», 1927, № 41, стр. 46—47.

Результаты исследований советских историков показывают полную бесосновательность попыток ревизионистской и буржуазной историографии взвалить «вину» за «поражение» китайской революции 1925—1927 гг. на Коминтерн, линия которого на единый национальный фронт была якобы в корне «порочной», заранее обрекавшей коммунистов на неудачу. В действительности, как показывает вся совокупность исторических материалов, именно тактика единого фронта, активное вовлечение пролетариата во главе с коммунистами в национально-революционное движение, вступление пролетариата в политический союз с революционной буржуазной и мелкобуржуазной демократией обеспечили победоносное развитие китайской революции вплоть до весны 1927 г. И наоборот, именно раскол единого фронта буржуазными союзниками пролетариата временно прервал развитие революции по восходящей линии. Вопрос об исходе революции не мог быть предрешен априори в кабинетах теоретиков, а решался в ходе грандиозных классовых битв, разыгравшихся в Китае в 1925—1927 гг.

Столь же бесосновательны и не выдерживают проверки фактами утверждения ревизионистской историографии, будто революция 1925—1927 гг. имела все шансы на успех, но была «погублена» «правооппортунистическим» руководством КПК во главе с Чэнь Ду-сю. Теоретическая, политическая и организационная слабость тогда еще молодой Коммунистической партии Китая, ее недостаточная политическая опытность, «лево»- и правооппортунистические шатания в ее рядах (концепции Чэнь Ду-сю, Чжан Го-тао, Пэн Шу-чжи, Мао Цзэ-дуна, Цай Хэ-сэня), ее тактические ошибки безусловно облегчали контрреволюционные маневры буржуазии, но ни в коем случае не могут считаться причиной поражения революции.

Ко второй половине 1926 г. в исторических воззрениях Чэнь Ду-сю, Чжан Го-тао и др. наметился явный поворот от прежней «лево»-сектантской позиции к проявлениям правооппортунистических тенденций. Чэнь Ду-сю всегда была чужда идея некапиталистического пути развития, хотя в 1925 г. он усиленно и преждевременно пропагандировал лозунг немедленного завоевания гегемонии пролетариата в качестве теоретического прикрытия организационно-политического размежевания с гоминьданом в едином фронте. В 1926 г. тезис о гегемонии пролетариата незаметно исчезает из публичных выступлений Чэнь Ду-сю. В теоретических оценках возможных перспектив китайской революции он усиливает акцент на неизбежности перехода Китая «от полуфеодалской эпохи к эпохе капитализма» в результате победы национальной революции. При этом «будущий китайский капитализм», прошедший «через крещение национальной революцией», представлялся Чэнь Ду-сю в качестве некоего «национально-демократического капитализма», весьма напоминавшего то, что в 40-е годы получило наименование «новodemократического строя». Что же касается возможности некапиталистического пути развития Китая, то Чэнь Ду-сю квалифицировал ее как проявление «утопического социализма»<sup>25</sup>. После ознакомления с решениями VII пленума ИККИ по китайскому вопросу Чэнь Ду-сю уже оспаривал саму идею некапиталистического развития, но интерпретировал ее как возможность мирного перехода Китая к социализму через государство «демократической диктатуры всех угнетенных классов», в результате чего якобы удастся избежать «не-

<sup>25</sup> См. «Сяндао», № 172, 25.IX.1926, стр. 1752—1753; «Сяндао», № 175, 12.X.1926, стр. 1801; «Сяндао», № 177, 4.XI.1926, стр. 1845.

обходимости проходить через диктатуру пролетариата»<sup>26</sup>. В этом высказывании — весь Чэнь Ду-сю, который на протяжении всего пребывания в рядах КПК оставался мелкобуржуазным революционным демократом, органически неприемлющим диктатуру пролетариата. Теоретическая и политическая помощь Коминтерна могла лишь частично компенсировать слабости КПК, но Коминтерн не мог ни заменить ни подменить КПК на полях революционных сражений, ибо революцию в Китае «делал» не Коминтерн, ее «делали» многомиллионные массы китайских рабочих и крестьян во главе с китайскими коммунистами.

Современные исследования подтверждают вывод Коминтерна о том, что главной причиной неспособности демократических сил довести до конца революцию 1925—1927 гг. было неблагоприятное соотношение классовых сил, недостаточный уровень и размах революционного движения трудящихся масс. Другой причиной было энергичное вмешательство империалистических держав. Империализм активно помогал китайской реакции и усиленно толкал национальную буржуазию на измену революции, действуя всеми средствами вплоть до вооруженной интервенции. Советский Союз, международное рабочее движение были тогда еще не в состоянии воспрепятствовать империалистической интервенции в Китае, как это они сделали в 1945—1949 гг. Это обстоятельство лишний раз подтверждает особое значение интернационального фактора для развития и судеб китайской революции.

Продолжает привлекать внимание советских и зарубежных историков и вопрос об оценке итогов революции 1925—1927 гг. В советской историографии сложилось довольно устойчивое представление о «поражении» революции 1925—1927 гг. Масштабы и глубина этого поражения оцениваются по-разному («временное поражение», «частичное поражение», «тяжелое поражение»), но сам факт «поражения» не оспаривается. Тезис о «поражении» революции вошел в официальные документы КПК и Коминтерна, принятые в связи с событиями 1927 года, а затем был взят на вооружение ревизионистской и буржуазной историографией, пытающейся взвалить «вину» за «поражение» на Коминтерн и КПСС.

Итоги революции 1925—1927 гг. обычно рассматриваются советскими историками преимущественно в двух основных аспектах: во-первых, с точки зрения завершенности или незавершенности социально-экономических и политических задач революции; во-вторых, с точки зрения потерь, понесенных в 1927 г. революционно-демократическими силами, главным образом рабочим и крестьянским движением, а также КПК. С этих обеих точек зрения общий итог революции представляется одинаково негативным.

Общая негативная оценка итогов революции 1925—1927 гг. как ее «поражения» несколько смягчается рядом авторов указаниями на тот положительный ценный опыт («уроки»), который накопила КПК за время революции. В последнее десятилетие наметилась тенденция к углублению анализа позитивных итогов революции 1925—1927 гг.

В плане решения основных социально-экономических и политических задач революционного обновления страны итоги революции 1925—1927 гг. было бы целесообразно рассматривать в общем контексте стадийного развития всего революционного процесса в Китае, вылившегося, как и во многих других странах, в целый цикл буржуазных и буржуазно-демократических революций (Синьхайская револю-

<sup>26</sup> «Сяндао», № 193, 6.IV.1927, стр. 2099—2100.

ция, национальная революция 1925—1927 гг., советское движение 30-х годов и т. д.), каждая из которых вносила определенный вклад в решение объективных исторических задач буржуазной революции, хотя ни одна из них не решала их полностью. К числу таких позитивных аспектов итогов революции 1925—1927 гг. следует отнести дальнейшее разрушение прежней «традиционной» политической надстройки, заметный шаг вперед на пути к объединению страны, завоевание таможенной автономии, легализацию профсоюзного движения и т. д. Приписываемые обычно правлению гоминьдана, эти и другие положительные аспекты так называемого «нанкинского десятилетия» (1927—1937) являются на деле прямым или опосредствованным следствием революции 1925—1927 гг.<sup>27</sup>

Одним из основных аргументов, приводимых обычно в пользу, казалось бы, очевидного «поражения» КПК, являются тяжелые потери партии, резкое сокращение ее численности с 58 тыс. членов в апреле 1927 г. до примерно 10 тыс. в конце 1927 г., разгром многих местных парторганизаций, обескровливание и дезорганизация рабочего и крестьянского движения в результате жестоких гоминьдановских репрессий. Все это так. Но если сравнить итоги развития КПК в период наивысшего подъема революции (весна 1927 г.) не с декабрем 1927 г., а с июнем 1925 г., то есть с началом революции, то результаты окажутся совершенно иными.

В начале революции КПК еще только выходила из кружкового периода, ее численность ненамного превышала 1 тыс. человек; в конце 1927 г. это была уже массовая партия, численность которой выросла вдесятеро, несмотря на жесточайшие репрессии, и которая сумела уберечь, перевести в подполье свой руководящий центральный аппарат и основной костяк местных руководящих кадров.

В начале революции КПК в значительной мере зависела от гоминьдана, действовала под его прикрытием и от его имени; к концу периода партия обрела полную политическую самостоятельность в качестве новой политической силы общекитайского значения, достаточно мощной и авторитетной, чтобы бросить вызов гоминьдану в борьбе за власть во всей стране.

В начале революции основной организованной политической революционной силой был гоминьдан, а КПК оставалась пока малоизвестной и второстепенной политической партией в общем революционном блоке; к концу периода КПК осталась по-существу единственной массовой революционной партией, способной довести революцию до конца.

В конце революции КПК имела несравненно более разветвленные и прочные связи (идейные, политические, организационные) с рабочим классом и крестьянством, чем в ее начале.

В начале революции КПК практически не имела военных кадров и собственных вооруженных сил; в конце периода она их уже имела в достаточном количестве и качестве, чтобы заложить основу советского движения в последующее десятилетие.

В начале революции у КПК не было своей независимой территориальной базы; к концу периода такие базы (хотя и небольшие) были завоеваны.

<sup>27</sup> Наиболее детально позитивные социально-экономические результаты революции 1925—1927 гг. исследованы в монографии: А. В. Меликсетов. Бюрократический капитал в Китае. М., 1972.

Что касается политического, организационного, военного опыта КПК в начале и конце революции, то здесь мы имеем дело с просто несравнимыми величинами.

Приведенный выше перечень моментов становления революционного движения во главе с КПК можно было бы продолжить. Все это были очевидные достижения, завоевания КПК, причем — и это главное — завоевания необратимые, как показало время. Аналогичный анализ может быть проведен и в отношении рабоче-крестьянского движения, руководимого коммунистами. В свете такого анализа представляется более обоснованным говорить не только о неудачах, но и о завоеваниях демократических сил и тенденций революции 1925—1927 гг. Что касается тяжелых потерь КПК и рабоче-крестьянского движения в 1927 г., то они вполне могут рассматриваться не столько как «расплата» за «поражение», сколько как «плата» — весьма высокая, но исторически полностью себя оправдавшая — за завоевания революции 1925—1927 гг.

С точки зрения объективных долговременных, необратимых итогов революции 1925—1927 гг. термин «поражение» применим скорее к гоминьдану, чем к КПК.

Можно без особого преувеличения утверждать, что семена исторического поражения гоминьдана в 1949 г. были посеяны еще весной — летом 1927 г., когда гоминьдан порвал с демократическими традициями Сунь Ят-сена и связал свою дальнейшую судьбу с интересами внутренней и международной реакции. Попытки отдельных гоминьдановских фракций, включая бывших «левых», продолжить революцию на базе антикоммунизма и антисоветизма, в союзе с внутренней и международной реакцией окончились неизбежным провалом. В этом, на наш взгляд, заключается один из поучительнейших уроков революции 1925—1927 гг.

# Ли Да-чжао — первый пропагандист марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма в Китае

[К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ГИБЕЛИ]

*В. А. Кривцов,  
кандидат философских наук*

*В. А. Краснова*

28

апреля исполнилось 50 лет со дня казни китайскими милитаристами Ли Да-чжао — первого пропагандиста марксизма-ленинизма в Китае, одного из основателей и активных деятелей Коммунистической партии Китая, коммуниста-интернационалиста, большого друга нашей страны.

Свою недолгую жизнь Ли Да-чжао посвятил борьбе за лучшее будущее китайского народа, которое он безоговорочно связывал после Октябрьской революции с социалистической перспективой развития Китая и дружбой с Советским Союзом.

В Советском Союзе хорошо знают и глубоко уважают Ли Да-чжао. Советские китаеведы уделяют большое внимание изучению его жизни и политической деятельности. В 1965 г. в Советском Союзе были изданы избранные статьи и речи Ли Да-чжао. Издание было подготовлено Ю. М. Гарушянцем, который также показал в нескольких статьях роль Ли Да-чжао в пропаганде марксизма в Китае и создании КПК<sup>1</sup>. В работах В. И. Глунина, А. Г. Крымова, К. В. Шевелева рассмотрены различные аспекты его теоретической и практической деятельности.

Поколение, к которому принадлежал Ли Да-чжао, приняло эстафету борьбы за спасение и обновление Китая от старшего поколения революционных демократов, воспитанных на идеях тайпинов, Адама Смита, Руссо, Монтескье, Спенсера, Гексли и Дарвина, — поколения, верившего в буржуазную демократию и парламентскую систему как в панацею, способную исцелить Китай от всех его недугов. Ли Да-чжао и его современники жили уже в другое время. Они также прошли через увлечение теориями эволюционизма, позитивизма, социал-дарвинизма, анархизма, однако относились к ним с гораздо большей долей сомнения, чем те, кто начал свою политическую деятельность в 90-х годах XIX в. и первом десятилетии XX века. То же самое можно сказать и об отношении молодых революционных демократов к идеям буржуазной демократии и парламентаризма, поскольку попытки их реализации после революции 1911 г. не только не избавили Китай от трудностей и страданий, но усугубили тяжелое положение страны, раздравшейся на части милитаристскими кликами, за спиной которых стояли великие державы.

<sup>1</sup> Ю. М. Гарушянц. Предисловие к «Избранным статьям и речам Ли Да-чжао». М., 1965.

Многие буржуазные ученые ставят вопрос о том, почему в Китае начиная с 20-х годов марксизму-ленинизму было отдано явное предпочтение перед буржуазным демократизмом и анархизмом, несмотря на усилия, предпринятые, с одной стороны, Ху Ши и его сторонниками, а также Б. Расселом и Дж. Дьюи, которые широко пропагандировали идеи буржуазной демократии среди китайской интеллигенции в 1920 г., и, с другой стороны, китайскими анархистами, отвергавшими марксизм.

Само собой разумеется, что огромным стимулом для поворота Китая к марксизму-ленинизму явилась победа Октябрьской революции в России, показавшая Китаю жизненную силу научного социализма и подтвердившая правильность этого учения на практике. Однако большое значение имело то, что буржуазный демократизм, на который китайская радикальная интеллигенция начиная с конца XIX в. возлагала столько надежд, оказался дискредитированным в ее глазах из-за провала системы демократических институтов, созданной в Китае в результате революции 1911—1913 гг. Кроме того, авторитету буржуазной демократии в Китае был нанесен удар первой мировой войной, показавшей китайцам истинное лицо капитализма и его политической системы. Поэтому в Китае все более широкое распространение получало представление о капитализме как о явлении несправедливом и аморальном. Такая оценка капитализма подтвердилась и в послевоенные годы, когда европейские державы снова принялись проводить в отношении Китая прежнюю колониалистскую дискриминационную политику (ответом на нее было развернувшееся с 1919 г. «движение 4 мая»). Советская же Россия с самого начала стала строить свои отношения с Китаем на совершенно новых принципах равноправия, невиданных до этого в практике международных отношений.

Таким образом, поворот китайской интеллигенции к марксизму-ленинизму был отнюдь не случайным явлением. Для этого был целый ряд серьезных причин, заставивших передовую часть китайской интеллигенции сделать еще одну нелегкую для нее переоценку ценностей и попытаться найти истину в марксизме-ленинизме.

Следует сказать, что переход Ли Да-чжао на позиции научного социализма не был простым и легким процессом. Он потребовал времени, больших усилий, упорной учебы и практической политической деятельности.

Профессор Пекинского университета Ли Да-чжао был одним из самых образованных китайцев своего времени. Честный, порядочный, скромный человек с широким диапазоном научных интересов, включавших историю, философию, политэкономия, теорию политики, социологию, Ли Да-чжао без преувеличения может быть назван первым идеологом китайского рабочего класса и в идейно-теоретическом смысле поставлен в один ряд с лучшими марксистами Азии первой половины XX века. Он был принципиальным, волевым, самоотверженным, стойким и мужественным, беззаветно преданным марксизму-ленинизму и делу Коммунистической партии Китая, ради которой он без колебаний пошел на смерть.

Конечно, было бы преувеличением говорить, что Ли Да-чжао познакомил Китай со всеми тремя составными частями марксизма-ленинизма и исчерпывающе осветил его основные идеи. В начале 20-х годов он не мог этого сделать прежде всего потому, что еще не читал многие важные работы К. Маркса и Ф. Энгельса и большинство работ В. И. Ленина, поскольку тогда они не были переведены не только на китайский, но и на другие доступные Ли Да-чжао языки — япон-

ский и английский. Ли Да-чжао был мало знаком, например, с марксистско-ленинским диалектическим материализмом, хотя и был материалистом и диалектиком; не был он, видимо, достаточно информирован и о марксистско-ленинской теории познания.

Анализ идейного наследия и политической деятельности Ли Да-чжао позволяет выделить в его идейно-теоретическом и политическом развитии три основных периода: первый — революционно-демократический (1907—1918); второй — переходный (1918—1921) и третий — марксистско-ленинский (1921—1927).

Ли Да-чжао (первое имя Шоу-чан) родился в бедной крестьянской семье 6 октября 1888 г. в деревне Дахэйпо уезда Юэтин провинции Хэбэй. В частной деревенской школе Ли Да-чжао получил начальное традиционное конфуцианское образование. Среднюю школу ему закончить не удалось из-за недостатка средств. В 1907 г. Ли Да-чжао поступил в политико-юридическое училище в г. Тяньцзине, где впервые познакомился с «новой наукой», пришедшей в Китай через Японию с Запада. Изучал политэкономия, а также японский и английский языки.

Именно с этого времени он начал поиски истины, способной спасти Китай от порабощения. Эти поиски истины он считал смыслом своей жизни.

Революционный подъем в Китае накануне революции 1911 г. способствовал приобщению Ли Да-чжао к политической жизни и идеям демократизма. В то время демократизм Ли Да-чжао нашел наиболее полное выражение в статье «Великая скорбь», опубликованной в журнале «Яньчжи» 1 апреля 1913 г. Статья имела подзаголовок «Скорбь о страданиях моего народа».

Эта статья важна для понимания эволюции взглядов Ли Да-чжао. В ней Ли Да-чжао выступает как пламенный трибун-республиканец, последовательный враг монархизма и деспотизма, друг народа. Все беды Китая Ли Да-чжао связывает в этой статье с монархическим деспотизмом, с подчинением народа «одной воле» и делает вывод, что «единовластие ведет государство к гибели, а народу сулит неисчислимые бедствия»<sup>2</sup>.

Важен окончательный вывод, который делает Ли Да-чжао о республиканской политической системе, возникшей в Китае после революции 1911 г.: «Так называемая система народного правления является диктатурой кучки тиранов и плутократов и совершенно исключает участие народа в управлении страной. Права народа узурпированы этой кучкой. Говорят о «счастье народа», но у народа совсем нет счастья, им пользуются эти тираны и плутократы, и только они одни»<sup>3</sup>.

Статья «Великая скорбь» свидетельствует о том, что особенность формирования революционного демократизма Ли Да-чжао заключалась в сравнительно раннем возникновении у него критического отношения к институтам буржуазной демократии, парламентаризму, политическим партиям и т. д.

Осенью 1913 г. Ли Да-чжао уехал в Японию и поступил на экономический факультет университета Васеда, где учился до 1916 г. Возможности знакомства с политической и экономической литературой были в Японии гораздо большими, чем в Китае. Поэтому токийский период в идейном формировании Ли Да-чжао занимает важное место.

<sup>2</sup> Ли Да-чжао. Избранные статьи и речи. М., 1965, стр. 37.

<sup>3</sup> Там же, стр. 40.

Особого внимания заслуживает интерес, проявленный в то время Ли Да-чжао к Сен-Симону и японскому движению «Новая деревня», строившемуся на принципах утопического социализма. Имеются сведения, что в этот период на него оказал также влияние японский социалист Х. Каваками — переводчик «Капитала» Маркса на японский язык.

В Японии ко времени приезда туда Ли Да-чжао существовала сравнительно большая марксистская литература, как в виде переводов трудов Маркса и Энгельса на японский язык, так и в виде различных статей о марксизме японских и зарубежных авторов. Видимо, в Японии Ли Да-чжао получил и первые представления о марксизме. Политическая терминология статей Ли Да-чжао того времени свидетельствует о том, что он был знаком с японскими публикациями по социализму и марксизму.

В это время в Китае зарождалось движение прогрессивной интеллигенции, известное под названием «Движение за новую культуру». Оно развивалось под лозунгом «За знание, демократические идеи и политический строй» и призывало к борьбе с консерватизмом, национальной ограниченностью, беспочвенным фантазерством. Участники движения считали, что молодежь, не обремененная традиционными взглядами и знакомая с революционной теорией, способна преобразовать нацию. Ли Да-чжао примкнул к этому движению и вскоре стал одним из его активных руководителей.

В апреле 1916 г. Ли Да-чжао срочно вернулся из Японии в Китай, считая своим долгом непосредственную борьбу против стремления Юань Ши-кая восстановить монархию и стать императором.

В сентябре 1916 г. он выступил с полным оптимизма произведением «Молодость», опубликованным в журнале «Синь циннянь» (1916, т. 2, № 1). «Молодость» Ли Да-чжао проникнута глубокой убежденностью в возрождении Китая, молодежь которого «должна вобрать в себя вечный дух весны и посеять семена возрождения страны». «Сможем ли мы устоять в мире, зависит не от выживания старого Китая, а от его воскресения как молодого Китая, ибо жизнь — это цикл смерти и рождения, и наша задача состоит не в том, чтобы нация выжила, а в том, чтобы она родилась вновь и вернула себе весну»,<sup>4</sup> — писал Ли Да-чжао в этой статье.

Статья «Молодость» произвела на китайскую радикальную молодежь неизгладимое впечатление и сразу выдвинула Ли Да-чжао в число властителей дум молодого поколения китайцев.

Большое значение для идейного развития Ли Да-чжао и преодоления им давления китайской традиционной идеологии имело антиконфуцианское движение, развернувшееся в Китае после революции 1911 г., в котором Ли Да-чжао принял непосредственное участие.

В статьях «Конфуций и конституция» (январь 1917 г.) и «Естественно-этнические взгляды и Конфуций» (февраль 1917 г.)<sup>5</sup> Ли Да-чжао с позиций республиканства и демократизма ведет борьбу с конфуцианством. Он видит в Конфуции апологета монархического деспотизма и поэтому резко протестует против включения в проект готовившейся конституции статьи о нравственном воспитании в соответствии с учением Конфуция.

Когда в Китай проникли сообщения о революции в России, сначала Февральской, а затем Октябрьской, Ли Да-чжао воспринял их как весть

<sup>4</sup> Ли Да-чжао. Избр. произв. Пекин, 1962, стр. 71.

<sup>5</sup> Ли Да-чжао. Избранные статьи и речи, стр. 49, 53.

о начале того всемирного обновления, которого он ждал и которое должно было способствовать рождению нового, молодого Китая. Отсюда его огромный интерес к событиям в России, безоговорочное, восторженное принятие им русской революции. Революция в России подтверждала веру Ли Да-чжао в грядущую весну человечества, выраженную им в статье «Молодость».

Ли Да-чжао, как и его единомышленники, был страстным демократом, обличителем монархизма, но до 1917 г. он еще не видел конкретных путей революционного преобразования китайского общества. Все надежды в тот период он возлагал на просвещенную молодежь, студенчество, интеллигенцию, однако не мог выдвинуть четкую программу борьбы.

Незадолго до Октябрьской революции в России Ли Да-чжао окончательно приходит к выводу, что политические преобразования в Китае не могут быть завершены без революции. В статье «Насилие и политика», опубликованной 15 октября 1917 г. в ежемесячнике «Тайпинян», он окончательно порывает с либерализмом и парламентаризмом. Основным выводом, к которому Ли Да-чжао приходит в этой статье, заключается в том, что в странах, где власти опираются на насилие, революции неизбежны, а поскольку в Китае политическая власть строится на насилии, то «воля народа» в нем может быть осуществлена лишь с помощью силы, то есть революции. При этом сопротивление революции приведет лишь к одному результату — стимулированию революции.

Следовательно, как раз накануне Октябрьской революции в России Ли Да-чжао окончательно расстается с буржуазно-демократическими иллюзиями и приходит к заключению о неизбежности революционной перестройки Китая.

В период перехода Ли Да-чжао от революционного демократизма к марксизму его идейное развитие было связано главным образом с осмыслением Октябрьской революции и ее значения как для мировой революции, так и для революции в Китае, углублением знаний основных положений марксизма, и в первую очередь исторического материализма, изучением истории международного рабочего движения, а также молодежного и женского движений в Китае, знакомством с положением китайского рабочего класса и крестьянства, ростом критического отношения к капитализму и политике капиталистических держав. При этом определяющее значение в развитии взглядов Ли Да-чжао имело все большее включение его в практическую революционную борьбу, особенно во время и после «движения 4 мая» 1919 г.

В апреле—мае 1918 г. Ли Да-чжао публикует статьи «Сегодня» и «Старое! Новое!», в которых считает основным путем разрешения противоречий в китайском обществе борьбу со старым строем в целом.

1 июля 1918 г. в журнале «Яньчжи» он выступил с интересной статьей «Сравнение французской революции с русской»<sup>6</sup>, в которой содержится первый в китайской демократической литературе анализ Октябрьской революции. Ли Да-чжао дает в ней характеристику политической ситуации в России. «Нынешняя обстановка в революционной России характеризуется полным переходом всей политической власти в руки радикальной партии и коренной ломкой прежней политической и социальной структуры». Впервые в китайской печати он ставит в этой статье вопрос о международном значении революции в России. «Нынешняя русская революция — величайший поворот в истории, и, подобно французской, она будет определять развитие цивилизации

<sup>6</sup> Там же, стр. 61.

грядущих веков»<sup>7</sup>. Ли Да-чжао считает, что если итогом Французской революции было начало буржуазного этапа истории, то итогом революции в России будет начало этапа социалистического. Он отмечает существенные различия во французской и русской революциях: «Французская революция — это революция конца XVIII в., осуществлявшаяся под лозунгом национализма, это политическая революция лишь с некоторыми чертами революции социальной. Русская революция произошла в начале XX в., это — революция социалистическая, глубоко социальная, которая победит во всем мире»<sup>8</sup>. Отличие этих революций друг от друга, полагает Ли Да-чжао, состоит еще и в том, что националистическая Французская революция привела к эпохе капитализма, характерной постоянными войнами, а интернационалистическая русская революция приведет к социализму — источнику мира.

Сравнение двух революций, сделанное Ли Да-чжао, свидетельствовало о начале нового этапа в его идейном развитии.

В статьях «Победа народа» и «Победа большевизма», опубликованных в журнале «Синь циннянь» в 1918 г. и являющихся записью речей Ли Да-чжао на массовых митингах в Пекине, он дал марксистскую оценку мировой войны «социальным итогом» которой «является поражение капитализма и торжество принципов труда», а также познакомил китайскую общественность с большевизмом. «Большевики основывают свою деятельность на учении немецкого экономиста, социалиста Маркса, — говорил он, — их цель — уничтожить капиталистический режим, при котором буржуазия присваивает прибыль... Большевики признают войну классовую, войну мирового пролетариата против мировой буржуазии... Они против войны, но не боятся ее»<sup>9</sup>. Политические цели большевиков Ли Да-чжао называет «новым кредо мировой революции XX в.».

Он считал, что революции XX в. будут революциями «русского образца», которые сметут исторические пережитки — империализм, то есть все, что мешает наступлению нового. «Отныне повсюду будут видны победные знамена большевизма и слышны триумфальные его песни. Прозвучал набат гуманизма. Возшла заря свободы. Будущий мир будет миром красного знамени». Такими патетическими словами рисовал Ли Да-чжао воздействие русской революции на человечество, ибо «хотя большевизм создан русскими, однако он отражает пробуждение всего человечества XX в.»<sup>10</sup>.

Статья «Победа большевизма» показала быстрое политическое возмужание Ли Да-чжао, который сделал шаг к освоению классового анализа и переходу на позиции пролетариата.

Статьи Ли Да-чжао утверждали необходимость для Китая идти по пути, указанному русской революцией, по пути, намеченному не случайным совпадением обстоятельств, а являющемуся неизбежным результатом исторического развития общества.

В конце 1918 г. Ли Да-чжао начал в Пекинском университете нелегальную пропаганду марксизма среди студенческой молодежи, в частности, познакомил ее с «Капиталом» К. Маркса.

В приложении к газете «Чэньбао» с 5 мая 1919 г. по инициативе Ли Да-чжао вводится раздел «Изучение Маркса», где публикуются

<sup>7</sup> Там же.

<sup>8</sup> Там же, стр. 62, 63.

<sup>9</sup> Там же, стр. 76, 77.

<sup>10</sup> Там же, стр. 80, 81.

труды К. Маркса и статьи о его учении. Майский номер журнала «Синь циннянь» в 1919 г. был подготовлен под редакцией Ли Да-чжао и целиком посвящен К. Марксу и марксизму. В этом номере была опубликована статья Ли Да-чжао «Мое представление о марксизме», содержащая краткое изложение основных положений учения Маркса.

В социализме Маркса Ли Да-чжао различает три части — учение об истории, учение об экономике и учение о политике и социализме, причем подчеркивает, что все эти три части связаны между собой учением о классовой борьбе, и обстоятельно освещает исторический материализм К. Маркса.

Статья Ли Да-чжао была одной из первых в китайской литературе попыток изложения основ научного социализма. В некоторых вопросах Ли Да-чжао еще не мог разобраться. В ряде его выводов виден налет прежних взглядов сторонника анархической теории взаимопомощи.

Когда развернулось антиимпериалистическое «движение 4 мая» 1919 г., Ли Да-чжао принял в нем непосредственное участие, был его идейным вдохновителем и руководителем студенчества, вокруг него объединилась революционно настроенная молодежь. Он участвовал в демонстрациях, выступал на митингах, организовал «Союз профессоров и преподавателей Пекина», борющийся за освобождение арестованных студентов.

Спустя полгода после появления работы «Мое представление о марксизме» Ли Да-чжао публикует статью «Материальные изменения и моральные изменения», в которой, основываясь на учении Дарвина и историческом материализме К. Маркса, рассматривает зависимость изменений в области морали от материальных, экономических изменений, снова кратко излагает учение Маркса о базисе и надстройке, на большем материале показывает зависимость изменений в области религии и философии, нравов и обычаев от материальных, экономических изменений в обществе. Ли Да-чжао прямо указывает на определяющую роль экономики в отношении политики. «Вся политика и все принципы имеют своим истоком материальные, экономические явления», — делает он вывод<sup>11</sup>.

Летом 1919 г. Ли Да-чжао впервые встретился с представителем Советской России Н. Буртманом, который познакомил его с работой В. И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма». Характерно, что именно в это время Ли Да-чжао в многочисленных работах выступил с острой антиимпериалистической пропагандой.

Статьи Ли Да-чжао о революции в России и марксизме привели к дискуссии между ним и Ху Ши, которая продолжалась всю вторую половину 1919 г.

Дискуссия между Ли Да-чжао и Ху Ши и последующая борьба идеологического характера в среде китайской интеллигенции показали, что идейное расщепление китайской интеллигенции, начавшееся после Октябрьской революции в России и особенно усилившееся в период «движения 4 мая» и после него, отражало начавшуюся в Китае борьбу между идеями социализма и капитализма.

Все более возрастающий интерес Ли Да-чжао к социализму побуждал его углублять свое понимание исторического материализма и еще более активно вести его разъяснение на страницах китайской печати. В течение 1920 г. он опубликовал пять работ, посвященных проблемам исторического материализма и воздействия материальной жизни обще-

<sup>11</sup> Там же, стр. 269.

ства на духовную жизнь людей. Это «Взгляд на историю», «Философия истории Маркса», «Экономическое объяснение идеологических поворотов в современном Китае», «Значение материалистического взгляда на историю для современной исторической науки» и «Материальное отражение первобытного общества в письменности и документах».

В этих статьях Ли Да-чжао выступает как образованный историк-марксист, последовательный сторонник исторического материализма, который он называет «новым, прогрессивным научным взглядом на историю», подчеркивая, что этот взгляд особенно важен для Китая, где историческая наука традиционно основывалась на идеалистическом понимании исторического процесса.

В 1920—1921 гг. в периодической литературе Китая было опубликовано более трехсот различных работ марксистского содержания.

Распространение марксизма в Китае, тесно связанное с пробуждением китайского рабочего класса, готовило условия для возникновения коммунистического движения. В октябре 1920 г. вслед за созданием с помощью посланцев Коминтерна коммунистического кружка в Шанхае (май 1920 г.), которым руководил Чэнь Ду-сю, возникает коммунистический кружок и в Пекине. Одним из его организаторов являлся Ли Да-чжао.

Серьезным событием в истории распространения марксизма в Китае была организация осенью 1920 г. в Пекинском университете Общества по изучению социализма, которым руководил Ли Да-чжао. (Общество было создано формально в октябре 1921 г.) Если в первом заседании Общества приняли участие всего девятнадцать студентов университета, то весной 1922 г. оно насчитывало уже шестьдесят три члена. На заседаниях Общества Ли Да-чжао читал лекции о научном социализме.

Уже при организации первого марксистского кружка в Пекине Ли Да-чжао считал необходимым установить связи с международным коммунистическим центром — Коминтерном и воспользоваться его опытом. Интернационализм Ли Да-чжао обуславливался глубокой верой в марксизм и научным пониманием экономических основ китайской революции.

Интерес к марксизму и участие в зарождавшемся коммунистическом движении способствовали сближению передовых революционных демократов Китая с рабочим классом страны. В 1920 г. в Китае стали издаваться специальные газеты и журналы для рабочих; в Пекине, например, печатался «Лаодун чжи ин» («Голос труда»).

При непосредственном участии Ли Да-чжао создаются первые организации рабочих. В январе 1921 г. он стал читать лекции рабочим только что созданного профсоюза железнодорожников. В это же время он активно содействовал работе Социалистического союза молодежи в Пекине.

В начале июня 1921 г. коммунистические группы организовали Всекитайский секретариат профсоюзов, целью которого было создание профсоюзов и руководство стачками.

В 1920 г. Ли Да-чжао вместе с Дэн Чжун-ся впервые в Китае организовал празднование Дня интернациональной солидарности трудящихся 1 Мая.

Однако особенно ярко интернационализм Ли Да-чжао проявлялся в его чувствах дружбы к Советскому Союзу. В 1920—1921 гг. им была развернута широкая кампания за признание Советской России. При его активном участии была создана Ассоциация китайско-русского сближения. Ли Да-чжао проводил массовые митинги, систематически

пропагандировал в прессе идею важности для Китая дружбы с Советской Россией как с новой, социалистической страной.

Пропаганда марксизма, которую устно и письменно вели Ли Да-чжао и его сторонники, готовила идейные условия для создания в Китае коммунистической партии. К лету 1921 г. коммунистические кружки существовали в Шанхае, Пекине, Кантоне, Ухани, Чанша и Цзинани. Были созданы кружки китайских коммунистов также в Японии и во Франции.

Назревала необходимость объединения коммунистических групп и кружков в единую организацию, хотя в начале 1921 г. китайские сторонники коммунизма были еще малочисленны и недостаточно теоретически подготовлены.

В июле 1921 г. в Шанхае состоялся I съезд Коммунистической партии Китая.

Встречи с представителями Коминтерна и создание КПК отразились на идейном развитии Ли Да-чжао прежде всего в виде все более возрастающего интереса к В. И. Ленину и ленинизму. Можно без преувеличения сказать, что Ли Да-чжао первым в Китае понял значение Ленина и ленинизма для мировой революции и революции в Китае.

В идейно-политическом развитии Ли Да-чжао особенно серьезную роль сыграли работы В. И. Ленина «Государство и революция», «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата», выступления В. И. Ленина на I конгрессе Коминтерна.

Ли Да-чжао посвятил первому съезду КПК специально написанную им биографию В. И. Ленина. Он подчеркнул в ней необходимость внимательного изучения трудов и указаний В. И. Ленина.

Благодаря знакомству Ли Да-чжао с ленинизмом он сделал в своем идейно-теоретическом развитии еще один важный шаг, выразившийся прежде всего в возникновении интереса к вопросу о социалистической революции и социализме в Китае. Для этого шага крайне существенным было то, что Ли Да-чжао рассматривал революцию как процесс уничтожения старой социально-экономической формации силами новой, зародившейся в ее недрах формации и вследствие борьбы классов. «Действительность подтверждает, что капитализм рождает социализм, возникновение социализма предполагает свержение капитализма. Это и означает, что капиталисты сами создают себе могильщика»<sup>12</sup>, — писал Ли Да-чжао. Причем этим могильщиком, рассуждал он, является рабочий класс, который «пробудился, обрел классовое сознание», рост же классового сознания рабочих приведет к их международной солидарности и объединению пролетариата всего мира. Таким образом, марксистская теория социалистической революции логически подводила Ли Да-чжао к идее пролетарского интернационализма. Ли Да-чжао пришел к заключению, что в Китае социалистическая революция неизбежна, что она «великая перспектива» для Китая<sup>13</sup>.

Ли Да-чжао был сторонником научного социализма в подлинно марксистско-ленинском смысле. «Социализм предусматривает плановое развитие производства, справедливое распределение и рациональное управление производством. Таким образом, он может обеспечить каждому счастье и спокойствие, удовлетворить духовные и материальные потребности. Итак, социализм означает не бедность, а богатство,

<sup>12</sup> Там же, стр. 180—181.

<sup>13</sup> Там же.

не разрушение производства, а налаживание его»<sup>14</sup>, — подчеркивал он. Из этого явствует, что социализм Ли Да-чжао не имел ничего общего с казарменным уравнильным социализмом, лишаящим человека и счастья и спокойствия, идеализирующим бедность, враждебным духовному богатству.

Свое отношение к вопросу о возможности строительства социализма в Китае Ли Да-чжао выразил в письме к Фэй Цзюэ-тяню, опубликованном весной 1921 г. под заголовком «Социализм в Китае и мировой капитализм» в журнале «Пинлунь чжи пинлунь» (т. 1, № 2).

В нем Ли Да-чжао публично поставил вопрос огромной теоретической важности: можно ли в Китае осуществить социализм, то есть созрели ли в Китае условия для социализма?

Ли Да-чжао обратил внимание на то, что ответ на этот вопрос связан с тем, созрели ли экономические предпосылки социализма в мировом масштабе, ибо китайская экономика не может рассматриваться вне рамок мировой экономики, которая распалась на капиталистическую и социалистическую. Причем в мировой экономике — делал он вывод — предпосылки для социализма созрели. Ли Да-чжао исходил из того, что для перехода той или иной страны от капитализма к социализму решающее значение имеет уже не непосредственный уровень развития данной страны, а наличие в мировой экономике социалистической социально-экономической формации.

Эту мысль Ли Да-чжао дополнил важным заключением о том, что «непосредственные производители материальных благ» должны «организовать правительство», «чтобы ликвидировать эксплуататорские классы у себя в стране, бороться с мировым капитализмом и организовать социалистическое хозяйство»<sup>15</sup>, то есть поставил вопрос о необходимости создания политической власти трудящихся с целью строительства социалистической экономики в Китае.

Для Ли Да-чжао построение социалистического общества начинается с этапа захвата власти пролетариатом, причем захвата насильственного, революционного (хотя он упоминает и мирный, парламентский путь, указывая, однако, что этот путь неизбежно терпит поражение, — мысль, для того времени не лишенная основания).

Сделанный Ли Да-чжао вывод, разумеется, не означал, что китайская революция в то время уже приобрела характер социалистической. Ли Да-чжао не ставил проблему непосредственного захвата политической власти трудящимися и строительства социализма в стране, он лишь констатировал возможность социалистического развития Китая. «Мы не можем отрицать, — писал Ли Да-чжао еще в 1919 г., — что нельзя начинать коренных преобразований, пока для них не созрели условия, но, когда они созрели, надо выбрать соответствующие методы и приступить к коренному решению проблем. Однако всему этому должна предшествовать подготовительная работа»<sup>16</sup>.

Осознание необходимости длительной «подготовительной работы» для «коренных преобразований» заставило Ли Да-чжао в течение нескольких лет рассуждать над проблемами демократии и политической власти трудящихся и привело его, как мы увидим ниже, к принятию марксистско-ленинского учения о диктатуре пролетариата.

После создания КПК Ли Да-чжао все больше включается в практическую партийную работу.

<sup>14</sup> Там же, стр. 206.

<sup>15</sup> Там же, стр. 172.

<sup>16</sup> Там же, стр. 134.

Начало 20-х годов в Китае было отмечено заметным ростом забастовочного движения. В это время произошло более 100 забастовок (главным образом экономических), в которых участвовало до 300 тыс. человек<sup>17</sup>.

В январе — марте 1922 г. впервые успешно прошла крупная забастовка китайских портовых рабочих и моряков в Гонконге. Эта победа вдохновила рабочий класс Китая на активизацию стачечной борьбы во всей стране.

КПК начала свою деятельность с создания профсоюзов. 1 мая 1922 г. состоялся легальный I съезд профсоюзов Китая, делегаты которого представляли более 200 тыс. рабочих. Руководящую роль на съезде и позднее, в осуществлении его решений, играли коммунисты.

Одновременно укреплялись связи китайских коммунистов с Советской Россией. В январе — феврале 1922 г. в Москве проходил I съезд народов Дальнего Востока, на котором Китай представляли несколько коммунистов, один член гоминьдана и беспартийные. Коммунисты и гоминьдановец были приняты В. И. Лениным, интересовавшимся возможностями сотрудничества китайских партий.

Именно в этот период Ли Да-чжао принадлежала особая роль в организаторской и пропагандистской работе партии. Он руководил Северным бюро КПК.

Ли Да-чжао живо откликался на важнейшие события, связанные с борьбой рабочего класса. Летом 1922 г. Ли Да-чжао вместе с Дэн Чжун-ся развернул борьбу за трудовое законодательство. По их инициативе Всекитайский рабочий секретариат профсоюзов выступил с широкой программой требований, которые представляли собой актуальные задачи борьбы китайского рабочего класса.

В феврале 1922 г. Ли Да-чжао читает первую публичную лекцию «Экономическое учение Маркса», популярно разъясняя учение Маркса о прибавочной стоимости и тенденции современной экономики. При этом он уделяет особое внимание вопросу об исторической миссии пролетариата. Показав, что в современном обществе складываются два класса — буржуазия и пролетариат, Ли Да-чжао отмечает: «Капиталистам противостоит рабочий класс, находящийся в неравноправном положении. Теперь он пробудился, обрел классовое самосознание. Это приведет к объединению пролетариата всего мира, к созданию всемирной экономической организации рабочих»<sup>18</sup>. Таким образом, Ли Да-чжао подчеркивает необходимость классовой солидарности пролетариата и, что особенно важно, указывает на то, что китайский рабочий класс сможет объединиться с мировым пролетариатом. «Нельзя сказать, что рабочие Китая не представляют значительной силы»,<sup>19</sup> — утверждает он. — «Учитывая обстановку внутри страны и во всем мире, как можно говорить, что многомиллионный китайский рабочий класс не является важной силой общественного развития. Мне кажется, такое утверждение крайне несправедливо»<sup>20</sup>.

Ли Да-чжао знакомит читателей с историей пролетарских организаций, с I, II и III Интернационалами: «Начали постепенно объединяться почти все рабочие мира. Силы их крепнут с каждым днем. Все

<sup>17</sup> См. Дэн Чжун-ся. Краткая история профсоюзного движения в Китае. М., 1952, стр. 23.

<sup>18</sup> Ли Да-чжао. Избранные статьи и речи, стр. 181.

<sup>19</sup> Там же, стр. 182.

<sup>20</sup> Там же, стр. 182.

ближе революция. И это целиком результат воздействия марксистского экономического учения. Его влияние сказалось также и на положении в Китае»<sup>21</sup>.

Наряду с этим он указывает на возможность сплочения китайского пролетариата с мировым: «Существует мнение, что, поскольку китайский рабочий класс не имеет своей экономической организации, он не может объединиться с мировым пролетариатом. Я никак не могу с этим согласиться». Далее Ли Да-чжао утверждает, что многомиллионный китайский рабочий класс является серьезной революционной силой, так как «гнет иностранного капитала, которому подвергаются китайские рабочие, сильнее эксплуатации, которую испытывает пролетариат различных стран со стороны своей буржуазии»<sup>22</sup>.

Ли Да-чжао уделил рабочему классу, особенно истории международного рабочего движения, большое внимание, опубликовав на эту тему около 15 статей. И это не было случайностью, поскольку для Ли Да-чжао рабочий класс — могучий, передовой, самоотверженный отряд революции, призванный ниспровергнуть капитализм, пробудившийся и обретший классовое самосознание, благодаря чему происходит объединение пролетариата всего мира и возникает всемирная экономическая организация рабочих. «Сегодняшний Китай, — подчеркивал Ли Да-чжао, — угнетает капиталистический империализм. Кто способен во всей стране оказать ему сопротивление — буржуазия, мелкая буржуазия, интеллигенция? Только пролетариат. В национальной революции только пролетариат является авангардом»<sup>23</sup>.

В июне 1922 г. было опубликовано «Заявление Коммунистической партии Китая о положении в стране», написанное Чэнь Ду-сю и утвержденное ЦК КПК. Оно было согласовано с пекинской партийной организацией, в том числе и с Ли Да-чжао.

В «Заявлении» впервые был сформулирован лозунг национального единого фронта и вносилось предложение о созыве конференции представителей всех социалистических и демократических партий и организаций, в том числе компартии и гоминьдана, для совместной выработки платформы антиимпериалистической и антимилитаристской борьбы.

В июле 1922 года в Шанхае нелегально собрался II съезд КПК, в работе которого участвовал Ли Да-чжао. На съезде в ЦК КПК было избрано пять человек, в том числе Чэнь Ду-сю (генеральный секретарь) и Ли Да-чжао.

После съезда КПК развернула работу по укреплению связей партии с пролетариатом. Активное участие в этой деятельности принял в Северном Китае Ли Да-чжао, который вместе с Дэн Чжун-ся возглавил создание на железных дорогах Северного Китая, и в частности на Пекин-Ханькоуской дороге, профсоюзных организаций, движение за увеличение прослойки коммунистов среди рабочих и т. д.

В феврале 1923 г. началась забастовка железнодорожников Северного Китая, которой руководили коммунисты во главе с Ли Да-чжао. Забастовка была жестоко подавлена. Ли Да-чжао был вынужден бежать на юг страны. Опираясь на опыт этой и других забастовок, он подчеркнул, что «рабочий класс — самый мужественный, самый мощный авангард национально-освободительного движения»<sup>24</sup>.

<sup>21</sup> Там же, стр. 183.

<sup>22</sup> Там же, стр. 182.

<sup>23</sup> Там же, стр. 240.

<sup>24</sup> Там же.

Характерно, что именно в это время Ли Да-чжао все более упорно работает над проблемами демократии и политической власти пролетариата. Еще в марте 1921 г. Ли Да-чжао впервые выражает мысль о необходимости диктатуры пролетариата (статья «Производство при социализме»); эту идею он развивает в конце 1921 г. в работе «От демократии к власти рабочих». В статье «Демократия и власть рабочих» (июль 1922 г.) Ли Да-чжао рассматривает мысль Ленина о необходимости отличать пролетарскую демократию от буржуазной демократии. Он указывал, что Ленин, хотя и выступал за демократию, но резко критиковал парламентаризм как обман и требовал превратить парламент в практически действующий орган. В этой работе Ли Да-чжао снова подчеркивает мысль о необходимости диктатуры пролетариата. «Во время революции, — пишет он, — для подавления реакционеров, которые стремятся снова поднять голову, и укрепления основ новой системы и новых идеалов нельзя не пройти через период диктатуры пролетариата». Ли Да-чжао считает, что в период, когда власть пролетариата приходит на смену буржуазии и господство трудящихся заменяет господство буржуазной олигархии, политика рабочих имеет характер господства, причем господства очень строгого, власть полностью сосредоточивается в руках центрального правительства, которое твердо осуществляет господство над другими классами<sup>25</sup>.

В самом начале 1923 г. Ли Да-чжао снова выступает с большой статьей, посвященной проблемам демократии, в которой особое внимание уделяет власти рабочего класса и диктатуре пролетариата.

«В период диктатуры пролетариата, — указывает Ли Да-чжао, — политика имеет характер господства, причем очень строгого, большая власть концентрируется в руках центрального правительства, осуществляющего господство над другими классами. Это и есть замена власти одного класса властью другого класса, замена буржуазной олигархии господством рабочего класса. Причем в период революции это совершенно необходимая ступень»<sup>26</sup>.

Далее Ли Да-чжао делает вывод, что власть рабочего класса — это и есть истинная, чистая демократия, и снова обращает внимание на различие между буржуазной демократией и пролетарской демократией, сделанное В. И. Лениным в 1919 г. в докладе на конгрессе Коминтерна, а также на его высказывания о пролетарской демократии в работе «Государство и революция».

Свой труд Ли Да-чжао завершает следующим заключением: «Истинная демократия — это полное разрушение классов, обладающих особыми правами в политической, экономической и социальной областях, с тем чтобы весь народ стал работником, полезным обществу и государству. Политические органы не должны господствовать над человеком, они должны быть лишь инструментом управления вещами, осуществляемого всем народом... Только такое общество будет демократическим, и только в таком демократическом обществе будут свободные и равные индивиды»<sup>27</sup>.

К идее диктатуры пролетариата Ли Да-чжао еще раз обращается в январе 1923 г., рассматривая проблему экономической организации общества при социализме. На этот раз вопрос о диктатуре пролетариата Ли Да-чжао связывает с революционным преобразованием общества

<sup>25</sup> Ли Да-чжао. Избр. произв., стр. 397—398.

<sup>26</sup> Там же, стр. 425—426.

<sup>27</sup> Ли Да-чжао. Избр. произв., стр. 427.

путем насильственного захвата власти пролетариатом. При этом он напоминает слова Маркса в «Критике Готской программы» о том, что между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата<sup>28</sup>.

Пропаганда идеи диктатуры пролетариата в Китае, предпринятая Ли Да-чжао в 1921—1923 гг., свидетельствовала о том, что он, еще в начале 1919 г. отрицавший любую диктатуру вообще (см. его работу «Диктатура простого народа»), теперь целиком встал на позиции марксизма-ленинизма в самом важном и принципиальном для дела пролетариата вопросе, а именно в вопросе о его политической власти. Эта пропаганда имела и имеет огромное значение для китайской революции.

Разумеется, Ли Да-чжао в то время еще недостаточно понимал, что в Китае сначала будет возможна революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, которая должна подготовить условия для диктатуры пролетариата.

В этот же период китайские коммунисты переходят к практическим действиям с целью создания единого национально-революционного фронта. В августе 1922 г. Ли Да-чжао и Линь Бо-цуй встретились с Сунь Ят-сеном в Шанхае и обсудили проблемы создания единого фронта. В статье «Распространить влияние гоминьдана на весь Китай»<sup>29</sup> Ли Да-чжао активно призывал к вступлению членов КПК в гоминьдан. Сунь Ят-сен выразил согласие с идеей единого фронта, и через несколько дней Ли Да-чжао, Чэнь Ду-сю, Цай Хэ-сэнь и другие лидеры КПК вступили в индивидуальный порядке в члены гоминьдана, подавая личный пример реализации идеи создания единого фронта и превращения гоминьдана в массовую революционную партию, способную руководить борьбой народных масс против империализма и милитаризма.

Весной 1923 г. Сунь Ят-сен возглавил правительство в Гуанчжоу. Это позволило КПК действовать в южных районах Китая легально. ЦК КПК переехал в Гуанчжоу и провел в июне 1923 г. легальный III съезд КПК.

Основным вопросом на съезде было определение отношения коммунистов к гоминьдану. Ли Да-чжао и Чэнь Ду-сю во главе большинства коммунистов доказывали необходимость создания антиимпериалистического национального единого фронта, объединения сил, целесообразность рекомендаций Коминтерна по объединению партий. Ли Да-чжао поддержал на съезде резолюцию Исполкома Коминтерна от 12 января 1923 г. «Об отношении КПК к партии гоминьдан».

Сунь Ят-сен в этот период в свою очередь начал подготовку реорганизации разношерстного в политическом и организационном отношении гоминьдана, используя опыт Советской России. В этом ему активно помогали представитель Коминтерна М. М. Бородин, Ли Да-чжао, Цюй Цю-бо, Чжан Тай-лэй и другие коммунисты.

Несмотря на огромную занятость практической организационной партийной работой, Ли Да-чжао продолжал активно вести пропаганду марксизма-ленинизма, уделяя особенно большое внимание разъяснению проблем научного социализма. В январе 1923 г. он выступил с

<sup>28</sup> К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., изд. 2, т. 19, стр. 27.

<sup>29</sup> «Сяньдао», № 21, стр. 154.

докладом в Пекинском университете на тему: «Экономическая организация общества при социализме». В ноябре того же года он делает доклад «О социализме» в Шанхайском университете. В своих выступлениях по вопросу о социализме Ли Да-чжао подробно разбирает проблему обобществления средств производства, и организации промышленности, труда и распределения, отмечая, что при социализме будут достигнуты высокие темпы развития, невозможные для капитализма. Ли Да-чжао подчеркивает, что «социализм — это такой общественный строй, при котором в разрешении нуждаются не столько политические, сколько экономические вопросы, ибо здесь господство вещи над человеком уступает место господству человека над вещью»<sup>30</sup>. Причем при социализме прогресс науки и техники будет полезен всем и человек получит возможность для культурного отдыха. Это будет строй подлинной свободы и равенства. Он рассматривает взгляды скептиков, считающих, что при социализме наступит бедность, пренебрежение к труду, отсутствие свободы. Убедительно критикуя эти взгляды, Ли Да-чжао указывает: «И если мы хотим добиться подлинной свободы и настоящего равенства, мы должны создать социалистический строй, свергнув господствующий ныне буржуазный»<sup>31</sup>.

В январе 1924 г. в Гуанчжоу начал работу I съезд гоминьдана.

Ли Да-чжао принимал активное участие в подготовке и проведении съезда, в частности в составлении манифеста. Он был избран членом президиума, председательствовал на одном из заседаний, участвовал в работе трех комиссий. На съезде Ли Да-чжао выступил с речью, в которой дал отповедь нападкам правых гоминьдановцев на политику КПК. Он подчеркнул, что вступил в гоминьдан не для того, чтобы превратить его в компартию, а для того, чтобы совершить вместе с товарищами национальную революцию, руководствуясь принципами гоминьдана, но не отказываясь от организационной и политической самостоятельности компартии.

Отстаивая линию объединенного революционного фронта, Ли Да-чжао исходил из того, что малочисленная коммунистическая партия нуждалась в сотрудничестве с массовыми демократическими организациями, важнейшей из которых в то время был гоминьдан.

Съезд гоминьдана положил начало единому антиимпериалистическому фронту, состоявшему из весьма различных по политическим задачам слоев общества, но единых в борьбе с империалистами и китайскими милитаристами.

В период работы съезда поступило известие о смерти В. И. Ленина. Сунь Ят-сен произнес на съезде траурную речь, в которой отметил великие заслуги В. И. Ленина перед мировым рабочим движением и указал, что идеи вождя революционной партии России будут еще долго питать передовых людей всего мира.

Ли Да-чжао вместе с М. М. Бородиным выступил 7 февраля на траурном митинге в Гуанчжоу, посвященном памяти В. И. Ленина и расстрелянных китайских железнодорожников.

В речи на траурном митинге в Пекине Ли Да-чжао говорил о том, что смерть Ленина — огромная утрата для всего человечества, и особенно для китайцев, потерявших в нем своего великого друга. Он подчеркивал, что Ленин — лучший друг слабых и малых наций, преданней-

<sup>30</sup> Там же, стр. 202.

<sup>31</sup> Ли Да-чжао. Избранные статьи и речи, стр. 208.

ший слуга угнетенных, благородный, мужественный борец, посвятивший себя делу мировой революции...<sup>32</sup>

С 1921 г. Ли Да-чжао считал себя ленинцем. Он неоднократно отмечал роль В. И. Ленина как великого теоретика и замечательного организатора революционных сил.

После I съезда гоминьдана возникли условия для укрепления советско-китайских связей. 31 мая 1924 г. в Пекине было подписано «Соглашение об общих принципах урегулирования вопросов между СССР и Китайской республикой», и в этом была известная заслуга Ли Да-чжао.

Весной 1924 г. Ли Да-чжао уехал в Москву в качестве руководителя китайской делегации на V конгрессе Коминтерна. Перед отъездом он заявил: «Теоретический уровень нашей партии, к сожалению, не удовлетворяет тем политическим потребностям, которые ставит перед нашей партией революционная борьба. Вот и я еду в Москву не столько в качестве делегата партии, сколько в качестве ученика, чтобы получить нужный опыт у русских революционеров и затем применить его у нас, в Китае»<sup>33</sup>.

В течение нескольких месяцев Ли Да-чжао ознакомился с жизнью Советской России и деятельностью ленинской коммунистической партии. Его корреспонденции из Москвы полны восхищения успехами молодого Советского государства, руководимого коммунистической партией. Он с удовлетворением отмечает создание в СССР общества «Руки прочь от Китая», выступавшего против попыток империалистов вмешиваться в судьбы Китая.

Вернувшись из Советского Союза, Ли Да-чжао снова активно включился в политическую борьбу. Его деятельность вызывала все большее недовольство местных милитаристов. В сентябре 1924 г. Ли Да-чжао был схвачен агентами секретной службы У Пэй-фу и подвергнут допросу. Однако авторитет и популярность Ли Да-чжао как ученого и политического деятеля были настолько велики, что секретная служба была вынуждена вскоре освободить Ли Да-чжао.

В январе 1925 г. в Шанхае нелегально собрался IV съезд КПК. На съезде был сделан вывод о том, что Китай «идет к национальной революции», в связи с чем первостепенная задача партии определялась как завоевание гегемонии пролетариата в этой революции. Съезд призвал партию к укреплению связей с рабочим классом и крестьянством, подчеркнув, что в Китае особенно важно вовлечение крестьянства в революционную борьбу под руководством пролетариата. Съездом были сформулированы основные лозунги крестьянского движения. Его решения указывали путь к созданию действительно массовой политической партии. В новый состав ЦК опять вошел Ли Да-чжао.

Накануне 1925 г. Сунь Ят-сен приехал в Пекин, где вскоре встретился с Ли Да-чжао для обсуждения вопросов борьбы за демократическое преобразование Китая. 1 марта 1925 г. по инициативе Ли Да-чжао была созвана конференция представителей комитетов содействия созыву национального собрания. Конференция, работавшая под руководством Ли Да-чжао, приняла антиимпериалистические и антимилитаристские резолюции и программу демократических преобразований страны.

Забастовки на фабриках в Шанхае и Сянган-Гуанчжоу, расстрелы рабочих в Циндао и демонстрации в Шанхае в мае 1925 г. положили начало революции 1925—1927 гг.

<sup>32</sup> Там же, стр. 213.

<sup>33</sup> Там же, стр. 26, 27.

Учитывая соответствующие указания Коминтерна и решения IV съезда КПК, Ли Да-чжао и другие китайские коммунисты, ведя именно в это время особенно активную работу по соединению научного социализма с рабочим движением, теперь обратили особое внимание и на крестьянский вопрос.

Развертывание классовой борьбы китайского пролетариата в первой половине 20-х годов постепенно воздействовало на крестьянство, которое все более втягивалось в революционный процесс. Первый крестьянский союз был создан в Китае еще осенью 1922 г.

Следует отметить, что Ли Да-чжао уже в 1919 г. понимал значение освобождения крестьянства, отмечая, что без освобождения крестьян «не может быть и речи об освобождении нации»<sup>34</sup>.

Народническое, просветительское отношение к крестьянству и аграрной проблеме в целом Ли Да-чжао постепенно преодолевал благодаря все более глубокому знакомству с марксизмом-ленинизмом. Марксистский подход к крестьянскому вопросу нашел отражение в его работах «Земля и крестьянство» (декабрь 1925 — февраль 1926) и «Общества «Красные пики» в провинциях Шаньдун, Хэнань, Шэньси». Эти работы Ли Да-чжао по крестьянскому вопросу отражали новое, более глубокое понимание аграрной проблемы со стороны китайских коммунистов. Кроме того, появление этих работ было связано также со слиянием рабочего движения во время революции 1925—1927 гг. с крестьянским движением.

Показывая остроту аграрного вопроса в Китае, Ли Да-чжао подчеркивал, что этот вопрос «ждет своего разрешения революционными силами рабочего класса и крестьянства»<sup>35</sup>, и обращал при этом внимание на то, что «при оценке движущих сил революции нельзя не признать крестьянство важной их частью»<sup>36</sup>.

Это значит, что в 1925—1926 гг. Ли Да-чжао считал, во-первых, что аграрная проблема в Китае будет решена силами рабочего класса и крестьянства (ставя при этом на первое место рабочий класс и тем самым обращая внимание на его важность и руководящую роль), и, во-вторых, рассматривал крестьянство не как лидера и гегемона движущих сил революции, а только как «важную их часть». Ли Да-чжао понимал, что в «крестьянском движении рождается великая сила»<sup>37</sup>, но он был далек от того, чтобы переоценивать возможности этой силы. Он осознавал ее недостатки (крестьянская ограниченность, привязанность к собственным клочкам земли, надежды на «справедливого спасителя», мистика, опасность раскола крестьянского движения и т. д.), считая, однако, что правильная работа среди крестьян «даст возможность постепенно преодолеть узконационалистическое сознание крестьян и поможет им понять, что рабоче-крестьянские революционные массы мира — их друзья». «Мы должны добиться, чтобы крестьяне поняли роль своего класса, отказались от местной ограниченности и приобрели классовое сознание»<sup>38</sup>, — писал Ли Да-чжао.

Призывая коммунистов возглавить работу в деревне и оказывать помощь революционной борьбе китайского крестьянства, сам Ли Да-чжао начал активно выяснять экономические и политические требования крестьян, одновременно изучая историю революционного движения китайского крестьянства.

<sup>34</sup> Там же, стр. 92.

<sup>35</sup> Там же, стр. 247.

<sup>36</sup> Там же.

<sup>37</sup> Там же, стр. 284.

<sup>38</sup> Там же, стр. 287, 290.

После смерти Сунь Ят-сена в марте 1925 г. положение в гоминьдане еще более осложнилось. Правое, реакционное крыло гоминьдана в конце 1925 г. стало открыто требовать разрыва единого фронта с КПК. Одновременно в гоминьдане разворачивалась борьба вокруг идейного наследия Сунь Ят-сена. Уже в 1925 г. Дай Цзи-тао начал последовательную фальсификацию взглядов Сунь Ят-сена, опубликовав работы «Национальная революция и гоминьдан Китая» и «Философские основы суньятсенизма».

В этой обстановке китайским коммунистам было необходимо показать свое отношение к Сунь Ят-сену и дать правильное толкование его наследия. Кроме того, в период революции 1925—1927 гг. было важно напомнить китайскому народу о его революционных традициях борьбы против империализма, которые сыграли немаловажную роль в появлении суньятсенизма, а также подчеркнуть идею солидарности с мировым революционным движением. Эту задачу взял на себя Ли Да-чжао. В 1926 г. он выступил с двумя работами о Сунь Ят-сене — «Место Сунь Ят-сена в истории китайской национальной революции» и «Национальная революция в учении Сунь Ят-сена и мировая революция».

В этих работах Ли Да-чжао рассматривает Сунь Ят-сена прежде всего как руководителя национально-революционного движения в Китае против империализма, преемника и продолжателя славных национально-революционных традиций китайского народа.

Подчеркивая, что Сунь Ят-сен «глубоко внедрял революцию в рабоче-крестьянские массы, добивался установления широких связей китайской революции с революционными народами мира»<sup>39</sup>, Ли Да-чжао разоблачал правых гоминьдановцев, боявшихся участия в революции рабоче-крестьянских масс и стремившихся изолировать революционное движение в Китае от мирового революционного процесса, и прежде всего от Советского Союза. Именно поэтому он снова вернулся к идее о связи китайской революции с мировой в статье «Национальная революция в учении Сунь Ят-сена и мировая революция». В ней он опять напомнил, что китайское национально-революционное движение — часть мировой революции.

Трудно переоценить значение этих статей Ли Да-чжао для дела китайской революции в 1926 г., когда уже явно обозначалась контрреволюционная махровая националистическая тенденция в правом гоминьдане.

Эти работы Ли Да-чжао еще раз показали, что он был последовательным интернационалистом и именно в 1925—1926 гг. горячо выступал за солидарность китайских революционеров с международным революционным пролетарским движением. Последнее важно иметь в виду потому, что фальсификаторы взглядов Ли Да-чжао именно этот период его жизни пытаются изобразить как поворотный к национализму.

Работы и деятельность Ли Да-чжао свидетельствуют о том, что он не только чувствовал и осознавал свою принадлежность к китайскому революционному движению и коммунизму, но совершенно сознательно причислял себя к членам международного революционного движения, к «международной семье марксистов», понимал свои обязанности по отношению к Коминтерну, считался с мнениями и пожеланиями последнего, то есть был последовательным интернационалистом, сторонником солидарности «международной армии рабочих». Интернационализм лежал в основе политических взглядов Ли Да-чжао, утверждавшего, что любовь только к своей стране «основана на принципах на-

<sup>39</sup> Там же, стр. 277.

ционализма», а забота о человечестве «исходит из принципов интернационализма», что национализм — «источник постоянных войн», а интернационализм — «источник мира».

Одновременно Ли Да-чжао продолжал с позиций марксизма анализировать национально-революционное движение в Китае.

Развитие и углубление революции 1925—1927 гг. вело к резкому размежеванию в лагере национальной революции.

В Южном, Восточном и Северном Китае весной 1927 г. начинался террор против коммунистов, профсоюзных деятелей, участников крестьянских союзов и левых гоминьдановцев. Готовилась открытая империалистическая интервенция.

Китайская и международная реакция спешила задушить революцию.

18 марта 1926 г. в Пекине состоялась массовая демонстрация, которой руководили Ли Да-чжао и другие коммунисты. Демонстранты выступили с лозунгами против ненавистного диктатора Чжан Цзо-линя и японских империалистов. Демонстрация была расстреляна. Ли Да-чжао был ранен в голову. Власти Пекина издали приказ о его аресте как организатора демонстрации. Он был вынужден уйти в подполье, где продолжал выполнять свои функции секретаря Северного бюро КПК и пекинской организации гоминьдана.

6 апреля 1927 г. солдаты Чжан Цзо-линя ворвались на территорию жилого городка при советском посольстве в Пекине, где скрывался Ли Да-чжао с группой товарищей, и арестовали их. Начались допросы и пытки, но никакие мучения не могли сломить воли коммунистов.

Тем временем обстановка в Китае продолжала обостряться. Чан Кай-ши совершил контрреволюционный переворот в Шанхае и 18 апреля создал в Нанкине контрреволюционное правительство.

Наступление реакции подтолкнуло Чжан Цзо-линя на принятие решения о казни Ли Да-чжао.

27 апреля в Ухани начал работу V съезд КПК, а на следующий день, 28 апреля 1927 г., невзирая на массовые протесты, реакционеры без суда казнили Ли Да-чжао и его товарищей. Это была тяжелая утрата для китайского народа, Коммунистической партии Китая и международного коммунистического движения.

В некрологе, опубликованном в журнале «Сяндао чжоубао» в мае 1927 г., ответственность за гибель Ли Да-чжао, «вождя революционного движения на севере», возлагалась на Чан Кай-ши, Чжан Цзо-линя — союзников империализма.

В историю китайского и мирового революционного движения имя Ли Да-чжао вошло навечно.

Ли Да-чжао — мыслитель и политический деятель нового, ленинского типа. Большую идейно-теоретическую работу он сочетал с практической революционной деятельностью, смело вносил социалистическую идеологию в среду пролетариата, прилагал усилия, направленные на объединение рабочего и крестьянского движений, на слияние всех потоков китайской революции в мощное, единое течение.

Ли Да-чжао первым в Китае и одним из первых в Азии правильно осмыслил революционные процессы эпохи и благодаря этому не только сумел успешно завершить свои трудные поиски истины открытием и освоением марксизма-ленинизма, но и начал активную борьбу за изменение мира, руководствуясь идеями научного коммунизма, сделал марксизм-ленинизм для себя и своих товарищей по партии руководством к действию. В этом его исключительная заслуга перед китайским и мировым коммунистическим движением.

## Из истории Коммунистического университета трудящихся Китая

*Г. В. Ефимов,  
доктор исторических наук*

**В** обширной литературе, посвященной советско-китайским отношениям, истории развития дружбы советского и китайского народов, опубликованной как в СССР, так и публиковавшейся до 60-х годов в КНР, не нашла пока отражения очень важная страница этих отношений — деятельность находившегося в Москве Университета трудящихся Китая им. Сунь Ят-сена (1925—1929), впоследствии преобразованного в Коммунистический университет трудящихся Китая (1929—1930) \*.

Цель данной статьи — осветить в общих чертах эту замечательную страницу в истории дружбы советского и китайского народов.

Идея создания в Советском Союзе специального высшего учебного заведения для трудящихся Китая была порождена всем ходом революционной национально-освободительной борьбы китайского народа против империалистических угнетателей, гнета милитаристов и феодалов-помещиков. Революционное движение Китая неизменно пользовалось поддержкой Советского Союза. Именно с помощью Советского правительства в Гуанчжоу (Кантоне) в начале 1924 г. была создана офицерская школа Хуанпу. Но революционный Китай нуждался не только в военных кадрах. Нужны были хорошо подготовленные, политически образованные общественные деятели. Организовать такое учебное заведение в самом Китае в начале 20-х годов не представлялось возможным. И здесь на помощь пришел Советский Союз.

С 1921 г. в Москве работал Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ). В нем обучалась сравнительно небольшая группа молодых китайских революционеров и политэмигрантов.

Китайская революция развивалась под знаменем единого национально-освободительного фронта — союза революционных классов, основой которого стало сотрудничество Компартии Китая и гоминьдана. Закономерно, что будущий университет не мог ограничить свою цель подготовкой кадров партийных работников для компартии. Его задача заключалась в том, чтобы готовить кадры общественных работников Китая — активных и сознательных участников и организаторов дела построения нового Китая. В этих целях осенью 1925 г. в Москве был открыт Университет трудящихся Китая, получивший имя выдающегося китайского революционера-демократа Сунь Ят-сена.

---

\* В литературе последних лет встречается неполное название первого учреждения — Университет им. Сунь Ят-сена, а также название никогда не существовавшего учебного заведения — Коммунистический университет трудящихся Китая им. Сунь Ят-сена. Иногда необоснованно сокращают название Университета трудящихся Китая им. Сунь Ят-сена — КУТК, вместо УТК. КУТК — сокращение для Коммунистического университета трудящихся Китая, организованного в 1929 г.

\* \* \*

Начиная с 70-х годов XIX в. Китай стал практиковать посылку молодых людей для обучения за границу, сначала в США, затем в Японию и западноевропейские страны. В начале XX в., в годы первой мировой войны, эта практика получила еще больший размах. Известно, какую большую роль в подготовке революции 1911 г. сыграла молодежь, обучавшаяся в Японии и оказавшаяся под влиянием Сунь Ят-сена и Объединенного союза. В конце мировой войны и вскоре после нее некоторые молодые китайцы, работавшие и учившиеся в Западной Европе (особенно во Франции), стали коммунистами. Но вплоть до 20-х годов китайская молодежь не обучалась в России.

Октябрьская революция коренным образом изменила ситуацию. Советская Россия стала огромной притягательной силой для патриотической, революционно настроенной китайской молодежи. Китайский революционер-интернационалист Цюй Цю-бо так вспоминает Москву начала 20-х годов: «На юнца с Востока, исполненного страстных надежд, хрупкого, слабого телом и духом, обрушилось все многообразие новых впечатлений, новых звуков. От столицы нового Красного государства далеко-далеко окрест растекаются сверкающие лучи длиной в десять тысяч чжанов, оттуда в грядущие тысячелетия несутся могучие звуки. Красная столица уже стала, несомненно, величайшей вышкой мира, отражением всего и вся» \*\*.

Цюй Цю-бо был одним из самых первых посланцев революционных сил Китая. Он прибыл в Москву в качестве журналиста в 1921 г. Тогда же, зимой 1920/21 г., появилась первая группа представителей китайской революционной молодежи для обучения в КУТВ. Спустя несколько лет сложились условия для того, чтобы Москва стала важным очагом воспитания сотен передовых китайцев, сознательных бойцов за новый, демократический Китай. Разумеется, Университет трудящихся Китая им. Сунь Ят-сена (УТК) мог справиться со своими задачами только при условии поддержки со стороны прогрессивных организаций самого Китая. Основными политическими организациями, поддержавшими идею создания университета в Москве, были ЦИК гоминьдана и ЦК Компартии Китая. Они отбирали и направляли будущих студентов. Естественно, что критерии отбора были не идентичны: руководство каждой из партий отбирало тех кандидатов, которые в наибольшей степени отвечали требованиям, предъявлявшимся данной партией. Первая группа, выехавшая из Шанхая, прибыла в Москву в ноябре 1925 г. Тогда же состоялось официальное открытие университета.

Для организации университета и оказания ему всемерной материальной и идейно-руководящей помощи было создано Общество содействия университету трудящихся Китая им. Сунь Ят-сена. Членами общества могли быть как отдельные лица, так и учреждения, уплачивающие установленные взносы. Согласно уставу общества, оно должно было вовлекать граждан СССР в его ряды и побуждать их к активному участию в работе: устраивать собрания, платные лекции, концерты, вечера, выпускать печатные издания. Средства общества складывались из субсидий учреждений — членов общества, членских взносов, пожертвований и доходов от лекционной и издательской деятельности.

Правление общества (в составе семи человек) одновременно было и руководящим органом университета. В его состав входил ректор университета.

\*\* Цюй Цю-бо. Избранное. Перев. с кит. М., 1975, стр. 26.

Основная функция УТК была определена так: университет является высшим учебным заведением, ставящим своей задачей социально-политическое образование общественных работников Китая.

Основа деятельности каждого университета — учебный процесс. Исходя из этого, надо было определить круг дисциплин, которые должны были изучать китайские студенты. Но прежде всего вставал вопрос о языке преподавания. Естественно, что прибывавшие из Китая студенты русского языка не знали. Среди же профессоров и преподавателей лишь считанные единицы владели китайским языком, поэтому преподавание ведущих дисциплин велось на русском языке с последующим переводом на китайский. Но и здесь возникали трудности с переводчиками.

Было найдено наиболее правильное решение: использовать первое полугодие пребывания китайских студентов в УТК для обучения их русскому языку, с тем чтобы в дальнейшем студент мог воспринимать русскую речь; наиболее же ответственные курсы читались и на старшем курсе с переводчиком. Срок обучения в УТК был определен в два года. Русский язык изучался на протяжении всего времени занятий в университете, вторым языком был западный\*\*\*. Учебные задания, учебные пособия для студентов переводились на китайский язык и размножались в необходимом количестве экземпляров.

В УТК работали ныне здравствующие китаисты — знатоки китайского языка И. М. Ошанин, В. С. Колоколов; вел занятия бывший профессор Пекинского университета А. А. Иванов (А. Ивин). При их участии, умело используя разнообразные методы обучения, университет добивался больших успехов в обучении китайских студентов русскому языку. Постепенно некоторые из окончивших УТК студентов, проявивших хорошие способности в овладении русским языком, также привлекались к переводческой работе.

В первом полугодии русским языком занимались шесть дней в неделю по 4 часа в день. Начинали с чтения газеты («Правда»), обращая особое внимание на фонетику, на следующем этапе обучения читали художественную прозу («Мать» А. М. Горького), далее изучали грамматику. Некоторая часть студентов достигала существенных успехов в русском языке, другие могли начать слушать основные курсы.

Изучаемые в УТК предметы были сгруппированы следующим образом: а) экономика, б) история, в) вопросы современного мировоззрения, г) теория и практика Российской революции, д) национальный и колониальный вопрос, е) вопросы общественного развития Китая, ж) языкознание. Преподаватели были объединены по этим группам в предметные комиссии, в которые входил и представитель старостата студентов.

Были созданы кабинеты, в которых сосредоточивались наглядные пособия, учебные материалы.

Назовем некоторые конкретные предметы, читавшиеся в УТК: история китайского революционного движения, всеобщая история (собственно история революционного движения), история развития общественных форм (это был курс истории и теории социально-экономических формаций, о нем будет сказано особо), философия (диалектический и исторический материализм), политэкономия (в основе — изучение «Капитала»

\*\*\* Некоторые китайские студенты приезжали со знанием западного языка (при самом разном уровне подготовки). Это давало возможность в отдельных группах вести занятия на английском языке, если находился соответствующим образом подготовленный преподаватель. Поясним, что хотя основная масса студентов приезжала из Китая, но некоторые прибывали из США, Германии, Франции, где они какое-то время учились или работали.

К. Маркса), экономическая география, ленинизм (в основном по книге И. В. Сталина «Об основах ленинизма»).

В УТК (как и в системе высшего образования в стране в целом) было много поисков наиболее эффективных методов обучения. При изучении общественных дисциплин практиковалась такая система: профессор читал лекцию (на русском языке, с переводчиком), затем проводилась консультация по всем возникавшим вопросам в процессе самостоятельной работы, далее следовала заключительная конференция, где проходила свободная дискуссия, на которой профессору принадлежала роль посредника, за ним же было заключительное слово.

Основной учебной ячейкой был кружок. В феврале 1926 г., когда УТК в основном был уже укомплектован, работало 11 кружков численностью от 20 до 40 человек. Всего же в начале 1926 г. было 300 с лишним студентов, а к концу 1926 г., когда в УТК было уже два курса, — свыше 500.

Вскоре после образования УТК возникла необходимость организации подготовительного класса. Прибывали часто малоподготовленные люди, владевшие только разговорным китайским языком, малограмотные. Вместе с тем это были люди, как правило, преданные делу революции. Выход был найден в организации подготовительного отделения, где изучался китайский язык, история, география, арифметика и обществоведение.

На плечи профессоров и преподавателей УТК легла большая ответственность за подготовку революционных кадров Китая. Кто же выполнял эти обязанности? Среди профессоров и преподавателей УТК был П. А. Миф, глубоко и всесторонне занимавшийся проблемами китайской революции. Он был проректором и ректором УТК (а затем и УТК — Коммунистического университета трудящихся Китая). Вели педагогическую работу М. Волин (С. Н. Беленький), Е. С. Иолк, И. И. Мадьяр, В. Н. Кучумов, М. Г. Андреев и другие китаисты. Основные теоретические курсы читали виднейшие специалисты Коммунистической Академии, часто выступали руководящие партийные и советские работники. Важным компонентом учебного процесса в УТК было военное обучение. Вся система организации УТК предусматривала активное участие студенчества в общественной и культурной жизни университета. С этой целью в УТК был создан единый коллектив студентов и сотрудников университета. Во главе коллектива стояло бюро, избранное общим собранием.

Многочисленные студенческие организации были школой общественно-организационной работы. К числу таких организаций относились комитет (бюро) коллектива, правление клуба, учебно-воспитательный совет, бюро старост, хозяйственное бюро, совет санитарии и физической культуры, касса взаимопомощи, ревизионная комиссия. На собрании коллектива выбирался также товарищеский суд.

Все эти формы общественной организации в УТК, бесспорно, были важны и полезны, они способствовали росту студенческой активности, помогали выявить организаторов, вожakov, служили средством ознакомления китайской молодежи с советским опытом. Следует подчеркнуть, что университетский коллектив был крайне сложным организмом. Существовали трудности, обусловленные различием социального происхождения студентов, уровнем их общеобразовательной и языковой подготовки; на атмосфере УТК сказывалось и наличие группировок, объединявшихся по провинциальным связям; но главным было различие в партийной принадлежности, в политических взглядах. Это обстоятельство выявлялось с особой силой в связи с развитием политической борьбы в самом Китае, в ходе революции 1925—1927 гг.

Драматические события в Китае лета 1927 г. осложнили обстановку в УТК. 26 июля ЦИК гоминьдана специальным циркуляром запретил членам гоминьдана пребывание в УТК. Студенты-гоминьдановцы начали покидать Москву. Некоторые из левых гоминьдановцев вступили в КПК, другие выехали в Китай.

Пришла пора заново решать все вопросы работы университета. Он был превращен в коммунистическое высшее учебное заведение. Эта задача рассматривалась еще в 1927 г. В докладе для китайской комиссии Коминтерна П. А. Миф предлагал сократить число некоммунистов и некомсомольцев до 20% студенческого состава университета; в УТК были достигнуты некоторые успехи в подготовке и выдвижении студентов на преподавательскую работу, предлагалось расширить состав лекторской группы, с тем чтобы готовить высококвалифицированные теоретические силы КПК. П. А. Миф большое значение придавал работе кабинета китаеведения, предлагая вести дело к организации Научно-исследовательского института по Китаю.

Окончательный разрыв гоминьдана с компартией в июне 1927 г. внес полную ясность в проблему отбора кадров для УТК. Условия приема предусматривали, что университет становится Коммунистическим вузом. И все же 1928/29 учебный год был для университета еще переходным от УТК к КУТК.

Набор студентов для УТК после поражения революции 1925—1927 гг. становился сложной проблемой: те, кого направлял в Москву ЦК КПК, должны были уезжать из Китая нелегально, зачастую рискуя жизнью,— в стране воцарился белый террор. Менее сложно, но тоже с весьма значительными трудностями можно было организовать набор студентов из числа китайцев, проживавших за пределами Китая — в Западной Европе. Но здесь возможности были, очевидно, все же ограничены.

Университет считал желательным, чтобы в составе студентов не менее половины были бы коммунисты с опытом активной революционной работы, некоторое число беспартийных и около трети — комсомольцы. Особо подчеркивалась важность правильного подбора в социальном отношении: не менее половины — индустриальные рабочие, остальные — крестьяне, городская беднота, интеллигенция. В отношении рабочих и крестьян возникла, однако, серьезная трудность — недостаточная грамотность. Университет полагал, что для крестьян должно быть сделано послабление. После прибытия в УТК они сперва обучались в общеобразовательном подготовительном отделении. Конечно, вся система отбора кандидатов находилась в ведении ЦК КПК.

Несколько иначе выглядели планы УТК по набору студентов для китайцев, проживавших вне Китая; считалось необходимым ограничиться приемом только коммунистов и комсомольцев со стажем общественной работы, главным образом из грамотных рабочих. Было установлено важное дополнительное условие: оторванность от Китая не должна превышать более 5 лет.

Следовательно, в 1928/29 учебном году был взят курс на преобразование УТК в коммунистический вуз, хотя наименование университета оставалось прежнее.

Новый курс поставил некоторые новые проблемы организации учебной работы. Главным звеном совершенствования учебного процесса явилось насыщение всех форм учебной работы (программ, лекций, практических занятий) китайским материалом.

С нового учебного года (1929/30) университет трудящихся Китая

им. Сунь Ят-сена стал Коммунистическим университетом трудящихся Китая (КУТК).

КУТК являлся высшей партийной школой, которая должна была готовить из трудящихся Китая марксистски образованные кадры.

Срок обучения был определен в три года. Продолжали свою работу подготовительное отделение, лекторская группа, коллектив научных сотрудников.

В КУТК было сформировано 16 кафедр, 10 из них объединялись в следующие три разряда: 1) партийные науки (кафедры истории ВКП(б), ленинизма и партийного строительства); 2) исторические науки (кафедры истории развития общественных форм, истории революционного движения в Китае, мировой истории); 3) экономические науки (кафедры политэкономии, экономгеографии, экономики Китая, экономической политики СССР); кроме того, были кафедры исторического материализма, советского права и государственного строительства, естествознания и математики, языков, военного дела, профдвижения.

Основная идея учебного плана заключалась в том, чтобы дать возможность проработать такие дисциплины, которые служат основой для формирования революционного марксистского мировоззрения. Университет также ставил целью дать студентам, не имевшим рабочей специальности, профессию прядильщика, ткача, слесаря, монтера. С этой целью были организованы слесарная мастерская, механическая; изучалась электротехника, монтаж; немало времени отводилось изучению математики.

В учебном плане КУТК сохранился и получил развитие такой курс, как история развития общественных форм. Поскольку эта дисциплина в ее первоначальном виде не сохранилась в современных вузах, то следует рассказать и о ней.

Курс в КУТК рассматривался как введение к изучению мировой истории (читался во II семестре I курса). Курс должен был дать студентам представление о закономерностях развития человеческого общества, о диалектической последовательности смены одной формации другой. Программой предусматривалось, что курс должен вооружить студентов умением при учете отдельных элементов, входящих в состав той или иной формации, разбираться в живой действительности, помочь в борьбе с пережитками прошлого в современном обществе. Много места в курсе уделялось материалам общественного развития Китая.

В КУТК особое значение придавалось насыщению учебного процесса опытом китайской революции и практической борьбы рабочего класса и КПК против господствующего гоминьдановского режима. В научно-педагогической работе ставилась цель развивать серьезную теоретическую работу по глубокому анализу основных проблем экономической и политической жизни Китая, критике утопических и гоминьдановских концепций прошлого, изучению опыта КПК. Особо важным (и весьма обоснованно!) признавалась теоретическая защита идеи гегемонии пролетариата и борьба со всеми оппортунистическими, ликвидаторскими, троцкистскими, буржуазно-либеральными, гоминьдановскими течениями.

Важной сферой деятельности УТК, а затем КУТК была научно-исследовательская работа, причем этот аспект приобретал постепенно все большее значение. Вокруг университета сформировался коллектив видных советских китаеведов, с которыми объединялись наиболее теоретически подготовленные китайские товарищи. Этот коллектив об-

суждал и разрабатывал сложные вопросы и прошлого Китая, и его современные проблемы.

Первоначально при УТК был организован кабинет китаеведения, преобразованный с 1928 г. в Научно-исследовательский институт по Китаю (НИИК). При УТК было создано также переводческое бюро и издательство. Все эти учреждения тесно взаимодействовали друг с другом.

Первоначально масштабы работы были ограничены главным образом непосредственными нуждами учебного процесса. План работы кабинета китаеведения включал следующие пункты: создание терминологического словаря, обработки двух новейших работ по истории Китая (в том числе работы Лян Ци-чао), подготовка обзоров по материалам прессы и др.

В 1927 г. стал издаваться печатный орган — «Материалы по китайскому вопросу». Сперва он был внутриуниверситетским изданием, затем начал поступать в открытую продажу. Всего вышло 16 номеров (1926—1928 гг.). Основным содержанием этого издания были документы, относящиеся к Китаю, письма, переводы из китайской прессы. Возьмем для примера № 11—12 (1928 г.): в них помещена резолюция по китайскому вопросу IX пленума ИККИ, письмо о положении в Китае, письмо Цзянсуского провинциального комитета КПК, материалы об экономическом положении в Китае, обследование 50 хозяйств в долине Чэнду, таблицы крестьянских восстаний в мае — декабре 1927 г., материалы прессы о рабочем движении, хроника событий, критика и библиография и пр.

В 1928—1932 гг. выходит также «Бюллетень Научно-исследовательского института по Китаю при УТК им. Сунь Ят-сена» (затем КУТК).

НИИК в работе опирался прежде всего на профессорско-преподавательский состав университета, где на кафедрах велась исследовательская работа, ставились доклады, организовывалось обсуждение.

После ликвидации КУТК НИИК продолжал свою деятельность сперва при Ассоциации по изучению национально-колониальных проблем, затем при Комакадемии, а с включением Комакадемии в состав Академии наук СССР в 1936 г. стал составной частью Института востоковедения.

КУТК был ликвидирован осенью 1930 г. УТК—КУТК оставили заметный след в истории распространения марксизма-ленинизма в Китае, в выработке стратегии и тактики КПК, в подготовке кадров КПК.

Пятилетний путь, пройденный УТК—КУТК, по праву можно считать важной главой в истории мирового пролетарского интернационализма, в истории советско-китайской дружбы.

# КУЛЬТУРА И НАУКА

## Успехи развития науки в МНР

*Б. Ширендыб,*  
президент Академии наук МНР

**М**онголоведение нашего времени охватывает широкий круг самых разнообразных проблем по изучению истории Монголии от палеолита до современности: вопросы экономики, культуры и искусства, языка и литературы, философии и права и, конечно, самой науки.

Рассмотрение вопросов взаимодействия общества и науки в МНР, по нашему мнению, в какой-то мере могло бы быть полезным в выяснении новых черт современного монголоведения.

### I

Со времени победы народно-демократической революции 1921 г. в Монголии произошли коренные социально-экономические преобразования, в результате которых утвердился новый государственно-общественный строй.

Экономическую основу этого нового строя составляет социалистическая собственность на средства производства, имеющая две формы — государственную и кооперативную, а политическую основу — союз рабочего класса и кооперированного аратства.

Социалистический общественный строй прошел исторические этапы — общедемократический (1921—1940) и этап создания основ социализма (1940—1961).

Его современный этап, начатый примерно с 1961 г., характеризуется решением проблем завершения создания материально-технической базы социализма на основе широкого использования достижений научно-технического прогресса для превращения страны в ближайшем будущем в индустриально-аграрную страну.

Эти проблемы последовательно решаются на основе 5-летних планов социально-экономического развития страны, что видно из следующих данных: валовая промышленная продукция в МНР в 1960 г. по

сравнению с 1940 г. выросла в 5,4 раза<sup>1</sup>, а в 1975 г. по сравнению с 1960 г. — почти в 4 раза. За период 1971—1975 гг. увеличились: объем производства совокупного общественного продукта — на 44,5%, национальный доход — на 38% и общий объем промышленной продукции — на 55,2%.

В 1975 г. промышленность страны произвела 40% совокупного общественного продукта. Намечается на период 1975—1980 гг. увеличение промышленной продукции на 60—65%.

Внедрение достижений современного научно-технического прогресса в жизнь страны идет из года в год нарастающими темпами. Все больше создается таких механизированных предприятий, как один из крупнейших в мире медно-молибденовый комбинат в новом городе Эрдэнэт, сооружаемый в технико-экономическом сотрудничестве с Советским Союзом, горнорудные, строительные и промышленные объекты, оснащенные совершенным техническим оборудованием. Получают развитие автомобильный, железнодорожный и авиатранспорт; сеть телефонно-телеграфной и радиотелевизионной коммуникаций; наука и образование.

Из многочисленных общезвестных данных о механизации и автоматизации отраслей народного хозяйства, сошлюсь лишь на один характерный пример, свидетельствующий о внедрении достижений технического прогресса в сельское хозяйство: «Ныне в среднем на один госхоз приходится 240 тракторов (в 15-сильном исчислении), 45 комбайнов, 33 автомашины, а на одно сельхозобъединение — 28 тракторов, 13 автомашин и другой техники»<sup>2</sup>. Техническая вооруженность сельского хозяйства будет возрастать и в дальнейшем, как это предусматривается планами развития народного хозяйства.

История и современный процесс социально-экономических и культурно-технических преобразований в МНР сопровождались и сопровождаются развитием науки. Развитие научных исследований, вызванное идеями народной революции, ходом соци-

<sup>1</sup> Ю. Цеденбал. Повека по пути социализма. Улан-Батор, 1974, стр. 31.

<sup>2</sup> Ю. Цеденбал. Отчет Центрального Комитета МНРП XVII съезду Монгольской Народной Революционной Партии. Госиздат. У.-Б., стр. 24.

ально-экономических преобразований и практикой экономического и культурного строительства МНР, имеет свою историю.

В самом деле, примечательно, что руководящая сила революции — МНРП — еще на заре своего зарождения проявляла дальновидность, обратив внимание на развитие культуры, в частности науки. Уже в первых программных документах партии наряду с формулировкой главных задач революции и послереволюционных общественно-экономических преобразований отчетливо выдвигалась идея и о развитии науки в стране. После победы народной революции буквально через несколько месяцев, а именно в ноябре 1921 г., было создано первое научное учреждение под названием Книжная палата в составе небольшой группы, состоящей из образованных для того времени людей. Понятно, что выдвинутые перед наукой задачи разрешались не сразу, а постепенно, по мере роста экономики и культуры, особенно образования. Формировавшийся отряд научных работников рос в условиях борьбы народа за решение проблем социально-экономических преобразований, занимая свое место в решении этих исторических задач.

Научным работникам пришлось, особенно в первые годы после победы народной революции, преодолеть большие трудности на своем пути, когда еще не было своих квалифицированных научных кадров, опыта, а главное, когда надо было выбрать путь развития науки, отвечающий потребностям нового общественного строя.

Возникал вопрос, как прокладывать дорогу новой науке. В решении этой проблемы недостаточным было наследие научной мысли прошлого.

Грамотные представители монгольского народа в различные исторические эпохи были знакомы с научными достижениями отдельных стран Центральной Азии. Они, распространяя эти знания, стремились развивать их применительно к условиям своего времени.

Много веков назад, по крайней мере со второй половины V в. н. э., как об этом свидетельствуют исторические данные, среди племен тобгачей и сянъби были распространены определенные филологические знания. Издавна в Монголии пользовалась популярностью древнеиндийская грамматическая школа, основанная Панини. Этот процесс значительно усилился с созданием монгольской письменности, появлялись труды отдельных авторов, как, например, сочинения Чойджи-Одсера (1305) по монгольскому языку под названием «Сердечный покров» и др.

Наряду с этим развивались исторические знания, о чем свидетельствуют такие исторические хроники, летописи и работы известных и еще неизвестных авторов, как монгольская историческая хроника «Сокровенное сказание» (1240), «Цаган туух» (XIV в.), «Эрдэнийн тобчи» (XVII в.),

«Алтан тобчи», «Болор-то-ли» (XIX в.) и многие другие.

В Монголию из Индии и Тибета с распространением буддизма приходили и философские знания. Нам известны подробные комментарии монгольских авторов к трактатам и сочинениям древнеиндийских мыслителей Нагарджуна и Арьядева (II в.), Асанга и Васубанху (V в.).

Среди монгольского народа большое развитие получил так называемый «Зурхай» — астрология, содержащая, кроме собственно астрологических данных, оригинальные сведения по астрономии и астронометрии. По заключениям наших ученых, в «Зурхае» применялись своеобразный алгоритм вычислений, обработка измерительных данных, некоторые методы плоских и сферических тригонометрий.

В дошедших до нас рукописях содержатся некоторые элементы математической мысли. Также были известны монгольскому народу астрономические знания. Я имею в виду астрономическую координату, оставленную Мингатом, жившим на стыке XVII—XVIII вв., и некоторые другие данные.

Возникшая в древние времена медицина на основе широкого использования местных лекарственных растений и различных минеральных веществ получила свое дальнейшее развитие под влиянием индийской, тибетской и других разновидностей обществосточной медицины.

Но каким бы оригинальным и разнообразным ни было наследие научной мысли прошлого, эти традиции были недостаточны для решения возникших в условиях XX в. — века социального обновления мира и современной научно-технической революции — проблем, вызванных идеями и практикой революционных преобразований в новой Монголии.

Народное правительство с самого начала своего становления ориентировало научных работников на современный мировой научно-технический прогресс через науку соседней Советской страны, а затем через научное сотрудничество со странами социалистического содружества, учеными и научными учреждениями многих стран мира.

Поэтому мы имеем полное основание говорить, что народно-демократическая революция открыла монгольскому народу дорогу не только к огромным успехам социально-экономического и духовного развития, но и приобщила страну к современному научно-техническому прогрессу. На общедемократическом и социалистическом этапах, продолжавшихся с 1921 по 1961 г., наука постепенно формировалась, отражая процесс развития отраслей новой экономики — отечественной промышленности, животноводства, земледелия, транспорта, связи, образования, здравоохранения и др.

Научный отряд до 40-х годов обращал свое основное внимание на помощь народу в повышении грамотности, в формировании научного мировоззрения — системы мате-

риалистических взглядов на природу, общество и мышление, в развитии образования и культуры, в переводе произведений мировой научной и художественной литературы на родной язык, в изучении отдельных вопросов родной истории, литературы и языка. Примерно с 40-х годов появились научные работники, которые занимались важнейшими вопросами, связанными с потребностями ветеринарии, зоотехники, клинической медицины, а также проблемами географического, геологического и ботанического изучения страны.

Процесс развития науки сопровождался организационным укреплением бывшей Книжной палаты, переименованной в Комитет наук, а с 1958 г. — в Комитет наук и высшего образования, при постоянном контакте с советскими научными учреждениями. С появлением значительного количества специалистов, в том числе с научной степенью, подготовленных в вузах СССР и своей страны, расширялась тематика научных исследований.

В этих условиях в 1961 г. была создана АН МНР, что открыло новую страницу в истории развития науки в нашей стране и способствовало ускоренному развитию научных исследований.

## II

Вкратце остановлюсь на структуре, направлениях, планировании, материально-адровом потенциале и внешних связях научных учреждений МНР.

Потребностями социалистического строя в общественных, естественных, технических исследованиях вызвано возникновение организационной системы научных учреждений и обусловлены направления научно-исследовательских работ. Организационная структура наших научных учреждений, как в подавляющем большинстве социалистических стран, состоит из академических институтов и лабораторий, кафедр вузов, объединяющих квалифицированных преподавательские кадры, и прикладных институтов при министерствах и ведомствах.

Каждая составная часть этой системы играет свою определенную роль в осуществлении единой научной политики страны и в то же время наделена специализированными функциями. При выборе ведущих направлений, первоначально важной для страны проблематики научные учреждения непременно учитывают задачи социально-экономического развития страны, выдвинутое в программных и законодательных документах директивных органов, а также в докладах, выступлениях и теоретических трудах Первого секретаря ЦК МНРП и председателя Президиума Великого Народного хурала тов. Ю. Цеденбала.

АН МНР призвана ставить и решать проблемы и темы в области фундаментальных исследований, связанных прежде всего с выявлением закономерностей новых явлений, процессов и тенденций, происходя-

щих в жизни общества и встречающихся в природе.

Таковыми проблемами являются в области общественных наук: теоретическое обобщение закономерностей перехода МНР от феодализма к социализму, минуя капитализм; проявление механизмов экономических законов социализма; усовершенствование системы планирования и управления экономикой; разработка Генеральной схемы развития и размещения производительных сил на отдаленный период; совершенствование социалистических общественных отношений; культура, образование и др. А в области естественных наук — теоретическое и прикладное изучение геологических, водных, биологических и растительных ресурсов и почвенно-климатических условий нашей страны; вопросы внедрения достигнутых научно-технического прогресса в различные отрасли народного хозяйства и другие.

При делении научных исследований на фундаментальные и прикладные мы придерживаемся общепринятого критерия, что социально-экономический эффект обоих видов научной деятельности в конечном счете определяется их влиянием на материальное производство и духовную жизнь страны либо косвенно, либо непосредственно.

Организационная структура АН МНР состоит из 14 научно-исследовательских институтов: 8 институтов по естественным и техническим проблемам и 6 институтов по общественно-научным проблемам, а также информационной службы, научно-фундаментальной библиотеки, обсерватории и других вспомогательных учреждений.

Прикладными исследованиями, связанными с разработкой проектов, программ, технологий, рекомендаций и внедрением результатов научных исследований в промышленность, сельское хозяйство, транспорт, связь, климатическую практику, в основном заняты 27 институтов, ряд научно-проектных организаций и лабораторий при министерствах и ведомствах. Наиболее квалифицированная часть профессорско-преподавательского состава вузов, а также аспиранты и часть студентов старших курсов проводят научные исследования как по теоретическим, так и по прикладным темам либо самостоятельно, либо путем участия в планах академических и отраслевых институтов.

Институты и лаборатории АН, отраслевые институты и вузы располагают материальной базой, современным оборудованием и аппаратурой. Народное государство из пятилетки в пятилетку увеличивает объем финансирования научных учреждений, тем самым благоприятствует постоянному совершенствованию вооруженности лабораторий и повышению экономической и социальной эффективности исследований. Так, например, в 1976—1980 гг. общий объем затрат на науку увеличится в 2,8 раза по сравнению с предыдущей пятилеткой, при

этом почти  $\frac{1}{6}$  этих средств направляется на прикладные исследования.

Государство оплачивает труд научных работников в зависимости от их квалификации, морально и материально поощряет за особые успехи премиями и высшими правительственными наградами. Научные работники наряду с выполнением своих прямых функций активно участвуют в общественно-политической жизни страны, многие из них избираются депутатами Хуралов разных ступеней, в руководящие органы общественных организаций.

Кадровый состав является, как известно, одним из важнейших факторов повышения эффективности научных исследований. Ученые разных стран, а также ЮНЕСКО придерживаются такого мнения, что должен быть примерный удельный показатель количества научных сотрудников на численность населения высокоразвитых, развитых и развивающихся стран.

СССР и другие социалистические страны характеризуются высоким удельным показателем численности научных сотрудников. По данным этого года, в научных учреждениях нашей страны занимаются исследованиями около 3000 научных сотрудников, более чем  $\frac{2}{3}$  которых работают в отраслевых научных учреждениях, проводящих конкретные прикладные исследования. Во внедрении достижений научно-технического прогресса в различные отрасли народного хозяйства и культуры, кроме научных работников, в той или иной мере участвует некоторая часть специалистов высшей квалификации: инженерно-технических работников промышленных, строительных, сельскохозяйственных предприятий, учреждений транспорта и связи, ветеринарных и медицинских врачей, агрономов, преподавателей.

На развитие научных исследований и на рост исследовательских кадров оказало и оказывает огромное влияние наше сотрудничество с учреждениями Советского Союза, начатое еще в 1921 г. и ныне все шире развивающееся в самых различных направлениях, а также с АН социалистических стран, учеными многих других стран мира. Совместные экспедиции АН МНР и СССР, труды ученых обеих стран, участие монгольских ученых в работе Международного ядерного института в Дубне, в программе Интеркосмоса, подготовка высококвалифицированных научных работников — кандидатов и докторов наук в СССР — все это оказывает самое благотворное влияние на ускоренное развитие науки в нашей стране.

Развиваются наши научные контакты с учеными НРБ, ВНР, ГДР, КНДР, Кубы, ПНР, РНР, СРВ, СФРЮ, ЧССР. Мы имеем научные связи с отдельными учеными, в частности монголоведами Франции, Англии, Японии, Индии, Финляндии, Италии, США и др. Научные учреждения и ученые нашей страны состоят членами во многих международных организациях, участвуют в

работе международных конгрессов, симпозиумов и семинаров, в программах двустороннего и многостороннего сотрудничества.

В нашей стране проходят международные встречи ученых: конгресс монголоведов, конференция по цивилизации Центральной Азии и другие встречи и совещания, особенно по программе научно-технического сотрудничества стран — членов СЭВ.

Сотрудничество, контакты, связи в области науки, имеющие важное значение в прогрессивном движении науки во всем мире и в каждой отдельно взятой стране, возможны, как показывает мировая практика, в условиях дружбы, сотрудничества между народами и разрядки в отношениях между странами различного социального строя.

Научные исследования проводятся у нас на основе пятилетних планов и прогнозной программы, рассчитанной на отдаленный перспективный период. При разработке этих планов мы стараемся учесть данные социального анализа научного процесса, опыт других стран и наиболее актуальные задачи, вытекающие из потребностей развития народного хозяйства и культуры своей страны.

Это, естественно, создает правильную основу выбора направлений и тематики научных исследований, рационального использования материальных и финансовых средств для достижения наибольшей экономической и социальной эффективности научного творчества. Координация деятельности научных учреждений и вузов и внедрение результатов научных исследований осуществляются Госкомитетом по науке и технике при Совете Министров МНР по прикладным исследованиям и АН — по фундаментальным исследованиям.

### III

Коренные социально-экономические преобразования, знаменовавшие собою революционную смену феодального строя социалистическим, обусловили развитие общественных наук.

Общественнонаучные науки, обобщая опыт социальных преобразований, оказывали и оказывают свое обратное воздействие на общественное развитие, являясь его научной основой.

В исторических, экономических, философских и других трудах наших общественников освещены основные вопросы истории, хозяйства, цивилизации монгольского народа в прошлом и новейшая история Монголии, начатая народной революцией. Следует отметить комплексное изучение ряда важных проблем совместными усилиями специалистов разных областей общественной науки. Так, например, темы народной революции и перехода Монголии от феодализма к социализму, минуя капитализм, нашли свое отражение в трудах историков,

экономистов, философов и других общественных деятелей. Им более подробно изучены в философском, экономическом, историческом аспекте внутренние социально-экономические причины и антиимпериалистический, антифеодальный, народно-демократический характер революции: аратство как главная движущая сила, МНРП как руководящая сила и глубоко социальное влияние Великой Октябрьской социалистической революции на монгольскую народную революцию и на весь последующий исторический ход социалистического развития нашей страны. В указанных трудах с достаточной полнотой раскрыта закономерность дружбы, союза и всестороннего сотрудничества между МНР и СССР, имеющими общую цель социалистического и коммунистического строя.

В работах наших общественных деятелей исследованы такие общие закономерности социалистического строительства, как политическое руководство марксистской партии, диктатура рабочего класса и крестьянства, утвержденная в нашей стране в борьбе за победу социализма, минуя капитализм, индустриализация, кооперирование частного аратского хозяйства и культурная революция. Наряду с выявлением этих общих закономерностей прослеживаются специфические особенности перехода от докапиталистических отношений к социализму в условиях Монголии: формирование рабочего класса как ведущей силы строительства социализма, этапы и ступени развития народно-демократической революции, конкретные вопросы развития отечественной промышленности, кооперирования сельского хозяйства и культурной революции. Кратко остановлюсь на отдельных результатах исследований в некоторых конкретных областях общественных наук.

Экономисты разрабатывают теоретические вопросы о проявлении механизмов экономических законов и категорий социализма применительно к жизни своей страны.

Коллективные и монографические работы научных сотрудников — экономистов посвящены анализу отраслей экономики и культуры, повышению производительности труда, усовершенствованию системы планирования структуры народного хозяйства, эффективности предприятий и отраслей, рациональному использованию трудовых и природных ресурсов, составлению Генеральной схемы развития и размещения производительных сил, рассчитанной на 10—15 лет.

Развитие философской мысли в нашей стране, возникшей и утвердившейся на теоретических принципах марксистско-ленинской диалектико-материалистической философии, стало научной основой политики, экономики, права и идеологии социалистического общественного строя.

Философами разработаны история философской мысли Монголии, в частности XIX и начала XX в., вопросы, связанные с

философским обобщением социально-экономического развития страны.

Научные работники — юристы занимаются вопросами о месте МНР в системе международных правовых отношений, о государственном административном гражданском праве, которые, несомненно, имеют большое значение в управлении обществом — этой форме организации людей и материального производства для решения конкретной цели общества.

В исторических трудах, базирующихся на вещественных и письменных источниках, на отечественной и зарубежной монголоведческой литературе, научно проанализированы такие эпохальные исторические периоды развития цивилизации, как палеолит, уходящий своими корнями на 300 000 лет в глубь веков, неолит, периоды бронзы и раннего железа, благодаря научному сотрудничеству советских и монгольских археологов — история племенных и государственных образований на территории МНР, общее и специфическое монгольского феодализма, история и социально-экономическая сущность классовый и национально-освободительной борьбы монгольского народа, важнейшие вопросы истории культуры и образования. Историками даны принципиальные научные оценки социально-политическому строю монгольского феодального общества и отрицательным последствиям разрушительных походов Чингисхана и его преемников. В таких коллективных трудах, как одготомник и трехтомник истории МНР, краткий курс истории МНРП, монографии, посвященные истории средних веков, нового и новейшего времени, особенно национально-освободительной борьбе, народной революции, истории рабочего класса, отдельным проблемам истории кооперирования аратства, культуры, образования и искусства, памятникам древности и историческим документам, рассмотрены важнейшие аспекты истории страны.

Историками разрабатываются вопросы развития дипломатических, экономических, культурных отношений с другими странами. Эта проблема актуальна в силу того, что МНР является членом ООН, принимает официальное участие в различных органах ООН, имеет дипломатические отношения более чем с 80 странами мира, развивается ее экономическое и культурное сотрудничество с многими странами мира. В трудах, посвященных истории международных отношений МНР, прослеживаются вопросы об участии нашей страны в борьбе за мир и безопасность народов, за прекращение гонки вооружения, за разоружение, международную разрядку на основе мирного сосуществования стран различных социальных систем, о двустороннем и многостороннем экономическом и культурном сотрудничестве.

Филологами разработана сравнительная грамматика монгольского языка и диалектов с выяснением их общности и специфики; изучены теории морфемы и фонемы;

жанры, художественные образы и языковые средства монгольской литературы. Опубликованы орфографические, терминологические, толковые и двуязычные словари.

Подчеркну, что большое значение имеет начатое нами составление первой монгольской энциклопедии.

Развитие обществоведческой науки в самой Монголии, капитальные, ценные труды востоковедов СССР, стран социалистического содружества и других зарубежных стран, а также научные связи монгольских ученых с иностранными коллегами способствуют расширению исследований в области отдельных проблем востоковедения в нашей стране, изучению истории и культуры сопредельных стран, а также углубленному исследованию культурного наследия и научной мысли монгольского народа в прошлом.

Эти вопросы мы изучаем, будем изучать в тесной связи с историей, общей цивилизацией народов Центральной Азии.

Мы убеждены в целесообразности уделить значительно большее внимание установлению общей закономерности возникновения и распространения цивилизации, хозяйственного и культурного развития, а также общественного строя народов Центральной Азии, не ослабляя при этом внимания к выяснению той или иной специфики, обусловленной уровнем развития разных народов. Только в таком случае мы можем общими усилиями достичь наибольших научных эффектов, могущих создать объективную картину истории развития народов Центральной Азии в противовес несостоятельности разного рода субъективных центристских или узкоместнических концепций.

#### IV

Развитие экономики МНР, таких совсем новых ее отраслей, как промышленность, строительство, транспорт, связь, земледелие, овощеводство, ветеринарная, зоотехническая и агрономическая служба, механизация, электрификация отраслей народного хозяйства, нуждалось в исследовании, непосредственно связанном с учетом почвенно-географических и климатических условий и рациональным использованием геологических, водных, биологических и сырьевых ресурсов.

В силу того, что эти потребности социально-экономического развития общества стали основными направлениями развития естественных наук, научные учреждения нашей страны проводили и проводят разнообразные исследования в области указанных наук.

Физико-географами установлены основные черты поверхности территории, климата степной и гобийской и горно-хангайской природных зон, а также общий характер рек, озер и научно обоснованное политико-экономическое и административное районирование страны. Определенное значение

представляет изученность вечной и сезонной мерзлоты и общей почвенной характеристики.

Научные исследования по метеорологии и сеть метеорологической службы оказывают полезную помощь народному хозяйству, в частности сельскому хозяйству.

Геологами установлен целый ряд особенностей геологического строения, изучены история развития и закономерности размещения различных видов полезных ископаемых и руд Центральноазиатского плато, к которому относится территория МНР.

В экономический оборот вводятся уголь, горючие сланцы, медь, молибден, золото и различные виды минерального и геологического сырья. Внимание ученых издавна привлекала история фауны и флоры мезозойского времени, существовавших в условиях субтропического климата.

Результаты палеонтологических исследований, проведенных в МНР собственными и совместными силами с учеными других стран, представляют возрастающий научный интерес. Результаты, достигнутые нашими геологами в основных рудных зонах по главным направлениям стратиграфии, палеонтологии, региональной геологии и петрологии, широко используются на практике. Поисковая работа и промышленное использование ископаемых получают значительное развитие и имеют большие перспективы.

Биологами изучен и продолжает изучаться состав видов млекопитающих, птиц, пресмыкающихся, земноводных и др.

Изучены уникальные представители животного мира Монголии: кулан (дикий осел), дикий верблюд, дикий баран, козел, гобийский медведь, лошадь Пржевальского и др.

Проведены значительные химические исследования минеральных, растительных и сырьевых ресурсов. Установлены состав и физико-химические свойства местных углей и растений, например эндемических, эфирных, алкалоидных растений, а также почвы, строительных материалов и ископаемых. Результаты этих исследований используются в практике.

Разнообразие флоры всех природных зон привлекает к себе внимание ученых-ботаников. Ботаниками проведена большая и полезная работа по изучению флоры страны.

Установление основных типов пастбищ и сенокосных угодий с выявлением их запасов, сезонной и годичной динамики имеет огромное практическое значение для животноводства. Существенно важное значение имеет изучение лесных ресурсов с детальным исследованием структурного размещения их типов и особенностей естественного возобновления. Научно-практический интерес представляют результаты изучения полезных растений, многие из которых применялись и применяются в народной и современной научной медицине.

Ботаниками, химиками, фармакологами совместно внедрены в практику такие медикаменты растительного происхождения, как экстракт адониса монгольского, биофлавоноид пропингозид, тамета — 4, экстракт Алтан-Утас и др., применяемые в лечении сердечно-сосудистых и других заболеваний. Наши ботаники обращают также свое внимание на изучение растительности полупустынных районов. Ныне более или менее установлены виды, роды и семейства флоры сосудистых растений. Результаты ботанических исследований освещены в коллективных и монографических трудах, в различных определителях кормовых, высших сосудистых, низших сорных и других растений.

В стационарах ведутся наряду с фундаментальными исследованиями круговорота веществ в природе такие прикладные работы, как поверхностное, коренное улучшение естественного растительного покрова, агротехника возделывания кормовых и полезных растений, пути улучшения почвы, интродукция и акклиматизация некоторых нужных сортов кормовых растений, древесных, кустарниковых пород, плодово-ягодных и овощных культур.

Ботаники содействуют охране растительного сообщества страны, возобновлению лесных ресурсов путем создания питомников и озеленения городов и населенных пунктов. Проводится научная работа на азе создаваемого ботанического сада в словнях высокогорного Центральноазиатского региона с резким континентальным климатом, уделяется внимание охране и возобновлению таких уникальных пород деревьев, как саксаул-зайсанник, монгольский вяз, золотистая акация и другие.

Большое значение придается развитию таких научных направлений, как математико-физико-технические исследования, имеющие фундаментальное значение при внедрении достижений научно-технического прогресса в практику. Понятно, что в наше время любой механизм, любой технический процесс является материальным воплощением физико-технических изысканий и математических моделирований.

Из обширных областей указанных научных направлений проводится работа по некоторым актуальным для нашей страны вопросам геофизики, астрофизики, ядерной физики, физики полупроводников, теоретической и прикладной математики. Результаты отдельных конкретных геофизических, геохимических исследований, в частности характеристики сейсмичности на территории МНР, данные о наземных оптических наблюдениях за искусственными спутниками и явлениями на Солнце, представляют теоретический и практический интерес. Эти исследования освещены в трудах наших ученых, опубликованных на монгольском, русском и других языках, изданных частично в Англии, ФРГ, Франции, Японии и других странах.

Наряду с теоретическими исследования-

ми наши физики и техники обращают значительное внимание на прикладные темы. Из этих тем интерес представляют разработанные ими некоторые установки, устройства и приборы для эксперимента по преобразованию энергии Солнца, ветра и гидросточника в электрическую, тепловую и механическую.

Наши математики наряду с проведением теоретических работ по математической статистике и теории вероятности занимаются моделированием различных процессов на ЭВМ — М-222, разрабатывают отдельные аспекты экономико-математической модели, что имеет свое конкретное применение в научных исследованиях и производственной практике.

Значение естественнонаучных и технических исследований, как я уже отметил, оценивается в конечном счете их социально-экономической значимостью. Научные учреждения, Госкомитет по науке и технике, АН и отраслевые институты в своих планах предусматривают внедрение результатов научных исследований в производство и оказывают содействие реализации этих планируемых работ. Я хотел бы ограничиться некоторыми примерами, характеризующими практику внедрения результатов научных исследований.

Численно возрастающее стадо полутонкорунной породы овец «орхон» и гибридных пуховых коз, группа овец «чамар»; сорта пшеницы «орхон» и новые гибридные виды зерновых, овощных и плодово-ягодных культур вошли в практику и получают признание.

Новые вакцины, биопрепараты и медикаменты, созданные путем использования различных ценных видов местного сырья, высоко оценены нашим правительством, и их применение дает значительный эффект.

Комплекс оборудования заводов и цехов, производящих новую продукцию из растительного и животноводческого сырья, технические устройства, детали и т. п., сконструированные в лабораториях научных учреждений АН, ведомственных институтах, промышленных и конструкторских учреждениях, представляют собой новый важный шаг в развитии технической мысли и оказывают полезную помощь народному хозяйству.

Результаты различных научно-технических исследований, проведенных в течение одной пятилетки, передаются в практику для внедрения их в течение последующей. Так, например, за период 1970—1975 гг. передано производству несколько сотен новых видов продукции, проектов, технологий, стандартов, технико-экономических обоснований и т. д., от реализации которых народное хозяйство получило более 120 млн. тугриков.

У

Характерные черты взаимодействия общества и науки выражаются прежде

всего в том, что наше общество своими потребностями обуславливает развитие научных исследований, их направления и эффект. Общество, развиваясь на научной основе, открывает перед самой наукой большой простор. А наука, раскрывая закономерности развития общественного строя и путей рационального использования природных ресурсов, в свою очередь оказывает огромную помощь обществу.

Наука помогает своими исследованиями народному хозяйству широко использовать минеральные, геологические, лесные, пастбищные и другие виды природных ресурсов. Все возрастающее использование природных ресурсов — этих первоисточников удовлетворения материальных и духовных потребностей общества, — осуществляемое с помощью современной техники, вызывает постоянную заботу об охране окружающей среды, о рациональном использовании природных богатств и их воспроизводстве в тех областях, где это возможно. Поэтому наше общество проявляет особую заботу об окружающей среде и с помощью наук принимает меры по охране природы и воспроизводству ее различных ресурсов, по очистке атмосферы, водных источников и др.

С этой целью, прежде всего Конституция МНР провозгласила охрану всех видов богатств, принадлежащих всему народу в лице государства, общенародным долгом.

Изданы законы, направленные на охрану окружающей среды: закон о землепользовании МНР (1971), закон об охоте МНР (1972), лесной закон МНР (1974), водный закон (1974) и другие. В осуществление этих законов проводится практическая работа: например, в целях борьбы против эрозии почв выработаны рекомендации по ленточному посеву растений, разбросу соломы и др., разработан паровой метод применительно к условиям нашей страны. Проводятся работы по искусственному разведению, акклиматизации, расселению бобра, тарбагана, ондатры, фазана, байкальского омуля и другие.

В стране установлен ряд заповедников, проводится интродукция и акклиматизация разных видов растений. Важное значение для нашей страны имеют общая развернутая программа сотрудничества стран —

членов СЭВ и СФРЮ на период до 1980 г. в области охраны и улучшения окружающей среды, связанное с этим рациональное использование природных ресурсов страны.

Таковы в общем изложении некоторые вопросы взаимодействия общества и науки в современной Монголии. Отмечу, что эти основные черты науки вместе с тем выражают сущность единой научной политики нашей страны.

Мы далеки от той мысли, что научными исследованиями охватываем все важные области научной проблематики, что уровень научного решения вопросов во всех звеньях в одинаковой мере удовлетворяет потребность общества.

Из объективного анализа состояния научных исследований делаются выводы о необходимости постоянного повышения теоретического уровня и социально-экономической эффективности исследуемых проблем. Можно сказать, что достигнутый уровень исследований в некоторых областях общественных, естественных и технических наук, несомненно, позволяет нам более комплексно и углубленно вести разработку первоначально важных научных проблем с учетом достижений современной мировой науки, международного разделения труда по научно-техническому сотрудничеству со странами — членами СЭВ и народнохозяйственных задач, выдвинутых XVII съездом МНРП.

Иначе говоря, в развитии научных исследований обращается внимание на следующие основные проблемы:

а) общетеоретические проблемы, разработка которых в конечном счете окажет в будущем существенное влияние на социально-экономическое развитие общества в целом;

б) проблемы, непосредственно содействующие решению конкретных задач отраслей народного хозяйства;

в) проблемы, связанные с социальным развитием общества — культурой, искусством, образованием, здравоохранением и т. д.

В этой группе проблем особенно большое значение имеет вопрос о всестороннем гармоничном развитии человека в социалистическом обществе.

# ПУБЛИКАЦИИ

## Цюй Цю-бо и его наследие

### Предисловие

Цюй Цю-бо (1899—1935) принадлежит к тому поколению китайских революционеров, которое решительно вторглось в политическую жизнь своей страны во время бурных студенческих демонстраций знаменитого антиимпериалистического «движения 4 мая» 1919 г., являвшегося первым массовым откликом китайского народа на победу Великой Октябрьской социалистической революции в России. Передовые представители этого поколения, вдохновленные идеями Октября, подняли знамя марксизма-ленинизма, основали Коммунистическую партию Китая, возглавили и привели к победе китайскую революцию. В блестящей плеяде китайских борцов за идеалы коммунизма Цюй Цю-бо принадлежит одно из самых почетных мест.

Творческое наследие Цюй Цю-бо поразительно по своему объему и многогранности. Написанного и сделанного им всего за пятнадцать лет с лихвой хватило бы на несколько ярких биографий. Поэзия и проза, литературная критика и эстетика, переводы русской классической и советской литературы, публицистика, теория научного социализма, политическая экономия, история, китайское и международное коммунистическое движение — таков диапазон творческих исканий Цюй Цю-бо, воплощенных в многие сотни его произведений.

В чем секрет такой поистине энциклопедической разносторонности? Пожалуй, о следует искать в особенностях творческой индивидуальности Цюй Цю-бо, в счастливом сочетании выдающегося художественного дарования с бурным политическим темпераментом. Профессиональный литератор и профессиональный революционер — эти две стороны жизни и деятельности Цюй Цю-бо нераздельны. И тем не менее главное в его жизни и творчестве — это революция, бескорыстное служение и беспредельная преданность делу коммунизма, делу пролетарского интернационализма.

Цюй Цю-бо был одним из самых выдающихся организаторов, руководителей и теоретиков КПК, видным деятелем международного коммунистического движения.

Жизнь и деятельность Цюй Цю-бо, отданная без остатка делу революции, — яркий пример преданности партийному долгу, неутомимости и бесстрашия в борьбе, горячей любви к родине и верности принципам пролетарского интернационализма. Любовь народа, глубокое уважение боевых соратников, злобная ненависть и клевета контрреволюционеров и оппортунистов всех мастей окружали имя Цюй Цю-бо при жизни и после его героической смерти.

Блестящие организаторские способности Цюй-Цю-бо, яркий талант партийного публициста и теоретика, верность принципам марксизма-ленинизма быстро завоевали ему авторитет и доверие в партии. Партия выдвигает его на самые передовые и ответственные посты. В течение 10 лет он был бессменным членом ЦК КПК четвертого, пятого и шестого созывов, редактором политических и теоретических органов ЦК — журналов «Синь циннянь», «Цяньфын», «Сяндао», «Буэрсайвэйке». Летом 1927 г. в трудную пору временных неудач революции и кризиса в партии, Цюй Цю-бо был избран на высший руководящий пост — генерального секретаря ЦК КПК.

Под руководством Цюй Цю-бо партия в 1927—1928 гг. очистила свои ряды от правых оппортунистов и троцкистов, преодолела внутренний кризис и взяла курс на аграрную революцию, на вооруженную борьбу под лозунгом Советов. Немало ответственных заданий партии выполнил Цюй Цю-бо и в последующие годы, работая представителем ЦК КПК в Коминтерне, в составе Центрального рабоче-крестьянского правительства в Жуйцзине, в шанхайском подполье, в рядах китайской Красной армии.

В борьбе двух линий в партии — пролетарско-интернационалистической и мелкобуржуазно-националистической — Цюй Цю-бо выступал против различных проявлений правого и «левого» оппортунизма. Особенно выдающуюся роль сыграл Цюй Цю-бо в идейном и организационном разгроме правого оппортунизма и троцкизма, а также опаснейшего «лево»-авантюристического уклона Ли Ли-сяня.

Цюй Цю-бо был не только крупным практическим партийным работником, но и выдающимся теоретиком марксизма в Китае. Разносторонне образованный марксист, он внес большой вклад в разработку теоретических проблем китайской революции,

стратегии и тактики КПК. Особенно велики заслуги Цюй Цю-бо в разработке аграрно-крестьянского попроса, теоретических проблем революционной войны, рабочего и крестьянского движения в Китае. Теоретические труды Цюй Цю-бо «От демократизма к социализму», «Национальная революция Китая и дайцитаонизм», «К вопросу о вооруженной борьбе в китайской революции», «Спорные вопросы китайской революции» и другие принадлежат к числу лучших достижений китайской марксистской мысли.

В полемике с дайцитаонизмом Цюй Цю-бо обратил особое внимание на реакционную сущность китайского буржуазного национализма. Буржуазно-националистические взгляды Дай Цзи-тао и его последователей он расценил как проявление «империализма китайской буржуазии», как «китайский империализм», претендующий на мировое господство и имеющий откровенно расистский характер<sup>1</sup>.

Одним из первых в КПК Цюй Цю-бо сформулировал важнейшее положение о том, что в Китае главной ударной силой революции является регулярная революционная армия, а главной формой борьбы — революционная война. Проблемы вооружения и вооруженной борьбы народных масс, боевых действий регулярных революционных армий в тесной связи со всеми иными формами политической борьбы трудящихся детально рассмотрены в серии его статей, опубликованных в первой половине 1926 г. в журнале «Сяндао» (№ 149, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 158). Обобщенная теоретическая трактовка проблем революционной войны в Китае была дана в большой статье Цюй Цю-бо «К вопросу о вооруженной борьбе в ходе китайской революции»<sup>2</sup>.

Анализ опыта различных форм революционной борьбы, накопленного в предыдущие годы, приводит Цюй Цю-бо к выводу, что этот опыт «уже создал необходимые условия для вооруженной революции. Поэтому в настоящее время центральный вопрос революционного движения состоит в том, чтобы провести подготовку к революционной войне»<sup>3</sup>. Подробно рассмотрев все основные формы борьбы, испытанные в Китае в те годы; демонстрации, бойкоты, всеобщие забастовки, вооруженные восстания и революционные войны, — Цюй Цю-бо делает смелое новаторское обобщение, что «в данный период революционная война является главной формой борьбы, а другие формы должны быть использованы для непосредственной или косвенной подготовки к революционной войне»<sup>4</sup>. В соответствии с этой идеей «главной действующей силой революционной войны» становилась «регулярная революционная армия», ведомая революционной партией<sup>5</sup>. Важно при этом подчеркнуть, что Цюй Цю-бо предупреждал против абсолютизации идеи революционной войны, указав на необходимость «умело использовать все формы революционной борьбы применительно к главной цели — революционной войне»<sup>6</sup>.

Еще более детальная проработка основных теоретических, стратегических и тактических вопросов революционного движения в Китае была дана в известной полемической брошюре Цюй Цю-бо «Спорные проблемы китайской революции». Главными в этой работе Цюй Цю-бо были активная защита линии Коминтерна, выступление против опасных правооппортунистических тенденций в руководстве КПК.

Особенно ценной в брошюре Цюй Цю-бо была попытка осмыслить в свете марксистской теории особенности китайской революции, которые многим его современникам казались «уродством». Тот факт, что китайская революция «происходит в своеобразных «неевропейских» формах», «по-китайски», что она «выливалась в одни военные действия», Цюй Цю-бо считал не «уродством», а вполне закономерным явлением в полупефеодальной крестьянской стране<sup>7</sup>. «Китайское мелкое крестьянство, — писал Цюй Цю-бо, — было действительно опорой Синьхайской революции. И чисто военный характер революции уходил корнями в это крестьянство... В Китае никогда не будет таких условий, какие имелись при классических революциях в Западной Европе. Китайская крестьянская революция должна выражаться в военной форме»<sup>8</sup>. Это обобщение явилось синтезом его прежней идеи о решающей роли революционной войны и установки Коминтерна на аграрную революцию. Тем самым Цюй Цю-бо первым в Китае сформулировал теорию революционной крестьянской войны как главной формы развития китайской революции. Подчеркивая роль и значение революционной армии для рабочего класса и крестьянства в борьбе за «диктатуру народных масс», Цюй Цю-

<sup>1</sup> Цюй Цю-бо. Национальная революция Китая и дайцитаонизм. — Справочные материалы по истории китайской революции, т. 2. Пекин, 1957, стр. 85—86.

<sup>2</sup> «Синь циньянь», № 4, 25.V.1926, стр. 20—30.

<sup>3</sup> Там же, стр. 21.

<sup>4</sup> Там же, стр. 22.

<sup>5</sup> Там же, стр. 28—29.

<sup>6</sup> Там же, стр. 29.

<sup>7</sup> Цюй Цю-бо. Спорные проблемы китайской революции. Б. м., 1928, стр. 4 (на кит. яз.).

<sup>8</sup> Там же, стр. 32—33.

бо приходил к выводу, что эта революционно-демократическая диктатура «также будет неизбежно носить военный характер»<sup>9</sup>.

Большое место в своей брошюре Цюй Цю-бо уделит аграрному вопросу. Лозунг «Пахарю — свое поле» он считал «первым шагом к национализации земли»<sup>10</sup>. Вместе с тем он не отвергал и необходимость «переходных» требований для раскачки крестьянства. Решительно поддерживая установку VII пленума ИККИ на аграрную революцию, Цюй Цю-бо солидаризировался также и с реалистическим подходом ИККИ к практически осуществимым требованиям сегодняшнего дня в области аграрных реформ (конфискация земли reactionеров, храмов и т. д.); земли мелких помещиков пока не подлежали конфискации<sup>11</sup>.

Много сил и внимания Цюй Цю-бо отдавал пропаганде и распространению марксизма-ленинизма в Китае. Им были переведены на китайский язык многие труды В. И. Ленина, программные документы Коминтерна. Цюй Цю-бо принадлежит также заслуга первого китайского перевода пролетарского гимна «Интернационал».

Цюй Цю-бо — верный друг Советского Союза — был неутомимым борцом за укрепление братских интернациональных связей между пролетариями всех стран. Он участвовал в работе III, IV и VI конгрессов Коминтерна. На III конгрессе Коминтерна ему посчастливилось встретиться с В. И. Лениным, беседовать с ним. Особенно активное участие Цюй Цю-бо принимал в работе VI конгресса Коминтерна — в рабочем президиуме Конгресса, в комиссиях по выработке программы Коминтерна и тезисов о революционном движении в колониальных и полуколониальных странах. Он был избран членом Президиума и Исполкома Коминтерна, в журнале «Коммунистический Интернационал» публиковал статьи, направленные против международного оппортунизма. Заслуги Цюй Цю-бо-интернационалиста были высоко оценены коммунистами многих стран. Когда весть о гибели Цюй Цю-бо стала достоянием мировой общественности, память этого выдающегося китайского революционера отметили в специальных заявлениях Исполкомом Коминтерна, Центральные Комитеты компартий Японии, Индокитая, Англии, США, Канады и Германии<sup>12</sup>.

Частью общепролетарского дела была для Цюй Цю-бо и его литературная деятельность. Талантливый писатель, публицист и художественный критик, Цюй Цю-бо вместе с великим Лу Синем внес неоценимый вклад в становление марксистского литературоведения в Китае, в развитие китайской революционной литературы, в приобщение китайского народа к лучшим образцам мировой художественной литературы. Особенно много Цюй Цю-бо, как и Лу Синь, сделал для перевода и издания в Китае шедевров русской литературы — произведений Гоголя, Толстого, Горького, Маяковского<sup>13</sup>.

Верность принципам пролетарского интернационализма, непримиримая борьба со всякими проявлениями национализма и великоханьского шовинизма — одна из главных заслуг Цюй Цю-бо перед Коммунистической партией Китая и международным коммунистическим движением. Как подлинный интернационалист и патриот своей Родины, Цюй Цю-бо продолжал и развивал в КПК заложенные Ли Да-чжао традиции дружбы и уважения к Советскому Союзу, к советскому народу и Коммунистической партии Советского Союза.

С первых же шагов своей многогранной политической деятельности Цюй Цю-бо обращает пристальный взор к Советской России, ищет в опыте партии Ленина ответ на мучительные проблемы Китая. «Россия — пример для нас» — таков был вывод молодого революционера, к которому он пришел вслед за Ли Да-чжао еще в 1920 г. Этот вывод Цюй Цю-бо пронес как знамя через всю свою пламенную жизнь борца-коммуниста.

Чтобы лучше узнать и понять Советскую Россию, рассказать правду о ней китайскому народу, он изучает русский язык, становится блестящим переводчиком советской политической и художественной литературы.

Знакомство с трудами великого Ленина, с документами Советского государства и Коммунистической партии Советского Союза помогло молодому Цюй Цю-бо понять, что Октябрьская революция «всколыхнула весь мир и оказала влияние на развитие идей во всех странах»<sup>14</sup>. И Китай не составил исключения. Цюй Цю-бо писал: «Так

<sup>9</sup> Там же, стр. 127.

<sup>10</sup> Там же, стр. 37.

<sup>11</sup> Там же, стр. 135—136.

<sup>12</sup> Подробнее об интернационалистской деятельности Цюй Цю-бо см. статью Е. Ф. Ковалева «Коммунист-интернационалист Цюй Цю-бо» («Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 2, стр. 208—215).

<sup>13</sup> О литературно-художественном творчестве Цюй Цю-бо см.: М. Е. Шнейдер. Творческий путь Цюй Цю-бо, 1964, а также: Цюй Цю-бо. Очерки и статьи. М., 1959 и Цюй Цю-бо. Избранное. М., 1975, в переводе, с комментариями и предисловиями М. Е. Шнейдера.

<sup>14</sup> Цюй Цю-бо. Очерки и статьи, стр. 89.

как в китайском обществе, где так много мрачного и трагического, люди искали новых идей в жизни, их сердца не мог не взволновать докатившийся до них неслыханный доселе грохот крушения старого общества. Поэтому и у нас все заинтересовались Россией, а русская литература стала ориентиром для китайских писателей»<sup>15</sup>. В том, что молодой Цюй Цю-бо смог правильно понять и оценить значение Великого Октября для судеб Китая и всего мира, нельзя не увидеть благотворного влияния его учителя и наставника Ли Да-чжао.

Вдохновленный идеями Октября, Цюй Цю-бо при содействии Ли Да-чжао едет в конце 1920 г. в Москву в качестве специального корреспондента газеты «Чэньбао». Он был первым представителем китайской прессы в Советской России, рассказавшим в своих статьях и книгах правду о молодой социалистической республике рабочих и крестьян.

В результате первого путешествия Цюй Цю-бо в Советскую Россию (1921—1922) появились его блестящие репортажи «Путевые заметки о новой России», «Впечатление о Красной столице», «Возвращение из Красной России», выдержавшие в Китае несколько изданий<sup>16</sup>. Очерки, написанные Цюй Цю-бо в Москве, сравнимы с такими образцами зарубежной публицистики о послеоктябрьской России, как репортажи Джона Рида, Вайяна Кутюрье, Богумила Шмерала и других интернационалистов.

Наглядное представление о мыслях и чувствах молодого Цюй Цю-бо дает отрывок из книги «Путевые заметки о новой России», впервые публикуемый на русском языке в этом номере журнала.

Для Цюй Цю-бо, как и для многих его единомышленников, тогдашняя Советская Россия — голодная, холодная, разутая и раздетая, разоренная войной и интервенцией — была не только «голодным краем», но и «землей обетованной», «краем обетованным».

По пути в Москву Цюй Цю-бо писал: «К красному свету!.. Скорей! Скорее к цели! Советский народ — орган самовластия пролетариата, коммунизм, социализм, основанные на экономическом учении Маркса, — все это можно изучать там, на месте». Свой долг Цюй Цю-бо видел в том, чтобы «изучить коммунизм, значимость этой общественной системы для культуры человечества, изучить культуру России — часть общечеловеческой культуры, исходный пункт перехода от старой культуры к новой». Для Цюй Цю-бо, как и для других китайских коммунистов, Советская Россия была неисчерпаемой сокровищницей революционной мысли. Всю свою жизнь он посвятил тому, чтобы Китай как можно больше почерпнул из этой сокровищницы. В одной из своих статей Цюй Цю-бо писал: «Пролетариат Китая надеется только на вас, смелые русские рабочие, храбро сражающиеся за счастье всего человечества, основавшие Российскую Советскую Социалистическую Республику, проводящие в жизнь принципы социализма, борющиеся с темными силами, преодолевающие неисчислимые трудности и претерпевающие много лишений и все же никогда не падающие духом. Пролетариат Китая восхищается вами и от всей души желает вам успехов и побед»<sup>17</sup>.

Трудно переоценить значение корреспонденций и книг Цюй Цю-бо о Советской России. Пропаганда опыта Великой Октябрьской социалистической революции, которую вели Ли Да-чжао, Цюй Цю-бо и другие основатели КПК, оказала огромное влияние на формирование революционных сил китайского народа, на его борьбу за свое освобождение.

*В. И. Глунин,*  
кандидат исторических наук

<sup>15</sup> Там же.

<sup>16</sup> Русский перевод отрывков из этих репортажей см. в сборнике «Цюй Цю-бо. Очерки и статьи», стр. 29—88.

<sup>17</sup> Цюй Цю-бо. Положение китайских рабочих и их надежды на Россию. — «Народы Азии и Африки», 1970, № 5, стр. 155.

# Путевые заметки о новой России

Цюй Цю-бо

Гуань И-чжи, живший при Цинской династии, назвал обетованным краем гору Шоуяншань, где поселились Бо-и и Шу-ци, чьи духовные запросы и устремления одержали верх над материальной потребностью — питаться «хлебом династии Чжоу». У меня теперь тоже есть свой обетованный край — Советская Россия. Не будем пока говорить о том, почему в России нечего есть, не во что одеться... Как бы там ни было, Россия — первая в мире страна социалистической революции, центр мировой революции, связующее звено между культурами Востока и Запада. Я твердо решил ехать в Россию, и мне было совершенно безразлично, в каком качестве я туда отправлюсь: не удалось бы в качестве корреспондента, добился бы своего другим путем, невзирая ни на какие трудности. Но теперь все решено: я корреспондент газеты «Чэньбао» с не определившимся пока политическим направлением. Кое-кому может показаться безрассудным мое желание помочь газете найти это направление. Но идеи, я убежден, не являются частной собственностью. Итак, я еду... В дорогу я собрался, все в порядке, завтра в путь... Вам, друзья, я желаю всяческих успехов!» — так говорил я Гэн Цзи-чжи, Цюй Цюй-нуну, Чжэн Чжэнь-до, Го Шао-юю, Го Мэн-ляну и Го Шу-ци — они пришли проститься со мной, после того как я вернулся домой в двенадцатом часу ночи 15 октября 1920 г. из гостиницы «Пекин» от представителя Дальневосточной республики Юрина, который выдал мне визу на въезд в Россию.

Утром 16 октября на Восточном вокзале Пекина проводить меня собрались близкие родственники, в том числе брат Чунь-бо, и кое-кто из друзей. День выдался чудесный. Свежий ветерок и яркое солнце вызвали во мне какие-то необъяснимые ощущения, все вокруг выглядело необычно. Рукопожатия, напутствия...

. . .

Вскоре после нашего приезда в Харбин распространились слухи, будто армия Семенова вклинилась где-то между станцией Маньчжурия и Читой, что поезда не ходят и только спецпоезду, возможно, удастся проскочить. Я регулярно читал выходившие в Харбине русские газеты, но они ничего не проясняли. Однако через несколько дней выяснилось, что в результате ожесточенных столкновений между войсками Семенова и читинской Народной Армией мосты между Читой и станцией Маньчжурия разрушены...

К счастью, вскоре стало известно, что Красная Армия заняла Читу и там как будто создано временное правительство Дальневосточной республики. К тому времени все еще было не ясно, чем закончились бои на станции Маньчжурия, но у нас все же появилась некоторая надежда, и мы постепенно успокоились. Каждый день мы по-прежнему справлялись о новостях, а наш отъезд все откладывался и откладывался. Казалось, мы только что прибыли в Харбин, а уже пошла вторая декада ноября. Так мы и проторчали там чуть ли не два месяца, что, разумеется, вовсе не входило в наши расчеты. Однако описание нашего житья в Харбине могло оказаться весьма удачным предисловием к заметкам о путешествии в Россию, и я начал записывать.

...В начале декабря поступили достоверные сведения о том, что район станции Маньчжурия полностью очищен от банд Семенова. Потерпев поражение, они отошли в Приморье под прикрытие японцев, выступивших в качестве посредников. Появилась наконец какая-то надежда на наш отъезд, а вместе с ней вернулось и горячее желание поскорее оказаться в России, несколько ослабевшее из-за вынужденной задержки почти на пятьдесят дней. Добрая весть снова окрылила нас. От генконсула Чэнь Гуан-пина мы узнали, что его специальный поезд уже находится в полной готовности и отправление назначено на седьмое декабря.

В путь! В путь! К красному свету! Советская Россия — первая социалистическая республика двадцатого века. О ней ходят слухи и распространяются всякого рода пропагандистские измышления. Всем известно, что она вынесла четыре года европейской войны и вот уже три года там не прекращаются внутренние беспорядки<sup>1</sup>. Но никто не знает, каково истинное положение вещей за воротами Свободы.

<sup>1</sup> Имеется в виду гражданская война. — Прим. перев.

На сей счет строят различные предположения. Попасты в Советскую Россию можно через ее буферное государство — недавно созданную демократическую Дальневосточную республику. И сама Дальневосточная республика, и демократия, осуществляемая правящей коммунистической партией, партией большевиков, — все это представляет огромный интерес для изучения. Скорей! Скорей! Скорее к цели! Советский строй — орган самовластия пролетариата; коммунизм, социализм, основанные на экономическом учении Маркса, — все это можно изучить там, на месте! Работы непочатый край.

Но, прежде чем окунуться в коммунистическую атмосферу Советской России, хотелось бы сказать несколько слов о торжествах, устроенных Харбинским объединенным комитетом рабочей партии по случаю годовщины Октябрьской революции.

Как раз в то время я находился в полном неведении относительно срока нашего отъезда и очень обрадовался приглашению одного русского приятеля прийти к ним на праздник в новое помещение рабочего факультета, который готовился открыть Харбинский объединенный комитет рабочей партии. На проведение митинга в день 7 ноября было заблаговременно получено разрешение полицейского управления. Народу собралось столько, что пробраться в зал казалось просто невозможным. Председатель комитета посоветовал нам с приятелем занять места на трибуне. Когда митинг объявили открытым, зал всколыхнулся от мощного «ура!», после чего раздались торжественные звуки «Интернационала». Здесь мне впервые довелось услышать «Интернационал», государственный гимн Советской России, который звучал в этой стране, как я потом убедился, буквально повсюду. Ораторы провозглашали здравницы в честь Советского правительства, РКП(б), III Интернационала, мировой революции. Незадолго до закрытия митинга было получено сообщение об официальном провозглашении образованного в тот день правительства Дальневосточной республики в Чите. После этого с докладом выступил коммунист, только что прибывший из Москвы. И сообщение и доклад были встречены бурными овациями и то и дело прерывались возгласами «ура!».

После митинга мы попали на вечеринку к моему русскому другу большевику. Там нас ждал великолепный ужин. Лампочки, обернутые красным шелком, озаряли комнату красным светом; залитые красными лучами, висели портреты Маркса и Ленина. За ужином все выпили, развеселились — зазвучали приветствия. Среди собравшихся было много русских женщин. Моя соседка по столу буквально засыпала меня вопросами о китайском народе, о его нравах и обычаях, о Пекине и Шанхае. Среди присутствующих оказался и коммунист, приехавший накануне из Москвы, который сказал:

— Вот мы веселимся здесь, а москвичи едят черный хлеб и то не досыта... Коммунисты взяли на себя ответственность за судьбу страны и принимают все меры к тому, чтобы народ стал жить лучше. Сегодня, в день праздника, все наши мысли обращены к трудящимся России...

Только восьмого декабря мы сели наконец в спецпоезд и лишь через два дня отправились в путь. Десятого декабря поезд тронулся — он держал путь на север...

На станцию Маньчжурия мы приехали тринадцатого декабря вечером. В тот же день сюда прибыл возвращавшийся на родину генерал-лейтенант Чжан Сы-линь — военный представитель Управления китайской пограничной стражи в России. Он рассказал нам, что возникшая была надежда на установление дипломатических отношений между Китаем и Россией не оправдалась по вине китайского правительства, которое, к сожалению, не решилось пойти на такой шаг и не определило своего политического курса в этом вопросе.

— Московское правительство, — продолжал Чжан Сы-линь, — сразу же отказалось от всех привилегий царской России. Оно желает начать дружественные переговоры с Китаем, восстановить торговые отношения... Но китайское правительство не облечено необходимыми полномочиями, и я не смог довести дело до конца. Русское правительство в высшей степени гостеприимно встречает иностранные делегации, и мне был оказан прекрасный прием. Но в Пекине неожиданно произошла смена правительства, Дуань Ци-жуй был отстранен от власти. Новое центральное правительство передало по телеграфу в Лондон сообщение о том, что я не являюсь официальным представителем. И все переговоры пошли насмарку.

...Вместе с генерал-лейтенантом Чжан Сы-линем на родину возвращался Лю Шао-чжоу — председатель Генерального совета союза китайских рабочих, временно проживавших в России. Среди китайских студентов, обучавшихся в России, он выделялся особой одаренностью. Он рассказал нам много интересного о китайских эмигрантах, о коммунистической России. После трех лет европейской войны и четырех лет внутренних беспорядков экономика России пришла в упадок. Главным в тот период являлся переход от военного коммунизма к мирному строительству. Врангель был уже разгромлен, Донецкий угольный бассейн перешел в руки Красной Армии, Польша приостановила военные действия. Таким образом, Советская Россия

могла направить все силы на реконструкцию экономики. К тому времени, как сказал Лю, жизнь народа по сравнению с зимой 1919 г. значительно улучшилась... Обучение в Советской России бесплатное, всем детям гарантировано образование. Однако из-за нехватки средств всеобщее образование пока невозможно, и вопрос этот еще не решен должным образом...

На станции Маньчжурия мы снова застряли. Чжан Сы-линь уже проследовал в своем поезде на юг, а спецпоезд Чэнь Гуан-пина так и стоял на месте. Отозванный пекинским правительством на родину, Чжан Сы-линь сообщил рабоче-крестьянскому правительству о том, что в Москву назначен китайский генеральный консул. Ему ответили, что рабоче-крестьянское правительство, несомненно, приветствует это назначение и, как только представитель Китая прибудет, Россия тоже пошлет своего представителя в Пекин. Однако Китай, как обычно, ограничился телеграфной информацией через Лондон, и, так как рабоче-крестьянское правительство не было официально уведомлено о назначении генконсула Китая, Москва не имела возможности подготовиться к встрече. Что касается Дальневосточной республики, то она вообще не была в курсе дела. Вот мы и засели на станции Маньчжурия в ожидании ответной телеграммы из Читы. Кроме того, нам предстоял небезопасный путь: многие железнодорожные мосты были разрушены. И если поезд Чжан Сы-линя первым по окончании здесь военных действий проследовал из Читы в Маньчжурию, то нашему поезду предстояло пройти первым в обратном направлении.

На станции Маньчжурия мы простояли четверо суток... Был сильный мороз, непрерывно шел снег. Мы выходили из вагона, только чтобы поразмяться или же кое-что купить...

Шестнадцатого декабря мы получили наконец разрешение на въезд, миновали китайско-советскую границу и, оставив позади Маньчжурию, прибыли в Сибирь. К вечеру разыгрался буран. Железная дорога была разрушена войной, и мы ехали по временной колее, проложенной прямо по льду. Поезд двигался очень медленно, покачиваясь из стороны в сторону, громыхая и скрипя. Он словно хотел поведать первым гостям из Восточной Азии о безвинно загубленных здесь белой нечистью русских трудящихся.

Семнадцатого утром поезд подъехал к станции Оловянная. Впереди виднелся разрушенный до основания в своей средней части железный мост, а под ним — придавленный формами моста разбитый паровоз — дело рук семеновцев. Наш поезд медленно двигался прямо по замерзшей реке, где была проложена колея, и лед под ним все время потрескивал. Вдруг состав дернуло, раздался грохот, кто-то закричал: «Поезд сошел с рельс!.. Лед треснул!..» К счастью, все обошлось, и мы благополучно переправились на противоположный берег. Неподалеку между сопками раскинулось село, золотая головка его церкви излучала свое средневековое сияние.

Восемнадцатого декабря прибыли в Читу — новую столицу Дальневосточной республики. Здесь предстояло запросить Москву, уведомить о ее ответе пекинское правительство — лишь после этого спецпоезд генконсула мог продолжать путь. Нам, журналистам, надо было получить визы в министерстве иностранных дел Дальневосточной республики.

Перед зданием читинского вокзала пустынная площадь. Продолжая жить в вагоне в ожидании вестей, мы ежедневно отправлялись туда за дополнительной информацией. Погода стояла на редкость холодная. Не успеешь дойти до середины площади — всего каких-нибудь пятьдесят шагов, — как пальто покрывается инеем. И я с моими слабыми легкими всякий раз задыхался: температура достигала сорока с лишним градусом ниже нуля по Реомюру.

\* \* \*

На запасном пути пустынной железнодорожной станции Читы одиноко стоит состав с пятицветным китайским флагом, который полощется на ледяном ветру. Тусклые утренние лучи играют на покрытом инеем полотнище, и от этого оно кажется неправдоподобно блестящим. Флаг будто хвастается тем, что он первый гость молодого хозяина Сибири — Дальневосточной республики. Сопки стеной окружили Читу, заключив в свои объятия и сам город, избегающий кое-где на их склоны, и станцию. Вершины сопки поросли елями и соснами, покрытыми снегом. Деревья издали поглядывают на пятицветный флаг и будто улыбаются, сверкая удивительно чистой зеленью. По станции деловито снуют люди в засаленных, выдавших виды тулупах. Открываешь дверь в зал ожидания — в нос ударяет спертый воздух... С привокзальной площади, насколько хватает глаз, открывается вид на город. Разбросанные там и сям домики, превратившиеся во время войны в груды развалин здания, повествующие о гибели капитализма. Ноги скользят — снег и лед здесь не так до самого конца весны. К востоку от привокзальной площади находится базар, и оттуда доносится разноголосый людской гомон.

Базар, куда я отправился из парикмахерской, представлял собой просторную площадь, уставленную как попало маленькими лотками.

В районе Верхнеудинск — Чита было неспокойно. Богачи буржуи успели сбежать. Экономика, естественно, переживала кризис военного времени, да иначе и быть не могло в этом непрерывном хаосе. Ко времени нашего приезда только-только начал устанавливаться порядок, однако разрушенное войной хозяйство восстановить пока не удавалось. Вечерами на улицах горели чудом уцелевшие один-два фонаря. Сковавший людей холод, лед под ногами, пронзительный свист ветра усугубляли картину царившего в городе запустения.

Мы побывали на спектакле в читинском театре, оставшемся в наследство от буржуазии. У дверей часовые-красноармейцы. В фойе сверкают люстры, неторопливо прогуливаются мужчины и женщины, среди них попадаются нарядно одетые. Вместе с нами в театре оказался Бао И — китайский вице-консул в Чите, мой соученик по пекинскому Институту русского языка. Я спросил у него о влиянии революции на буржуазию.

— Сам видишь, — бросил он, не отвечая прямо на мой вопрос, и тут же переключил тему разговора: — Прощу тебя, не едь в Москву.

— Вы едете в Москву? — удивилась его спутница, русская девушка, нервно передернув плечиками под рыжей лисой. — Какой ужас! Какой ужас!

Когда мы выходили из театра после спектакля, она рассказала мне, что их дом конфискован, им оставили всего четыре комнаты, а в остальных поселились советские служащие и рабочие, что всюду царит сплошная неразбериха.

Я рассмеялся и промолчал.

— Все это случилось сразу после прихода большевиков в Читу. Что будет дальше, сказать трудно, — продолжала она. — А о Москве и говорить не приходится.

Такова уж психология буржуазии.

Между тем Чита и прилегающие к ней районы, собственно, не являются промышленными. Буржуазии здесь очень мало, Чита всего лишь городской поселок сельскохозяйственной Сибири. Подавляющее большинство населения в здешних местах составляет мелкая сельскохозяйственная буржуазия, всякий пришлый люд... Экономика базируется на крупной частной торговле, мелкой торговле, мелком ремесле. В Харбине я познакомился с одним русским. Перед самым отъездом он попросил меня передать посылку и письмо его родственникам в Чите. Я выполнил его поручение и собственными глазами увидел частичку сибирской жизни.

Северное предместье Читы расположено в седловине горы. В сосновом лесу тишина и покой. Кажется, будто над лесом висит серебряный полог, а земля устлана серебристым войлоком. Горный воздух удивительно чист, прозрачен и свеж.

Мы разыскали дом, где жили родственники моего харбинского знакомого, вошли в ворота и очутились в просторном дворе. Здесь на привязи стояли коровы и лошади, чуть поодаль виднелись ведра с молоком. Сам дом, точнее русская изба, был неказистый, но крепкий. Нас пригласили в небольшую, чисто прибранную горницу. Хозяйка, узнав, что мы привезли ей письмо, очень любезно приняла нас. Она немного говорила по-французски и, убедившись, что русским мы владеем недостаточно хорошо, то и дело вставляла в русскую речь французские слова, распрашивая нас.

— Как там жизнь, в Харбине? Все ли наши родственники живы-здоровы? — засыпала она меня вопросами.

Мы разговорились с хозяйкой и в свою очередь стали спрашивать ее о жизни в Чите.

— ...Вы еще не знаете, что на читинском рынке нет денег. Семенов выпустил огромное количество ассигнаций, которые сейчас полностью обесценены. Это не деньги, а клочки никому не нужной бумаги. Вот у меня здесь несколько десятков миллионов рублей...

С этими словами хозяйка вытащила целую кипу ассигнаций и подарила нам по несколько пятисотрублевых и сотенных бумажек. Пока мы разговаривали, проснулся ее малыш. Она напоила его молоком и дала подслащенной воды, которую налила из бутылки в чайную ложку. Но малыш ревел — хотел сахару.

Проговорили мы с хозяйкой до самого вечера, когда домой вернулся хозяин. Он также стал на все лады благодарить за посылку. Потом нас пригласили ужинать, и надо сказать, что черный хлеб оказался очень вкусным.

— Был бы у нас такой хлеб в Москве, тогда и горевать нечего, — заметил я, обратившись к Цзун-у.

...Придя к власти, большевики образовали в Чите новое правительство и провозгласили демократическую республику. Несомненно, этот шаг смягчил внешнеполитические конфликты — Дальневосточная республика как бы стала буфером между Советской Россией и капиталистическими государствами. В то же время образование демократической республики вполне соответствовало реальному положению Сибири — молкобуржуазного сельскохозяйственного края.

Итак, мы сидим в Чите и никак не можем стронуться с места. Генконсул шлет телеграммы в Пекин и Москву, но оттуда — никаких вестей. Непрерывно ползут слухи об опасном положении в европейской части России. На отъезд — ни малейшей

надежды, и мы начинаем подумывать об изменении первоначальных планов. Нечто подобное мы уже пережили во время нашей вынужденной остановки в Харбине. Тогда мы тоже собирались остаться там, заняться русским языком, изучать теорию научного коммунизма, а позднее, с наступлением весны, выработать план дальнейших действий. Узнав, что в Чите можно найти частный пансион, мы с Ли Цзун-у решились было остаться здесь: изучить политический строй Дальневосточной республики, заняться теорией научного коммунизма, углубить свои познания в русском языке, использовать благоприятные условия для разговорной практики. А Юй Сун-хуа, который совсем не знал русского языка, уже собрался было вернуться на родину. Нам страшно надоели постоянные задержки в пути, и, не обернись все по-другому, мы, пожалуй, никогда не достигли бы цели своего путешествия.

Мы познакомились с общественной жизнью Читы, встречались и беседовали с руководителями Дальневосточной республики. Как-то в помещении телеграфного агентства ДВР у нас завязался интересный разговор с бывшим польским офицером, который сносно говорил по-английски. Дело в том, что корреспонденты агентства, когда мы в беседе с ними коснулись вопроса о КВЖД, посоветовали нам встретиться с министром транспорта Дальневосточной республики.

Кабинет министра транспорта Дальневосточной республики Шатова был просторным и полупустым. Стол и несколько стульев — вот и вся мебель. Мы с Юй Сун-хуа обратились к Шатову, который, как оказалось, говорил по-английски. Он холодно бросил:

— Прошу задавать вопросы.

Изложив цель нашего прихода, мы заговорили о КВЖД. По этому вопросу нам не раз приходилось беседовать с представителями Харбинского объединенного комитета рабочей партии. Мы высказали свои симпатии к трудящимся революционной России и выразили уверенность в том, что в дальнейшем сможем соответствующим образом представлять их интересы в своих корреспонденциях для китайской прессы. Нам также хотелось побольше узнать о политике нового читинского правительства по отношению к Китаю и КВЖД.

Министр постепенно перешел с официального начальнического тона на дружеский и весьма любезно обратился к Юй Сун-хуа:

— Читинское правительство решительно высказывается за возвращение КВЖД Китаю на договорных началах. Китай и Россия должны, как добрые соседи, совместно бороться против японского империализма. Захват КВЖД японцами пагубно отразился бы на слаборазвитых странах Дальнего Востока.

Беседа закончилась, и мы ушли. На следующий день тот же поляк познакомил нас с начальником продовольственного управления Гроссманом, который оказался человеком прямым и откровенным. Он подробно рассказал нам о политике нового правительства по продовольственным вопросам.

— Россия, особенно Дальневосточная республика, — говорил он, — рассматривает Китай как самую близкую и дружественную страну в мире и надеется стать его союзником. Мы искренне хотим торговать с Китаем. Но из-за длительной блокады, которую пришлось выдержать России, у нас нехватка товаров, и этим могут легко воспользоваться спекулянты. Поэтому все продовольственные запасы мы вынуждены держать под контролем государства. Каждый торговец обязан сообщать о количестве имеющихся у него товаров и придерживаться цен, которые установлены правительственными органами, осуществляющими контроль... С Японией мы торговать согласны, правда лишь в том случае, если она откажется от политики агрессии. Установление правительственного контроля над торговлей еще не есть социализм, и по своему государственному строю Дальневосточная республика — страна демократическая. Но если спекулянты будут придерживать дефицитные товары и взвинчивать цены, голод неизбежен.

Гроссман был так занят, что, даже разговаривая с нами, не отрывался от дел. Когда мы вышли от него, поляк с гордостью воскликнул:

— Видали, какая у нас здесь свобода и демократия! Захотели побеседовать с начальником — пожалуйста! Вот как!..

Дальневосточная республика только что образовалась, предстояло созвать Национальное собрание для выработки конституции, а пока действовало временное правительство. Министр иностранных дел Краснощеков являлся по совместительству и премьером кабинета министров. Мы дважды просили о встрече с ним, но он был тяжело болен и никого не принимал. 2 января 1921 г. неожиданно явился сотрудник министерства иностранных дел и вручил нам письменное приглашение к премьеру. В тот же вечер мы отправились к нему домой — прямо в Министерство иностранных дел.

Пройдя гостиную, где мягкий свет лампы падал на поплиновые занавеси, мы направились к спальне. Навстречу нам вышла слегка расплывшая молодая женщина — жена господина Краснощекова. На чистейшем английском языке она сказала нам, что господин Краснощеков болен, и просила не слишком утомлять его разговором. Господин Краснощеков лежал в постели — рослый, могучий. С первого взгляда в нем можно было определить человека твердой воли и очень прямого. Интересую-

щие нас вопросы мы заранее передали его секретарю, и господин Краснощеков, хотя и был еще слаб, ответил на все по порядку, ничего не спутав и не пропустив. Вот что он нам сказал:

— В правительстве Дальневосточной республики наряду с другими входят также коммунисты. Тем не менее решено избрать республиканско-демократическую форму правления как наиболее соответствующую экономической организации нашего государства. В ближайшее время будет созван парламент — Национальное законодательное собрание, и мы приступим к строительству нового государства. С Советской Россией Дальневосточная республика заключила договор о союзе. Во всех вопросах мы полностью суверенны, только наши внешнеполитические дела подлежат согласованию с московским правительством. Мы и с Китаем надеемся заключить договор о дружбе...

Премьер говорил еще о многих важных вещах, но о нашей с ним встрече уже есть корреспонденция Юй Сун-хуа в китайских газетах, так что повторяться здесь не имеет смысла.

Все изложенное Краснощековым звучало весьма убедительно. Несмотря на одышку, мучившую его, он повторял и пояснял то, что считал наиболее важным. Говорил он по-русски и по-английски.

В десятом часу вечера мы ушли, поблагодарив Краснощекова. Его секретарь успел сообщить нам, что выборы в Национальное законодательное собрание будут всеобщие, что мужчины и женщины, достигшие восемнадцати лет, независимо от имущественного положения имеют право быть избранными в парламент и что коммунисты идут навстречу предстоящим выборам с твердой уверенностью в успехе...

С 18 декабря 1920 г., то есть со дня нашего приезда в Читу, незаметно пролетело более десяти дней. За это время мы успели познакомиться с жизнью разных людей и общества в целом, исправно вели свои канцелярские, журналистские дела, но тягостное ощущение от вынужденного безделья не проходило. Мы по-прежнему жили в одном вагоне с генконсулом и его сотрудниками, выслушивали их резонерские поучения, касающиеся китайско-русских дипломатических отношений, и на все наши вопросы получали официальные ответы в чисто китайском духе. Эти ответы были либо чересчур абстрактными и вместо выводов содержали общие оценки: тот — алчный, этот — бескорыстный, один — патриот, другой — предатель, такой-то посланник хороший, такой-то — плохой, либо, при всей конкретности, были бездоказательными: «Русские презирают китайцев, не приглашают их на приемы», «Россия не доверяет Китаю и не идет ни на какие соглашения с ним». Зато на мой вопрос о том, какой позиции, какой ориентации по отношению к России придерживалась в тот или иной момент китайская дипломатия, генконсул ответить не мог. Так, например, остался без ответа вопрос о том, каково было отношение китайского посланника в России к Керенскому, признавал ли он его. Не ответил генконсул и на вопрос о том, какого мнения была китайская дипломатия о русской революции и каким образом следует урегулировать вопрос о китайских гражданах, живущих в России. Ничего не удалось узнать и о функциях Чэня по прибытии в Москву. Возможно, что генконсул и его сотрудники не все нам говорили, но, вероятнее всего, они сами толком ничего не знали...

А наше читинское житье-бытье шло своим чередом. Нам уже не мешали восхищаться красотой сибирской природы ни ледяной ветер, ни жестокий холод. Представитель «демократической республики» Китая сделал соответствующие запросы и, постучавшись в дверь Советской Социалистической России, определил день нашего отъезда. Наступил год тысяча девятьсот двадцать первый. А на вокзале в Чите по-прежнему стоял поезд с государственным флагом Китая, отбрасывая яркие блики на лица граждан демократическо-коммунистической республики. Дрожа от холода, в грязных, изодранных тулупах, они тащили сундучки и корзинки и, поравнявшись с ярко освещенным, похожим на серебряный светильник китайским спецпоездом, вдыхали аромат напитков и яств — китайцы встречали Новый год. В соответствии с правилами хорошего тона читинское и московское консульства Китая обменялись новогодними поздравлениями. Ни один визит во время «счастливого светлого праздника» не обошелся без чисто китайских развлечений — игры в мацзян<sup>2</sup>, а также в карты — в девятку или во что-нибудь другое в таком же роде. Так что я был вынужден принимать гостей, рассыпаться в любезностях, ни на секунду не забывая о скопившихся материалах, которые необходимо было привести в порядок.

Я с жадностью набросился на книги и журналы, присланные нам Читинским комитетом коммунистической партии, и читал все время, пока мои попутчики и их гости предавались азартным играм. Однако дело подвигалось медленно: с трудом одолевал я страницу за страницей. Только прочитав программу РКП(б), журнал III Интернационала «Интернационал», «Историю социализма» и еще кое-что, я составил себе некоторое представление о теоретических основах русской компартии.

<sup>2</sup> Мацзян — азартная китайская игра, широко распространенная на Дальнем Востоке. — Прим. перев.

Четвертого января все сборы к отъезду были наконец закончены, и мы с радостью тронулись в путь, вперед к нашей цели, отказавшись от возникшего было намерения остаться в Чите.

В Харбине мы ощутили дух коммунизма, на станции Маньчжурия нам довелось узнать некоторые факты, Чита познакомила нас с теорией. А теперь — вперед, к практическому познанию жизни в России.

*(Окончание в следующем номере)*

## Комментарии

Стр. 188. «Путевые заметки о новой России» («Синь Эго юцзи»), первоначальное название — «Заметки о голодном крае» («Эсян цзичэн») — первая книга Цюй Цю-бо о его поездке в 1921—1922 годах в Советскую Россию, вышедшая в сентябре 1922 г. в Шанхае. С 1923 по 1926 год она выдержала еще три издания. Впоследствии была включена в «Собрание сочинений Цюй Цю-бо» («Цюй Цю-бо вэньцзи»), т. 1, Пекин, 1954. Перевод публикуемых отрывков выполнен по этому изданию.

Гуань И-чжи (Гуань Тун) — жил в XIX в. Автор трактатов «Записки о семи канонах», «Биография Мен-цзы в хронологической последовательности», «Географические исследования периода Борющихся царств (403—221 гг. до н. э.)» и других.

Бо-и и Шу-ци — сыновья правителя страны Гучжу, одного из государств, подвластных Иньской династии (1766—1122 гг. до н. э.). На смену павшей династии Инь пришла династия Чжоу (1122—247 гг. до н. э.). По преданию, Бо-и и Шу-ци не пожелали служить династии Чжоу. Они поселились на горе Шоуляншань, где питались папоротником и умерли с голоду. С именами легендарных героев Бо-и и Шу-ци в традиционной китайской литературе всегда связывалось представление о принципиальности, верности и бескорыстии.

Цюй Цю-бо использовал это предание, чтобы объяснить, почему Советская Россия с ее огромными трудностями и лишениями тех лет, которую тогдашняя враждебная нашей стране буржуазная пропаганда называла «голодным краем», была для него землей обетованной.

«Чэньбао» — выходила в Пекине с декабря 1918 г. на восьми полосах, причем седьмая специально отводилась для рассказов, стихотворений, литературных этюдов, заметок о научных лекциях. Незадолго до начала «движения 4 мая» 1919 г. для редактирования седьмой полосы был приглашен Ли Да-чжао (1888—1927), в будущем один из основателей Коммунистической партии Китая, который проработал здесь вплоть до 1920 г. Впоследствии, когда седьмая полоса стала выходить в виде отдельного приложения к газете, в ней публиковались статьи и рассказы Лу Синя. И хотя «Чэньбао» была либеральным буржуазным изданием, принадлежавшим политической группе Лян Ци-чао, приложение к ней в те годы являлось одним из главных изданий, способствовавших борьбе за новую культуру. Кроме того, как и многие другие газеты того периода, «Чэньбао» печатала статьи о событиях в Советской России. Большую роль в этом сыграли корреспонденции Цюй Цю-бо из Москвы, регулярно публиковавшиеся на страницах газеты.

Гэн Цзи-чжи (1898—1947) — писатель, переводчик, один из первых популяризаторов русской классической и советской литературы в Китае, переводивших непосредственно с языка оригинала. Окончил пекинский Институт русского языка. В числе его переводов на китайский язык — «Семейное счастье», «Воскресение» и (совместно с Цюй Цю-бо) сборник рассказов Л. Толстого; «Отцы и дети», «Записки охотника» Тургенева; «Идиот», «Братья Карамазовы» Достоевского; «Гроза» Островского; пьесы Чехова — «Иванов», «Дядя Ваня», «Вишневый сад», а также ряд произведений Гоголя, Л. Андреева, Горького и других писателей.

Цюй Цзюй-нун (он же Цюй Ши-ин) — дядя Цюй Цю-бо, литературовед и писатель, один из членов Общества изучения литературы, созданного в Пекине в 1921 г. прогрессивными литераторами реалистического направления. В начале 20-х годов печатал свои статьи и рассказы на страницах журнала «Сяошо юэбао» («Ежемесячник прозы»).

Чжэн Чжэнь-до (1898—1958) — поэт и прозаик, крупнейший литературовед и археолог, профессор, видный общественный деятель КНР, заместитель министра культуры. После окончания Пекинского института путей сообщения совершил поездку по Франции, Германии и Англии. Один из основателей Общества изучения литературы. В 1922—1934 гг. редактировал журналы «Сяошо юэбао» («Ежемесячник прозы»), «Вэньсюэ» («Литература»), был составителем «Шицзе вэньку» («Библиотека мировой

литературы»). Автор многочисленных фундаментальных исследований по истории китайской литературы и искусства.

Го Шао-юй — современный писатель и литературовед, один из членов Общества изучения литературы, до середины 60-х годов профессор и директор библиотеки университета Фудань в Шанхае. В 20-е годы печатался во многих прогрессивных китайских журналах. Автор многих работ по истории литературы, в том числе фундаментального труда «История литературной критики в Китае».

Го Мэн-лян и Го Шу-ци — товарищи Цюй Цю-бо по пекинскому Институту русского языка.

Дальневосточная республика (ДВР) — демократическое государство, созданное 6 апреля 1920 года под руководством большевиков в обстановке борьбы трудящихся масс с иностранной военной интервенцией на советском Дальнем Востоке. Территория ДВР включала Прибайкалье, Забайкалье, Амурскую область, Приморье, Камчатку, северную часть Сахалина и зону КВЖД. В докладе о концессиях на фракции РКП(б) VIII съезда Советов В. И. Ленин следующим образом обосновал необходимость образования ДВР: «... обстоятельства принудили к созданию буферного государства — в виде Дальневосточной республики...» И далее: «...вести борьбу с Японией мы не можем и должны все сделать для того, чтобы попытаться не только отдалить войну с Японией, но, если можно, обойтись без нее, потому что нам она по понятным условиям сейчас непосильна» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, стр. 93). После окончательного разгрома белых банд и изгнания японских захватчиков из Приморья трудящиеся массы ДВР на своих собраниях и митингах потребовали воссоединения ДВР с Советской Россией. 15 ноября 1922 г. ВЦИК объявил ДВР составной частью РСФСР.

26 августа 1920 г. в Пекин для ведения торговых и дипломатических переговоров с тогдашним китайским правительством прибыла делегация ДВР во главе с И. Л. Юриным, фактически представлявшая интересы всей Советской России. Пекинское правительство удовлетворило требование этой делегации и порвало отношения с бывшими миссией и консульством царской России, не представлявшими ни правительства, ни народа.

По совету секретаря миссии И. Л. Юрина — М. И. Казанина, впоследствии Китаеведа и литератора, Цюй Цю-бо и ехавшие вместе с ним в Москву два других китайских журналиста — Ли Цзун-у и Юй Сун-хуа — добились разрешения на поездку в Советскую Россию на специальном поезде. В нем ехал состав генерального консульства Китайской республики в Москве: генконсул Чэнь Гуан-пин, вице-консул Лю Вэнь (Лю Шоу-цин) и стажер Чжэн Янь.

Стр. 189. Чжан Сы-линь — генерал-лейтенант Управления китайской пограничной стражи, возглавил военно-дипломатическую миссию, прибывшую 5 сентября 1920 г. в Москву для переговоров с Советским правительством. В ходе переговоров Советское правительство 27 сентября вручило генералу Чжан Сы-линю ноту, в которой вновь были подтверждены принципы, провозглашенные в известной декларации Советского правительства от 25 июля 1919 г. (см. «Известия», 26.VIII. 1919 г.), — об аннулировании неравноправных договоров царской России с Китаем, об отказе от контрибуции 1901 г. и от всех прочих привилегий.

В июле 1920 г. в Пекине произошла смена правительства. Поэтому, несмотря на успешный ход переговоров, Чжан Сы-линь получил 28 сентября телеграмму из Пекина с указанием выехать в Китай. Кроме того, под нажимом США и Франции 18 октября того же года пекинское правительство через советского представителя в Лондоне Л. Б. Красина информировало Советское правительство об отозвании Чжан Сы-линя, сославшись на то, что он не имел соответствующих полномочий.

Перед отъездом из Москвы, 2 ноября 1920 г., Чжан Сы-линь был принят В. И. Лениным.

Дуань Ци-жуй (1864—1936) — китайский милитарист, глава прояпонской военно-политической клики. После революции 1911 г. — один из ближайших приспешников реакционера Юань Ши-кая. После смерти последнего (1916) и до июля 1920 г. пекинское правительство всецело находилось под контролем Дуань Ци-жуя.

Стр. 190. Пятицветный китайский флаг — желто-красно-сине-бело-черный флаг Китайской республики с 1912 по 1928 г.

*Перевод с китайского и комментарии  
кандидата филологических наук  
М. Е. Шнейдера*

# ОЧЕРКИ И СООБЩЕНИЯ

## Гуанчжоуская ярмарка

*Б. К. Отраднов, Ю. С. Владимов*

Гуанчжоуская ярмарка китайских экспортных товаров является важным звеном в системе внешнеэкономических связей Китайской Народной Республики. В отдельные годы на ярмарке формировалось около половины всего внешнеторгового оборота Китая.

Первые ярмарки китайских экспортных товаров были организованы в г. Гуанчжоу осенью 1952 г., вторично — весной 1957 г. Однако регулярно, дважды в год<sup>1</sup>, она стала проводиться начиная с весны 1958 г. В 1976 г. была проведена 40-я по счету Гуанчжоуская ярмарка.

С образованием КНР в 1949 г. страна приступила к решению трудных задач переходного периода. Важнейшим условием создания материально-технической базы социализма в Китае явилось проведение индустриализации, то есть создание крупной машинной промышленности, прежде всего тяжелой индустрии, что предопределяло техническое переоснащение всех отраслей народного хозяйства.

В результате огромных усилий китайского народа к концу 50-х годов в стране была создана первоначальная база индустриализации. Успешному решению этой задачи в огромной степени способствовала интернациональная помощь социалистических стран, и особенно Советского Союза; до 1956 г. СССР предоставил Китаю льготные кредиты в сумме 1816 млн. руб. и бесплатную научно-техническую помощь в виде лицензий, проектов, чертежей и т. д.<sup>2</sup>

КНР с момента своего образования подверглась строгим дискриминационным мерам со стороны капиталистических государств. Страны НАТО (за исключением Исландии) и Япония в 1949 г. создали специальный Координационный комитет, ведающий контролем над торговлей этих стран с государствами социалистического лагеря (КОКОМ), причем контроль над торговлей с КНР в сентябре 1952 г. был поручен специальному подкомитету — так называемому «Китайскому комитету» (ЧАЙНАКОМ).

ЧАЙНАКОМом были составлены обширные запретительные списки, которые содержали на 200 наименований товаров больше, чем списки КОКОМа. Существовали и другие запретительные списки и прочие ограничения на торговлю с КНР.

Однако политика запретов и ограничений в торговле с Китаем была не в состоянии достигнуть конечной цели благодаря широкому развитию в те годы экономических связей КНР со странами социалистического лагеря, и в первую очередь с Советским Союзом. Тем не менее контроль над торговлей с КНР оказывал сдерживающее влияние на нормальное развитие внешнеторговых отношений. Политика эмбарго стала серьезным тормозом в установлении Китаем официальных торговых отношений с капиталистическими странами, в заключении торговых соглашений.

В течение первого периода своего существования Гуанчжоуская ярмарка проводилась на фоне широких дружеских связей со странами социалистического лагеря, с одной стороны, и упорной борьбы с империалистической блокадой — с другой.

В 60-х годах увеличивается число посетителей ярмарки из крупных капиталистических стран. Быстро растет объем сделок, заключаемых на ярмарке. Так, если в 1963 г. сумма сделок была примерно на уровне 360 млн. ам. долл., то в 1971 г., она превысила 2 млрд. ам. долл., то есть почти равнялась половине внешнеторгового оборота КНР, а в 1973 г. достигла своего наивысшего уровня — около 3 млрд. ам. долл., хотя ее доля в торговом обороте снизилась в связи с резким увеличением объема внешней торговли Китая (в 1973 г. 9,9 млрд. ам. долл. против примерно 4 млрд. ам. долл. в 1971 г.). В последние годы торговые операции на ярмарке хотя и не достигли уровня 1973 г. в связи с влиянием кризисных

<sup>1</sup> Как правило: с 15 апреля по 15 мая — весной, и с 15 октября по 15 ноября — осенью.

<sup>2</sup> «Проблемы Дальнего Востока», 1972, № 1, стр. 65.

явлений, происходящих в экономике капиталистических стран, однако объемы сделок оставались довольно значительными.

Таким образом, в целом этот период характеризуется возрастанием роли Гуанчжоуской ярмарки в развитии торговли Китая с капиталистическими странами, что нашло свое отражение и в увеличении объема внешнеторгового оборота КНР.

\* \* \*

Свидетельством большого внимания, которое уделяется Гуанчжоуской ярмарке, служит возведение в короткий срок — примерно за год — нового ярмарочного комплекса в северной части Гуанчжоу. Недалеко от павильона ярмарки выстроен железнодорожный вокзал. Ассамблея зданий ярмарки, состоящий из четырехэтажных корпусов, примыкает к парку Юэсю на ул. Цзефанлу. Общая площадь экспозиции ярмарки в настоящее время составляет 110 тыс. м<sup>2</sup>, что в два с лишним раза превышает площадь экспозиции, размещавшейся в прежних зданиях ярмарки. В новом комплексе ярмарочных зданий предусмотрено все необходимое для ведения переговоров. Работает телеграфно-телефонная связь. Представители иностранных фирм могут связываться с абонентами в других странах.

Павильон «Зерновые, масла и продовольственные товары» состоит из трех разделов — «зерновые и масла», «продовольственные товары» и «продукция морей и водоемов». Здесь представлены: рис, пшеница, арахис, гаолян, кукуруза, соевые бобы, масла и жиры; продукция морей и водоемов; консервы, напитки, мясо-молочные продукты, фрукты и фруктовые изделия, приправы, быстрозамороженные продукты и другие. Быстрозамороженные продукты (включающие фруктовые, овощные и мясные) появились среди экспонатов только в 1975 г.

Экспозиция павильона «Продукция местного производства и товары животного происхождения» состоит, в частности, из таких экспонатов, как чай, кофе, какао, табак, сигареты, канифоль, сухофрукты, цукаты, сушеные овощи, специи, эфирные масла, лекарственное сырье, лекарства тибетской медицины, шетина, ковры, гобелены, кожантерия, кожи и др.

В экспозиции имеются также изделия из пуха, в том числе спальные мешки, спортивные куртки и костюмы для альпинистов, одеяла и др.

В павильоне «Текстильные товары» экспонируются образцы шелковых, хлопчатобумажных и шерстяных тканей, швейные и трикотажные изделия, полотенца, одеяла, покрывала шелковые и хлопчатобумажные, скатерти и т. п. Значительное место среди образцов швейных изделий занимают мужские сорочки, образцы различной рабочей одежды, курток, брюк.

В павильоне «Изделия легкой промышленности» демонстрируются образцы термосов, велосипедов, швейных машинок, музыкальных инструментов, различной посуды, столовых принадлежностей, часов наручных, настольных и настенных, игрушек, рыболовных принадлежностей и др.

Павильон «Кустарно-художественные изделия» характеризуется разнообразием традиционных экспонатов, изготовленных мастерами-умельцами, и состоит из четырех разделов: «особые художественные изделия», «изделия прикладного искусства», «фарфор и керамика» и «мебель».

Экспонаты павильона «Химические товары» представлены четырьмя разделами: «химическая продукция», «изделия из резины и каучука», «медицинская аппаратура», «медикаменты и лекарственные препараты».

Нефтепродуктов экспонируется свыше 140 видов, в том числе сырая нефть (впервые выставлена осенью 1974 г.) с низким содержанием серы с нефтепромыслов Дацин, Шэнли и Даган, высокооктановые виды авиабензина, топливо для реактивных двигателей, различные масла, смазки; дизельное топливо с различной температурой затвердения, а также парафин, каменноугольный пек, синтетическое волокно, оргстекло, синтетический каучук, химические удобрения и т. п.

В павильоне «Металлы и минералы» представлены различные виды проката черных и цветных металлов, прецизионные сплавы, стальная лист, трубы (сварные и бесшовные), чугунное литье, нержавеющей сталь со сверхнизким содержанием углерода, изделия из латуни, в том числе цельнотянутые трубы.

В экспозиции сверхчистых металлов и редкоземельных элементов представлены селен, индий, бериллий, свинец, кадмий, теллурий, сурьма, висмут, галлий. Экспонируются также свыше 100 разновидностей строительных материалов, в том числе цемент, гравий, мрамор, огнеупоры, и около 50 разновидностей каменного угля.

В павильоне «Машиностроение» на площади в 10 тыс. м<sup>2</sup> размещается около 2000 экспонатов (на каждой ярмарке обновляется примерно 20% от их числа). Экспозиция состоит из 4 больших разделов: «Машины и механизмы», «Сельскохозяйственные орудия», «Энергетическое оборудование», «Приборы и измерительная аппаратура».

\* \* \*

С постепенным развитием в КНР отдельных отраслей экономики ассортимент товаров, представленных на ярмарке, растет. Появляются товары, которые становятся новыми статьями китайского экспорта. Это относится, например, к нефти и нефтепродуктам, части продукции станкостроительной промышленности, некоторым приборам и медикаментам, продовольственным товарам, одежде. По целому ряду экспортных товаров КНР сталкивается на капиталистическом рынке с жесткой конкуренцией и продолжает чувствовать себя более или менее уверенно лишь при продаже своих традиционных экспортных товаров. Однако, по соображениям престижа, КНР все чаще предлагает на экспорт продукцию сравнительно новых отраслей — машиностроения, приборостроения и нефтепереработки, — даже если это требует огромных усилий промышленности.

Пресса КНР сообщала, что китайские металлорежущие станки экспортируются более чем в 50 стран мира. Однако их продажа, как правило, невелика. На внешнем рынке пользуются определенным спросом инструменты, некоторые виды полиграфических и текстильных станков. Отдельные типы станков находят сбыт в странах Юго-Восточной Азии.

В последние годы для ряда товаров китайского экспорта складывалась неблагоприятная конъюнктура. В этом нашли косвенное отражение кризисные явления на мировом капиталистическом рынке. Особенно заметно их влияние на деловую активность Гуанчжоуской ярмарки проявилось в 1974 г. Экономисты отмечали, что «углубление экономических трудностей в капиталистическом мире, падение производства, ненормальная обстановка на товарных рынках оказали влияние и на посещение ярмарки представителями торговых кругов различных стран мира»<sup>3</sup>.

Осенью 1974 г. в результате неблагоприятной конъюнктуры для большинства товаров традиционного китайского экспорта появилась тенденция к снижению цен, в том числе на цветные металлы, экспортируемые КНР, такие, как вольфрам<sup>4</sup>, сурьма, ртуть и т. д.

Если учесть, что примерно до 80% внешнеторгового оборота КНР в последние годы приходится на несоциалистические страны, то, естественно, Китаю приходилось предпринимать дополнительные меры, чтобы избежать неблагоприятного влияния этой тенденции на товарооборот страны. С этой точки зрения можно отметить, что отдельные падения активности в работе Гуанчжоуской ярмарке отнюдь не означали сокращения товарооборота КНР в целом в эти годы. Напротив, он продолжал расти. Тем же менее обострившийся в последние годы кризис в капиталистическом мире подтолкнул тенденцию к повышению цен на ряд импортных КНР товаров, в том числе на товары, сырьем для которых является нефть, причем это происходило при одновременном падении спроса на отдельные китайские товары.

В ряде случаев представители фирм капиталистических стран требовали в связи с этим пересмотра условий контрактов, заключенных на предыдущих ярмарках, в сторону снижения цен: например, фирмы ФРГ и Японии — на шелк, французы — на мороженую свинину. Это, с другой стороны, дало возможность китайской стороне настаивать на снижении цен на некоторые импортные ею химические товары. На отдельные китайские товары (цветные металлы, руды цветных металлов), когда конъюнктура бывает неясной, переговоры зачастую только начинаются на ярмарке, а завершаются в Пекине (или в стране, которую представляет данная фирма) во время приезда туда на переговоры торговой делегации. Часто это касается и закупок в Японии, ФРГ, Франции, США и других капиталистических странах таких важных для КНР товаров, как стальной прокат, трубы, оборудование для машиностроительной промышленности, самолеты, приборы и т. п.

Этот аспект Гуанчжоуской ярмарки, который связан с использованием деловых встреч в качестве «трамплина» с тем, чтобы последующие коммерческие сделки (уже вне рамок ярмарки) способствовали увеличению общего объема внешней торговли КНР, представляется весьма интересным. Тем более, что некоторые экономисты считают, что в 1975 г., например, формирование примерно половины всего внешнеторгового оборота Китая (который, как они полагают составлял около 14 млрд. ам. долл.) было связано в той или иной степени с Гуанчжоуской ярмаркой<sup>5</sup>.

Активизация деятельности Гуанчжоуской ярмарки вызвала в последние годы значительный приток новых коммерсантов, прибывших, чтобы включиться в работу по заключению торговых сделок. Как отмечала китайская пресса, осеннюю ярмарку 1976 г. в Гуанчжоу посетили свыше 25 тыс. коммерсантов из более чем 110 стран и районов

<sup>3</sup> «Китайская ярмарка экспортных товаров», осень 1974 г. Приложение к издаваемому в Сянгане журналу «Экономик репортер», № 3, 5.XI.1974.

<sup>4</sup> Так, цена на 65-процентный вольфрамовый концентрат в Западной Европе снизилась с 48,25—50,27 фунтов стерлингов за единицу содержания триоксида вольфрама в т в начале октября до 45—47 фунтов стерлингов в конце месяца.

<sup>5</sup> "South China Morning Post", 17.V.1976.

мира<sup>6</sup>, то есть больше, чем предыдущую ярмарку; при этом наибольшее число коммерсантов было из Японии, Гонконга и США. Ярмарку посещают представители многих крупных фирм Европы, Канады и Австралии, а также коммерсанты из развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки. С китайской стороны на Гуанчжоуской ярмарке практически представлены и принимают участие в ее работе все основные экспортно-импортные компании КНР.

Следует, однако, отметить, что активизация деятельности Гуанчжоуской ярмарки в 1974—1976 гг. не привела к увеличению суммы сделок, заключенных непосредственно на ярмарке, по сравнению с рекордным 1973 г. Объясняется это причинами, как внутренними — известные внутривосточные события, ограниченные экспортные возможности, так и внешними — усиливающаяся зависимость от капиталистического рынка с присущими ему резкими конъюнктурными колебаниями и инфляционными процессами. Сумма сделок, заключенных на Гуанчжоуской ярмарке в 1974—1976 гг., довольно значительна (в год 1,4—1,7 млрд. ам. долл.), хотя удельный вес ее в общем объеме торговли КНР за последние годы сокращается (в 1971 г. — 50%, в 1976 г. — примерно 11%).

Осенью 1976 г. из общего объема сделок значительная сумма, как всегда, приходилась на японские фирмы (по некоторым данным, около 230 млн. ам. долл.) и американские фирмы (примерно 50 млн. ам. долл.), хотя имеются основания считать, что японские коммерсанты рассчитывали на большую сумму. Если желаемые результаты не были достигнуты, то причина лежит, по мнению некоторых западных обозревателей, в нехватке китайских экспортных ресурсов. Нельзя не учитывать и высокие цены на японскую продукцию. Последние годы на ярмарке Япония неизменно является одним из крупнейших контрагентов Китая, с которым последний заключает контракты на закупку крупных партий стального проката и листа, а также химических удобрений. Так, например, предусматривалась поставка из Японии в КНР контрактами 1976 г., подписанными на весенней ярмарке, до 200 тыс. т стали, на осенней ярмарке — примерно 1400 тыс. т.

Американцы, которые на осенней ярмарке 1976 г. заключили сделок на большую, чем на предыдущих ярмарках, сумму, отмечали, что возрастает интерес китайской стороны к закупкам различных химических и фармацевтических товаров. В частности, американские фирмы продали этой продукции примерно на 6 млн. ам. долл., в том числе изделия из пластмасс, а также медицинские инструменты. КНР закупала также добавки к кормам и фунгициды. На сумму 10 млн. ам. долл. у США были закуплены полиэфирные волокна. Внушительная сумма оборота Гуанчжоуской ярмарки складывается из небольших сделок, заключаемых с фирмами отдельных стран.

Коренным вопросом на ярмарке, вокруг которого вращаются коммерческие переговоры, является вопрос цен. Сколь велико его значение, можно судить по тому, например, что из-за неблагоприятно складывающихся цен на китайские экспортные товары (вследствие кризисных явлений на мировом капиталистическом рынке) менее успешными были 36-я (осень 1974 г.) и 37-я (весна 1975 г.) Гуанчжоуские ярмарки. Что касается осенней ярмарки 1976 г., то на ряд китайских экспортных товаров цены обнаружили тенденцию к повышению. Так, например, цены на изделия легкой промышленности и продукцию местных ремесленников по сравнению с весенней ярмаркой 1976 г. были выше на 5%, на хлопчатобумажные ткани — на 20%, на готовые швейные изделия в среднем на 30—40%.

Повышались цены на продовольственные товары, например на рис (15% по сравнению с весной 1976 г.), на шетину (2—5%), кашемир (40%). Значительно выше уровня мировых цен держались цены на китайские минералы и цветные металлы (например, цинк — на 8% выше, чем на лондонском рынке).

Это затрудняло подписание контрактов на китайские товары в значительных количествах и в целом отрицательно повлияло на объем китайских закупок на ярмарке.

Увеличивающийся приток посетителей требует от администрации ярмарки четкой организации ее работы, проведения деловых встреч и обслуживания.

Организаторы ярмарки уделяют большое внимание пропагандистской работе среди иностранцев — посетителей ярмарки. Организационный комитет устраивает для них посещение промышленных предприятий в г. Гуанчжоу и сельскохозяйственных народных коммун в окрестностях города. В отдельных случаях для торговых делегаций и групп организуются более значительные поездки по стране. В свободные вечера перед гостями ярмарки выступают артисты театров и народные самодеятельные ансамбли.

Организация всей этой деятельности направлена к общей цели — создать на ярмарке такую атмосферу, которая давала бы в итоге наибольший коммерческий и пропагандистский эффект.

Несомненно, что Гуанчжоуская ярмарка имеет серьезное значение как для КНР, так и для ее торговых контрагентов как место, где пульс рыночной конъюнктуры прослушивается наиболее четко, не говоря уже о предназначенной для нее роли — служить

<sup>6</sup> «Жэньминь жибао», 17.XI.1976.

рынком продажи китайских товаров и приобретения Китаем современной импортной техники и оборудования.

С точки зрения китайской стороны, весьма выгодно проведение Гуанчжоуских ярмарок дважды в год. Поэтому и не подтвердились распространившиеся на осенней ярмарке 1975 г. среди коммерсантов слухи, что ярмарка в дальнейшем якобы будет проводиться лишь один раз в год.

В этой связи важен еще один аспект «ярмарочной политики» — организация различных так называемых мини-ярмарок, которые практически являются дополнением к Гуанчжоуской ярмарке и позволяют гибко подходить к вопросам расширения экспорта традиционных китайских товаров. Такие мини-ярмарки могут проводиться в разных городах в зависимости главным образом от близости района производства основного экспортного товара. Например, по таким товарам, как меха, меховые и пушные изделия, ковры, гобелены и ковровые изделия, — в Пекине и Тяньцзине, по изделиям из пуха и пера — в Шанхае, по кустарно-художественным изделиям — практически в любом из этих городов.

Следует ожидать, что в ближайшие годы ярмарка получит новые стимулы для активизации своей деятельности. Существенно в этом отношении заявление министра внешней торговли КНР Ли Цяна, который, находясь с официальным визитом в Югославии в январе с. г., сказал в интервью югославскому агентству ТАНЮГ, что сейчас в Китае сняты ограничения, тормозившие развитие внешней торговли. Он заявил, что эти ограничения были вызваны вмешательством во внешнюю торговлю «банды четырех», выступившей против экспорта сырья и импорта иностранной продукции, в результате чего китайский народ столкнулся с огромными трудностями. Министр подчеркнул, что китайская торговля со всеми странами впредь будет расширяться по мере развития промышленного и сельскохозяйственного производства страны<sup>7</sup>. В этой связи роль Гуанчжоуской ярмарки китайских экспортных товаров как одного из важных каналов внешней торговли КНР, видимо, будет возрастать.

<sup>7</sup> См. «Правда», 28.I.1977.

## Форпост социализма в Юго-Восточной Азии

**В**ыход в свет монографии «Демократическая Республика Вьетнам»\*, подготовленной Институтом экономики мировой социалистической системы, был приурочен к 30-летию создания первого в Юго-Восточной Азии государства рабочих и крестьян. В следующем, 1976 г., произошли два крупнейших исторических события в жизни вьетнамского народа: в начале июля 1976 г. сессия Национального собрания приняла историческое решение об объединении страны, которая получила название Социалистическая Республика Вьетнам, а в декабре 1976 г. состоялся IV съезд Партии трудящихся Вьетнама, выработавший программу строительства социализма на территории всей страны. Съезд принял также решение о переименовании ПТВ в Коммунистическую партию Вьетнама, что соответствует ее конечной цели — построению коммунизма.

Трудная и героическая тридцатилетняя история вьетнамского народного государства, привлекающая к нему внимание всего прогрессивного человечества, делает особенно актуальной публикацию рецензируемой монографии. Коллективу авторов в небольшой по объему работе удалось довольно обстоятельно изложить основные этапы развития Вьетнама по социалистическому пути, минуя стадию капитализма, показать те объективные специфические условия, в которых проявляются общие закономерности социалистического строительства в стране.

Демократическая Республика Вьетнам рождена Августовской революцией 1945 г., руководимой Компартией Индокитая во главе с пламенным революционером-интернационалистом Хо Ши Мином. Хо Ши Мин стал председателем правительства первого народного государства на вьетнамской земле, где 80 лет господствовали французские

колонизаторы, по сговору с которыми в 1940 г. страна была оккупирована японскими милитаристами. «Основной предпосылкой победы Августовской революции,— указывается в монографии,— был глубокий социально-экономический и политический кризис оккупационно-колониального режима... Разгром Советской Армией милитаристской Японии ускорил падение империалистического ига. Рабочий класс Вьетнама под руководством Коммунистической партии, трудовое крестьянство, все патриотические силы, объединившиеся в рамках фронта Вьетминь, сумели осуществить антиимпериалистическую революцию и установить власть народа» (стр. 12—13).

Международная реакция в лице империалистических держав — США, Франции и Англии — не замедлила предпринять шаги, направленные на уничтожение демократических завоеваний вьетнамского народа. На север страны в августе 1945 г. под предлогом разоружения японских войск вступили войска гоминьдановского Китая. Французские войска при поддержке английского экспедиционного корпуса начали восстанавливать колониальные порядки на юге Вьетнама. Правительству ДРВ ценой некоторых уступок Франции (согласие ДРВ вступить во Французский союз и в Индокитайскую федерацию, провести народный референдум в Южном Вьетнаме) удалось тогда сохранить суверенитет, обеспечить годовую мирную передышку и использовать ее для стабилизации экономики, проведения демократических преобразований, политической консолидации вьетнамского общества. Однако мирное строительство было прервано агрессивной французской империализма.

Небольшой объем монографии не позволил авторам подробно проанализировать важный этап в жизни ДРВ — войну Сопrotивления против французских колонизаторов. В сжатом изложении этого периода внимание читателя обращено на важнейшие мероприятия партии и правительства: создание партизанских баз для борьбы с интервентами, осуществление курса на строительство самообеспечивающихся районов, развертывание патриотического производственного соревнования и движения за повышение политического и культурного уровня масс. В начале 1950 г. ДРВ была признана Советским Союзом и другими странами народной демократии, что значительно укрепило международное положение республики.

\* Демократическая Республика Вьетнам. Под редакцией И. А. Огнетова (ответственный редактор), М. Е. Тригубенко, Я. Б. Шмераль. М., 1975, 144 стр.

Крупным событием этого периода явился II съезд Коммунистической партии Индокитая (февраль 1951 г.), принявший новую Программу и Устав партии. Съезд объявил о переименовании КПИК в Партию трудящихся Вьетнама. В Программе вьетнамская революция характеризовалась как национально-освободительная народно-демократическая революция, которая «выполняет задачи буржуазно-демократической революции и перерастает в социалистическую» (стр. 21). В докладе Хо Ши Мина на съезде был дан анализ трех стратегических этапов в войне сопротивления. В области экономики съездом предусматривалось «принятие необходимых мер по развитию сельского хозяйства и промышленности, ремесленного производства и торговли на основе сочетания общественных и частных интересов» (стр. 22).

Значительное место в I главе отведено аграрной политике ПТВ в период войны Сопротивления. В ноябре 1953 г. Всевьетнамская конференция ПТВ приняла аграрную программу, которая предусматривала передачу земли в частную собственность земледельцам, что было связано с историческими условиями жизни вьетнамской деревни.

Победы вьетнамской Народной армии в зимне-весенней кампании 1953—1954 гг., особенно разгром колонизаторов под Дьен-бьенфу, заставили правительство Франции пойти на переговоры о прекращении агрессии во Вьетнаме. Как подчеркивается в монографии, большую роль в прекращении агрессии сыграли СССР и страны народной демократии, все миролюбивые и демократические силы мира, оказывавшие вьетнамскому народу помощь и в период войны.

На Женевской конференции министров иностранных дел ДРВ, СССР, КНР, США, Англии и Франции и других заинтересованных стран (апрель—июль 1954 г.), несмотря на попытки правительства США сорвать ее работу, было достигнуто соглашение о прекращении военных действий во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже. Во Вьетнаме устанавливалась временная демаркационная линия немного южнее 17 параллели, предусматривалось проведение в июле 1956 г. всеобщих свободных выборов для объединения Вьетнама на демократических началах. Женевские соглашения оцениваются в работе как большая победа вьетнамского народа, всего прогрессивного человечества. «Поражение могущественных капиталистических держав в войне против небольшой народно-демократической республики содействовало дальнейшему ускорению процесса распада колониальной системы империализма» (стр. 28).

В послевоенный период ПТВ на первый план выдвинула задачу социалистического преобразования частного капитала, поэтапного осуществления аграрной реформы, ликвидации помещиков как класса, кооперирования крестьянства. В результате аграрной реформы в ДРВ более 2 млн. крестьян-

ских семей (8,3 млн. человек) получили свыше 800 тыс. га земли, более 100 тыс. голов рабочего скота (стр. 33). «Отличительной чертой социально-экономического развития ДРВ на начальном этапе переходного периода к социализму,—отмечается в монографии,—явилось тесное переплетение и взаимодействие процессов антифеодальных и демократических преобразований с социалистическими преобразованиями» (стр. 34).

В монографии подчеркивается важность политических и экономических связей ДРВ с СССР и другими социалистическими странами для восстановления и развития народного хозяйства, в частности подписание советско-вьетнамских соглашений (июль 1955 г.) о предоставлении ДРВ безвозмездной помощи в виде поставок оборудования, материалов и товаров народного потребления.

Итоги восстановительного периода подвел III съезд ПТВ (сентябрь 1960 г.), охарактеризованный Хо Ши Мином как съезд строительства социализма в Северном Вьетнаме и борьбы за мирное объединение страны (стр. 43). Съезд провозгласил курс на социалистическую индустриализацию, принял Директивы по первому пятилетнему плану развития народного хозяйства на 1961—1965 гг. Изложенные в монографии итоги выполнения пятилетнего плана свидетельствуют о значительных достижениях в развитии экономики ДРВ, которые открывали перед страной новые перспективы социалистического строительства.

Вторая глава монографии посвящена анализу итогов борьбы вьетнамского народа против империалистической агрессии США. Авторы вскрывают истинный смысл планов американского империализма, направленных на укрепление раскола Вьетнама, подготовку агрессии против ДРВ. В этих целях США создали марионеточный режим в Южном Вьетнаме, вооружили его армией для борьбы с патриотическими силами, выступавшими под руководством Национального фронта освобождения Южного Вьетнама (создан в декабре 1960 г.) за воссоединение страны на демократических началах в соответствии с Женевскими соглашениями 1954 г. В середине 60-х годов марионеточный режим оказался перед крахом, и США, перейдя к открытой вооруженной агрессии против патриотических сил Юга, начали воздушную войну против ДРВ. В работе дается характеристика огромной мобилизующей деятельности Партии трудящихся Вьетнама в этот период, которая ставила целью «тесно сочетать задачу борьбы против американской агрессии с общими задачами построения социализма» (стр. 61), ярко показана большая роль помощи стран социалистического содружества борющемуся вьетнамскому народу. Эта помощь оказывалась с первых дней прямой агрессии США против ДРВ. 6 февраля 1965 г. было подписано советско-вьетнамское соглашение, предусматри-

вавшее пролонгацию всех ранее предоставленных ДРВ кредитов и новой безвозмездной помощи. В том же году заключены еще два соглашения об оказании ДРВ помощи в развитии народного хозяйства и укреплении обороноспособности. В сентябре — октябре 1966 г. Советский Союз, НРБ, ВНР, ГДР, СРР, ЧССР и МНР подписали с ДРВ соглашения об оказании ей безвозмездной помощи и предоставлении беспроцентных долгосрочных кредитов. Подобные соглашения были подписаны и в последующие годы (стр. 63).

Благодаря руководящей роли ПТВ, воинскому и трудовому героизму народа, помощи стран социалистического содружества ДРВ выдержала все испытания, доказала огромную жизнеспособность социалистического строя. Агрессия США в Индокитае закончилась полным провалом, правительство США вынуждено было пойти на переговоры, подписать в январе 1973 г. Парижское соглашение о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме, а затем вывести свои войска из Индокитая.

Авторы монографии раскрывают истинные причины победы вьетнамского народа, связывая их с развитием современной эпохи, эпохи перехода человечества от капитализма к социализму во всемирном масштабе, с тремя великими силами современности, стоящими на стороне вьетнамского народа: мировой социалистической системой, международным рабочим классом и национально-освободительным движением. В работе подчеркивается историческая весомость этой победы, приводится высказывание Л. И. Брежнева о том, что «победа Вьетнама показывает, насколько сузились в наши дни возможности империализма. Нет теперь таких средств, с помощью которых он мог бы повернуть историю вспять!»<sup>1</sup>.

Особое место в книге занимает обстоятельный анализ этапа строительства социализма во Вьетнаме, предшествовавшего IV съезду (гл. III). В этот период патристические силы Юга вели борьбу с марionеточной сайгонской кликой, пытавшейся с помощью США и в нарушение Парижских соглашений сохранить реакционный режим. На Севере страны продолжалось социалистическое строительство. В главе показаны успехи в реализации поставленной ПТВ специфической задачи: осуществить одновременно восстановление и развитие народного хозяйства. Партия мобилизовала народ на быстрое восстановление хозяйства и одновременное осуществление индустриализации страны в соответствии с принципом преимущественного целесообразного развития тяжелой промышленности в тесном сочетании с развитием сельского хозяйства и легкой промышленности. В главе рассмотрены также проблемы социального развития страны, прежде всего

совершенствование социалистических производственных отношений, становление государственной и кооперативной формы собственности, что должно обеспечить неуклонный рост жизненного уровня народа, бурное развитие науки и культуры.

Анализ этих проблем связан с оценкой больших изменений в общественно-политической жизни страны. Убедительно показаны укрепление идейно-политической и организационной сплоченности рядов ПТВ, совершенствование форм и методов ее работы с учетом опыта братских партий, вовлечение широких масс трудящихся в управление государством, в решение важнейших задач, опора ПТВ на Союз трудящейся молодежи Хо Ши Мина, Демократическую и Социалистическую партии, профсоюзы, женские общественные организации.

Наиболее ярким показателем социально-политического единства вьетнамского народа авторы монографии считают деятельность Отечественного фронта Вьетнама, стратегической целью которого являлось мирное объединение страны на демократической основе. Фронт сыграл большую роль в мобилизации патристических сил всей страны для освобождения Южного Вьетнама, которое завершилось 30 апреля 1975 г.

Важное место в монографии занимает анализ внешнеэкономических связей и основных направлений внешней политики социалистического Вьетнама (гл. IV). В работе указывается, что материальные и социальные предпосылки перехода ДРВ на путь социализма обусловили объективную необходимость установления тесных взаимоотношений с братскими странами социализма. Они занимают преобладающее место в развитии всех форм внешнеэкономических связей ДРВ. Во внешней торговле ДРВ их доля составляет свыше 95% (стр. 110). В период войны (1965—1972 гг.) внешнеэкономические связи с социалистическими странами являлись одним из решающих факторов функционирования экономики ДРВ. Ныне они являются важнейшим фактором восстановления народного хозяйства и реализации основного курса партии в экономической области — перевода экономики страны на базу крупного социалистического производства. Авторы отмечают большой вклад высокоэффективной и разносторонней помощи Советского Союза в развитие отраслей современной промышленности, в техническое вооружение сельского хозяйства, в обеспечение жизненных потребностей вьетнамского народа. Удельный вес продукции, выпущенной предприятиями, построенными при техническом содействии СССР, в общем объеме промышленного производства страны в 1973 г. составил: в выработке электроэнергии — 62%, добыче угля — 50%, выпуске металлорежущих станков, производстве суперфосфата, серной кислоты, олова и кофе — 100% (стр. 124).

<sup>1</sup> «Правда», 31.I.1973.

Характеризуя внешнеполитический курс ДРВ, авторы подчеркивают, что отношения с Советским Союзом и другими социалистическими странами занимают также центральное место во внешней политике социалистического Вьетнама. В ней сочетаются как интернациональные задачи социалистического содружества в целом, так и специфические национальные задачи. Вьетнам стремится укреплять связи с группой развивающихся стран в соответствии с принципами мирного сосуществования и дружественного сотрудничества в целях совместного выступления против колониализма и агрессии. В отношениях с капиталистическими странами СРВ последовательно придерживается общего курса социалистических стран. Этот внешнеполитический курс закреплён в решениях IV съезда Компартии Вьетнама. В приветствии Централь-

ного Комитета КПСС IV съезду ПТВ подчеркивается: «Тесно сплотившись вокруг своего марксистско-ленинского авангарда, следуя в едином строю с народами братских социалистических стран, героический рабочий класс, крестьянство, трудовая интеллигенция Социалистической Республики Вьетнам выполняют решения IV съезда партии, добьются новых успехов в создании материально-технической базы социализма на вьетнамской земле, умножат славу своей родины»<sup>2</sup>.

<sup>2</sup> «Правда», 15.XII.1976.

*Д. М. Поспелов,*  
кандидат исторических наук

\* \* \*

## Глазами очевидца

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука» выпустила вторым изданием книгу генерал-лейтенанта в отставке Александра Ивановича Черепанова «Записки военного советника в Китае».

А. И. Черепанов — человек легендарной и в то же время обычной для своих сверстников биографии. Сын бедного крестьянина, мобилизованный в 1915 г. в царскую армию, произведенный в офицеры за личную храбрость в боях на Северном фронте в составе 6-го Сибирского корпуса, он — уже штабс-капитан, командир роты — в январе 1918 г. прямо во фронтовых окопах вступает добровольцем в Красную Армию. Через месяц солдаты избирают его командиром 2-го красноармейского полка, вместе с которым он участвует в сражении с немецкими войсками под Псковом 23 февраля 1918 г. в день рождения Красной Армии. Его участие в гражданской войне заканчивается осенью 1920 г. в Польше на должности командира бригады. По окончании в 1923 г. Академии генерального штаба А. И. Черепанов направляется в Южный Китай в качестве военного советника правительства Сунь Ят-сена, он — активный участник Восточного и Северного походов Национально-революционной армии Китая, разгрома юньнань-гуансийских милитаристов.

Вернувшись в 1927 г. на родину, А. И. Черепанов командует 1-ой Тихоокеанской дивизией, участвует в боях в период конфликта на КВЖД. В 1938—1939 гг.

он вновь в Китае в качестве главного военного советника.

В период Великой Отечественной войны А. И. Черепанов — командующий одной из армий Ленинградского фронта. С 1944 г. по 1947 г. — заместитель председателя Союзной контрольной комиссии в Болгарии, затем — заместитель начальника Управления высших учебных заведений Министерства Обороны СССР.

Выйдя в отставку в звании генерал-лейтенанта, А. И. Черепанов не ищет покоя. Он берется за перо, чтобы рассказать о знаменательных событиях, очевидцем и активным участником которых он был. Одна за другой выходят книги-мемуары Александра Ивановича: «Под Псковом и Нарвой» (1957), «Боевое крещение» (1960), «Первые бои Красной Армии» (1961), «Записки военного советника в Китае» (1964), «Северный поход Национально-революционной армии Китая» (1968).

При подготовке книги автор опирался не только на свою прекрасную память и сохранившиеся у него записки и заметки того или иного периода, он тщательно изучает архивные материалы, историческую литературу, прессу. Точность, документальность книг А. И. Черепанова, стремление не только описать события, но и проанализировать их, дать им объективную оценку — все это повышает интерес читателя к его книгам и значение самих книг. Не случайно к работам А. И. Черепанова обращаются и цитируют их видные ученые, исследующие этот период истории Китая.

Основная часть «Записок» А. И. Черепанова охватывает период с июня 1923 г., когда он прибыл в Китай, до лета 1927 г. Этот короткий период насыщен многими исключительно важными и знаменательными событиями в истории Китая: создание единого национально-революционного фрон-

та, подъем рабочего и крестьянского движений, их организационное оформление, национальная революция 1925—1927 гг., создание Национально-революционной армии. Это были также годы становления и укрепления советско-китайской дружбы.

Знаменательными эти годы были и для молодой Коммунистической партии Китая, которая в то время не только значительно увеличила свои ряды (с 420 членов партии, представленных на III съезде КПК в июне 1923 г., до 57 967 членов к V съезду в апреле — мае 1927 г.), но окрепла и идейно закалилась в борьбе.

Автор был лично знаком со многими основателями и руководителями КПК, со многими китайскими коммунистами, начинавшими свою деятельность в НРА и ставшими впоследствии руководителями, командирами и крупными политработниками в Красной армии Китая и в Народной-освободительной армии. С особой любовью и теплотой вспоминает А. И. Черепанов о своих встречах с пламенными китайскими коммунистами-революционерами, отдавшими революции свою жизнь: Ли Да-чжао, Чжан Тай-лэем, Юнь Дай-инном, Е Тинном, Сюн Сюном, Сяо Чу-ньюем, Цюй Цю-бо и др.

Годы и события китайской революции 1925—1927 гг. довольно широко освещены в исторической литературе Китая, Советского Союза, западных стран. И тем не менее до сих пор имеются серьезные расхождения по целому ряду проблем этого периода: о роли единого фронта, о роли КПК и Коминтерна в революции и др. Даже в оценке общих итогов революции 1925—1927 гг. нет единого мнения. Дело тут не только в том, что отдельные факты, выводы и оценки в ряде случаев сознательно извращаются буржуазными историками и подгоняются под заданные концепции с целью скомпрометировать Коминтерн и «политику Кремля». Безусловно, и Коминтерн, и КПК шли в Китае не проторенными тропами и имели дело со сложной, постоянно меняющейся обстановкой. Ценность «Записок» А. И. Черепанова заключается именно в том, что он описывает конкретную обстановку, в которой приходилось работать в Китае представителям Коминтерна, советским советникам, китайским коммунистам. Автор приводит в книге свидетельства М. М. Бородинна: «Что касается резолюций, которые впервые конкретизировали нашу борьбу в Китае, резолюций VII пленума ИККИ в декабре 1926 г., то, к сожалению, эти резолюции попали к нам уже на Янцзы примерно в марте 1927 г. Информация как из Китая, так и отсюда была из рук вон плохая» (стр. 592).

Что касается общей оценки итогов революции 1925—1927 гг., то А. И. Черепанов, как нам представляется, абсолютно прав, оценивая их с точки зрения того, что дала революция Компартии Китая: «Подъем революции дал возможность КПК из немногочисленной организации в несколько сот членов превратиться во влия-

тельную, более или менее массовую по условиям того времени партию, качественно расширить свое влияние в массах» (стр. 567).

А. И. Черепанов приехал в Гуанчжоу (Южный Китай) в составе первой группы советских военных специалистов-добровольцев. В группу кроме него входили Я. Г. Герман, В. Я. Поляк, Н. И. Терешатов. В это же время в Гуанчжоу прибыл в качестве политического советника партии гоминьдан советский коммунист М. М. Бородин.

Основная задача первой группы советских военных советников заключалась в перестройке разношерстных войск южных милитаристов, которые в этот период составляли «союзную армию» Гуанчжоуского правительства Сунь Ят-сена, в создании единой национально-революционной армии, способной дать отпор любой вооруженной агрессии империалистов. Принимая первую группу советских военных советников, Сунь Ят-сен в беседе с ними четко сформулировал цель их работы: «Первая наша задача — сформировать армию по советскому образцу, подготовить плацдарм для похода на Север... Мы надеемся, что вы, накопившие богатый опыт в борьбе против интервенции иностранных империалистов, изгнавшие их из своей страны, передадите этот опыт нашим курсантам — будущим офицерам революционной армии» (стр. 105—106).

В 25 км от Гуанчжоу на острове Вампу была создана центральная военная школа гоминьдана, что явилось первым шагом на пути создания революционных вооруженных сил. Занятия в школе начались 1 мая 1924 г. С первых дней занятий в школе (а затем и в армии) с одобрения и при поддержке Сунь Ят-сена была развернута политическая работа. «В составлении программ, в проведении этой работы, — отмечает А. И. Черепанов, — выдающуюся роль сыграли наши советники и многочисленные еще армейские коммунисты» (стр. 49). «В первые месяцы существования школы Вампу в ней была создана та революционная атмосфера, которая позволила позже превратить ее в значительной степени в кузницу революционных офицерских кадров Китая» (стр. 121).

Помощь Советского Союза не ограничивалась деятельностью советников-добровольцев. Только в 1924 г. Советский Союз предоставил для школы Вампу 100 тыс. гуанчжоуских долл.<sup>1</sup> Курсанты школы были вооружены советским оружием. Советское оружие получили и бойцы первых частей революционной армии, сформированных на базе школы Вампу<sup>2</sup>. Советская помощь была одним из главных факторов, обес-

<sup>1</sup> А. И. Картунова. В. К. Блюхер в Китае. 1924—1927. М., 1970, стр. 50—51.

<sup>2</sup> М. С. Капница. Советско-китайские отношения. М., 1958, стр. 139.

печивших успех работы этой военной школы. Количество выпускников росло от набора к набору (первый набор — 400 человек, второй — 500, третий — 800, четвертый — 2558 человек)<sup>3</sup>. Школа готовила офицеров различных военных специальностей. Уже второй набор был разделен на три факультета: пехотный, артиллерийский и инженерный. В третьем наборе была организована, кроме этого, подготовка интендантов и связистов. Огромное значение имело создание в феврале 1926 г. политического факультета для подготовки армейских политработников. Для учебы на этом факультете было отобрано 500 лучших курсантов школы, в том числе 99 коммунистов<sup>4</sup>. В первом выпуске школы, по свидетельству автора «Записок», было 39 коммунистов (стр. 123).

Весьма важным для будущего китайской революции было решение правительства Сунь Ят-сена подготовить военно-революционные кадры из числа жителей всех провинций Китая. Эта задача успешно решалась школой Вампу. А. И. Черепанов приводит подробные данные о том, сколько выходцев из каждой из 24 провинций Китая (включая Тайвань и Внутреннюю Монголию) обучалось в третьем выпуске школы Вампу. «Кроме того, в этом выпуске было 25 корейцев и 10—15 вьетнамцев, что показывает стремление Сунь Ят-сена, революционного крыла гоминьдана и КПК помочь народам соседних стран в подготовке кадров» (стр. 124).

А. И. Черепанов отмечает, что подготовка офицерских кадров НРА — коммунистов в школе Вампу является одним из важнейших положительных итогов вхождения КПК в единый фронт с гоминьданом Сунь Ят-сена. «В Вампу получили первые представления о современном военном искус-

ве многие будущие выдающиеся воссоздательницы национально-освободительной армии. Вместе с товарищами, учившимися в военных академиях и училищах СССР, они в будущем составили основное звено военных руководителей партизанских районов после поражения революции» (стр. 151).

По просьбе Сунь Ят-сена советские военные советники-добровольцы направлялись не только в школу Вампу, но и в войска южнокитайских милитаристов, поддерживавших правительство в Гуанчжоу. Накануне Северного похода НРА (в апреле 1926 г.) только в Южном Китае работали 58 советников различных специальностей<sup>5</sup>.

Особую роль играли в этот период политический советник Коминтерна при правительстве Сунь Ят-сена, на должности которого бесценно находился в 1924—1927 гг. талантливый организатор, большевик-ленинец Михаил Маркович Бородин, и военный советник Совета Оборон, видный советский военачальник комкор П. А. Павлов, прибывший в Гуанчжоу в мае 1924 г. Быстро разобравшись в сложной обстановке, П. А. Павлов разработал конкретный план укрепления и повышения боеспособности войск «союзной армии» и приступил к активной его реализации. Однако осуществить этот план П. А. Павлов не успел. В июле 1924 г. нелепый случай оборвал его жизнь: Павлов утонул во время инспекционной поездки на фронт. «Глубоко горюю о потере генерала Павлова, который является первой жертвой России ради Китая в его борьбе за свободу, — писал Сунь Ят-сен в телеграмме Советскому правительству. — Этот храбрый, благородный сын нашей соседки — республики недаром отдал свою жизнь. Он этим теснее связал отношения между Россией и Китаем, усиливая еще больше решение гоминьдана достичь победоносного конца в борьбе за национальное самоопределение» (стр. 141).

В октябре 1924 г. на должность главного военного советника прибыл герой гражданской войны В. К. Блюхер, называвшийся в Китае генералом Галиным. А. И. Черепанов в своих записках показывает огромный и сложный труд В. К. Блюхера в Китае и на военных советах, в штабах и на поле боя. Авторитет Василия Константиновича в НРА был настолько высок, что вскоре всех советских военных советников в народе стали называть Галиными. В. К. Блюхер непосредственно руководил в июне 1925 г. операцией по разгрому гуансийских и юньнаньских милитаристов, пытавшихся свергнуть Гуанчжоуское правительство. Велика его роль в подготовке и проведении Северного похода НРА, в создании и укреплении НРА, в руководстве советскими военными совет-

<sup>3</sup> М. Ф. Юрьев. К истории зарождения вооруженных сил китайской революции. — «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 2, стр. 172. В этой статье М. Ф. Юрьев приводит данные военного советника С. Н. Наумова (Калачева). А. П. Черепанов называет более высокие цифры слушателей школы. По его данным, на 1 декабря 1924 г. (второй набор) в Вампу насчитывалось 950 человек переменного состава, то есть курсантов (стр. 122), а количество курсантов третьего выпуска в 1925 г. составляло 2500 человек (стр. 123). Такое значительное расхождение в цифрах объясняется тем, что одновременно с развитием военной школы в Вампу там началось формирование учебных подразделений — двух батальонов, которые вместе с курсантами участвовали во многих боях этого периода, поэтому цифры обучающихся и окончивших школу не всегда совпадали.

<sup>4</sup> С. Н. Наумов. Советские добровольцы в первой гражданской революционной войне в Китае. М., 1961, стр. 131.

<sup>5</sup> Р. А. Мировицкая. Первое десятилетие. — В кн. Ленинская политика СССР в отношении Китая. М., 1968, стр. 30.

никами. «С его уверенной логикой военачальника,— свидетельствует А. И. Черепанов,— не могли не соглашаться даже правые элементы в гоминьдане и эгоистически настроенные генералы «союзных» армий... Под натиском трезвого расчета В. К. Блюхера колеблющимся приходилось отступить и соглашаться с его доводами» (стр. 173).

Последний небольшой раздел книги А. И. Черепанова относится к годам анти-японской войны в Китае, когда Советский Союз вновь протянул руку братской помощи китайскому народу. Советское правительство предоставило Китаю льготные кредиты на 250 млн. долл., героическим трудом тысяч советских дорожников через Синьцзян было проложено шоссе, своего рода «дорога жизни», по которой мощным потоком шла в Китай советская помощь вплоть до 1941 г. (стр. 603). Только за первый период войны Китай получил от СССР 885 самолетов, 940 орудий, 8300 пулеметов и много другой разнообразной техники и снаряжения (стр. 603—604). Эту технику необходимо было осваивать. И в Китай вновь направляются советские военные советники. На должность главного военного советника был направлен и автор «Записок». При его участии разрабатывалась и осуществлялась Уханьская операция.

В опубликованном в то время Обращении китайского правительства к правительству СССР говорилось: «Китайское правительство доводит до сведения Советского правительства, что, после того как оно прислало советников, отмечают большие успехи в деле вооруженного сопротивления Китая агрессии. Причем все советники, приехавшие на помощь, проявляют огромное рвение в своей работе» (стр. 607).

Книга А. И. Черепанова содержит большое количество портретных зарисовок участников описываемых событий: советские добровольцы, китайские коммунисты, деятели правого и левого крыла гоминьдана, милитаристы, рабочие, крестьяне и др.

Большую ценность представляют записки автора о М. М. Бородине, В. К. Блюхере, Сунь Ят-сене, первых руководителях Компартии Китая.

На первый взгляд представляется, что «Записки» А. И. Черепанова перегружены описанием мелких незначительных эпизодов, отдельных местных боев, не вносящих существенных изменений в обстановку. Только внимательно прочитав всю книгу, понимаешь, что без этих «мелочей» автор не смог бы справиться с поставленной им задачей: объективно показать тяжелый труд своих товарищей — военных советников, показать сложную, запутанную конкретную обстановку и условия, в которых развивалась китайская национальная революция 1925—1927 гг.

С другой стороны, даже в небольших боях и сражениях, описываемых в книге, очевиден результат плодотворной деятельности советских военных советников: под-

готовленные и руководимые ими части НРА разбивали и обращали в бегство во много раз превосходившего их по численности противника.

Трудно переоценить подвиг советских добровольцев в Китае в 1925—1927 гг. Кем они были? В своем большинстве — это люди, прошедшие фронты первой мировой и гражданской войны, люди, в течение многих лет терпевшие тяготы и невзгоды подполья, войны, разрухи, голода, годами сочтавшие тяжелый ратный труд с неумной жаждой знаний, с учебной, хронически недодававшие и недосыпавшие, и все они были настоящими коммунистами-ленинцами, коммунистами-интернационалистами. Смысл их жизни заключался в служении революции во имя торжества ленинских идей, во имя светлого будущего всего человечества. И они шли туда, куда посылали их партия, шли добровольно, ибо иначе поступить они не могли.

Институт зарубежных военных советников не был новинкой или исключительным явлением в истории. Он существовал и раньше в различных странах и эпохах. Но нигде и никогда иностранные советники так не понимали свой долг, как его понимали коллеги А. И. Черепанова. Где и когда иностранные советники шли впереди атакующих цепей, своим личным примером поднимали солдат в атаку, в то время как военачальники, при которых они были советниками, в это время отсиживались в укрытиях или еще хуже того — бежали с поля боя? «Мы не думали об опасности,— пишет А. И. Черепанов,— нам было дано серьезнейшее задание, мы понимали его глубокий интернациональный смысл, его революционное содержание и старались выполнить свой долг» (стр. 172).

Пожалуй, лучше всего мысли и стремления советских советников в Китае выразил главный политический советник гоминьдана ветеран ленинской партии Михаил Маркович Бородин в январе 1927 г., выступая на банкете представителей военных организаций и правительства гоминьдана: «Я являюсь советником не какого-либо отдельного генерала, а помощником революционного и угнетенного народа Китая. У меня нет ничего. Если я завтра умру, меня должно будет похоронить национальное правительство на свои средства, но я никогда не пойду против угнетенных. Если я не нравлюсь тому или иному генералу, то я уйду, но я буду помогать угнетенным народам, а не генералам» (стр. 590).

«Бородин,— пишет А. И. Черепанов,— никогда не отрывал себя от китайской революции, ее успехи и неудачи рассматривал как свои собственные, но так думал тогда все» (стр. 592). И не только тогда.

«До самого последнего дня своего пребывания на службе китайской революции наши люди были верны своему интернациональному долгу, преданы великому делу освобождения китайского народа, готовы

жертвовать жизнью во имя революции» (стр. 596). Это не пустые слова. Не раз китайская земля обогрелась кровью советских людей, отдавших свою жизнь за светлое будущее братского китайского народа. Так было и в годы революции 1925—1927 гг., и в годы борьбы с японской интервенцией, и в ходе второй мировой войны.

Автор предисловия справедливо отмечает, что рецензируемая книга — «это дань уважения братскому китайскому народу, вклад в общую историю боевого сотрудничества советского и китайского народов».

*Л. С. Суханов,*  
кандидат исторических наук

\* \* \*

## КНДР строит социализм

Последние три десятилетия составляют наиболее яркие страницы в истории корейского народа. Освобожденная от японского колониального ига Советской Армией Северная Корея вступила на путь социалистического строительства. Корейская Народно-Демократическая Республика, созданная в сентябре 1948 г., в союзе и сотрудничестве с государствами социалистического содружества прошла славный путь глубоких социально-экономических преобразований и превращения из отсталой экономически слабо развитой страны в индустриально развитое социалистическое государство.

Приближающийся 29-летний юбилей Корейской Народно-Демократической Республики встречает значительными достижениями во всех областях социалистического строительства. По уровню промышленного развития КНДР ныне входит в число развитых в промышленном отношении стран Азии, располагая всеми основными отраслями современной индустрии. За годы, прошедшие после провозглашения КНДР, объем ее промышленного производства возрос в 57,5 раза. Прделана большая работа в области ирригации, электрификации, химизации и механизации сельского хозяйства, что позволяет КНДР из года в год увеличивать производство зерна. На основе роста экономики повышается материальное благосостояние трудящихся КНДР. Значительные успехи достигнуты в развитии культуры, науки и народного образования. В соответствии с социальной программой, намеченной Трудовой партией, осуществляются мероприятия по сближению условий жизни и быта сельского и городского населения.

Рассмотрению итогов славного пути, пройденного социалистической Кореей, а также освещению актуальных проблем социалистического строительства, внешней политики КНДР на современном этапе посвящена монография из серии «Экономика и политика зарубежных стран социализма»,

изданная Институтом экономики мировой социалистической системы АН СССР\*.

Несомненным достоинством монографии является предпринятая авторами попытка дать обстоятельный анализ этапов и национальных особенностей строительства социализма в КНДР, социально-экономической политики Трудовой партии Кореи. Процесс перехода КНДР к строительству социализма после освобождения страны и утверждения в Северной Корее народно-демократического строя определялся общими закономерностями, которые присущи развитию всех социалистических стран. Вместе с тем этот процесс происходил в специфических условиях как внешнего, так и внутреннего плана, имел национальные особенности. Как подчеркивается в монографии, развитие КНДР по социалистическому пути является собой, подобно другим странам социализма, пример сочетания общего и национально особенного в практике революционных преобразований общества.

Более отчетливому пониманию условий перехода КНДР на путь строительства социализма помогает данный в монографии краткий обзор ситуации в колониальной Корее накануне ее освобождения, в котором показано, что японские колонизаторы искусственно сдерживали промышленное развитие колонии, используя ее в основном как сырьевой придаток метрополии. Колониальный грабеж, военно-полицейский террор вызвали массовый протест корейского населения, развернувшего под руководством коммунистов освободительную борьбу. «В целом, — отмечается в монографии, — накануне освобождения Кореи от японского господства в стране складывалась революционная ситуация, вызванная обострением внутренних противоречий корейского общества, нарастанием национального и социального кризиса» (стр. 18).

Говоря об исключительно благоприятных условиях корейской революции, созданных освобождением страны Советской Армией, авторы монографии подчеркивают вместе с тем тот исторический факт, что «решение

\* Корейская Народно-Демократическая Республика. Редакционная коллегия: Е. А. Коновалов (ответственный редактор), М. Е. Тригубенко, Я. Б. Шмераль. М., 1975, 156 стр.

задач революционного переустройства общества зависело прежде всего от корейского народа, от того, в какой мере революционные силы сумели правильно использовать эти благоприятные условия» (стр. 20). В этой связи в монографии указывается, что победа социалистического строя в народной Корее была завоевана в результате напряженной борьбы и труда корейского народа, она стала знаменательным итогом огромной организаторской деятельности Трудовой партии Кореи. Под ее руководством в КНДР были осуществлены демократические и социалистические преобразования: земельная реформа, национализация промышленности, кооперирование крестьянских хозяйств и мелкой буржуазии, социалистическая революция в области культуры и т. д.

Преобразование экономики КНДР на социалистической основе к 1958 г. привело к безраздельному утверждению социалистических производственных отношений во всех отраслях народного хозяйства. Особое значение, как вполне аргументированно указывается в монографии, в этом отношении имела победа кооперативного движения на селе, в результате которой были созданы условия для повышения жизненного уровня корейского крестьянства, подъема производительных сил в сельском хозяйстве.

В рецензируемой работе показаны основные этапы экономического развития КНДР, а также рассмотрены важнейшие вопросы, которые решала КНДР в годы выполнения шестилетнего (1971—1976) народнохозяйственного плана.

В первой главе монографии освещаются структурные изменения в экономике КНДР в период выполнения трехлетнего (1954—1956) и пятилетнего (1957—1961) планов. Отмечается при этом, что в ходе выполнения этих планов обеспечивалось преимущественное развитие отраслей тяжелой индустрии при одновременном развитии легкой промышленности и сельского хозяйства. Для всех периодов экономического развития КНДР были характерны исключительно высокие темпы. Например, в восстановительный период (1954—1956) среднегодовой прирост промышленной продукции составил 41,7%, а пятилетний план (1957—1961) развития народного хозяйства был выполнен за четыре года. В это время КНДР приступила к созданию материально-технической базы социализма, были заложены основы индустриализации.

Отдельная глава монографии посвящена анализу особенностей формирования материально-технической базы социализма в КНДР в период 1961—1970 гг. — период выполнения заданий семилетнего плана развития народного хозяйства, утвержденных IV съездом ТПК в сентябре 1961 г. На большом фактическом материале, почерпнутом из национальных источников, дается характеристика экономического развития страны в это десятилетие, определяемое авторами монографии вторым этапом

осуществления индустриализации страны. Несмотря на серьезные трудности в выполнении семилетнего плана, связанные с обострением напряженности на Корейском полуострове и отвлечением значительных средств на укрепление обороноспособности страны, и в 1961—1970 гг. сохранялись довольно высокие темпы экономического развития КНДР. Национальный доход в этот период увеличился в 2,4 раза, среднегодовые темпы его прироста составили 9,1% (стр. 56). В 1970 г. за 12 дней промышленности КНДР выпускала столько продукции, сколько ее было произведено за весь 1944 г. (стр. 60).

В главе третьей монографии исследуются основные актуальные проблемы, которые решались на современном этапе социалистического развития КНДР в ходе выполнения шестилетнего (1971—1976) народнохозяйственного плана. В этот период трудящиеся КНДР прилагали самоотверженные усилия по выполнению задачи, поставленной V съездом Трудовой партии Кореи. — «на основе уже достигнутых в революции и строительстве успехов еще более укрепить и развить социалистический строй и приблизить полную победу социализма». В годы выполнения шестилетнего плана сохранялись устойчиво высокие темпы развития корейской экономики. По официальным данным, промышленное производство за первые четыре года шестилетки росло более высокими темпами, чем предусматривалось планом: прирост составил 86%, среднегодовые темпы роста — 17% (вместо 14%) (стр. 94). Значительно возросли объемы капитального строительства в народном хозяйстве; наряду с этим произведено сокращение расходов на военные нужды: в 1972 г. они составили 17%, в 1973 г. — 15,4, в 1974 г. — 16% общих расходов государственного бюджета по сравнению с 31,1% в 1970 и 1971 гг. (стр. 90).

Подводя итоги выполнения шестилетнего плана развития народного хозяйства (1971—1976), ЦК ТПК определил 1977 год годом урегулирования с тем, чтобы «разрядить напряженность, создавшуюся в отдельных отраслях экономики в ходе выполнения шестилетки, и подготовиться к началу выполнения нового перспективного плана»<sup>1</sup>, поставил задачу подтянуть транспорт, обеспечить опережающее развитие добывающей промышленности по сравнению с обрабатывающей. «Только правильная координация производственных элементов и обеспечение четких связей между различными отраслями народного хозяйства и звеньями производства в соответствии с требованиями экономического закона социализма, — отмечала в связи с этим газета «Нодон синмун», — позволяют добиваться высоких темпов развития социалистической

<sup>1</sup> Новогодняя речь Генерального секретаря ЦК ТПК, президента КНДР Ким Ир Сена. — «Нодон синмун», 1.1.1977.

экономики и форсировать социалистическое строительство»<sup>2</sup>.

С позиций марксизма-ленинизма авторы монографии определяют важнейшие факторы, способствующие успешному социалистическому строительству в КНДР. Эти успехи, подчеркивается в книге, были завоеваны прежде всего в результате напряженной борьбы корейского народа, они стали знаменательным итогом огромной организаторской деятельности Трудовой партии Кореи. Одним из важных факторов, обеспечивавших высокие темпы экономического подъема страны, стало эффективное использование собственных богатых топливно-энергетических и сырьевых ресурсов.

Вместе с тем авторы монографии указывают на огромное значение внешних факторов, благоприятствовавших экономическому и социальному развитию КНДР, среди которых важнейшими явились существование мировой социалистической системы, интернациональная поддержка и помощь, оказанная народной Корее со стороны братских стран социализма. Пример КНДР рассматривается как подтверждение ленинского тезиса о том, что успех победы социалистической революции в экономически слаборазвитой стране зависит не только от собственных усилий ее народа, но и от степени помощи со стороны пролетариата более развитых стран. В связи с этим в работе ярко показана многогранная интернациональная помощь народов социалистических стран братскому корейскому народу, вставшему на путь социалистического строительства. «Каждый раз, когда корейский народ оказывался в трудном положении, — отмечается в монографии, — народы Советского Союза и других стран социалистического лагеря оказывали ему моральную поддержку и бескорыстную экономическую и техническую помощь» (стр. 54).

В рецензируемом исследовании приводятся данные, характеризующие значение помощи СССР и других социалистических стран в годы мира и войны, на различных этапах социалистического строительства, а также рациональное использование этой помощи правительством КНДР, которое направляло безвозмездную помощь главным образом на закупку промышленного оборудования. Построенные и реконструированные с помощью социалистических стран в 1954—1960 гг. около 50 предприятий и объектов составили основу национальной экономики КНДР.

Советский Союз и другие социалистические страны продолжают и сейчас оказывать КНДР помощь и содействие в строительстве материально-технической базы социализма, исходя из принципов пролетарского интернационализма. Нет такой отрасли промышленности КНДР, отмечается в монографии, в развитии которой не участвовала бы та или иная социалистическая страна. Только шестилетним планом разви-

тия народного хозяйства КНДР (1971—1976) предусматривалось участие СССР в строительстве 30 наиболее важных промышленных предприятий и объектов. Важное место в отношениях КНДР с социалистическими странами занимают научно-технический обмен, сотрудничество в подготовке национальных кадров специалистов.

Отмечая замечательные успехи трудящихся КНДР в социалистическом строительстве, авторы монографии подчеркивают то важное обстоятельство, что эти успехи достигнуты в условиях разделения страны и непрекращающихся провокаций со стороны Южной Кореи. В монографии приводятся некоторые данные о положении в Южной Корее в условиях господства антинародного диктаторского режима.

В специальном разделе книги освещаются основные аспекты внешней политики правительства КНДР, выдвинутые им конструктивные предложения о путях решения проблемы мирного воссоединения страны. При этом подчеркивается, что правительство КНДР рассматривает проблему воссоединения Кореи в качестве главной национальной проблемы, которая должна быть решена на мирной демократической основе без вмешательства извне. Стремясь содействовать решению этой проблемы, КНДР добивается смягчения напряженности в отношениях между Севером и Югом, устранения опасности возникновения войны на Корейском полуострове, требует вывезти ядерное оружие и безоговорочно эвакуировать из Южной Кореи американские войска. Вместе с тем она предлагает сократить вооруженные силы Севера и Юга, урезать военные расходы и выделить их на стабилизацию и улучшение жизни населения и т. д.<sup>3</sup>

Ситуация, сложившаяся в настоящее время на Корейском полуострове, убедительно свидетельствует о том, что затянувшееся пребывание иностранных войск в Южной Корее является одним из главных препятствий на пути мирного решения корейской проблемы.

Обещания нового президента Соединенных штатов Дж. Картера относительно вывода американских войск из Южной Кореи, как известно, вызвали тревогу и страх у главарей южнокорейского режима, которые рассматривают эти войска в качестве опоры режима. Пока неизвестно, сбудутся ли обещания Картера относительно вывода войск США из Южной Кореи. Однако очевидно, что призывы нового президента США к соблюдению «правственных принципов» в американской дипломатии никак не вяжутся с поддержкой правительством США прогнившего диктаторского режима в Южной Корее, где столь грубо и бесцеремонно попираются элементарные права человека.

Авторы монографии, раскрывая позицию правительства КНДР по проблеме объединения страны, отмечают, что борьба

<sup>2</sup> См. «Нодон синмун», 16.I.1977.

<sup>3</sup> См. «Нодон синмун», 26.I.1977.

КНДР за вывод иностранных войск из Южной Кореи и мирное объединение страны неотделима от общей борьбы народов за разрядку международной напряженности, за мир и безопасность в Азии и во всем мире.

Большое место в книге занимает обстоятельное освещение советско-корейских отношений. Эта тема пронизывает все ее разделы. И это естественно. Советский Союз стремится укреплять и расширять традиционную дружбу и сотрудничество с народной Кореей. Недавний дружеский визит в Советский Союз члена Политического комитета ЦК ТПК, премьера Административного совета КНДР Пак Сен Чера, его встречи и беседы с советскими руководителями еще раз подтвердили большое значение советско-корейского сотрудничества

для успешного развития экономики обеих стран, строительства социализма и коммунизма, для дальнейшего укрепления позиций социализма на международной арене.

Следует отметить, что не все этапы пути, пройденного народной Кореей после ее освобождения, освещены в монографии равномерно и достаточно полно. Однако в целом книга дает довольно широкое и разностороннее представление о Корейской Народно-Демократической Республике, о достижениях братского корейского народа, о проблемах, которые стоят перед ним в деле социалистического строительства, в его борьбе за восстановление национально-го единства.

Ю. И. Огнев

\* \* \*

## Механизм коррупции: японский журналист о «деле Локхид»

Вся политическая жизнь Японии в 1976 г. прошла под знаком крупнейшего в послевоенной истории страны скандала, связанного с разоблачением коррупции высшего руководства страны, включая ее бывшего премьер-министра. На примере Японии отчетливо прослеживается тот глубочайший идейно-политический кризис современного капитализма, который, как указывал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, «поражает институты власти, буржуазные политические партии, рашатывает элементарные нравственные нормы. Коррупция становится все более явной, даже в высших звеньях государственной машины»<sup>1</sup>.

Насколько далеко зашла коррупция, господствующая среди правящих кругов капиталистического мира, свидетельствует серия скандальных разоблачений в прошлом году подкупов гигантской американской авиастроительной корпорацией «Локхид» политических деятелей и высших государственных служащих в Японии, ФРГ, Голландии, Бельгии, Италии, Турции, Греции, Мексике, Нигерии и других странах с целью заключения выгодных контрактов на продажу своей продукции. Самым крупным — по масштабу, положению вовлеченных в него

лиц и своим последствиям — стало разоблачение деятельности «Локхид» в Японии.

В ходе расследования выяснилось, что в «афере Локхид» замешан целый ряд представителей правящего лагеря страны — влиятельные деятели Либерально-демократической партии (ЛДП) Японии и прежде всего бывший премьер-министр Какуэй Танака, представители монополистического капитала, высокопоставленные государственные чиновники. Было установлено, что в период 1958—1975 гг. они получили от корпорации «Локхид» взятки на общую сумму более 3,7 млрд. иен (12 млн. долл.).

В июле 1976 г. был арестован ряд лиц, причастных к «делу Локхид», среди них бывший премьер Танака, который, однако, вскоре был выпущен на свободу под залог в 200 млн. иен. В конце января 1977 г. в Токио начался «суд века» — процесс по делу о взятках, полученных высшими государственными деятелями и ведущими предпринимателями Японии от корпорации «Локхид». 17 лицам, среди которых К. Танака, его бывший парламентский секретарь Т. Эномото, бывший министр транспорта Т. Хасимото, лидер японских ультраправых, бывший военный преступник класса «А», мультимиллионер Е. Кодама, руководители фирмы Марубэни и авиакомпания Дзэнникку, предъявлены обвинения в даче и получении взяток, лжесвидетельстве, нарушении законов о внешней торговле и о валютных операциях.

Рецензируемая книга<sup>2</sup> — одна из первых крупных публикаций в Японии о «деле Локхид» вышла в Токио в конце

<sup>1</sup> Тикуси Тэцуя. Соридайдзин-но хандзай. Хайкин сэйдзи-но маку ва орита ка (Преступление премьер-министра. Упали покров с коррумпированной политики?). Токио, Саймару сюпанкай, 1976, 247 стр.

<sup>1</sup> Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, стр. 29.

1976 г. Ее автор Тэцую Тикуси, известный японский журналист, заместитель главного редактора популярного общественно-политического еженедельного журнала «Асахи дзянару». Т. Тикуси в 1968—1970 гг. был собственным корреспондентом крупнейшей газеты Японии «Асахи» на острове Окинава, а в 1971—1974 гг. — в Вашингтоне. В США он имел возможность непосредственно наблюдать весь ход так называемого «уотергейтского дела». В связи с этим в книге нередко проводятся параллели между положением в США и Японии, между Р. Никсоном и К. Танака.

Основная часть книги представляет собой подборку статей о «деле Локхид», опубликованных от имени редакции в «Асахи дзянару» в период с 9 марта по 5 октября 1976 г., автором которых был Т. Тикуси. Каждому из пяти разделов книги предшествует «Хроника дела Локхид», которая охватывает период с 4 февраля, когда на открытом заседании подкомиссии по делам многонациональных корпораций сената США выяснилось, что «Локхид» давала взятки в Японии, по 25 сентября 1976 г. После каждого раздела помещены комментарии по «делу Локхид» из «Асахи дзянару». Предисловие, пролог и эпилог написаны специально для публикации статей отдельным изданием.

Т. Тикуси является активным поборником полного расследования «дела Локхид». Он, в частности, решительно не согласен с позицией М. Охира, министра финансов в кабинете Т. Мики, заявившего, что «надо не выяснять, кто прав, кто виноват, а совершить обряд очищения. Все — и боссы, и кабинет министров, и партийное руководство, должны взять на себя ответственность за «локхидовский скандал» и уйти в отставку» (стр. 238). Т. Тикуси расценивает подобную идею «всеобщей ответственности» как фактическое оправдание коррупции в правящем лагере страны и требует выявления всех замешанных в скандале лиц и привлечения их, в первую очередь бывшего премьер-министра Танака, который, как было доказано в ходе следствия, получил от «Локхид» взятку в сумме 500 млн. иен, к строгой ответственности (стр. 238—240). «Разве многое зло в послевоенной истории нашей страны не имеет корней в прошлом? — пишет Т. Тикуси. — Поэтому, если мы позволим высшему должностному лицу государства безнаказанно совершать политические преступления, мы все будем виновны в том, что нашим потомкам достанется самое отвратительное наследие» (стр. 5—6).

«Дело Локхид», считает автор, порождено всем развитием послевоенной Японии, является его символом. Подчеркивая, что его смысл отнюдь нельзя свести лишь к «раскрытию уголовного преступления», Т. Тикуси ставит перед собой задачу исследования именно политических корней «локхидовского скандала» (стр. 5—6).

Значительное место в книге занимает анализ вызванного «делом Локхид» вну-

треннего противоборства в правящей партии. Автор напоминает, что позиция бывшего премьер-министра Мики, провозглашавшего курс на «последовательное расследование дела Локхид», встретила резкое сопротивление внутри Либерально-демократической партии. Сразу же после возникновения «локхидовского скандала» со стороны многих влиятельных деятелей ЛДП на Мики посыпались упреки в том, что его действия ставят под угрозу «единство партии» и т. д. (стр. 27—28). В начале мая 1976 г. заместитель председателя ЛДП Э. Сиина, заручившись поддержкой лидеров крупнейших фракционных группировок — К. Танака, М. Охира и др., развернул открытую кампанию против кабинета Мики. Дело дошло до того, что 24 августа 1976 г. им удалось на собрании депутатов-консерваторов обеих палат парламента, которое, согласно уставу ЛДП, может выполнять функции съезда партии, провести резолюцию, призывающую Т. Мики уйти в отставку (стр. 201—205).

По мнению автора, «кампания за низложение Мики» в конечном счете была направлена на то, чтобы не допустить дальнейшего расследования «дела Локхид». Влиятельные силы в ЛДП, подчеркивает он, опасались, что полное выяснение обстоятельств «локхидовского скандала», являющегося всего лишь «вершиной айсберга коррупции», может повлечь за собой новые разоблачения теневых сторон японской политики, поскольку в ходе расследования выяснилось, что такие видные лидеры ЛДП, как М. Охира, Т. Фукуда, Н. Киси, Я. Накасонэ, и др. имели в прошлом те или иные контакты с Есио Кодама, через руки которого прошла большая часть денег «Локхид» (стр. 28—29).

Вполне обоснованно считая, что уход Т. Мики с поста премьер-министра мог бы застопорить расследование «дела Локхид», автор резко критикует «кампанию за низложение Мики». По его мнению, «последовательное расследование «дела Локхид» стремится сорвать наиболее консервативное крыло ЛДП. По приводимой автором характеристике из газеты «Майнити», эта группировка представляет собой «силы, занимающие крайне негативную позицию в отношении пересмотра антимонопольного закона, силы, пытающиеся помешать разоблачению «политики денег» Танаки, силы, препятствующие расследованию «дела Локхид» (стр. 127).

Подвергает критике автор также и позицию прежнего американского правительства в «деле Локхид». Отказ бывшего президента Д. Форда опубликовать список замешанных в «деле Локхид» японских высокопоставленных государственных служащих до окончания судебного следствия он объясняет стремлением руководства США «отвести удар от проамериканского режима консерваторов». Такая позиция администрации Форда производит, по мнению Т. Ти-

куси, «впечатление о его соучастии в преступлении» (стр. 41).

Какие же причины породили «дело Локхид», в чем его истоки? — вот основной вопрос, который ставит в своей книге японский журналист.

Общим для «уотергейтского дела» в Америке и «дела Локхид» — его «японского отражения», подчеркивает автор, является то, что основную роль в них играют высшие должностные лица государства. Оба этих политических скандала показали, пишет он, что, если на высшем посту оказалась «личность с дурными наклонностями», «почти ничто не сможет ее остановить» (стр. 6.)

Автор тем не менее решительно выступает против попыток объяснить причины преступлений, совершенных Никсоном и Танака, исключительно «их особенностями как личностей». И «уотергейтское дело» и «дело Локхид», подчеркивает Т. Тикуси, не были случайностью, они были вызваны вполне определенными объективными причинами.

Преступление премьер-министра Танака, ставшее символом «дела Локхид» и всей коррумпированной политики правящей консервативной партии, считает автор, является порождением социально-политических условий современной Японии. «Корень зла» по мнению Т. Тикуси, заключается в том, что ЛДП с 1955 г. — уже более 20 лет — бессменно находится у власти. Существующая практика, согласно которой председатель консервативной партии автоматически становится премьер-министром, создает положение, когда «премьер, кабинет министров и вся политическая система служат и призваны служить лишь интересам ЛДП» (стр. 13). «...Государственная система, — продолжает автор, — уже долгое время существует лишь для того, чтобы служить интересам Либерально-демократической партии и тех, кто ее поддерживает, а все разговоры о «благополучии всего народа» призваны лишь закамуфлировать истинное положение вещей» (стр. 14). Все эти обстоятельства привели к возникновению глубокой пропасти между кучкой стоящих у власти консерваторов и широкими массами населения страны.

Наиболее явно антидемократический характер правления ЛДП проявился в ходе «дела Локхид». В то время когда большинство японского народа выступает за полное расследование «локхидовского скандала», с возмущением пишет автор, влиятельные силы в ЛДП начинают плести «тайные заговоры», чтобы помешать этому. При этом, подчеркивает он, «народ-суверен» оказывается в положении «стороннего наблюдателя», который никак не может повлиять на ход событий. Равно невелики его возможности даже и тогда, когда «его приглашают принять участие в игре», то есть во время выборов (стр. 118—119, 201).

Весьма показательна, указывает далее автор, позиция, занятая значительной

частью руководства ЛДП в отношении К. Танака. Попытки использовать положение правящей партии, чтобы помешать привлечению его к ответственности, которые мотивируются тем, что, «когда речь идет о премьер-министре страны, к судебному преследованию его следует подходить как к вопросу политическому» (стр. 13), вступают в вопиющее противоречие с основным принципом демократии, предполагающим равенство всех людей перед законом. В подобных условиях не может быть и речи о провозглашаемой правящей партией «демократической политике», скорее, считает Т. Тикуси, можно говорить о «политике для либерал-демократов» или даже о «диктаторской политике» (стр. 14).

Подчеркивая глубокую закономерность возникновения «дела Локхид» в условиях, существующих в современной Японии, Т. Тикуси в своей книге также анализирует проявившиеся в ходе «локхидовского скандала» особенности структуры и методов деятельности ЛДП.

«Дело Локхид», — пишет автор, — безусловно, раскрыло прошлое консервативной системы и вместе с тем показало, что она представляет собой в настоящее время» (стр. 165). Самое главное заключается в том, что «локхидовский скандал» со всей отчетливостью показал, насколько органически коррупция присуща ЛДП, в первую очередь ею высшему эшелону — парламентским фракциям.

При действующей ныне системе большая часть «политических пожертвований», собираемых ЛДП, поступает непосредственно фракциям, которые обладают финансовой автономией по отношению к центральному партийному руководству. Лидеры фракций выплачивают рядовым членам нечто вроде постоянного «жалованья за лояльность». Без сомнения, и деньги, полученные партийными боссами от корпорации «Локхид», были впоследствии перераспределены ими внутри фракций как «средства для ведения политической деятельности».

Естественно, указывает Т. Тикуси, что, вручая своим «пехотинцам» очередное «жалованье», партийные боссы не говорят им: «Это ваша доля полученной мною взятки». Однако сам тот факт, что источник денежных поступлений очень часто неизвестен и более того — сомнителен, порождает в них атмосферу сообщничества и заставляет рядовых их членов «не говорить лишнего».

Члены фракций следуют за боссами по большей мере из корыстных побуждений, рассчитывая в случае достижения лидером своей фракции поста председателя партии на успешное продвижение по лестнице партийной и государственной иерархии. «Корыстная основа», на которой держится фракционная система, порождает во фракциях беспринципную лояльность по отношению к лидеру. Это, подчеркивает автор, особенно ярко проявилось в случае Танака, на защиту которого горой встали зависимые от него — в первую очередь материально —

депутаты ЛДП (автор приводит на стр. 147—150 подробные данные о «денежной системе» Танака в парламенте). Имн была развернута активнейшая кампания в поддержку бывшего премьера, в ходе которой последнего стали называть «жертвой», «мучеником» и даже сравнивать с Иисусом Христом (стр. 145—146).

Таким образом, делает вывод Т. Тикуси, вполне закономерно говорить о «структурно присущей ЛДП коррупции». Лежащая в ее основе фракционная система, подчеркивает он, одновременно и порождает коррупцию и препятствует ее разоблачению (стр. 88—89).

«Дело Локхид» также ясно показало, продолжает автор, что характерной особенностью политического стиля консервативной партии является принятие решений по важным политическим вопросам не в порядке демократической процедуры, а на основе «сговора» внутри горстки партийных боссов (или, как их называет еще Т. Тикуси, «патриархов»). «Даже если они и были бы мудрецами, возвышающимися над «невежественной толпой», — пишет он, — даже если бы они принимали за закрытыми дверями самые великолепные решения, подобная практика... противоречит основам демократии» (стр. 168).

Сильной стороной книги является аргументированная критика системы правления консерваторов. На конкретном примере — локхидовском скандале, всколыхнувшем общественно-политическую жизнь Японии, Т. Тикуси показывает антидемократический характер политической системы, названной японскому народу правящей партией. Нельзя не отдать должного смелости, профессиональному мастерству и последовательности японского журналиста, в работе которого нашли отражение настроения большинства японского народа, решительно требующего довести до конца расследование «дела Локхид».

Необходимо, однако, указать на ряд недостатков книги. Так, Т. Тикуси исследует деятельность правящей ЛДП вне ее связи с господствующими в стране капиталистическими производственными отношениями. Совершенно справедливо указывая на те черты консервативной системы в Японии, которые способствуют возникновению коррупции, он тем не менее ошибочно усматривает ее корни исключительно в отсутствии в стране «сменяемости режимов» (стр. 19). Автор не смог увидеть, что причины, порождающие коррупцию в буржуазном государстве, лежат в первую очередь не в типе политического устройства, а в самом существе капиталистического общества, превращающего все, в том числе политику и государственную службу, в разновидность бизнеса.

На наш взгляд, недостаточно полна также оценка автором позиции бывшего пре-

мьер-министра Мики в «деле Локхид» с точки зрения борьбы внутри руководства ЛДП. Он упускает из виду то немаловажное обстоятельство, что «локхидовский скандал» был использован Мики, положение которого в правящей партии было крайне неустойчивым, прежде всего для того, чтобы нанести сокрушительный удар по одному из своих соперников — К. Танака, возглавлявшему в 1976 г. крупнейшую фракционную группировку в ЛДП.

Раскрывшись в ходе расследования деятельности за рубежом американской корпорации «Локхид» факты продажности представителей государственного аппарата, парламентских деятелей целого ряда капиталистических стран убедительно показывают, что в стадии империализма коррупция, ломая национальные рамки, широко выходит на международную арену, поражая политические и экономические взаимоотношения между ними. Разоблачения коррупции в межнациональном масштабе часто оказывают заметное воздействие на внутривнутриполитическое положение в странах, вовлеченных в акт коррупции. Это особенно ясно видно на примере Японии, где «локхидовский скандал» явился одной из причин серьезного поражения правящей партии на последних (5 декабря 1976 г.) выборах в нижнюю палату парламента и в немалой степени способствовал падению ее влияния среди избирателей. Это привело к отставке Т. Мики с постов председателя ЛДП и премьер-министра кабинета.

Т. Фукуда, сменивший Т. Мики на высшем партийном и государственном постах, после своего вступления в должность публично заявил о своем стремлении довести до конца расследование «дела Локхид». Однако многие в Японии сомневаются в искренности заявлений нового премьера. При этом указывают, в частности, на то, что в кабинете Фукуда широко представлены силы, стремившиеся сорвать расследование «дела» еще в период пребывания у власти Мики. Японская общественность убеждена, что к «локхидовскому скандалу» причастны не только 17 человек, попавшие на скамью подсудимых, а гораздо более широкие круги правящего лагеря страны. Она требует полного расследования «дела Локхид».

Книга Т. Тикуси, в которой собран и обобщен большой материал по «делу Локхид», приоткрывает завесу над сложным механизмом политической власти в Японии, разоблачает ее пороки, убедительно доказывает, что погрязшая в коррупции Либерально-демократическая партия не имеет морального права на управление страной. Она принесет несомненную пользу всем, кто хочет ближе познакомиться с политической жизнью сегодняшней Японии.

*А. А. Макаров*

# ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

## А. А. Петров

(к 70-летию со дня рождения)

В наше время коренным образом изменилось старое представление о китаеведении как комплексной науке. Специализация и выделение в самостоятельные направления изучения истории, филологии, философии, экономики Китая — одно из важнейших достижений советского китаеведения.

Когда речь заходит о представителях специальной отрасли знания, связанной с изучением истории китайской философии, то для советского периода китаеведения прежде всего называют имя Аполлона Александровича Петрова (1907—1949). Он принадлежит к числу первых советских китаеведов, которые с марксистских позиций подошли к изучению богатейшего наследия общественно-политической и философской мысли Китая. А. А. Петрова всегда отличала глубокая увлеченность своим делом, широта подхода к проблемам исследования, тщательность в отборе материала и кропотливый филологический анализ китайских первоисточников.

Становление А. А. Петрова как всесторонне подготовленного специалиста-китаеведа проходило в годы учебы на восточном факультете Ленинградского университета и в аспирантуре Института Востоковедения Академии Наук СССР. Он был одним из учеников академика В. М. Алексеева, под научным руководством которого определился его интерес к изучению истории китайской философии.

Однако свои первые научные шаги А. А. Петров сделал в области исследования социально-политической истории Китая. Одним из первых в Ленинградском университете он начал специализироваться по средневековой истории и уже в 1931 г. опубликовал статью о классовой природе эпохи монгольской династии Юань в Китае. Эта статья была подготовлена годом раньше, когда широко проводилась дискуссия об «азнатском способе производства». А. А. Петров включился в научный спор на основе привлечения конкретного исторического материала.

С конца 1932 г. определяется новое направление его научной деятельности. Отныне и до конца своей недолгой жизни А. А. Петров неуклонно занимался различными аспектами истории китайской философии.

В 1935 г. он защитил диссертационную работу на тему «Ван Би и основные проблемы его философского мировоззрения», которая в следующем году была опубликована как монография. Научная ценность первой книги А. А. Петрова не только в том, что он познакомил нас с учением малоизвестного ки-

тайского мыслителя. Важнее другое — Ван Би принадлежит оригинальная и глубокая система объяснений построений «Книги перемен» — фундаментального первоисточника всей классической китайской философии. Таким образом, А. А. Петров затронул основу основ взглядов многих китайских мыслителей.

Другое не менее важное достоинство исследования А. А. Петрова о Ван Би проявляется в переводе очень трудного для понимания текста первоисточника. Точность тщательно выполненного перевода в данном случае требовала и точной передачи глубокого философского содержания памятника. С этой задачей А. А. Петров блестяще справился. Он сопроводил свое исследование двумя переводами — обычным и интерпретирующим. Метод такого перевода памятников китайской философии весьма перспективен и интересен.

Следует отметить, что в своих научных исследованиях А. А. Петров постоянно уделял самое пристальное внимание работам своих предшественников, и прежде всего русских китаеведов. В опубликованном в 1935 г. обстоятельном критико-библиографическом очерке «Философия Китая в русском буржуазном китаеведении» А. А. Петров показал основные направления изучения китайской философии в работах В. П. Васильева, С. М. Георгиевского, П. Короставца, Н. И. Зоммера и др., дал оценку их философских работ. Например, он резко критически характеризовал работу В. П. Васильева «Религии Востока», особенно тех ее частей, которые посвящены анализу представлений конфуцианства и даосизма. Одновременно А. А. Петров положительно отозвался об исследованиях Н. И. Зоммера по истории китайской философии периода Сун, выделил значение книги С. М. Георгиевского «Принципы жизни Китая». А. А. Петров проявлял глубокий интерес к изучению и огромного рукописного наследия русских китаеведов, включая и материалы по истории китайской философии. В этом плане заслуживает быть отмеченной опубликованная в 1937 г. его работа «Рукописи по китаеведению и монголоведению, хранящиеся в Центральном архиве АТССР и в библиотеке Казанского университета». Особое внимание А. А. Петров уделил анализу рукописей И. Бичурина, В. В. Горского и других.

Важным этапом в научной деятельности А. А. Петрова явилась работа над сборником «Китай. История, экономика, культура, ге-

ронческая борьба за национальную независимость» (1940), подготовленным под редакцией академика В. М. Алексеева, Л. И. Думана, А. А. Петрова. Помимо редактирования, А. А. Петров проделал значительную организационную работу над сборником, который на долгие годы стал ценным справочным пособием как для специалистов, так и для широкого круга читателей. А. А. Петров опубликовал в сборнике очерк по философии Китая. Это было первое в советском китаеведении последовательное, хотя и краткое, изложение истории развития философской мысли в Китае с древности до нового времени.

Напряженно и творчески работал А. А. Петров над изучением материалистических представлений в истории китайской философии. Исследованиями по данной проблематике А. А. Петров внес особенно заметный вклад в науку. Достаточно назвать его публикации, посвященные анализу учений философов-материалистов Ван Чуна, Ян Чжу, Фань Чжэня. Особенно много и плодотворно работал А. А. Петров, изучая мировоззрение крупного и оригинального мыслителя древности — Ван Чуна. Первую статью о нем А. А. Петров опубликовал в 1939 г., а в 1941 г. завершил монографическое исследование о Ван Чуне и подготовил книгу к печати. Однако война помешала ее изданию. После окончания войны А. А. Петров продолжал работу над рукописью, но безвременная смерть остановила доработку книги. Подготовку рукописи к печати завершил

Ян Хин-шун, и книга А. А. Петрова о древнекитайском материалисте и просветителе Ван Чуне была опубликована в 1954 г. Она сразу получила широкое признание научной общественности. Книга А. А. Петрова о Ван Чуне была переведена на китайский язык, и китайские ученые дали высокую оценку исследованию.

Из рукописного наследия А. А. Петрова уже после его смерти был подготовлен и опубликован в 1955 г. перевод трактата Фань Чжэня «О смертности духа». Сам выбор источника свидетельствует, что А. А. Петров до последних дней продолжал заниматься изучением материалистических традиций в истории китайской философии.

Научная деятельность лишь одна сторона многогранного образа А. А. Петрова, семидесятилетие которого отмечают советские китаеведы в этом году. В своих книгах и статьях он знакомил советского читателя с культурой и богатым философским наследием китайского народа. А в своей практической деятельности А. А. Петров прилагал много сил и энергии в благородном деле достижения плодотворного взаимопонимания между советским и китайским народами. Последние годы своей недолгой жизни А. А. Петров служил в МИД, а в 1945—1947 гг. был послом Советского Союза в Китае. Всей своей деятельностью, научной и практической, А. А. Петров по мере своих сил стремился и содействовал развитию и укреплению дружбы народов двух стран — Советского Союза и Китая.